

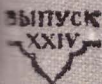
СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫПУСК
XXIV

ВЫПУСК
XXIV

1581—1981
400-летию вхождения Сибири
в состав государства Российского
посвящается

Российское могущество прирастать будет
Сибирью и Северным океаном.

М. В. Ломоносов

USSR AKADEMY OF SCIENCES
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE USSR
ORIENTAL COMMISSION

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

General editor
D. A. OLDEROGGE

Corresponding Member
of the Academy of Sciences of the USSR

VOL. XXIV

COUNTRIES AND PEOPLES
OF THE PACIFIC BASIN

Book 5

Compiled by Y. V. Maretin
Edited by Y. V. *Maretin* and B. A. *Valskaya*

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1982

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XXIV

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

Составитель Ю. В. МАРЕТИН

Ответственные редакторы

Б. А. ВАЛЬСКАЯ и Ю. В. МАРЕТИН

Сборник посвящен 400-летию вхождения Сибири в состав Российского государства. В первом разделе впервые публикуются новые архивные материалы о вкладе путешественников и ученых России в освоение и изучение восточных окраин Сибири и стран Тихоокеанского бассейна: о первых русских на Камчатке; о путешествиях и открытиях О. Е. Коцебу, Ф. П. Литке и Г. И. Невельского; о пребывании российского офицера П. И. Ибиса на Тайване; о борьбе Н. Н. Миклухо-Маклая за создание вольной русской колонии на островах Тихого океана; о строителе порта в Сурабае И. Т. Благове.

Впервые опубликованы материалы Г. В. Стеллера о сибирской народной медицине, исследование о культе медведя у нивхов, а также статьи по этнографии и демографии Индонезии (в том числе об этнологических исследованиях русского марксиста Н. И. Зибера), Филиппин, Малайи.

С 1905010000-169
013(02)-82 138-82.

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

І. ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Н. Н. Степанов

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ НА КАМЧАТКЕ

(Исторические предания в труде С. П. Крашенинникова
«Описание земли Камчатки»)

«Описание земли Камчатки» — классический труд русской науки XVIII в., образец комплексного страноведческого исследования, включающего в себя изучение географических условий, растительного и животного мира, а также населения, его быта, культуры и истории. В нем использованы самые разнородные источники, включая фольклорные, и в их числе исторические предания, бытовые рассказы и «слухи». Советский исследователь Г. Бомштейн свою статью «Фольклорные материалы в работе С. П. Крашенинникова „Описание земли Камчатки“» посвящает рассмотрению в этом труде фольклорных данных, полученных у коренных народностей Камчатки (итильменов и коряков) [15].

Однако русские фольклорные материалы, бывшие предметом не меньшего внимания Крашенинникова, нежели туземные, не были исследованы Бомштейном. В данной статье автор и ставит своей задачей раскрыть эту тему, представляющую значительный интерес для изучения истории русского населения на Камчатке. В частности, автор анализирует исторические предания, записанные Крашенинниковым, о первом русском человеке на Камчатке — Федоте Алексееве. Эти предания вызывают в советской науке самые различные толкования.

Уезжая из Якутска на Камчатку 5 июля 1737 г., Крашенинников получил от своих руководителей, академиков И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера, подробную инструкцию (из 89 параграфов) [4а, разр. 1, оп. 13, № 11, л. 57—93 об.]. Кроме того, Крашенинникову была вручена небольшая рукописная (на немецком языке) работа Миллера «География и нынешнее состояние

земли Камчатки», имевшая подзаголовок «Собрание из разных письменных и словесных известий в Якуцке в 1737 году», которая должна была познакомить его с тем, что было известно в то время о Камчатке [4а, разр. 1, оп. 13, № 17, л. 94—133]¹. Согласно параграфу 48, Крашенинников должен был узнать, «какой есть слух о Федотове сыне, которой за много лет до Володимера Атласова на Камчатке жил». Миллер же в своей записке сообщал сведения, циркулировавшие в Якутске о первых русских людях на Камчатке: «...впала... в Камчатку речка Никул, она же и Федотиха. Сия речка знатна есть по первым русским жителям сей земли, которые как в истории объявится из устья Лены реки на море вышли, и погодою занесенные за много лет до российского овладения сей земли на Камчатку пришли, и на устье помянутой речки, которая от главнейшего из них и русское звание получила, поселились» [4а, разр. 1, оп. 13, № 11, л. 96].

Как же протекала работа по выяснению «слухов» о первых русских людях на Камчатке?

17 ноября 1737 г. Крашенинников потребовал от Большерецкой приказной избы присылки к нему старожилов, «как из русских, так и из иноземцев». Сведения, которые он получил от служилого Михаила Кобычева и от «других старожилов» и «иноземцев», были положены в основу первого исторического очерка о Камчатке, доведенного до 1724 г. включительно и названного им «О завоевании Камчатской землицы, о бывших в разные времена от иноземцев изменах и о бунтах служивых людей» [4а, ф. 21, оп. 5, № 60, л. 32об.—40]².

Зимой 1737/38 г. Крашенинников помимо расспросов служилых людей и «иноземцев» «упражнялся» и в «пересматривании старинных дел» Большерецкого острога. Однако «пересматривание старинных дел» мало что дало Крашениникову, и, покидая Большерецкий острог и направляясь в Верхнекамчатский, он ехал с надеждой использовать архив острога, так как «там острог негромленной, и архива может быть от начала онго имеется» [4а, ф. 21, оп. 5, № 34, л. 75; см. также 46, с. 88—89]. Из этого можно заключить, что архив Большерецкой приказной избы не имел дел по ранней истории острога и края и содержал только более поздние документы, в которых не могло быть сведений о первых русских поселенцах на Камчатке.

Таким образом, сообщение о первом русском человеке на Камчатке, Федоте, в первом историческом очерке Крашениникова целиком было основано на «словесных известиях». «Прежде завоевания Камчатской землицы,— пишет Крашенинников,— сперва бывал в оной землецы промышленной человек Федот кочевщик в 17 человеках, которой из устья ленского пошел с

¹ Для С. П. Крашениникова ее перевел переводчик Академии наук И. Яхонтов.

² Опубликовано в [24].

промышленным же Фомою называемом в 7 кочах; из оных кочей два пришли в устье Анадыря реки, под командою Фомы промышленного, и поселились в Анадырском остроге, которой в то время еще вновь заводился, а третьей коч, на котором Федот был, обошед Чюкоцкой нос, пришел в устье Камчатки реки и на оной реке вверх дошел до впадающей в нее по течению с правой стороны Иколки речки, которая имеется верстах в 50 ниже Верхнего острога, а остальные 4 коча без вести пропали. На устье помянутой Иколки Федот с товарищи, поставя зимовье, зимовал, а весною на том же коче из устья Камчатки реки в море вышел и, обошед Курильскую лопатку, шел по Пенжинскому морю до Пареня, где он с товарищи зазимовал, и той зимы от брата своего за ясырку зарезан, а потом и все от коряк побиты» [24, с. 740].

В Верхнекамчатском остроге Крашенинников в декабре 1738 и январе 1739 г. «пересматривал старинные дела», а также «выспрашивал у старожилов Ивана Лосева с товарищи о завоевании Камчатки, о построении острогов и о бытности прикащиков» [24, с. 58]. Сведения, полученные им из этих источников, были положены в основу второй редакции его исторического очерка, сохранившего прежнее название [24, с. 749—767]. Вторая редакция значительно полнее первой и доведена до 1731 г. Однако текст о Федоте кочевщике остался почти без изменений. Речка Иколка называется в верхнекамской редакции речкой Никул, и помещается она не «верстах в 50 ниже Верхнего острога», а «верстах в 100 ниже Верхнего острогу». Безусловно, речь идет об одной и той же речке. В верхнекамчатской редакции снят текст «обошед Чюкоцкой нос». О речке Никул добавлено существенное указание: «и ныне Федотовщиною называется». Вместо «поставя зимовье, зимовал» большеерцкой редакции в верхнекамчатской редакции кратко указано: «зимовал»³.

Дальнейшая работа Крашенинникова над историей Камчатки протекала уже в Петербурге, во время создания его капитального труда «Описание земли Камчатки». В рапорте в канцелярию Академии наук в сентябре 1752 г. Крашенинников запрашивает «документы из Якутской архивы», т. е. якутские копиянные книги Миллера, необходимые ему для окончания четвертой части «Описания земли Камчатки», озаглавленной «О покорении Камчатки, о бывших в разные времена бунтах и изменах и о нынешнем состоянии российских острогов». Крашенинников писал при этом, что «ежели без потребных доказательств отдать печатать четвертую часть так, как она сочинена по словесным известиям, то в годах будут великие ошибки, а в важных и достойных памяти обстоятельствах крайний недо-

---

³ Подробнее о большеерцкой и верхнекамчатской редакциях исторического очерка С. П. Крашенинникова см. [46, с. 87—102].

статок, а следовательно, вся книга в исправности сама с собою не согласны» [4а, ф. 3, оп. 1, № 151, л. 38, 38об.; см. также 1, с. 49; 46, с. 101—102].

В копиях книг Миллера Крашенинников ознакомился с документами о плавании Дежнева, в которых он обнаружил и упоминание участника его похода — Федота Алексеева, о чем сохранились не изданные еще черновые записки Крашенинникова⁴. Он и отождествил его с «Федотом кочевщиком» из преданий, распространенных на Камчатке. Документы якутских книг не содержали, однако, данных о плавании Федота Алексеева на Камчатку, и осторожный в выводах Крашенинников писал в «Описании земли Камчатки»: «Но кто первой из российских людей был на Камчатке, о том не имею достоверного свидетельства; а по словесным известиям приписывается сие некакому торговому человеку Федоту Алексею, по которого имени впадающая в Камчатку Никул речка Федотовщиною называется» [24, с. 473].

Далее он излагает сведения «словесных известий» исторических очерков, написанных на Камчатке. Есть и расхождения, довольно существенные. Если в камчатских очерках Федот Алексеев «обошел Курильскую лопатку, шел по Пенжинскому морю до реки Парень», т. е. доплыл до п-ова Тайгонос, где протекала эта река, и таким образом обогнул все западное побережье Камчатки, то в «Описании земли Камчатки» он «дошел Пенжинским морем до реки Тигиля», т. е. не покидал Камчатки.

Иначе рассказываются и обстоятельства смерти Федота Алексеева. Если в камчатских работах он «от брата своего за ясырку зарезан», то в «Описании земли Камчатки» он на р. Тигиле «от тамошних коряк убит зимою со всеми товарищи, к которому убийству аки бы они причину сами подали, когда один из них другого зарезал; ибо коряки, которые по огненному их оружию выше смертных почитали, видя, что и они умирать могут, не пожелали иметь у себя гостей толь страшных» [24, с. 474, 749].

Откуда взяты Крашенинниковым эти новые данные? В якутских копиях книг Миллера их нет. Остается предположить, что Крашенинников или вывез с Камчатки какие-то заметки, не дошедшие до нас, из которых позднее почерпнул некоторые сведения, или же держал в памяти ряд данных, получив их, возможно, от камчатских старожиллов позднее — уже после составления обеих редакций исторического очерка. Первое маловероятно, так как по рапортам и письмам Крашенинникова

---

⁴ И. И. Огрызко писал: «До сих пор не удалось окончательно выяснить: знал Крашенинников в момент написания этих строк (исторических очерков, написанных им на Камчатке. — Н. С.) о существовании челобитных Дежнева или нет» [32, с. 40]. Между тем еще в 1939 г. А. И. Андреевым и Н. Н. Степановым было установлено, что с отписками Дежнева Крашенинников познакомился только в 1752 г. [1; 46].

Гмелину и Миллеру нам известны все камчатские труды ученого, и они все сохранились (см. [2]).

Остается второе предположение. Из копийных книг Миллера, содержавших отписку Семена Дежнева 1655 г., Крашенинников почерпнул сведения о том, что «морское их (Семена Дежнева и Федота Алексеева.— Н. С.) путешествие было неблагополучно», «торгового человека Федота Алексеева разнесло» с Семеном Дежневым «погодой без вести». Значительно позже, в 1762 г. (1653—1654 гг.), Дежнев узнал в районе Анадыря у «якуцкой бабы» Федота Алексеева, что «Федот и служилой человек Герасим померли цынгою»⁵.

Сопоставляя «словесные известия» и документальные данные, Крашенинников вынужден был признать несоответствие между ними и тот факт, что известие «в рассуждении бытности его (Федота Алексеева.— Н. С.) на Камчатке и что Никул речка Федотовщиною по имени его называется, несколько сумнительно» [24, с. 474]. Выход из противоречий между преданиями и документами Крашенинников видел в гипотезе о плавании Ф. Алексева с Камчатки на Анадырь. «Но сия разность в известиях, кажется, отвращена быть может, ежели положить, что Федот с товарищи не на Тигиле погиб, но между Анадырем и Олюторским; ибо таким образом не противно будет известиям, когда представим себе, что он и на Камчатке зимовал с кочем своим, и вокруг Лопатки доходил до реки Тигиля, что оттуда обратно следовал к Анадырску или морем, или сухим путем по Олюторскому берегу и на пути умер, а прочие его товарищи или побиты, или безвестно пропали, хотя от убийства избавиться» [24, с. 474].

В своем труде Крашенинников использует и топонимические данные, записанные им еще во время пребывания на Камчатке. Особенно важными представляются данные о р. Камчатке и ее притоке Никул. Они укрепляют его представления о пребывании на полуострове Федота Алексева. «Одна Камчатка река судовою почесться может: ибо она от устья в верх на двести верст или более столь глубока, что морское судно, называемое *кочь*, на котором по объявлению тамошних жителей занесены были в те места погодю российские люди еще прежде камчатского покорения, проведено было для зимованья до устья реки Никула, которая ныне по имени бывшего на объявленном коче начальника Федота, Федотовщиною называется» [24, с. 100—101].

Свидетельствует о пребывании русских на Камчатке и название речки Русаковка, о которой Крашенинников записал предание: «Чанук-кыг, которая вершинами сошлась с Палланом

---

⁵ Отписка С. Дежнева неоднократно публиковалась. Первая ее публикация по копии была в «Дополнениях к Актам историческим» [19]. Публикации в наше время см. [41; 42]. Публикация по подлиннику была дана в [36].

рекою... почитается в числе знатнейших рек, как по своей величине... так особливо, что тойоны, которые владеют тамошним острожком, происходят от российского поколения, чего ради и река по ним называется Русаковкою; а кто таков был, от кого род сей имеет начало, про то заподлинно неизвестно, токмо скажут, что россиане, которые в тех местах жили, спустя несколько лет после Федота кочевщика туда прибыли» [24, с. 131—132].

Как оценивается в современной науке мнение Крашенинникова о тождестве Федота-кочевщика и Федота Алексеева и его гипотеза о плавании Федота Алексеева вокруг Камчатки? Однозначной оценки нет. Есть исследователи, которые безоговорочно принимают построение Крашенинникова. Так, И. И. Огрызко в статье «Экспедиция Семена Дежнева и открытие Камчатки» пишет: «Честь открытия Камчатки принадлежит не Владимиру Атласову, а Федоту Алексееву, вступившему на камчатскую землю за 49 лет до Атласова... осенью 1648 г.» [32, с. 47]. Дополнительно к материалам Крашенинникова И. И. Огрызко привлекает новый источник — чертеж п-ова Камчатка, составленный участником экспедиции В. Атласова И. П. Козыревским и представленный им в 1726 г. В. Берингу. На чертеже обозначена речка Федотовщина и дан текст: «Зимовья два были. В прошлых годах из Якуцка города морем на кочах были на Камчатке люди, а которые у них в аманатах сидели, те камчадалы и сказывали. А в наши годы с оных стариков ясак брали. Два коча сказывали. И зимовья знать и поныне». Данному тексту И. И. Огрызко придает решающее значение, он «помогает разрешить загадку о Федоте Алексееве» [32, с. 43]⁶. Между тем этот текст не дает ничего принципиально нового по сравнению с материалами Крашенинникова, который также писал о ранних русских зимовьях на Камчатке, на р. Федотовщине.

Интересна позиция акад. Л. С. Берга. В своем капитальном труде «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», приводя текст Крашенинникова о плавании Ф. Алексеева вокруг Курильской лопатки, он пишет: «Доходили ли на самом деле спутники Алексеева до реки Камчатки или нет, трудно сказать, но характерно, что на Камчатке сохранилось предание о походе Дежнева» [12, с. 47]. В нем же он подчеркивал, что «известие о плавании Алексеева вокруг Камчатки вплоть до р. Тигиля (на западном берегу) неправдоподобно» [12, с. 47]. Сведения об открытии Камчатки Ф. Алексеевым — «темные слухи» [12, с. 59]. Позже Л. С. Берг в статье о Дежневе согласился с И. И. Огрызко в том, что в тексте к чертежу

---

⁶ Чертеж опубликован им в статье «Открытие Курильских островов». Текст здесь читается несколько иначе: «И зимовье знать и доныне» [33, с. 202].

И. П. Козыревского, «очевидно, речь идет о Федоте Алексееве и его спутниках»⁷.

Параллельно с концепцией Крашенинникова истории плавания Федота Алексеева на Камчатку складывалась концепция Г. Ф. Миллера о плаваниях русских людей на ту же Камчатку, в существенных чертах отличная от первой. Вначале она была в его работе «Известия о северном морском ходе из устья Лены реки ради обретения Восточных стран» [30, с. 102]. Как установил А. И. Андреев, работа была написана в Якутске в 1736—1737 гг., источниками работы явились дела Якутского архива и «словесные сказки якутских обывателей» [4, с. 86—87].

В начале работы Миллер сообщает по документальным данным о плавании Дежнева и Алексеева. Сведения те же, что и у Крашенинникова в «Описании земли Камчатки». И это понятно: источник у обоих один и тот же — документы Якутской приказной избы. Но, переходя к сообщению «якутской бабы», которую Дежнев встретил в 1654 г. «около устья Анадыря», о судьбе Федота Алексеева, Миллер дает иную интерпретацию ее сообщения, нежели Крашенинников: «...и та баба сказала, что Федотово судно разбило близь того места, а сам он Федот, поживши там несколько времени, цынгою умер (курсив мой.— Н. С.), а таварыщи ево иные от коряков убиты, а иные в лодках неведомо куды убежали» (цит. по [20, с. 222]).

Итак, по Миллеру, Федот Алексеев не был на Камчатке, судно его выбросило близ устья Анадыря, здесь он и умер. На Камчатке же был не Федот Алексеев, а его сын. Миллер сообщает: «Сюды приличествует носящейся между жителями на Камчатке слух, которой от всякого, кто там бывал, подтверждается, а именно сказывают, что за много де лет до приезде Володимера Отласова на Камчатку жил там некто Федотов сын на реке Камчатке, на устье речки, которая и ныне по нем Федотовкою называется, и прижил де с камчадалкою детей, которые де потом у Пенжинской губы, куды они с Камчатки реки перешли, от коряков побиты. Оной Федотов сын по всему виду был сын вышепомянутого Федота Алексеева, которой по смерти отца своего, как товарищи его от коряков побиты, убежал в лодке подле берегу и поселился на реке Камчатке; и еще в 1728 году в бытность господина капитана камандора Беринга на Камчатке видны были признаки двух зимовей, в которых оной Федотов сын с своими товарищами жил» (цит. по [20, с. 222]).

Версию о Федотове сыне следует назвать якутским вариантом исторического предания о первых русских людях на Кам-

---

⁷ Эта работа Миллера впервые напечатана в приложениях к книге А. В. Ефимова [20, с. 219—228].

чатке. Отметим ее уязвимое звено. Откуда появился «Федотов сын», если Федот Алексеев отправился в плавание в 1648 г., а в 1653 г. его уже не было в живых. Остается предположить, что еще в 1648 г. в плавание вместе с Федотом Алексеевым отправился и его сын. В «списке предполагаемых участников морского похода С. И. Дежнева летом 1648 г.», составленном М. И. Беловым, в «группе Федота Алексеева» есть «Василий Федотов» [10, с. 327]. Не сын ли это Федота Алексеева?

Дальнейшую разработку якутская версия плавания Федотова сына получила в труде Миллера «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных», опубликованном в 1758 г. В начале рассказа об экспедиции Дежнева говорится об организации экспедиции летом 1648 г., «начальниками были у Казаков Семен Дежнев да Герасим Анкудинов, а у промышленных Федот Алексеев» [29, с. 10]. Они «сентября 20 дня на берегу дали с Чукчами бой, на коем Федот Алексеев поранен. После сего разнесло их кочи без вести» [29, с. 12]. Позже, в 1654 г., «нашел Дежнев, проводывая морские берега, на коряцкие жилища, где увидел Якутскую бабу, которая прежде жила у Федота Алексеева. Сия баба ему сказала, что Федот Алексеев и Герасим Анкудинов померли цынгою, а другие товарищи их побиты, достальные же в малом числе убежали, неведомо куда, в лодках. Сие изыясняется найденными в последующие времена на Камчатке известиями. Ибо достальные от Федота Алексеева люди, следуя при благополучной погоде подле морских берегов к Югу, пришли наконец к реке Камчатке, на коей учредили свое жительство, и, следовательно, за первых из Русских почтены быть имеют, которые в тамошних местах поселились.

Доказательством сему то, что когда пятидесятник Володимер Атласов в 1697 году положил начало к завоеванию земли Камчатки; то Русские были уже Камчадалам известны. Причина сего знакомства объявляется Камчадалами, как следует: „Назад тому много лет жил у них некто Федотов (может быть, что сын Федота Алексеева) с товарищи при устье речки Никулы, которую потому Русские прозвали Федотовкою. Камчадалы почитали их как бы богов и не думали, чтоб человеческая рука им вредить могла. Но случилось Русским между собою поссориться, так что друг друга ранили, тогда Камчадалы, увидев кровь, из ран их текущую, догадались, что они смертные. Потом как Русские между собою разлучились и некоторые пошли на Пенжинское море, то с одной стороны Камчадалы, с другой Коряки, нападав на них, всех побили“. Речка Федотовка впадала в Камчатку реку с полуденной стороны в 180 верстах ниже Верхнего Камчатского острога. При оном видны были еще во время первой Камчатской экспедиции остатки двух зимовий, в коих русские имели жительство. Токмо

никто не мог сказать, которую дорогою те первые Русские люди на Камчатку пришли. Сие вышепоказанным образом известно учинилось не прежде, как в 1736 году, по делам Якутской архивы» [29, с. 19—21].

Этот раздел в работе Миллера не вполне ясен и дал повод к разным толкованиям. Прежде всего некоторые исследователи буквально — и тем самым неправильно — интерпретировали то место текста, где говорится о Владимире Атласове. Так, Л. С. Берг писал: «Во время похода Атласова 1697—1699 годов камчадалы *передавали ему* (курсив мой.— Н. С.), что много лет тому назад при впадении реки Никулы или Федотовки в Камчатку жил некто Федотов (может быть, сын Федота Алексеева.— Н. С.) с товарищами» [12, с. 59]. Но в «сказках» Атласова ничего этого нет [31; 23]. Приведенный отрывок, несомненно, следует понимать в том смысле, что ко *времени* похода В. Атласова «русские были уже камчадалам известны». Этот текст Миллера, как и текст его первой работы, «География и нынешнее состояние земли Камчатки», является комбинацией материалов якутского архива и «словесных известий», собранных еще в Якутии. В обоих случаях, как и в работе «Известия о северном морском ходе из устья Лены реки ради обретения Восточных стран» [30], Миллер разрабатывает версию о Федотове сыне как первом русском человеке на Камчатке: он сообщает, что Федот Алексеев умирает в районе Анадыря (по смыслу текста, подтвержденному другими сообщениями [41, с. 132].— *Фед.*), а «доставшие от Федота Алексеева люди» во главе с его сыном, «следуя при благополучной погоде подле морских берегов к югу», достигают Камчатки, где они позже погибают [29, с. 19].

Современник Крашенинникова и Миллера — Стеллер в труде «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka» тоже коснулся вопроса о первых русских людях на Камчатке. Он не описывает плавание Федота Алексеева и его сына и не разделяет, таким образом, ни одну из версий, но делает несколько принципиальных замечаний о жизни первых русских поселенцев на Камчатке. «Достойно сожаления,— писал он,— что в архивах Камчатского приказа не найти ни малейших указаний на все то, что касается занятия страны... Поэтому в нашем распоряжении есть только то, что удалось собрать на основании сообщений старых, заслуживающих доверия людей... Достоверно известно только то, что Камчатка была открыта прибывшими с материка якутскими и анадырскими казаками... При занятии страны, однако, узнали от камчадалов, что и раньше у них были люди, явившиеся на судне из-за моря, прочно у них поселившиеся, вступившие с ними в браки и весьма мирно с ними уживавшиеся. Был туземцам знаком некий Теодорус (Teodorus), которого они называли Федькой. И до сей поры имя его сохранилось за небольшой речкой, впадающей в р. Камчатку. Остается вопрос:

откуда явился этот Федька. Не проехал ли он на каком-либо коче из Колымы мимо Чукотского мыса и не прибыл ли он сюда» [48, с. 222]. В этом сообщении Стеллера заслуживает внимания его мысль о том, что и «раньше», до «занятия» Камчатки, т. е., очевидно, до похода Атласова, были на Камчатке русские люди, «прочно поселившиеся», вступавшие в брак с местными женщинами. Текст Стеллера полностью соответствует тексту Крашенинникова о происхождении ительменских тоюнов с р. Русаковки «от русского поколения».

Скудость документальных источников о Федоте Алексееве, их противоречия с фольклорными «словесными известиями» и «слухами» явились источником не всегда точной их передачи и интерпретации. Так, М. И. Белов утверждает, что на Камчатке вместе с Федотом Алексеевым был и Герасим Анкудинов (см. [41, с. 64]), здесь, на Камчатке, они и «погибли» (см. [41, с. 94]). Между тем, по документальным данным, «Герасимо Анкудинов на Анадыре умер» [41, с. 64]. Об этом же сообщала и «якутская баба» Семену Дежневу в 1654 г. [41, с. 132]. Ряд не подтвержденных фактами утверждений допускает И. И. Огрызко в указанной выше статье. Так, он пишет: «Из всей группы Алексеева с Камчатки вернулся только один человек. Это была жена Федота Алексеева — та самая „якутская баба“, о которой говорит Дежнев» [33, с. 44, 45]. Но, во-первых, нам совершенно неизвестно, что «якутская баба» была на Камчатке; она единственный раз упоминается в донесении С. Дежнева из района Анадыря, в котором он и сообщает о смерти Ф. Алексеева. Во-вторых, в полном противоречии с утверждением, что с Камчатки «из всей группы Алексеева вернулся только один человек» — «якутская баба», И. И. Огрызко на следующей странице указывает, что «уцелевшая часть отряда бежала с Камчатки на лодках» [32, с. 45]. Столь же неосновательно заявление И. И. Огрызко, что в своем плавании вокруг Камчатки Ф. Алексеев и его люди наблюдали Курильские острова и «даже высаживались на один из них». Никаких данных об этом нет. Аргументация у И. И. Огрызко сводится к утверждениям вроде «нет никакого сомнения» и «очевидно» [33, с. 172].

Современных исследователей иногда вводит в заблуждение вольное обращение с источниками некоторых дореволюционных авторов. Так, А. В. Ефимов, редактор сборника «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии» [35], высоко оценивает статью Г. Спасского («Сибирский вестник». Ч. 15, 1821), так как, по его мнению, «те сведения о походе Дежнева, которые Спасский относит к 1654 г., представляют исключительный интерес, потому что они раскрывают нам последний этап жизни Федота Алексеева Попова»⁸.

⁸ М. И. Белов справедливо указывает, что прозвище «Попов» встречается лишь в отписке купцов Усовых. Сам Ф. Алексеев всюду себя называет

Сведения эти, очевидно, почерпнуты Спасским из каких-то архивных источников, до нас не дошедших» [20, с. 33]. Однако сопоставление текста Спасского с текстом «Описания земли Камчатки» Крашенинникова заставляет сделать вывод, что Спасский весь основной фактический материал своей статьи заимствовал из работы Крашенинникова. «Новое» же у Спасского — это произвольные предположения относительно «якутской бабы». Спасский пишет: «В некотором месте взял он (С. Дежнев.— Н. С.) женщину, принятую им за якутку. По расспросам от нее узнал, что она была женою купца Федота Алексеева [Холмогорцева] и что муж ее вместе с нею плыл на своем коче к Пенжинскому морю к разным народам для торговли, с судами других купцов, от коих случившейся погодою кочь его отшибло и занесло в Камчатку, где застигла их зима и они на речке Никуле, впадающей в Камчатку, названной после по муже ее Федотовкою, построили зимовье. По наступлении лета он обошел Курильскую лопатку и Пенжинским морем вошел в реку Тигиль; там и умер, а оставшиеся после него люди все погибли» [45, с. 40].

Здесь многое перепутано и многое добавлено от себя, чтобы как-то заполнить недостающие звенья Федотовой эпопеи. Во-первых, Федот Алексеев плыл не по Пенжинскому морю, а по Берингову. Во-вторых, произвольно утверждение, что Федот Алексеев плыл вместе с «якутской бабой» с самого начала плавания. В списке участников плавания Семена Дежнева ее нет. Нет данных и о пребывании ее на Камчатке. Произвольно и определение времен года, когда Федот Алексеев и его люди были на Камчатке («где застигла их зима») и на море («по наступлении лета»). Словом, перед нами беллетризованный рассказ, а не исторический труд, основанный на добросовестном и критическом использовании источников.

Иногда фантастические домыслы о «якутской бабе» встречаются и в современной литературе. Так, Е. А. Самойлов в работе «Семен Дежнев и его время» пишет, что Дежнев «отгромил „якутскую бабу“, ехавшую с Федотом Алексеевым на втором коче. Она рассказала Дежневу, что их коч выкинуло на берег, но где — она не знает» [42, с. 79]. В хронологической таблице плаваний Дежнева под 1654 г. читаем: «Поход летом на коряков, живущих около „корги“. Бой с ними. Дежнев отгромил у коряков „якутскую бабу“, приехавшую с Колымы вместе с Федотом Алексеевым» [42, с. 124]. Версию, что «якутская баба» ехала с Колымы на коче с Федотом Алексеевым, надо считать на совести автора. Неверно переданы и показания «якутской бабы» С. Дежневу о том, что «их коч выкинуло на берег, но где — она не знает». В документе читаем: «и та баба

«Федотом Алексеевым Холмогорцем». Так же его называют и С. Дежнев, в документы Якутской приказной избы [8, с. 163, примеч. 1].

сказывала, что де Федот и служилой человек Герасим померли цынгою, а иные товарищи побиты и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душою, не знаю де куда» [42, с. 140].

Недаром редактор книги М. А. Сергеев к «показаниям» «якутской бабы» сделал примечание: «достоверность „отгрома якутской бабы“ Дежневым и ее рассказа нельзя считать вполне доказанной» [42, с. 79, примеч.]. Правда, с этим можно согласиться лишь частично. Достоверность показаний С. Дежнева относительно «отгрома якутской бабы» никем не оспаривалась и вряд ли может быть оспорена. У нас нет никаких оснований не верить С. Дежневу. Другое дело — показания самой «якутской бабы». Они вызывают сомнения; тем более несерьезно что-то добавлять от себя к этим показаниям.

Большой интерес для нашей темы представляют пушкинские заметки, сделанные при чтении книги Крашенинникова «Описание земли Камчатки», особенно конспект исторической части труда, где Пушкин записывает: «Камчатские дела... § 2. Первый из русских, посетивших Камчатку, был Федот Алексеев; по его имени Никул-р[ека] называется Федотовщиною. Он пошел из устья *Колымы* Ледовитым морем в 7 кочах, занесен он был на реку Камчатку, где он и зимовал; на другое (?) лето обошел он (?) <Курильскую> лопатку, и на реке Тигиле убит от коряк.

§ 3. Служивый Семен Дежнев в отписке своей подтверждает сие с некоторыми изменениями: он показывает, что Федот, будучи разнесен с ним погодою, *выброшен на берег в передний конец за реку Анадырь*. В той отписке сказано, что с 7162 [1654] [году] ходил он возле моря в поход и отбил у коряк якутку, бывшую любовницу Федота, которая сказывала, что Федот с одним служивым умер от цынги, что товарищи его побиты, а другие спаслись в лодке и уплыли неведомо куда. Развалины зимовья на р[еке] Никуле видимы еще были в 1730 году» [40, с. 350].

Добросовестно конспектируя историческую часть труда Крашенинникова, Пушкин вместе с тем привносит в него и собственные размышления. Так, он сопровождает двумя вопросительными знаками текст о плавании Ф. Алексеева вокруг Курильской лопатки, выражая тем самым свое сомнение. Любопытно также, что «якутскую бабу», превратившуюся у некоторых историков в жену Федота Алексеева, ехавшую с ним с Колымы, Пушкин трактует как «бывшую любовницу» Ф. Алексеева, что, наверное, ближе к истине.

Как же сейчас оценивать версии Крашенинникова и Миллера о плавании Федота Алексеева или его сына на Камчатку? Многие советские историки и географы (Л. С. Берг, В. Ю. Визе, В. И. Греков, А. В. Ефимов, И. И. Огрызко и др.) принимают построение Крашенинникова [14; 16; 18; 20; 32; 33], причем не-

которые из них, например Л. С. Берг, высказали и существенные оговорки [12, с. 47].

М. И. Белов вначале отрицал плавание Ф. Алексеева на Камчатку, а позднее признал его возможность. В 1955 г., во втором издании книги «Семен Дежнев», он категорически высказался за то, что данные «предания» о плавании Ф. Алексеева «совершенно лишены основания» и что «единственное правдоподобное свидетельство о судьбе» Ф. Алексеева содержится в описке С. Дежнева. «Таким образом, бесспорно,— пишет М. И. Белов,— что Федот Алексеев потерпел кораблекрушение южнее Анадыря и что он и его спутник Герасим Анкудинов погибли в неравной борьбе с суровой природой» [7, с. 81].

А в 1965 г. в работе «Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века» М. И. Белов писал о шторме, разнесшем суда С. Дежнева и Ф. Алексеева, и дальнейшей судьбе Ф. Алексеева: «Вскоре суда разнесло в разные стороны, Дежнев потерял из виду товарищей. Как потом выяснилось, Герасим Анкудинов и Федот Алексеев с товарищами пристали к берегу Камчатки, где прожили долгое время. Как свидетельствуют документы XVIII века, в честь Федота Алексеева одна из рек Камчатки названа Федотовкой» [8, с. 165].

Наиболее детально разработан тезис о неправдоподобности версии о плавании Федота Алексеева на Камчатку в статье Б. П. Кускова «Был ли Федот Алексеев на Камчатке?» [25]. Автор указывает, что если говорить о пребывании Ф. Алексеева на р. Камчатке, то «необходимо допустить свершение ряда не очень вероятных событий», а именно: «что одна и та же буря вынесла Дежнева на берег у мыса Наварин, а Попова [Алексеева.— Н. С.] занесла в Камчатский залив; что вместо того, чтобы поспешить с устройством на зимовку, Попов и его спутники поднялись на триста километров вверх по реке; что ледостав на реке Камчатке в 1648 году был необычайно поздним; что выстроенные наспех землянки оказались настолько добротными, что простояли 60—70 лет; что аманаты Федота оказались весьма крепкими и прожили лет по 70, если не больше; что летом Попов бросил зимовье, новую жену и аманатов и, вместо того чтобы возвращаться на Анадырь, зачем-то пошел на юг; что, вопреки обычаю, реку, на которой он зимовал, называли не Алексеевой или Поповой, а Федотовой» [25, с. 99].

На первый взгляд замечания В. П. Кускова носят серьезный характер и подрывают саму мысль о возможности плавания Ф. Алексеева на Камчатку. И вместе с тем с ними нельзя согласиться. Во-первых, В. П. Кусков ставит вопрос, как могло быть, что «одна и та же буря вынесла Дежнева на берег у мыса Наварин, а Попова занесла в Камчатский залив» [25, с. 99]. Но ведь С. Дежнев писал, что «того Федота со мною, Семейкою на море рознесло без вести» [41, с. 130—131]. Во-вторых, трудно говорить о состоянии землянки на р. Федотовщине, так как,

к сожалению, ни Крашенинников, ни Козыревский не дали ее описания. Поэтому неясно, в каком она была виде в 30-х годах XVIII в. Возможно, это были уже развалины, остатки того зимовья, которое было поставлено Ф. Алексеевым. Но в том, что зимовье могло сохраниться с времен Алексева, т. е. с середины XVII в. до 30-х годов XVIII в., хотя и в поврежденном виде, нет ничего невозможного. Ведь сам В. П. Кусков выдвигает, причем в этой же статье (!), идею организации «небольшой экспедиции» на р. Никул [Федотовщину] «с целью отыскания уцелевших следов зимовий» [25, с. 99—100], т. е. он считает возможным сохранение следов старинных зимовий XVII—XVIII вв. вплоть до нашего времени. Подобное предположение В. П. Кускова следует приветствовать и всячески поддерживать. В-третьих, В. П. Кусков считает невозможным, чтобы Ф. Алексеев и его товарищи сразу «поднялись на 300 километров вверх по реке», «вместо того чтобы поспешить с устройством на зимовку». Но ведь предание не дает нам календарных сроков движения Ф. Алексева на Камчатку, в частности по р. Камчатке. Возможно, на этом пути в 300 километров были и остановки, были и зимовки, уже не сохранившиеся к 30-м годам XVIII в. И, наконец, в-четвертых, какой был ледостав на р. Камчатке в 1648 г., способствовал ли он движению группы Федотова или нет,— на эту тему совершенно бесполезно гадать; данных у нас пока нет.

Особого внимания заслуживает замечание относительно того, что, «вопреки обычаю, реку, на которой он зимовал, назвали не Алексеевой или Поповой, а Федотовой», и поясняет, что «в XVII—XVIII вв. географические названия, связанные с русскими людьми, давались только по отчеству или по фамилиям — прозвищам, но отнюдь не по именам. Этот обычай сохранился среди коренных жителей Камчатки и поныне» [25, с. 96]. Но автор тут же дает, в сущности говоря, разрешение этой загадки. Он указывает, что еще Миллер связывал р. Федотовку не с Федотом Алексеевым, а с его сыном, и считает возможным видеть сына Федота Алексева в «своеужиннике Ваське Федотове» [25, с. 96], отмеченном в таможенных книгах как спутник Ф. Алексева. Со всем этим можно только согласиться.

И здесь мы возвращаемся вновь к версии Миллера. Версия Миллера не обсуждалась в нашей литературе. И это вполне понятно. Одна из статей Миллера появилась в издании XVIII в. и с тех пор не перепечатывалась [29]. Вторая его статья лишь недавно — в 1948 г. — появилась в печати как приложение к работе А. В. Ефимова [20, с. 219—228].

Между тем, оценивая версии Крашенинникова и Миллера, следует признать, что вторая более реалистична. По Крашенинникову, Федот Алексеев проплывает из Берингова моря мимо восточного берега Камчатки, заходит в р. Камчатку, огибает Курильскую лопатку, плывет вдоль западного побережья Кам-

чатки до р. Тагиля, живет какое-то время здесь и затем опять плывет по Пенжинскому морю, высаживаясь в районе Анадыря, где и умирает от цинги. Все это слишком сложно и не всегда подтверждается источниками.

Версия Миллера проще. Сын погибшего на Анадыре Федота Алексеева плывет к югу и достигает п-ова Камчатка; здесь он поселяется на берегу одноименной реки, здесь и умирает. Возможно, находки новых документов или материальных свидетельств прольют свет на этот «загадочный», по выражению некоторых историков, вопрос [38, с. 130]. А что такие находки возможны, показывает публикация Б. П. Полевым материалов о посещении Камчатки казаком Иваном Рубцом в 60-х годах XVII в. [38]. В этой публикации устанавливается факт похода анадырского приказчика Ивана Меркурьевича Рубца «вверх реки Камчатки». Поход был совершен не ранее лета 1662 г. и не позже 1667—1668 гг. Рубец был на «погроме» и привез с собой «коряцкого малого», который показал, что он «неясашного отца сын, а взял де ево Ивашко Рубец на погроме с казаками на реке Камчатке» [38, с. 130—131]. После этого похода был организован летом 1669 г. новый поход, закончившийся неудачно. Почти все его участники погибли летом 1670 г. на р. Омолон [38, с. 133].

При оценке версий Крашенинникова или Миллера следует учесть еще одно обстоятельство, ускользнувшее от внимания современных исследователей. М. В. Ломоносов, много работавший над изучением русских плаваний по Северному Ледовитому и Тихому океанам и написавший специальную работу «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможности проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» [27], касаясь экспедиции С. Дежнева, предпочел версию Миллера. Он писал: «Около реки Олюторки Федот Алексеев и Герасим Анкудинов в Коряцких жилищах пристали к берегу, на коем, несколько пожив, померли цынгою. Многие из товарищей их побиты, достальные в малом числе убежали в лодках на Камчатку, и первые из россиян в сей земле поселились задолго до приходу пятисотника Володимера Атласова» [27, с. 449]. У Ломоносова нет ни слова о плавании Федота Алексеева вокруг п-ова Камчатка, он умирает от цинги около р. Олюторки, и только его спутники достигают р. Камчатки, но и они погибают здесь. Следует подчеркнуть, что Ломоносов предпочел версию Миллера, хотя он был идейным противником Миллера по многим вопросам русской истории.

Противоречивость данных, которые можно извлечь из «словесных известий» и исторических документов о Федоте Алексееве и его спутниках, породила стремление попытаться найти разрешение проблемы вне уже известных версий и толкований. Такова гипотеза Б. П. Полевого о Федоте Алексееве Чюкичеве, убитом либо в 1660, либо в 1661 г., во время сбора ясака к югу

от р. Пенжины. В нем и его группе Б. П. Полевой видит первых русских на Камчатке и к этому отряду относит рассказы ительменов о русских, которые обычно относят к Ф. Алексееву и его товарищам. Но, по словам автора, «эти данные (о Чюкичеве.— *Н. С.*) нуждаются в тщательном изучении, так как в рассказах ительменов могли найти отражение и сведения, относящиеся к другим группам русских, побывавших на Камчатке до Атласова» [39, с. 107]. С этим можно согласиться. Следует также прибавить, что неясным является и сам факт пребывания Чюкичева на Камчатке. Известно лишь, что он был убит к югу от р. Пенжины, но где точно — сведений нет; тем более нет никаких данных о посещении им р. Камчатки.

В эти же, 1660-е годы сведения о Камчатке стали известны и в столице тогдашней Сибири — Тобольске. В 1667—1668 гг. тобольский воевода Петр Годунов на карте Сибири нанес р. Камчатку [11, с. 3]. В 80-е годы был совершен ряд походов в «Коряцкую землю» с Анадыря и с Охотского побережья. «Коряцкая земля», т. е. территория, занятая коряками, охватывала в это время и северную часть Камчатки. Вполне вероятно, что русские казаки в своих походах проникали и на Камчатку. Вполне можно согласиться с М. И. Беловым, который писал, что «есть основания полагать», что к 80-м годам «небольшие группы казаков проникли на Камчатский полуостров» [9, с. 98].

Напомним, что и Крашенинников в появлении русских на Камчатке также усматривал несколько потоков. Так, согласно преданию, записанному на Камчатке, «россияне, которые в тех местах (на р. Русаковке.— *Н. С.*) жили, спустя несколько лет после Федота кочевщика туда прибыли» [24, с. 132]. К 1690 г. относится заговор казаков в Якутске, целью которого являлось убить якутского воеводу П. П. Зиновьева, «на гостином дворе торговых и промышленных людей животы пограбить и бежать за Нос на Анадырь и на Камчатку реку». Во главе заговора стояли сын боярский М. Онтипин и пятидесятники Ф. Щербаков и И. Паломошной. В заговоре участвовали еще десять человек [35, с. 475—476].

Какие побуждения двигали казачью вольницу на Камчатку? С. П. Крашенинников, записав исторические предания о первых русских людях на Камчатке, отметил и предания о вольной казачьей жизни на Камчатке, где было далеко от вмешательства и самоуправства воевод. Недаром здесь сложилась пословица: «На Камчатке можно прожить семь лет, что ни сделаешь, а семь де лет прожить, кому бог велит» [24, с. 484]. Здесь были почти безграничные возможности в получении ценной пушнины, добыча которой заметно уменьшалась в Якутии, да и то, что удавалось добыть, уходило в ясачные сборы. С. П. Крашенинников сообщает, что даже в начале XVIII в. у В. Атласова, когда его посадили в тюрьму, отобрали 30 соболей и 34 соболя, т. е. 1234 соболя, 400 лисиц красных, 14 ли-

сиц сиводущатых, 75 бобров морских [24, с. 480]. В рукописи «Описания земли Камчатки» еще дополнительно значилось, но не было включено в окончательный текст: «Да сверх оной мяхкой рухляди взято у него шуба соболя пластинная под чешуйчатым лазоревым байбереком, пушена хвосты соболя, две шубы соболя пластинные под лимонною камкою, пушены бобром...»; дальше следует еще ряд строчек с перечислением пушнины, и этот перечень заканчивается строкой: «такое богатство нажил он, быв на приказе менее полугода» [24, с. 480—481]. Атласов не являлся исключением. У Петриловского было взято «кроме многого числа соболяных и лисьих шуб, одной мяхкой рухляди более 140 сороков соболей, около 2000 лисиц, 207 бобров да 169 выдер» [24, с. 490].

На конец 1680-х и 1690-х годов приходится ряд походов на Камчатку. М. И. Белов насчитал четыре похода до похода Атласова: первый между 1686 и 1689 гг., затем в 1691—1692, 1693—1694 и 1695—1696 гг. [10, с. 29—30]⁹. Походы Луки Морозко и Ивана Голыгина в 1691—1692 гг.¹⁰ и Владимира Атласова в 1697—1699 гг. дают нам первые описания Камчатки и ее населения.

Поход Атласова — «Камчатского Ермака», как его назвал А. С. Пушкин [40, с. 357], — завершил эпопею первооткрытия и первоописания Камчатки Федотом Алексеевым или его сыном еще в конце 40-х годов XVII в.

Литература

1. Андреев А. И. Жизнь и научные труды С. П. Крашенинникова. — «Советский Север». Л., 1939, № 2.
2. Андреев А. И. Список научных трудов С. П. Крашенинникова. — «Советский Север». Л., 1939, № 2.
3. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск первый. XVII век. М. — Л., 1960.
4. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск второй. XVIII век (первая половина). М. — Л., 1965.
- 4а. Архив Академии наук СССР.
5. Баскин С. И. Большой чертеж «Камчадальской земли». — «Известия Всесоюзного географического общества» (далее — ИВГО). 1949.
6. Белов М. И. Семен Дежнев. М., 1948.
7. Белов М. И. Семен Дежнев. Изд. 2-е. М., 1955.

⁹ Непонятным остается сообщение Г. Майделя о походе казака Царицына в 1690 г. в Камчатку. В труде «Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг.» Г. Майдель сообщает, что ему удалось установить по данным «старых архивных свитков», что в 1690 г. на Камчатку отправился казак Царицын [28, с. 528]. Известие Г. Майделя повторили Н. В. Слюнин [44, с. 16] и В. И. Греков [18, с. 8]. Однако во всех публикациях документов XVII в., включая две последние, опубликованные в 1951 и 1952 гг. [35; 41], нам не встретилась фамилия Царицын. Вопрос об этой экспедиции остается открытым.

¹⁰ Запись участника похода Л. Морозко опубликовал М. И. Белов [10, с. 34—35]. Публикации «сказок» В. Атласова см. [23; 31].

8. Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века (серия «История открытия и освоения Северного морского пути». Т. 1). М., 1956.
9. Белов М. И. Новые данные о судьбах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатке.— «Летопись Севера». II. М., 1957.
10. Белов М. И. Русские походы на Камчатке до Атласова.— ИВГО. 1957, № 1.
11. Берг Л. С. Первые карты Камчатки.— ИВГО. 1943, № 4.
12. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.— Л., 1946.
13. Берг Л. С. Путешествие акад. С. П. Крашенинникова по Камчатке (1737—1741).— «Природа». 1948, № 5.
14. Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М.— Л., 1949.
15. Бомштейн Г. Фольклорные материалы в работе С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки».— «Советская этнография». 1950, № 2.
16. Визе В. Ю. Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служивых людей XVII—XIX вв.— Биографический словарь. М.— Л., 1948.
17. Визе В. Ю. Семен Дежнев.— ИВГО. 1948, № 6.
18. Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960.
19. Дополнения к Актам историческим. Т. IV. СПб., 1851.
20. Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948.
21. Каманин Л. Г. Первые исследователи Дальнего Востока. М., 1951.
22. Кириллов И. Цветущее состояние Всероссийского государства. Ч. I—II. М., 1831.
23. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке. Сборник архивных материалов под ред. Я. П. Алькора и А. К. Дрезена. Л., 1935.
24. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.— Л., 1949.
25. Кусков В. П. Был ли Федот Алексеев на Камчатке?— «Вопросы географии Камчатки». Вып. IV. Петропавловск-Камчатский, 1966.
26. Кусков В. П. Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1967.
27. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.— Л., 1952.
28. Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг. Т. 1. СПб., 1884.
29. Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных.— «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». СПб., 1758.
30. Миллер Г. Ф. Известия о северном морском ходе из устья Лены-реки ради обретения Восточных стран.— Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948.
31. Оглобин Н. Н. Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки.— «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских». Кн. 3, 1891.
32. Огрызко И. И. Экспедиция Семена Дежнева и открытие Камчатки.— «Вестник Ленинградского университета». 1948, № 12.
33. Огрызко И. И. Открытие Курильских островов.— «Ученые записки Ленинградского государственного университета». Л., 1953, № 157.
34. Окунь С. Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935.
35. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сборник документов. Составлен Н. С. Орловой. Под ред. А. В. Ефимова. М., 1951.
36. Отписка Семена Дежнева якутскому воеводе Ивану Павловичу Акинфиеву о морском походе его с устья р. Колымы до устья р. Анадыря (апрель 1655 г.). Публикация Г. А. Князева и Б. А. Милькевича. Примечания Л. С. Берга.— ИВГО. 1948, № 6.

37. Полевой Б. П. О печатном чертеже Сибири 1667 г.— «Сибирский географический сборник». Вып. 2, 1963.
38. Полевой Б. П. Забытый поход И. М. Рубца на Камчатку.— «Известия АН СССР. Серия географических наук». 1964, № 4.
39. Полевой Б. П. О происхождении названия «Камчатка».— Кусков В. П. Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1967.
40. Пушкин А. С. Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова.— А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. X. М., 1938.
41. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов. Составил М. И. Белов. Л.— М., 1952.
42. Самойлов Е. А. Семен Дежнев и его время. М., 1945.
43. Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке.— «Морской сборник». Т. CI, № 4. СПб., 1869.
44. Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. СПб., 1900.
45. Спасский Г. История появления Россиян из рек Сибирского края в Ледовитое море.— «Сибирский вестник». Ч. 15. СПб., 1821.
46. Степанов Н. Н. С. П. Крашенинников как историк Камчатки.— «Советский Север». Л., 1939, № 2.
47. Степанов Н. Н. Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки».— Вводная статья в кн. С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки... М.— Л., 1949.
48. Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt und Leipzig. 1774.

З. К. Виноградова

ИССЛЕДОВАНИЯ О. Е. КОЦЕБУ В ТИХОМ ОКЕАНЕ ВО ВРЕМЯ ПЛАВАНИЯ НА БРИГЕ «РЮРИК» В 1815—1818 гг.¹

Во время первого кругосветного путешествия россиян в 1803—1806 гг. на корабле «Надежда» под командой И. Ф. Крузенштерна находился пятнадцатилетний кадет Морского корпуса Отто Евстафьевич Коцебу. Для одаренного юноши плавание под руководством прославленного морехода И. Ф. Крузенштерна было великолепной школой будущих путешествий.

В 1815—1818 гг. Коцебу совершает самостоятельное кругосветное плавание на небольшом бриге «Рюрик». Это плавание было совершенно отличным от предшествовавших и многих следующих плаваний, во время которых обязательства перед Российско-Американской компанией, а также необходимость соблюдать интересы коммерции препятствовали командирам судов ставить научные цели; открытия и исследования производились попутно. Крузенштерн в свое время очень хорошо испытал все это на собственном опыте. Плавание Коцебу на «Рюрике» не было материально связано с Российско-Американской компанией. Организация экспедиции Коцебу — заслуга И. Ф. Крузенштерна. Он сумел убедить одного из просвещеннейших людей России того времени, графа Н. П. Румянцева², в необходимости экспедиции в научных целях — ради географических открытий и океанографических исследований. Граф дал средства для снаряжения «Рюрика».

Главной целью экспедиции было отыскание северо-западного прохода из Берингова моря в Атлантический океан у берегов Северной Америки. Кроме того, перед экспедицией ставилась задача географического изучения Тихого океана. Какое большое значение придавал Крузенштерн этому предприятию, можно судить по «Введению», написанному им в книге Коцебу. «...Я почитаю новое путешествие в Южный океан,— читаем

¹ Статья публикуется посмертно.

² Известный русский государственный деятель и дипломат, основатель знаменитого Румянцевского музея, легшего в основу Государственной библиотеки имени В. И. Ленина и обогатившего ряд музеев страны.

мы,— важным: ибо остается еще многие недостатки пополнить, многие неверности исправить... дабы Южное море соделалось нам столь же обстоятельно известным, как и другие, ближе к нам находящиеся океаны... Так, например, кроме некоторых кое-где случайно открытых островов, не имеем мы никакого сведения о большом архипелаге Каролинских островов, равным образом весьма несовершенно исследован архипелаг Соломоновых островов; то же самое можно сказать и о Луизиаде» [3, ч. I, с. 23].

Мореплаватели в те времена всячески избегали этой части океана, не желая подвергать себя риску. Усиленно работая над созданием знаменитого «Атласа Южного моря», Крузенштерн был, естественно, осведомленнее, чем кто-либо в Европе, о больших пробелах в знаниях гидрографии Тихого океана. Он указывал на трудности, которые предстоит преодолеть мореплавателю по пути следования «Рюрика», состоявшие в том, что поверхность «усеяна» едва возвышающимися над водой коралловыми островами и рифами. Они образуют цепи, простирающиеся в разных направлениях. Якорных стоянок нет. В случае бурной пасмурной погоды корабль подвергается опасности быть разбитым о крутые коралловые утесы. На такое трудное, опасное и вместе с тем необходимое для науки предприятие Крузенштерн послал в плавание О. Коцебу.

Подробнейшая «Мореходная инструкция», написанная Крузенштерном для Коцебу, сама по себе является ценным вкладом в развитие географических представлений о природе Тихого океана. В ней содержится множество указаний на «сомнительные места» существовавших в то время карт Тихого океана. Без подробного, чрезвычайно глубоко разработанного, действительного руководства — «Мореходной инструкции» Крузенштерна — вряд ли экспедиция на «Рюрике» имела бы такой большой успех.

Исследование Тихого океана Коцебу и его спутниками было разносторонним; оно включало гидрографические и океанологические исследования, изучение природы островов и этнографические наблюдения.

Коцебу вполне оправдал надежды Крузенштерна. Экспедиция открыла несколько неизвестных островов в архипелаге Туамоту, более десяти в группе Маршалловых островов; впервые было установлено наличие двух основных параллельных атолловых цепей — Радак и Ралик в Маршалловых островах (см. [5, с. 167 — карта «Плавания О. Е. Коцебу»]).

Уже через несколько дней по выходе «Рюрика» из порта Концепсьон Коцебу убеждается в отсутствии показываемых на картах о-ва Девисова земля и Вархамовой скалы. Затем он точно определил координаты небольшого острова Салес (Сала и Гомес).

Новые открытия последовали под 15° ю. ш. Был встречен

необитаемый низменный остров Сомнительный (Пука-Пука)³. Огромное количество птиц, которых пришлось в эти дни видеть путешественникам, навели Коцебу на мысль, что вблизи находятся еще несколько островов. Действительно, путешественники вскоре обнаружили небольшой коралловый остров, который был назван островом Румянцева (Тикей). Исследователи высадились на него со шлюпок. При пересечении острова они увидели признаки присутствия человека: человеческие следы, тропинки, покинутые хижины среди кокосовых пальм, искусственные водоемы с пресной водой, развешанные сети. Но самих обитателей не было. Коцебу предположил, что жители других островов приезжают на этот остров для рыбной ловли.

Западнее был открыт необитаемый коралловый низменный остров, названный островом Спиридова (Такапото). Далее, когда Коцебу вел дальнейшие работы в Паллизеровых островах (Апатаки), открытых еще Куком, путешественники увидели цепь коралловых островов, простиравшуюся в юго-западном направлении. Вид островов был привлекательный, даже самые небольшие из них густо поросли «прекраснейшим густым лесом»; они были необитаемы. Коцебу назвал их *цепью Рюрика* (атолл Арутуа) и очень жалел, что по недостатку времени не смог полностью закончить ее опись. Крузенштерн, анализируя все данные, касающиеся этой части океана, делает вывод: «Рюрикову цепь надлежит в самом деле почести за совершенно новое открытие» [3, ч. II, с. 329].

Уточняя географическое положение о-ва Дин (Рангирао), Коцебу доказал, что он состоит из множества малых островов, соединенных между собой коралловыми рифами; вместе они имеют вид овала. Коцебу здесь сделал вывод, что «все, виденные мною купы коралловых островов, образуют круги».

К западу от о-ва Дин путешественники обнаружили еще купу коралловых построек, соединенных рифами. В центре сомкнутого круга островов располагается остров, поросший густым лесом. Координаты середины купы 15°00'00" ю. ш. и 148°41'00" з. д. Так как это было новое открытие, то Коцебу дал название купам острова Крузенштерновы (Тикахау). Лабиринт коралловых построек, состоящий из островов Дин и островов Крузенштерновых, по оценке Коцебу, губелен для мореплавателей в штормовую погоду. Течение здесь сильное, земля низменная, поэтому и ветер очень силен, недалеко от берега глубины большие, якорь становится бесполезным. «Шторм при пасмурной погоде, — писал О. Коцебу, — причиняет в сей стране неизбежную гибель кораблю». «Рюрик» спасала благоприятная солнечная погода, господствовавшая во время пребывания корабля среди кораллового лабиринта. Следуя далее на север,

---

³ Здесь и далее в скобках даются местные варианты географических названий.

Коцебу показал, что под 14° ю. ш. не существует Баумановых островов, нанесенных на карту. Впоследствии Крузенштерн в «Рассмотрении...» указывал, что Баумановы острова и острова Мореплавателей (Самоа), усмотренные Бугенвиллем, «суть одни и те же». Коцебу доказал, что острова Роггевейна и Тинговена ошибочно изображались на картах.

Так шаг за шагом Коцебу приводил карту Тихого океана в соответствие с действительностью. Он прошел на бриге «Рюрик» с востока на запад среди коралловых островов и атоллов, северной части архипелага Туамоту, впоследствии справедливо названного Беллинсгаузенем Островами Россиян. Коцебу произвел опись шести атоллов и островов архипелага — от о-ва Сомнительный на востоке до атолла Крузенштерна на западе; их большая часть были его открытиями.

От атолла Крузенштерна Коцебу направил бриг к о-ву Пенрин (Тонгарева), расположенному на востоке северных островов Кука и усмотренному англичанами в 1788 г. Необходимость спешить к Берингову проливу обязывала Коцебу покинуть атолл Пенрин, и он не мог воспользоваться признаком новых куп островов: множество морских птиц при закате солнца направляли свой полет на юго-запад. «Рюрик» направился на северо-запад, в сторону Камчатки.

Многочисленные открытия последовали в Северном полушарии, в пределах тропической области Тихого океана. Ученый составил гидрографическую опись большей части островов и атоллов восточной цепи Маршалловых островов — цепи Радак. Под 11° с. ш. путешественники открыли довольно обширные купы коралловых островов, простирающиеся с севера на юг на 46 км. Северную купу (атолл) Коцебу назвал о-вами Кутузова (Утирик), а южную — о-вами Суворова (Така). Под 11°11'20" с. ш. и 169°50'37" в. д. обе купы островов оказались разделенными доступным для корабля проливом, по которому «Рюрик» и обошел их.

Коцебу дал краткое описание открытых им атоллов. Купа о-вов Кутузова состоит из нескольких коралловых островов, густо заросших кокосовыми пальмами. Среди деревьев перед взорами путешественников поднимался дым. Острова были обитаемы. Поутру к «Рюрику» приблизилось парусное судно, которым ловко управляли островитяне. Они были безоружны, показывали плоды, приглашали пришельцев на берег. Путешественников поразили приветливость и вежливость жителей о-ва Кутузова, красивое убранство из цветов на их головах. Парус, а также одежда островитян были сделаны из тонких циновок. Но завязать с островитянами обмен так и не удалось. Они ни за что не хотели подняться на корабль и даже не подъезжали к спущенной на воду шлюпке. А из-за сильных бурунов «Рюрику» было слишком опасно подойти к берегу какого-либо острова. Исследователям пришлось произвести опись атолла, не озна-

комившись с интересными его жителями. Купа о-вов Суворова состоит из небольших коралловых островов, соединенных рифами. Острова покрыты лесной растительностью, но ни одной кокосовой пальмы путешественники не обнаружили. Атолл был тогда необитаем. Крузенштерн в «Рассмотрении...» показал, что обе купы островов были открыты именно Коцебу, и опроверг мнение некоторых иностранных географов, недооценивших заслуг Коцебу.

После трудных плаваний у северо-западных берегов Северной Америки в конце 1816 г. «Рюрик» снова вошел в тропические воды Тихого океана и направился в район Маршалловых островов. 1 января 1817 г. под 10° с. ш. Коцебу открыл небольшой низменный остров. Он назвал его о-вом Нового Года (Меджит). Его координаты: 10°80'27" с. ш. и 170°55'14" в. д. В лесах острова было немного птиц, это дало повод Коцебу полагать, что остров обитаем. Предположение подтвердилось. Смуглые и стройные обитатели острова подплывали к бригу на небольших дощатых лодках без парусов и вели обмен. Они очень охотно брали небольшие обломки старых металлических обручей. Коцебу заметил сходство обитателей новооткрытого острова с островитянами о-вов Кутузова. Оригинальным в их одежде были украшения в ушах: в мочках ушей были сделаны большие отверстия, в которые вставлены свернутые в трубку листья. Попытку помощника Коцебу Шишмарева высадиться с ялика на берег пришлось приостановить, так как на берегу острова столпились многочисленные его жители; это внушило небольшой группе путешественников опасения, и они предпочли вернуться на корабль.

Через три дня опасное путешествие по неисследованному району океана увенчалось еще одним знаменательным открытием. Под 9° с. ш. Коцебу открыл обширную купу низменных коралловых островов, состоящую из 65 разных по размерам обитаемых островов, соединенных рифами и образующих замкнутый овал. Коцебу назвал купу о-вами Румянцева (Вотье). Ему удалось провести «Рюрик» через опасный южный проход между островами, названный Проходом Рюрика, в обширную лагуну купы и обследовать ее почти всю с внутренней стороны, а затем выйти из лагуны через другой проход, названный Проходом Шишмарева. Пребывание в лагуне продолжалось более месяца.

Коцебу придавал большое значение исследованиям атолла Румянцева. «Я решился провести несколько месяцев на о-ве Отдия (так назывался один из крупных островов атолла Румянцева, а по нему и вся группа.—З. В.), как для произведения отсюда на гребных судах исследования южной части сей купы островов, так и для подробнейшего узнания языка и обычаев сего достопримечательного народа; ибо мне кажется, что при открытии какой-либо матерой (т. е. материковой.—Примеч.

ред.) земли или какого-либо острова весьма важно и нужно домогаться приобретения также познаний о жителях тех земель, о их нравах и обычаях» [3, ч. II, с. 130—131]. В течение месяца Коцебу со своими спутниками, наладив самые дружественные отношения с обитателями островов и их вождями, безбоязненно совершали поездки на гребных судах на многие острова. Они проводили на них по нескольку дней и занимались исследованиями природы этой купы. Обмен мнениями между учеными по естественнонаучным проблемам во время таких экскурсий дал свои плоды. Именно в это время наблюдения и исследования на о-вах Румянцева и других атоллах были обобщены Коцебу, и он дал свое объяснение возникновения коралловых построек. Позднее оно вылилось в историю происхождения коралловых островов. «Исследовав свойства почвы,— писал Коцебу,— мы нашли, что остров сей, подобно всем прочим, состоит из разрушившегося коралла; животное сие строит свое здание из глубины моря вверх и издыхает, когда достигнет поверхности, из сего здания образуется, от беспрестанного омывания оного морской водой, серый известковый камень, который, кажется, и составляет основание всех таковых островов; мало по малу покрывается тот камень песком и образуется песчаный остров; временем сей последний увеличивается и посредством семян, наносимых морем, покрывается прозябениями (растительностью.— З. В.); а спадающие с оных листья удобряют землю и содействуют наконец почву черною и плодоною» [3, ч. II, с. 98].

Заканчивая изучение купы о-вов Румянцева, Коцебу отметил, что мощность почвенного слоя и обилие растительного покрова на них различны. Малые всюду оказывались беднее жизнью. Позже Коцебу написал отдельную статью о коралловых островах. В ней он задолго до появления классической теории происхождения коралловых островов Ч. Дарвина [2, с. 277—445] развивал представление о происхождении коралловых островов и развитии на них жизни. Коцебу считал, что низменные острова Тихого и Индийского океанов возникли в итоге жизнедеятельности кораллов. Взаимное расположение островов и образование из них на некоторых местах больших куп, в то время как в других местах того же океана их нет совершенно, «заставляют нас заключать, что кораллы основали свое здание на морских мелях, или, лучше сказать, на вершинах находящихся под водою гор. Продолжая рост свой, они, с одной стороны, беспрестанно более и более приближаются к поверхности моря, а с другой — распространяют обширность своего строения» [3, ч. III, с. 381].

Изучая о-ва Радак, натуралист и поэт А. Шамиссо, спутник Коцебу, сделал обобщение о происхождении коралловых островов тропической зоны океанов: «Океан между поворотными кругами кажется нам огромною химической храниною приро-

ды, в которой она поручила производящим известь низшей организации животным важную в своем великом домостроительстве должность» [3, ч. III, с. 58—59]. Он выдвигал задачу — проследить во времени, в течение полувека и более, изменения, которые должны произойти на коралловых островах и рифах.

Коцебу и Шамиссо, исходя из наблюдений, обратили внимание на более быстрый рост коралловых построек с внешней, обращенной к океану стороны атоллов, где постоянно бушуют буруны. В Тихом океане, в полосе пассатных ветров, сторона атолла, лежащая под ветром, часто еще вовсе не поднимается над поверхностью воды. Коцебу и Шамиссо считали также, что во внутренней лагуне возникают мели, постепенно соединяющиеся с островным кольцом. Мели могут постепенно заполнить лагуну и превратить ее в сушу. Известно, как обстоятельно развивал впоследствии эти предположения Ч. Дарвин. Он был знаком с исследованиями коралловых островов Коцебу и Шамиссо по английскому изданию их сочинений о путешествии на бриге «Рюрик» [15]. В своей классической «теории погружения» (о происхождении коралловых рифов и островов) Дарвин обращался к высказываниям Коцебу и Шамиссо. Критикуя распространенное в то время мнение натуралистов о связи атоллов с вулканическими кратерами, он прямо ссылается на путешествие Коцебу, указывая, что «более старая и более удовлетворительная теория была предложена Шамиссо». Во многих местах своего сочинения Дарвин опирается на фактические данные, приобретенные во время плавания «Рюрика» среди лабиринтов коралловых островов Тихого океана.

Надводная часть коралловых островов состоит из остатков выветривания отмерших построек мадрепоровых кораллов, известняковых водорослей и других организмов, к которым примешиваются остатки выветривания различных организмов, выброшенных на берег волнами (морские ежи, раковины и т. д.)⁴. Местами коралловые острова имеют песчаные отмели, о них часто упоминал и Коцебу.

На возникшей коре выветривания кораллового острова укрепляются семена деревьев и других растений, занесенные на эти острова течениями. «Целые древесные пни, уносимые реками из других стран и островов, находят здесь наконец после долговременного плавания по морю, место успокоения. С оными приплывают мелкие животные, как, например, ящерицы и насекомые, которые и суть первые обитатели. Прежде, нежели растущие деревья составят лес, гнездятся здесь настоящие морские птицы, и заблудившиеся береговые птицы укрываются в кустарниках; напоследок же является человек, разбивает себе шалаш на плодоносной от истлевших древесных листьев родив-

⁴ Советский геоморфолог и океанолог О. К. Леонтьев пишет, что в образовании песчаного материала атоллов принимают участие и хищные морские животные (голотурии) [8, с. 177].

шейся земле и делается господином и владельцем сего мира» [3, ч. III, с. 382]. Таким образом, Коцебу и его спутникам, из них в первую очередь Шамиссо, принадлежит честь первого научного объяснения того, как возникшие коралловые острова постепенно становятся средой обитания человека.

Коцебу и Шамиссо отметили своеобразие природы коралловых островов Румянцева и дали интересное описание их. Они отметили, что **единственными** источниками пресной воды на них **были естественные и искусственные** водохранилища дождевой воды в понижениях и котловинах. По вечерам и ночью на коралловых островах не бывает росы и можно безбоязненно ночевать под открытым небом. Отсутствие росы, очевидно, можно объяснить небольшими размерами суши островов, поэтому над ними не возникает значительного охлаждения воздуха. Из-за малых размеров и равнинности рельефа острова не влияют на воздушные течения. Так, в пассатной зоне коралловые острова не вызывают отклонения ветров. Если над районом островов случится шторм, на островах нередко катастрофические бедствия. Растительность состоит из различных панданусов, кокосовых пальм, крупных хлебных деревьев, местами — зарослей кустарников. Густая древесная растительность прерывается иногда лужайками с сочной зеленью. Путешественники видели множество крыс, ящериц и улиток. Крысы, совершенно не боявшиеся людей, беспокоили их постоянно. Островитяне из-за крыс вынуждены были строить свои хижины на гладких столбах, а съестные припасы подвешивать к потолку хижин.

Коцебу и его спутники решили развести для островитян огород: они посадили ямс, арбузы и другие полезные культуры. Наутро они увидели, что крысы уничтожили большую часть их труда и пожрали семена. Коцебу полагал, что крысы появились на о-вах Румянцева с какого-нибудь разбившегося о рифы судна (у жителей они видели остатки обшивки неизвестного корабля) и со временем сильно расплодились.

В гидрографических исследованиях Коцебу на Маршалловых островах большую помощь оказали некоторые островитяне. Добросердечные отношения путешественников к жителям и обаятельность личности Коцебу помогли ему сблизиться с умным и знающим островитянином Лагедиаком. Коцебу отзывался о нем с большим уважением и сердечностью: «Друг и учитель мой... он умел делать себя понятным...» От него он узнал интересные и обстоятельные сведения об архипелаге. В одну из встреч с Лагедиаком Коцебу стал выяснять, неизвестны ли ему острова в стороне от купы Румянцева. Желая удовлетворить интерес своего собеседника, Лагедиак, по словам Коцебу, «избрал весьма остроумный способ дать мне точное об этом понятие»: он начертил на песке круги — план архипелага в определенном соотношении размеров. Этот план позволил путешественникам совершить плавание к коралловой группе Айлу (Аи-

лук у Крузенштерна). Здесь у исследователей тоже сложились самые благожелательные отношения с островитянами. Коцебу близко познакомился со старейшиной (тамоном) о-вов Айлу по имени Лангемуи. Лангемуи был умный, физически сильный восьмидесятилетний старец, которого глубоко уважали островитяне.

Он рассказал Коцебу о воинственных островитянах, населяющих параллельную островную цепь — Ралик, а также о миролюбивых отношениях жителей Ралика к радакцам, о природе этих островов и изобразил с помощью камешков, разложенных на циновке, «карту» островной цепи Радак и параллельной ей цепи Ралик. Коцебу посчитал вполне возможным нанести на карту цепь Ралик по данным тамона Лангемуи.

Таким образом, до создания научной карты архипелага нашими путешественниками, вооруженными инструментами, островитяне фактически умели уже изображать картосхему океанического района. Коцебу посчастливилось воочию увидеть, как делается такая «карта» у радакцев.

Продолжительное пребывание на атоллах цепи Радак, общение с радакцами позволили нашим исследователям значительно полнее и глубже ознакомиться с природными условиями островов. Путешественники описали коралловые острова и дали оценку им с точки зрения нужд хозяйственной деятельности человека. О внешнем виде коралловых островов Радака Шамиссо вынес такое впечатление: вид всех куп утомительно однообразен. С внешней, океанской стороны, где не возвышаются кокосовые пальмы, острова кажутся необитаемыми; на берегу внутреннего моря-лагуны, среди рощ кокосовых пальм находятся селения, видны возделанные поля. Для тропического климата Радака обычны восточные и северо-восточные ветры. В сентябре и октябре они порой сменяются юго-западными, нередко штормовыми. На низменных островах шторм приносит большие бедствия, с корнем вырываются кокосовые пальмы и хлебные деревья. Некоторые купы островов иногда полностью поглощаются высокими волнами. Жители со страхом ожидают этого времени года. В целом же климат островов цепи Радак весьма благоприятен для здоровья человека. Коцебу отметил, что весь экипаж «Рюрика» испытал это на себе: «несмотря на недостаток свежих жизненных припасов, мы нигде не были так здоровы, как здесь».

В растительном покрове о-вов Шамиссо видел прямую связь с азиатской флорой и несхожесть с американской: «Вид природы на восточных островах Южного моря напоминает вместе и Южную Азию и Новую Голландию и совершенно различен от американского. Некоторые породы растений распространяются по Индийскому и Великому океану от берегов Африки до сих островов; но тщетно стали бы искать тех растений на противоположном берегу Америки» [3, ч. III, с. 60]. Объяснение этому несомненному факту сможет дать, очевидно, только об-

стоятельное изучение развития континентов, особенно с мезозоя. Именно для района Тихого океана многие события в развитии суши от мезозоя до наших дней остаются еще неясными для науки.

Путешественники обратили внимание на изменения в составе растительности в разных частях цепи Радак. С внешней их стороны, подверженной воздействию бурунных волн, обычно деревья не растут. Здесь преобладают кустарниковые: *Scaevola Koenigii* и *Tournefortia sericosa*; их густо сплетенные ветви образуют защиту кустарникам и деревьям, занимающим внутренние части островов. Главными видами растительности внутренних частей островов, по наблюдению Шамиссо, являются пандановое дерево, род гвоздичного дерева *Guettarda speciosa*, *Terminalia moluccensis* и ряд других. Путешественники отметили на о-вах Радак 59 родов растений, из них семь не встречаются в диком состоянии, а только разводятся человеком.

Шамиссо обстоятельно ознакомился со способами использования жителями Радака полезных растений. На первое место по значимости для островитян он поставил пандановое дерево. В диком состоянии оно растет даже на самых скудных почвах, где растительность еще только формируется, но, укрепившись, пандановое дерево сильно обогащает почву благодаря перегной от множества листьев, опадающих с него. Особенно обильно развивается пандановое дерево во влажных низменных местах островов. Ученый наблюдал, как островитяне культивируют пандановое дерево: «сажают оное жители со тщанием, а посредством отводков разводятся многочисленные отлучия оного, приносящие улучшенные плоды, усовершенствование коих должно приписать возделыванию» [3, ч. III, с. 216]. Пандановый шаровидный плод является главной пищей радакцев. Его волокна жуют, высасывая пряный сок. Или же пекут плоды в ямах, а затем выжимают из них сгущенный сок, высушивают его на листьях; потом тонкую лепешку скатывают и аккуратно заворачивают в пандановый лист: это могоан, имеющий вкус наподобие сухой пряной конфеты. Из листьев пандана женщины изготавливают циновки различного качества: тонкие — для одежды, более грубые — для постелей и парусов.

Кокосовая пальма дает островитянам Радака не только питье и пищу, но и материал для изготовления канатов, столь необходимых для мореплавания и рыболовных снастей. «Пандановое дерево служит основанием к пропитанию, а кокосовое — к мореплаванию сего народа», — пишет Шамиссо. Кору кокоса вымачивают в ямах с пресной водой, затем волокна очищают и из них плетут веревки и канаты. Скорлупа кокосового ореха в то время была единственным видом посуды у островитян.

Хлебное дерево было менее распространено на Радаке, чем панданы и кокосовые пальмы. Его плоды употребляли в пищу,

а из древесины делали кили лодок. Остальная часть лодок изготовлялась из сплавного леса: сосновые стволы прибывало к островам с севера, пальмовые и бамбуковые — из тропических стран Азии, прежде всего из Индонезии.

Животный мир о-вов Радака, по заключению Шамиссо, беден видами; особенно скудно представлены млекопитающие. Единственным широко распространившимся по всем островам видом были крысы. Очень однообразным был мир насекомых. В отличие от островной суши окружающие воды обильно населены различными животными. Из крупных животных недалеко от островов появляются дельфины, иногда кашалоты. Особенно богат мир рыб. С внешней стороны рифов иногда появляются целые стада акул. Широко распространены летучие рыбы; некоторые виды их радакцы употребляли в пищу. Встречаются два вида скатов крупных размеров: они ядовиты, и островитяне вылавливают их ради кожи, которую используют для изготовления барабанов. Встречаются морские черепахи. Прибрежные воды богаты беспозвоночными животными; распространены разнообразными иглокожие: морские ежи, морские звезды, кубышки, или трепанги, много медуз, моллюсков, ракообразных, червей. Раковины некоторых улиток островитяне употребляют в качестве украшений и для изготовления орудий труда. Но вместе с тем, как заметили путешественники, они совершенно не употребляли в пищу такие дары моря, как, например, трепанги.

При возвращении на родину Коцебу останавливался на неделю в порту о-ва Гуагам (Гуам), бывшего в то время вместе с другими Марианскими островами владениями Испании. По свидетельству Коцебу, еще не было ни одной карты о-ва Гуагам, которой можно было бы руководствоваться в плавании. Коцебу сам произвел опись и составил план «одной из безопаснейших в свете» гавани острова, ранее совершенно неизвестной, — La Kalderona de Apra. Эту гавань, образованную рифами и защищенную при входе островом, Коцебу сопоставил с гаванями о-вов Вагу (Оаху) и Гана-Пура (Гонолулу), описанных впервые им же. Действительно, по настоящее время Апра является наилучшей гаванью о-ва Гуагам. Природную среду этого острова путешественники нашли сильно измененной в результате испанской колонизации: большие участки леса были вырублены.

Коцебу и Шамиссо составили экспедиционные варианты карты Каролинских островов. Коцебу использовал сведения, сообщенные жителем о-ва Улеай Эдоком, которые подтвердил другой местный житель — Каду. Оба они утверждали черты сходства Каролинских островов с островами цепи Радак. Они сообщили, что четыре острова Каролинского архипелага высокие, а остальные низменные, как и о-ва Радака. Впоследствии, при исследовании Каролинских островов Ф. П. Литке, эти сведения улеайца Эдока подтвердились; но карта, составленная с

его слов, оказалась неточной, особенно в отношении расстояний между островами.

Что касается испанских документов и архивов в Аганье (административном центре Гуама), то изучением их занимался преимущественно Шамиссо. Ознакомление с ними убедило Шамиссо, а также Коцебу в том, что испанцы не произвели гидрографических исследований Каролинского архипелага. Коцебу пришлось упрекнуть испанцев в отсутствии надежной для мореплавателя точной карты даже Манильской бухты.

Как уже отмечалось выше, Н. Ф. Крузенштерн, организуя экспедицию Коцебу на бриге «Рюрик», придавал очень большое значение океанологическим наблюдениям. Он вместе с астрономом-физиком Горнером считал, что океанологические исследования послужат средством изучения природы земного шара в целом. Передовые взгляды Крузенштерна на науку сказались в подготовке и осуществлении экспедиции Коцебу: «Рюрик» получил оснащение для ведения океанологических исследований. В инструкциях, разработанных для плавания «Рюрика» Крузенштерном и Горнером, предусматривались также и метеорологические наблюдения. Например, в инструкции Горнера говорится следующее: «Исследование степени теплоты морской воды как *на поверхности*, так и *на глубине* чрезвычайно важно для общего познания климатов нашего земного шара. Непрерывный ряд наблюдений над степенью теплоты морской воды, произведенных в одинаковое время года и в одинаковой глубине через каждые 5° широты, начиная от экватора до полюсов, доставил бы нам общие заключения о средней степени нагревания земного шара гораздо скорее и вернее, нежели самые замысловатые умозрительные рассуждения...» [1, ч. I, с. CLXXV]. Эти взгляды Крузенштерна и других передовых российских исследователей-географов вполне усвоил и О. Е. Коцебу.

Иными словами, им уже были присущи в известной мере взгляды на природу поверхности Земли как на взаимосвязанное единое целое. Известно, что такая идея изучения природы послужила основой создания учения о зонах природы, разработанного выдающимся русским ученым В. В. Докучаевым.

В результате многократных наблюдений, произведенных Коцебу над удельным весом поверхностных океанических вод, выявилась зональность степени их солености. Было выяснено, что океанические воды жаркого пояса имеют более высокую соленость, чем океанические воды умеренного пояса. Расширились представления о температуре океанических вод на глубине. Коцебу производил исследование температуры океанических вод в толще до 200 м. В результате выявилась зависимость тепловых свойств вод от широты места, а также граница, за пределами которой в температурном режиме не сказывается сезонность.

Коцебу впервые производил наблюдения над прозрачностью воды, задолго до работы с диском Секки.

Океанологические исследования Коцебу на бриге «Рюрик» следует рассматривать и как серьезную подготовку к блестящим океанологическим исследованиям русского физика Э. Х. Ленца во время кругосветного плавания на шлюпе «Предприятие» в 1823—1826 гг., также под командованием О. Е. Коцебу.

С сожалением приходится отметить, что в современной географической литературе о коралловых островах и рифах большей частью даже не упоминается вклад Коцебу и Шамиссо в изучение этого интересного явления природы. В сводке по геологии океанического дна американского ученого Ф. Шипарда в главе о коралловых рифах не упоминается ни имени Коцебу, ни имени Беллинсгаузена [12]. Не ссылается автор и на других наших исследователей более позднего времени. С сожалением приходится констатировать, что переиздание сочинений Коцебу и Беллинсгаузена было осуществлено лишь в 1948 г. (Коцебу) и в 1949 г. (Беллинсгаузен). Сочинения Шамиссо почти не переиздавались, нет их переводов и на русский язык⁵. И если это может в какой-то мере объяснить неведение Ф. Шипарда, то не оправдывает умолчание имени Коцебу и Шамиссо в предисловии научного редактора русского перевода книги Шипарда В. П. Зенковича, хотя он не мог не знать, что Коцебу и Шамиссо первыми изложили свои взгляды на происхождение коралловых островов и развитие на них жизни.

В книге О. К. Леонтьева, о которой мы говорили выше, первая попытка объяснить образование краевого рифа и лагуны приписывается Ф. Беллинсгаузену, имена же Коцебу и Шамиссо опять обходятся молчанием [8, с. 178]. В небольшой статье А. В. Ступишина, посвященной роли Ф. Ф. Беллинсгаузена в развитии учения о коралловых островах, исследования и высказывания Коцебу также совершенно игнорируются [10]. Только в книге А. И. Равикович, превосходно изданной Академией наук СССР для широкого круга читателей, рассматривается вопрос об участии Коцебу и его спутников в развитии науки о коралловых островах и рифах [9, с. 8—10]. Но и этот автор теорию происхождения коралловых островов и расселения на них растительности приписывает исключительно Беллинсгаузену.

Высказывания Коцебу и Шамиссо о происхождении коралло-

---

⁵ Его «Путешествие вокруг света» вышло на немецком языке в 1836 г. [13] и было переиздано в 1952 г. [14].

Научное наследие А. Шамиссо еще ждет углубленного изучения. Если он достаточно известен как поэт и писатель, то его научные работы знакомы лишь узкому кругу специалистов. В ноябре 1965 г. на заседании Географического общества СССР в Ленинграде биолог А. Е. Аренс сделал доклад о Шамиссо и подготовил интересную работу о его участии в экспедиции на «Рюрик», но она до сих пор не опубликована.

вых островов и постепенном заселении их жизнью не должны быть забыты советской наукой. В XX в. исследователи коралловых рифов от работ XIX в., имевших в большинстве своем описательный характер, снова обратились к изучению фактических данных. В связи с этим наблюдения Коцебу, Шамиссо, Беллинсгаузена, Литке и их спутников о коралловых островах имеют большое не только историческое, но и практическое значение.

Литература

1. Горнер И. Инструкция, данная флота лейтенанту Коцебу, об астрономических и физических наблюдениях во время путешествия его на корабле «Рюрик». — О. Е. Коцебу. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах на корабле «Рюрик». Ч. 1. СПб., 1822.
2. Дарвин Ч. Строение и распределение коралловых рифов. — Ч. Дарвин. Сочинения. Т. II. М., 1936.
3. Коцебу О. Е. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах на корабле «Рюрик». Ч. I—III. СПб., 1821—1823.
4. Коцебу О. Е. Путешествия вокруг света. Изд. 2-е. М., 1948.
5. Коцебу Отто Евстафьевич. Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2-е. Т. 23.
6. Крузенштерн И. Ф. Введение. — О. Е. Коцебу. Путешествие... Ч. I.
7. Крузенштерн И. Ф. Рассмотрение открытий, učinенных в Великом океане с корабля «Рюрик». — О. Е. Коцебу. Путешествие... Ч. II.
8. Леонтьев О. К. Геоморфология морских берегов и дна. Под ред. проф. В. П. Зенковича. М., 1955.
9. Равикович А. И. Современные и ископаемые рифы. Под ред. В. А. Варсанюфьевой. М., 1954.
10. Ступишин А. В. Беллинсгаузен и его учение о коралловых островах. — «Известия Всесоюзного географического общества». Т. 82, вып. 3, 1950.
11. Шамиссо А. Наблюдения и замечания естествоиспытателя экспедиции. — О. Е. Коцебу. Путешествие... Ч. III.
12. Шипард Ф. Геология моря. Пер. с англ. М., 1951.
13. Chamisso A. von. Reise um die Welt in den Jahren 1815—1818. B., 1836.
14. Chamisso A. von. Reise um die Welt in den Jahren. 1815—1818. B., 1952.
15. [Kotzeby O. E.] Kotzebu Voyage of Discovery into the South Sea. L., 1821.

З. К. Виноградова

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Ф. П. ЛИТКЕ В КАРОЛИНСКОМ АРХИПЕЛАГЕ (1826—1829) ¹

Во время кругосветного плавания на военном шлюпе «Сенявин» (1826—1829) Ф. П. Литке со своими спутниками-естествоиспытателями производил в Каролинском архипелаге крупные общегеографические, геофизические, океанографические, гидрографические, климатические исследования.

До экспедиции Литке не было карты Каролинского архипелага, составленной на основании точных гидрографических изысканий. На это обстоятельство указывал Ф. П. Литке [3, ч. II, с. 223—228]. За два зимних сезона он со своими спутниками составил подробную гидрографическую опись 26 групп и отдельных островов Каролинского архипелага, из них «12 суть новое открытие». В результате была составлена достаточно точная карта Каролинского архипелага, в которой оставались «без пристанища весьма немногие из названий, приводивших доселе в недоумение географов».

К сожалению, сам Литке по причине чрезвычайной занятости по службе (о чем он говорит с большой досадой во вступлении к «Отделению мореходному» своего труда) не закончил публикацию этого «отделения». Остались неизданными «описания островов Каролинских и Бонин Сима, замечания о Рио-Жанейро, Вальпарайсо и Маниле». Литке надеялся выпустить в свет эти описания, но его ученые, административные и иные обязанности помешали ему исполнить задуманное². Поэтому об островах Каролинского архипелага и их природе сохранился лишь тот материал, который был включен Литке в три части «От-

¹ Посмертная публикация.

² Вспомним, что Ф. П. Литке был главным инициатором создания Русского географического общества в 1845 г., что с 1864 по 1881 г. он был президентом Академии наук. Вероятно, не последнее место среди его занятий занимала обязанность воспитателя великого князя Константина Николаевича, которая лежала на нем с 1832 по 1850 г. На это обращает внимание С. А. Кудрявцев-Скайф [2]. Сам Ф. П. Литке писал: «Недосуг — предлог пошлый; но начальство мое и товарищи, которым известен род занятий моих, не сочтут сказанного мною пустой отговоркой» [3, Отделение мореходное, с. V].

деления исторического» и в три первых раздела «Отделения мореходного».

Шлюп «Сенявин» прошел через Каролинский архипелаг с востока на запад: от о-ва Юалан (Кусайе) до группы Улыфый. Развивая славные традиции отечественных мореплавателей, заложенные еще Крузенштерном, Литке стремился внедрить в науку местные наименования островов. Он писал: «Название мест, природными жителями употребляемые, необходимы для прочного, систематического описания всякой страны, в особенности же столь обширного архипелага, каков Каролинский... Если мы мореходцы, в разные времена видевшие большую часть Каролинских островов, брали на себя труд узнавать настоящие их названия, то география сего архипелага никогда бы не представляла того хаоса, в котором мы блуждали до самого последнего времени» [3, ч. II, с. 23—24].

Гидрографические и общегеографические исследования в архипелаге были начаты Литке с о-ва Юалан, на котором путешественники прожили почти три месяца. Благодаря дружелюбному отношению юаланцев они совершали экскурсии, могли спокойно заниматься исследованиями его природы.

Остров Юалан (Кусайе). Площадь его составляет 112 кв. км, координаты — $5^{\circ}19'$ с. ш. и $163^{\circ}06'$ в. д. Это один из четырех возвышенных островов Каролинского архипелага. Остров сложен темноцветными базальтами, одетыми мощной корой выветривания. Обнажения базальтов можно было видеть только по расщелинам и выступающим в море мысам. Возвышенная часть острова (по определением Постельса, до 600 м высотой) сильно расчленена быстротекущими речками и ручьями. Берега же островов преимущественно низменны, окружены коралловыми рифами, островками, мало расчленены у побережий, особенно южных, образуют лагуны. Только там, где отроги гор круто спускаются к морю, берега скалисты. Горы постоянно окутаны туманом, облаками. С возвышенностей острова берут начало многочисленные реки и ручьи с прекрасной водой.

Литке отметил высокую влажность климата острова. Даже в зимние месяцы не проходило ни одного дня без дождя (теперь известно, что на Восточных Каролинах выпадает до 6000 мм атмосферных осадков в год). Литке и его спутники убедились, судя по состоянию здоровья юаланцев и членов экипажа «Сенявина», что климат острова для жизни человека благоприятен.

Не прошла мимо внимания Литке еще одна климатическая особенность юаланской природы: возвышенный остров, хотя и не в такой степени, как Гавайские острова, влияет на ветровые условия, нарушая правильность пассата в районе острова. Ф. Литке так описывает это: «...открылся нам остров Юалан... Пассат, дувший до того ровно и свежо, утих, так что мы к вечеру были еще в десяти милях от острова. Замечательно

влияние высокой земли, даже и весьма необширной, на правильность пассата. Ночью ветер на несколько часов перешел к западу, а потом обошел кругом весь компас, вокруг горизонта играла зарница; дождь почти не прекращался. Трое суток продолжались маловетрия со всех сторон, где находится гавань Ля-Кокиль» [3, Отделение мореходное, с. 47—48].

Низины, затопляемые во время прилива, но защищенные от ударов волн рифом, покрыты густой, но однообразной мангровой растительностью. Литке, совершая на байдарке поездку в селение Люаль, описал внешний облик такой прибрежной полосы: «Чтобы достигнуть до него (селения Люаль.—З. В.), должно проехать сквозь опушку мангровых и других растений, окружающих берег сажен на 100 или более. Странно и интересно проезжать в лодке сквозь весьма густую рощу деревьев, растущих на тысячесводной аркаде, вздымающейся из воды бесчисленным множеством отраслей, кои сплетением своим образуют непроницаемую стену» [3, ч. I, с. 220]. Литке и Постельса описали сонерации (*Sonneratia*) и ризофоры (*Rhizophora conjugata*), столь широко известные в классических мангровых зарослях Индонезии.

Разнообразная тропическая растительность покрывала незатопляемые низины и склоны возвышенностей в условиях влажного экваториального климата на плодородных красноземных почвах, сформировавшихся на продуктах выветривания вулканических пород.

К сожалению, путешественникам не удалось подняться на возвышенности в глубине острова. Поэтому они не могли ознакомиться с природой внутренних районов острова.

Подробный обзор животного мира Юалана был дан в «Обзоре зоологических занятий экспедиции» зоологом экспедиции Китлицом. Последний отметил, что Юалан изобилен животными, но здесь, «как на других отдельно лежащих островах, недостает разнообразия в видах» [3, ч. III, с. 233]. Из млекопитающих Китлиц отметил один вид рода вампиров (*Pteropus*) и один вид крыс, сильно расплодившихся на острове. Оба вида животных причиняли жителям много вреда. Вампир населял рощи кокосовых пальм и хлебных деревьев, питаясь их плодами. Крысы истребляли продовольственные запасы островитян. Тенистые лесные заросли Юалана изобиловали пернатым населением. Китлиц, особенно увлекавшийся, по свидетельству Постельса, орнитологией, описал более десятка видов птиц с ярким, красочным оперением, населявших леса и рощи плодовых деревьев острова, а также большое количество видов птиц, жизнь которых связана с прибрежными водами рифов Юалана. Многие из них питаются рыбами, раками, ящерицами и т. д. Например, он назвал такие виды: зуек обыкновенный (*Chalcidrius pluvialis*), камневращатель (*Streptopelia collaris*), жулик синеногий (*Numenius phaeopus*). Из птиц, наиболее распростра-

ненных и ценных для жителей острова, Китлиц отметил кур и океанского голубя (*Columba oceanica*).

Остров был обильно населен пресмыкающимися: ящерицами, черепахами, но, подобно другим островам Тихого океана, беден насекомыми. «Между ними чаще всего показывались до трех родов бабочек средней величины и один вид кобылок» [3, ч. III, с. 239]. Окружающие остров морские воды изобиловали разнообразными рыбами. К сожалению, Китлиц не выделил видов рыб, имевших и тогда наибольшее промысловое значение для островитян. Он обратил внимание только на множество видов рыб рода угрей в пресных водах рек и потоков острова.

В теплых водах примыкавших к острову лагун, в прибрежной и открытой океанической поверхности богато и разнообразно были представлены моллюски, различные мягкотелые, среди которых преимущественным распространением пользовались большие кубышки.

Природная среда о-ва Юалан с плодородными почвами, обильной тропической лесной растительностью и богатством животного мира окружавших теплых вод выгодно отличалась от природной среды коралловых островов архипелага изобилием средств существования для человека. Юаланцы получали все необходимое для своей жизни на острове и совершенно не имели торговых сношений с жителями других островов.

Литке дал оценку природной среды острова с точки зрения нужд мореплавателей: «Покойная гавань, хороший климат, добрый народ, изобилие пресной воды и плодов, которые не менее мясной пищи способствуют подкреплению людей после продолжительного плаванья... Дикие голуби и куры доставляют сколь вкусное жаркое, столь же сочную и питательную похлебку» [3, ч. I, с. 285—286].

Острова Сенявина. Северо-западнее острова Юалан между 60°43' с. ш. и 158°30'—158° з. д. Литке открыл значительную островную группу, состоявшую из нескольких небольших коралловых островов, окружавших самый большой по площади и самый высокий вулканический остров Каролинского архипелага — Пыйнипет, более известный сейчас под именем Понапе, площадью 347 кв. км. Он привлек главное внимание путешественников. Но враждебное отношение островитян помешало исследователям совершить экскурсии по острову и ближе ознакомиться с его природой. По этой же причине Литке не удалось установить и местное название всей островной группы. Поэтому он назвал ее о-вами Сенявина «в честь достопочтенного мужа, которого именем украшено было судно наше» [3, ч. II, с. 14]. По описаниям Литке и Постельса, гористый остров Пыйнипет имеет в центре куполообразную, несколько сплюснутую вершину, достигающую почти 900 м высоты. Сложен остров преимущественно базальтами, которые путешественники могли хорошо видеть по крутым обрывистым участкам побережий. Все же

большая часть берега окаймлена узкой низменной полосой. На подветренной южной и западной стороне были видны непроходимые мангровые заросли. Остров окружен коралловыми рифами, препятствующими подходу судов. Против северо-западных побережий острова Литке со своими спутниками обнаружил вход в хорошую гавань. Но островитяне на лодках в такой степени препятствовали лейтенанту Завалишину, отправившемуся на шлюпке исследовать открывшуюся гавань, что Литке нашел нужным отказаться от дальнейших попыток найти якорное место и назвал эту гавань портом Дурного Приема.

Путешественники отметили богатство пышной тропической лесной растительности на горных склонах острова. Нижние участки склонов и побережья острова были покрыты рощами кокосовой пальмы и хлебного дерева. Только отвесные, обрывистые склоны местами были лишены растительности. О составе растительности и о животном мире острова путешественники при сложившихся обстоятельствах не смогли получить достаточных представлений. Китлиц очень сожалел об этом, так как с корабля органический мир острова казался еще более богатым, чем органический мир на о-ве Юалан. «О животных на сем острове мы успели узнать только то,—сообщает он,—что там водится особая порода домашних собак, которых совершенно нет на других Каролинских островах» [3, ч. III, с. 241]. Одного пыйнипетского очень злого щенка Литке привез даже в Кронштадт. В прибрежных древесных зарослях исследователи со шлюпки и корабля наблюдали птиц таких же, как юаланские.

Таким образом, исследование о-вов Сенявина путешественникам пришлось ограничить только гидрографической описью.

Острова Мортлока (Номои). Коралловые острова Мортлока (Номои), расположенные между $5^{\circ}17'$ и $5^{\circ}37'$ с. ш. и $153^{\circ}59'$ и $153^{\circ}37'$ в. д., были следующим на запад объектом гидрографических и других исследований Литке. Острова Мортлока состоят из трех атоллов, насчитывающих до 90 коралловых островов разной величины. В восточной группе, включающей о-в Лугунор, была обнаружена удобная гавань, в которой путешественники и остановились. Благожелательное отношение островитян дало возможность производить изучение природы островов.

Коралловые острова имеют очень однообразный облик. Литке дал описание картины, постепенно открывающейся при приближении к коралловому острову: «...означается на горизонте бледно-зеленоватая полоса, которая каждую минуту становится ярче... показываются буруны на большем или меньшем расстоянии... через четверть часа вы видите весьма низменный белый берег и все, что на нем происходит, можете различить роды деревьев и прочее» [3, ч. II, с. 35]. Ученый многократно отмечал: «Томительное единообразие коралловых островов имеет по крайней мере ту выгоду, что избавляет путешественника от обязанности описывать особенно вид каждой группы. Увидев одну,

видел все... Со стороны лагуны представляют они все кругообразную песчаную полосу, покрытую густым лесом и прерванную несколькими промежутками, окраенными рамкою бурунов не скрывающей от глаз дали, сливающейся с небом...» И далее: «Коралловые острова вообще имеют вид подковы, через которую море только что не переливается, едва сделаешь несколько шагов от одного берега, встречаешь другой» [3, ч. II, с. 102—104].

Не составляет исключения и подробно исследованный коралловый остров Лугунор. Узкий — от полукилометра до 150 шагов, он изгибается подковой. Середина острова возвышается на два-три метра и занята рощами хлебных деревьев, по берегам же произрастают кокосовые пальмы и панданусы. Южная часть острова песчаная, а на севере, где находились плантации, почвы темноцветные. Плантации были пересечены оросительными каналами и межами, отмечающими границы земельных владений разных старейшин. Селения и плантации окружены лесом. Остров беден поверхностными водами. Текучих пресных вод на острове нет. Скудные запасы дождевой воды накапливаются в ямах или в небольших углублениях, выдалбливаемых островитянами в пнях кокосовых пальм.

Мертенс, противопоставляя природу гористых островов природным условиям низменных коралловых островов, указывал, что последние далеко уступают первым по развитию растительного покрова. Маломощные почвы, насыщенность воздуха мельчайшими солеными брызгами, видимо из-за малых размеров коралловых островов, вероятно, неблагоприятны для большого числа видов тропической растительности. Но эти условия, напротив, способствуют произрастанию кокосовой пальмы и хлебного дерева. Именно на коралловых островах они достигают больших размеров. Корни их глубоко проникают в трещины коралла, где накапливаются остатки отмерших частиц растений, которые ускоряют процесс почвообразования. «Нигде нельзя найти кокосовой пальмы и даже хлебного дерева в такой степени совершенства, как на сих островах; из чего заключить можно, кажется, что сия то именно почва наиболее им прилична. Хлебное дерево растет лучше посредине островов, где оно образует прекрасные рощи, окруженные обыкновенно по опушке кокосовыми пальмами, которым привольнее, как можно везде заметить в непосредственном соседстве моря» [3, ч. III, с. III]. Указание на такую экологическую особенность кокосовой пальмы и хлебного дерева находим и у акад. П. М. Жуковского [1, с. 179—180].

В лесах, окружающих селения и плантации, Мертенс отметил значительное число видов древесной и кустарниковой растительности, но он многократно упоминал о меньшем ее разнообразии сравнительно с вулканическими островами. На Лугуноре и других коралловых островах в лесных зарослях произрастают

турнефорция (*Turnefortia argentea*) — невысокое дерево, листья которого имеют серебристо-серый цвет; сцевола (*Scaevola Hoenigii*) более походит на куст и яркой зеленью листьев и мелкими белыми цветами украшает берега островов; местами встречаются и довольно крупные деревья, такие, как эритрина (*Erythrina indica*), обыкновенная смоковница, или баниан (*Ficus indica*), баррингтония (*Barringtonia acutangula*) с темными и глянцевиными листьями. Среди древесных зарослей попадаются вьющиеся растения, в наземном покрове встречаются папоротниковые, но на коралловых островах совсем нет древовидных папоротников, столь распространенных на высоких вулканических островах. Близко от берега нередко встречается панданус двух видов.

Зоологические исследования Китлиа на коралловых островах привели его к выводу, что животный мир коралловых островов в большой степени сходен с животным миром Юалана. На Лугунорских островах Китлиа отметил два вида млекопитающих. Там водятся крылоног морской (*Pteropus pelagicus*), поразивший исследователя живучестью и силой мускулатуры, и мышь (*Mus setifer*). В лесах и рощах большое количество птиц, среди них много певчих и птиц с красочным, красивым оперением. Как и на Юалане, наиболее полезные для человека — это голубь океанский (*Columba oceanica*) и куры, напоминающие обычных домашних кур. В лагунах у побережий много береговых и водоплавающих птиц: цапля (*Ardeidae*), пеликан (*Pelicanus minor*) и др. Из пресмыкающихся широко распространена медно-красная ящерица, известная также на Юалане. Теплые воды, окружающие острова, богаты летучими рыбами, бонитами: но особенно много в этих водах мягкотелых; часто встречаются кубышки, так же как и в водах, окружающих о-в Юалан.

Литке сделал гидрографическое описание о-вов Мортлока: «Группа была описана подробно на гребных судах; хронометры поверены и сделано множество лунных наблюдений» [3, ч. II, с. 42]. В группе о-вов Мортлока (Номои) кроме купы Лугунор была произведена опись купы *Сотоан*, состоящей из малонаселенных, покрытых лесной растительностью 60 коралловых островов и островков. Произведена опись самой северной купы — Эталъ, жители которой очень дружески относились к путешественникам.

Острова Намолук (*Намуик*) расположены северо-западнее о-вов Мортлока. Это небольшая группа низменных коралловых островов, которую экспедиция быстро обошла и произвела ее опись. Жители этой группы во многом были похожи на лугунорцев и поддерживали с ними дружественные отношения и столь же любезны и дружелюбны к путешественникам.

Климат Каролинских островов в целом Мертенс оценивал как один из самых приятных [3, ч. III, с. 162—163]. Тропиче-

ская жара умеряется свежестью ветров и близостью моря. В летний сезон выпадают обильные осадки, вызванные господствующими в это время продолжительными штилями. Дожди летом нередко продолжаются по несколько суток. Воздух охлаждается обильной росой. Обильные дожди быстро разрушают крыши хижин островитян, и последним приходится покрывать их дважды в год, а иногда и чаще. Самые неприятные по погодным условиям месяцы — январь — февраль, когда часто свирепствуют сильные бури с грозой, наводящие на островитян ужас. Обычно в это время островитяне-мореплаватели не удаляются далеко от берегов.

Остров Руг (Трук, или Дублон) площадью 132 кв. км, к сожалению, не стал для Литке и его спутников объектом подробного изучения. Необходимость спешить к Марианским островам помешала Литке заняться исследованием природы острова. Пришлось ограничиться лишь гидрографической описью. Постелью очень сожалел, что этот высокий вулканический остров остался непосещенным. Остров Руг представляет собой горный массив, склоны которого были одеты богатой тропической лесной растительностью, лишь местами встречались лишенные растительности скалы. Остров Руг окружен мелкими коралловыми островами и рифами³.

Далее на пути к Марианским островам был описан еще ряд коралловых островов или их куп. Среди них особенно интересными оказались *о-ва Намонуито*, расположенные между 8°33' и 9° с. ш. и 150°31' и 149°47' в. д. Они интересны тем, что, возможно, представляют собой атолл, формирование которого еще не закончилось, так как не сомкнулось кольцо островов и рифов. Но уже образовалось мелководное дно будущей лагуны, на наветренном краю будущего кольца уже возник ряд островов, соединенных рифом, а на противоположной стороне образовался пока только один остров. Такое незавершенное состояние атолла, причиной которого могло быть как более позднее его возникновение, так и большая его величина, дало повод Литке высказать предположение о дальнейшем развитии этой группы островов: «Если справедлива наиболее принятая гипотеза, что бесчисленные миллионы микроскопических животных работают над возвышением краев таковых плотин, покуда оные, достигнув до поверхности, образуют непрерывную цепь островов и рифов, то группа Намонуито может послужить со временем — быть может, через тысячелетия — мерою успехов работ сих и будет одной из обширейших, имея до 45 миль длины от востока к западу» [3, ч. II, с. 77].

Общительные жители этой островной группы, многие из которых уже неоднократно побывали на Марианских островах,

³ Ныне на ю-ве Руг находится г. Трук (или Дублон) — административный центр Каролинского архипелага, фактически принадлежащего США. На острове находится также военная база США.

вели бойкую меновую торговлю с моряками «Сенявина». Они навезли большое количество рыбы, особенно летучей. Натуралисты экспедиции обнаружили до 13 их видов, которые ранее путешественникам в водах архипелага не попадались.

После кратковременного отдыха и проведения намеченных опытов на о-ве Гуахан (Гуам⁴) Литке направил шлюп «Сенявин» снова в архипелаг Каролинских островов для дальнейшего исследования. Это было второе плавание Литке по Каролинскому архипелагу. В западной части архипелага была произведена гидрографическая опись островных групп: Элато, Намурек, Фарройлап.

Острова Улеай (Улити) находятся под 7°21' с. ш. и 143°57' в. д. Вся группа состоит из низменных коралловых островов и имеет в окружности около 28 км. На прежних же картах Каролин (карты Кантовы, Шамиссо) она обозначалась в 20—30 раз большею. Названные выше карты составлялись по начертаниям самих островитян.

Собственно остров Улеай отличается от других коралловых островов. Он занимает довольно большую площадь. Середина острова была занята рощами хлебных деревьев, между которыми располагались расчищенные площадки с жилищами островитян. Южная сторона острова не имела отмели, затрудняющей причал судов, обычной у других коралловых островов⁵.

Литке и его спутникам не приходилось слышать от улеайцев рассказов о землетрясениях. Но большие расщелины в рифе, окружающем группу Улеай, обнаруженные учеными экспедиции [3, ч. III, с. 163—164], навели их на предположение о происходивших в этом районе землетрясениях. Действительно, Западные Каролины расположены в сейсмической тихоокеанской области.

Китлиц обратил внимание на скудость животного мира Западных Каролин, в частности группы Улеай. Ни кур, ни голубей путешественники там не видели. Из птиц широко распространенными оказались различные виды мартышек (*Sterna*): мартышка глупая, мартышка черношейная, мартышка тонкоклювая, пеликаны. Было много ручных домашних кошек, завезенных на острова из Манилы.

Последний, третий раз Ф. Литке на шлюпе «Сенявин» посетил Каролинские острова в ноябре — декабре 1828 г., на пути следования из Петропавловской гавани в Балтику. Наиболее значительные исследования были произведены на островах группы *Мурилле (Мурило)*, расположенных под 8°47' с. ш. и 156°05' в. д. Она состоит из девяти разных по величине островов. Литке обнаружил на подветренной стороне группы опасную, особенно в ночное время, подводную часть рифа, заметную только по зеле-

⁴ У О. Е. Коцебу — Гуагам (см. настоящий сборник, с. 34).

⁵ Ныне на о-ве Улеай расположена военная база США.

новатому цвету воды. Наветренные острова были заселены островитянами.

Затем была произведена гидрографическая опись группы *Фанану*, состоящей из 13 коралловых островов.

В Западных Каролинах производилось уточнение предшествующих исследований и изучение интересного острова *Фейс*. На лодках островитян ученые высаживались на остров и занимались исследованием его природы. Как сообщает Мертенс, о-в Фейс не имеет лагуны, столь обычной для коралловых островов; он расположен обособленно, не окружен рифом; якорных стоянок нет [3, ч. III, с. 112—113]. Сравнительно с другими коралловыми островами о-в Фейс довольно высок: известковые скалы его возвышаются у берегов местами до 25—32 м. Рельеф острова характеризуется понижением местности к середине острова, где когда-то, вероятно, была лагуна. Внутренняя пониженная часть острова отличается наиболее высоким плодородием почвы. Она наиболее освоена и возделана островитянами. Можно предположить, что о-в Фейс являет собой пример коралловых островных построек в наиболее зрелом, завершенном состоянии в противоположность островной группе Намонуито, не достигшей ещё состояния атолла.

Подводя итоги исследований своей экспедиции на Каролинском архипелаге, Литке писал: «Каролинский архипелаг, считаемый дотоле весьма опасным для мореплавания, будет отныне безопасен наравне с известнейшими местами земного шара» [3, ч. I, с. 8].

Вклад Ф. П. Литке и руководимой им кругосветной экспедиции в изучение географии Тихого океана весьма значителен: на Каролинском архипелаге было открыто 12 новых островов, собран большой материал по океанографии, природоведению, этнографии.

Литература

1. Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи. М., 1950.
2. Кудрявцев-Скайф С. А. Федор Петрович Литке.— Русские мореплаватели. М., 1953.
3. Литке Ф. П. Путешествие вокруг света... на военном шлюпе «Сенявин» в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах.— СПб., ч. I, 1834; ч. II, 1835; ч. III, 1836; Отделение мореходное, с атласом. СПб., 1835.

Л. М. Дёмин

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ Г. И. НЕВЕЛЬСКОГО
(продолжение архивной находки)

В одном из выпусков сборника «Страны и народы Востока» был опубликован интереснейший документ «Подробный отчет Г. И. Невельского о его исторической экспедиции 1849 г. к о-ву Сахалин и устью Амура» [3, с. 114—149]. Автор публикации Б. П. Полевой обнаружил в архиве Географического общества СССР среди бумаг, поступивших от известного историка русского флота Ф. Ф. Веселаго, анонимную рукопись под заголовком «Описание Северо-восточныя и северо-западныя берега острова Сахалина». Б. П. Полевой убедительно доказал, что авторство этого документа принадлежит выдающемуся русскому мореплавателю Геннадию Ивановичу Невельскому, первооткрывателю и неутомимому исследователю ряда районов Приморья. Документ связан с историческим плаванием 1849 г. к берегам Сахалина, устью Амура и далее вдоль Охотского побережья.

К сожалению, в распоряжении Б. П. Полевого оказался не подлинный текст, а одна из его неполных копий. Комментируя опубликованный текст, автор публикации высказывал мнение, ссылаясь на встречающиеся упоминания в материалах фондов Гидрографического департамента Центрального госархива военно-морского флота (ЦГАВМФ), что описание Невельского имело приложение — «Список деревням в лимане Амура с означением числа дворов и несколько слов, переведенных с гилияцкого языка на русский» [4, ф. 402, оп. 2, д. 179, л. 27]. Этого приложения в бумагах Ф. Ф. Веселаго не оказалось.

Работая в том же архиве, мы обнаружили другую копию документа, на этот раз полную. Она находилась в деле, называвшемся «О кругосветном плавании фрегата „Диана“. Описание северо-восточных, северных и северо-западных берегов острова Сахалин» под номером 6533.

Каким образом отчет, составленный Г. И. Невельским, был приобщен в дело, связанное с плаванием «Дианы»? Ведь на ней

Геннадию Ивановичу никогда не доводилось плавать. Судьба этого корабля была трагической. Фрегат находился в подчинении адмирала Путятина, который был направлен с важной дипломатической миссией в Японию. Кроме того, морское ведомство рассчитывало использовать его сперва «для гидрографических работ и ученого описания островов Алеутских и Курильских». Об этом можно судить по имеющимся в архивном деле соответствующим предписаниям и инструкциям [4, ф. 283, оп. 3, д. 6533, с. 48—59]. Однако гибель фрегата во время страшного цунами в 1854 г. у японских берегов не дала возможности экипажу выполнить поставленные задачи.

Снаряжая корабль в дальнее и ответственное плавание, морское ведомство снабдило экипаж морскими картами, инструментами и отчетом Г. И. Невельского для «надлежащего сведения». Отчет служил как бы пособием и наставлением для командира и других офицеров «Дианы». Для командира «Дианы» капитан-лейтенанта С. С. Лесовского он должен был являться эталоном при составлении будущих своих отчетов об исследованиях в северной части Тихого океана. Это было красноречивым свидетельством признания авторитета Г. И. Невельского как исследователя и мореплавателя.

Архивная копия, выполненная, очевидно, с подлинника, находящегося в Гидрографическом департаменте, который обычно снабжал корабли необходимыми картами, наставлениями, инструментами, написана крупным, четким почерком. Нами был проделан сравнительный текстологический анализ обеих копий — опубликованной Б. П. Полевым и найденной в фондах архива военно-морского флота. В целом оба текста тождественны. Выявлены лишь незначительные редакционно-стилистические отличия. Они касаются, в частности, пунктуации, порядка слов в предложении, сокращенного или полного написания некоторых специальных терминов. Причастный оборот, имеющий место в одном варианте, заменяется придаточным предложением в другом.

В опубликованном отчете две фразы заключительного раздела, посвященного жителям о-ва Сахалин, амурского лимана и его окрестностей, даются в общем тексте, тогда как в обнаруженном нами варианте они даются в сноске. Редакционно-стилистические различия встречаются несколько чаще в первых разделах отчета, в которых речь идет о географии и гидрографии. Большей стилистической завершенностью отличается копия, предназначенная для экипажа «Дианы». Возможно, что над редактированием черновика работал сам Г. И. Невельской, а в качестве черновика использовал тот текст, который был найден в бумагах Ф. Ф. Веселого.

Вариант ЦГАВМФ имеет приложение на четырех листах, которого нет в предыдущей публикации [4, ф. 283, оп. 3, д. 6533, с. 44—47]. Ниже мы приводим текст этих четырех страниц.

«Список деревням, находящимся в лимане р. Амур

Название	Число дворов	Кем заселена
По Татарскому берегу		
Лангри	15	Начиная от мыса Ромбергха
Неизвестная	10	
Учи	6	
Тавеле	4	
Куле	15	
Ноки	3	
Удо	4	
Ляндю	5	
Матгу	4	
Пуир	3	
Петоле	6	
Пронгэ	12	
Галю	12	
Уси	10	
Цыгри	5	
Мый	22	
Уске	3	
Теми	2	
Чехон-денги	5	
Кехун	5	
Чамэ	22	
Царах	3	
Чей	5	
Тепи	6	
Юнкодам	5	
Налю	12	
Пилягда	5	
Нюнегра	1	
Уаспын	1	
По острову Сахалин		
Тамлео	30	От мыса Головачева
Фетунбопо	14	
Юнчвук	2	
Галю	2	
Пачво	2	
Музюв	10	
Удунадо	5	
Олюер	5	
Неизв[естная]	1	
Зимуноу	14	
Нанио	6	
Бакналио	4	
Неизв[естная]	2	
Юрондагос	12	
Неизв[естная]	1	
_____	2	
_____	2	
_____	1	
Чаклай	5	
Пискэ	2	
Неизв[естная]	3	
Югодам	2	
Понзе	5	
Гиляками		

Название	Число дворов	Кем заселена
Ныйде	2	Гиляками
Юндома	2	
Похоби	3	

*Деревни, находящиеся
в [лимане] р. Амур*

На правом берегу

Неизв[естная]	2	Гиляками
Васзе	10	
Неизв[естная]	10	
Мяо	2	
Нолева	15	
Каки	10	
Каки	8	

На левом берегу

Чхад-бах	15	Гиляками
Неизв[естная]	2	
Чнирх-рах	2	
Куенгзе	4	
Неизв[естная]	5	
Сабго	10	
Лазидо	5	
Маго	20	
Каляго	5	
Нуквюк	20	

*Деревни, лежащие к северу
от Лимана*

По Татарскому берегу

Виски	30	Гиляками
Неизв[естная]	1	
Уд	2	
Тоа-гву	2	
Тимль-рву	2	
Иский	11	
Коль	80	
Диелян	50	
По острову Сахалину		
Неизв[естная]	2	
Вички	3	
Вички	10	
Неизв[естная]	15	

*Деревни, лежащие к югу
от Лимана*

По Татарскому берегу

Тук	5	Гиляками
Клонгало	10	
Паскаив	10	
Юзюв	5	
Соуспас	15	
Неизв[естная]	5	
Ненюгес	20	
Моделяр	20	

Название	Число дворов	Кем заселена
Сешери	25	В гавани де Кастри, далее Кастри чижом куч
Севги	20	
Чееивох		

По острову Сахалин

Уни (Унге?)	4	Гиляками
Ляк	6	
Тук	5	
Вег-ту	3	
Думбус	10	
Уамда	12	
Хой	20	
Арска	3	
Дуи	10	
Ляогвину	2	
Арское	5	Эти последние деревни [не- разборчиво] лежат гораздо южнее Кастри чижом куч
Корвне	20	
Кегу-юзю	5	
Най-ней	25	
Пиляо	2	
Кузеней	3	

Собрание слов гиляцкого языка ¹

человек	— нивак	травя	— чнес
женщина	— умгу	огонь	— тугорс
мужчина	— утгу	ветер	— ля
девушка	— умголя	кремень	— ноух
мальчик	— утголя	огниво	— тугорс
волосы	— генгас	чубук	— туам
ухо	— нось	трубка	— тай
губа	— ублиг	курить	— туф
язык	— нлих	табак	— тамга
глаза	— нях	есть	— оба
брови	— куос	спать	— конц
лоб	— тук	вставать	— онць
рука	— томок	ходить	— ородчи
палец	— тунь	выливать	— хода мачкан
нога	— гап	наливать	— моко банс
колено	— пих	дуть	— фубонс
щека	— наин	высекать огонь	— гелель
борода	— обь	рубить	— уракобенс
кулак	— томк	пить	— даньчь
ладонь	— челом	счет: 1	— нень
кухлянка	— ок	2	— мор
торбасы	— кий	3	— чер
халат	— ляск	4	— нур
брюки	— пань	5	— тор
серьги	— мосх	6	— неф
топор	— тух	7	— минер
нож	— далес	8	— нах
шапка	— гака	9	— ненинбен
земля	— миср	10	— мохол
вода	— чах		

¹ Словарик содержит некоторые разночтения с современным словарем нивхского языка (например, «человек» — «нивак» вместо «нивх» и т. п.). Это происходило оттого, что собиратели словарика, незнакомые с научной лингвистикой, могли неточно улавливать произношение опрашиваемых и так же неточно транскрибировать слова при написании.

По собранным мною сведениям о реке Амуре, ее лимане и окрестностях на севере и юге находятся обитаемые гиляками 106 селений, в которых около 980 дворов, а [по] замеченному мною числу женщин в некоторых домах, можно полагать, народонаселение гиляков по этому пространству более 5000 душ, присовокупляя же к этому народонаселение восточных и северных берегов острова Сахалина, число гиляков, обитающих на осмотренных мною берегах, будет более 6000 человек, и можно полагать, что гиляки как на Татарском берегу, равно и на острове Сахалине, обитают до параллели около 50° сев. широты, т. е. гораздо южнее де Кастри.

Подписал: Капитан-лейтенант Невельской.

Итак, в приложении мы находим список селений, находившихся в Амурском лимане, на побережье Татарского пролива, к северу и югу от лимана, и в низовьях Амура с указанием числа дворов и национальной принадлежности жителей, а также небольшой словарь нивхских слов. Все деревни к югу от лимана, за единичными исключениями, названы «гиляцкими», т. е. нивхскими². Лишь несколько селений на юге Сахалина названы деревнями «чижом куч». «Чижом» или «сисам» нивхи называли японцев. «Куч» — одно из местных названий айнов. Под деревнями «чижом куч» понимались айнские селения, куда лишь время от времени начинали проникать японцы для сезонных рыбных промыслов.

Из списка Г. И. Невельского видно, что в данном районе преобладали мелкие поселения. Но встречались и крупные — до 50 и даже до 80 дворов (селение Коль). Число дворов в крупных поселениях несомненно давалось округленно до «пятков» и «десятков» (20, 25, 30 и т. п.). Это можно объяснить тем, что в ряде случаев имела место визуальная оценка с борта корабля или лодки или же на основании устных показаний аборигенов, без непосредственного посещения всех селений.

Если же название селения по каким-либо причинам установить не удавалось, ставился прочерк. В целом это список типично местных названий, хотя он и содержит некоторые искажения, отчасти вследствие ошибки переписчика.

В отчете Г. И. Невельской упоминает различные местные народы: айнов (куч, куге), тунгусов, негидальцев (нейдальцы),

---

² Некоторые из приведенных в документе названий нивхских поселений можно идентифицировать с современными названиями. С помощью выпущенного в 1967 г. в Южно-Сахалинске справочного издания нам удалось идентифицировать восемь названий поселений на сахалинском берегу Татарского пролива: Вег-ту — Вяхту; Дембус — Трамбаус; Уанда — Уанди; Хой — Хоз; Арскя — Арково; Дуи — Дуз; Пиляо — Пильво; Похоби — Погиби [2, с. 24—25, 33]. Многие из упомянутых Невельским поселений в настоящее время не существуют ввиду резкого сокращения аборигенного населения во время японской оккупации Северного Сахалина (1920—1925) и процесса укрупнения мелких поселений, продолжающегося и сейчас.

нанайцев (натку, салодина, даурцы), а также указывает районы их распространения.

Данные, приводимые Г. И. Невельским, свидетельствуют о значительной заселенности края аборигенным населением, не признающим никакой власти соседних азиатских держав. На основании этих данных мы можем полагать, что основным этническим элементом здесь были нивхи. Проникновение пришлого элемента с юга носило случайный характер, и чужеземцы занимали ничтожно малый удельный вес в общей массе жителей.

Заключительная часть документа позволяет примерно установить общую численность и географию расселения нивхского населения к моменту экспедиции Г. И. Невельского. В какой мере можно полагаться на данный источник? Этнографы вправе относиться к свидетельствам путешественников прошлого века, посещавших весьма пестрый в этническом отношении район Нижнего Амура и Татарского пролива, с большой осторожностью. Нередко путешественники, не представлявшие непосредственно этнографическую науку, путали различные народы, давая им общее неверное название «гиляки». Иной раз и сами аборигены: нанайцы, негидальцы, ороки, отвечая на расспросы русских, называли себя так, поскольку русские называли их гиляками.

Можно полагать, что Г. И. Невельской в целом дает приблизительно правильную картину численности этнической структуры и района распространения аборигенного населения. Это не исключает возможных ошибок или неточностей в определении национальной принадлежности селения, особенно в периферийной зоне данного района. Здесь наличие отдельных селений со смешанным населением, даже присутствие семей смешанного происхождения с элементами материальной культуры, нетипичными для данного народа, заимствованными у соседей, может послужить источником отдельных ошибок, требующих уточнения.

Документ Г. И. Невельского красноречиво свидетельствует, что великий русский исследователь не встретил здесь никакого постоянного чужеземного населения. Японские промышленники появлялись лишь от случая к случаю, во время сезонных промыслов в некоторых прибрежных пунктах Южного Сахалина. К тому же эти наезды не имели продолжительной истории, поскольку еще недавно изоляционистская политика токугавской Японии препятствовала всяким промыслам за пределами непосредственно японской территории.

Словарик нивхских слов, собранный мореплавателем, первый из дошедших до нас подобных нивхских словарей. Он состоит из 59 терминов. С его помощью можно было вести элементарный разговор с местными жителями. Горячий энтузиаст исследования и освоения района Нижнего Амура и Сахалина, Г. И. Невельской считал необходимым развивать добрые отно-

шения с аборигенами, использовать их опыт, знание края. Составление словаря, к которому привлекались члены экспедиции, помогало установлению живого, доброжелательного общения с нивхами.

Словарик, собиравшийся, очевидно, в разных селениях, имеет несомненно нивхское происхождение. Это смог подтвердить автору данной публикации Ч. М. Таксами, сам представитель нивхской народности и составитель русско-нивхского словаря.

Обитатели края, различные аборигенные народности, никогда не признавали над собой ничьей чужеземной власти. Топонимику края, нашедшая отражение в приведенном выше списке селений, не имела ни японского, ни маньчжуро-китайского напластования. С закреплением устья Амура и Сахалина за Россией здесь вслед за древнейшим, аборигенным пластом топонимики складывается второй — русский. И лишь на Южном Сахалине, временно оккупированном Японией, появляется после 1905 г. третий, поздний пласт топонимики — японский. После освобождения Южного Сахалина и Курил от ига японских империалистов на географической карте вместо японских появились прежние аборигенные или русские названия. Среди них и новые — в честь героев Великой Отечественной войны, первооткрывателей, деятелей русской культуры [1, с. 12—14].

Изучение истории топонимики края лишний раз помогает убедиться в абсурдности притязаний некоторых реваншистских кругов Японии на территорию Сахалина на основании некоего «приоритета» первооткрытия и первоприсоединения. В действительности же приоритет первооткрытия, первоизучения и первоприсоединения принадлежит русским.

Литература

1. Крушанов А. И., Рыжков А. Н. А. П. Чехов и его поездка на Сахалин. — Предисловие к кн.: А. П. Чехов. Остров Сахалин (из путевых заметок). Южно-Сахалинск, 1980.
2. Сахалинская область. Административно-территориальное деление. Южно-Сахалинск, 1967.
3. «Страны и народы Востока». Вып. XIII. М., 1972.
4. Центральный государственный архив военно-морского флота.

М. Ф. Чигринский

**РОССИЙСКИЙ ОФИЦЕР П. И. ИБИС И ЕГО ЗАПИСКИ
О ПУТЕШЕСТВИИ ПО ТАЙВАНЮ В 1875 г.**

В одной из работ, посвященных этнографии аборигенов Тайваня, известный французский ориенталист Т. де Лякупри сослался на свидетельство русского путешественника Пауля Ибиса. Работа П. Ибиса о его путешествии на Тайвань (Формозу), напечатанная в немецком географическом журнале «Глобус» в 1877 г., состояла из шести частей [22, с. 149—152, 167—171, 181—187, 196—200, 217—241, 230—257]. В статье говорилось, что ее автор побывал на Тайване в январе — феврале 1875 г. во время стоянки корвета «Аскольд» в Гонконге. Никаких других сведений о П. Ибисе нет ни в русской, ни в иностранной литературе. За исключением одной незначительной ссылки в статье Т. де Лякупри, нам не удалось найти каких-либо упоминаний о его путешествии и этнографических наблюдениях. Поэтому настоящая статья посвящается биографии нашего забытого путешественника, а также проблемам истории и географии Тайваня, которым уделял внимание П. Ибис в своем труде. Этнографические материалы предполагается опубликовать позднее.

О жизни и деятельности П. Ибиса можно судить по его послужному списку и некоторым другим материалам, обнаруженным в архиве ЦГВМФ в Ленинграде. Эти сведения весьма лаконичны. Сообщается, что Пауль, или Павел Иванович, родился 16 июня 1852 г. в бывшей Эстляндской губернии в крестьянской семье. В 1868 г. он окончил штурманское училище. В 1872 г. был произведен в кондукторы, а в декабре 1873 г. — в прапорщики. С 1869 по 1872 г. плавал на корвете «Воевода», а в 1872 г. на фрегате «Адмирал Лазарев», где прослужил несколько месяцев. 4 октября 1872 г. его переводят на «Аскольд» в связи с подготовкой корабля к плаванию на Дальний Восток¹.

---

¹ Посылку «Аскольда» следует рассматривать как подкрепление русского флота на Тихом океане. Правительство хотело направить корабли для охраны побережья Приморья и гавани Находка «от толп искателей приключений вви-

По-видимому, назначение П. Ибиса на «Аскольд» объясняется его исключительными личными качествами. Позднее командующий эскадрой контр-адмирал Григорий Иванович Бутаков, характеризуя П. Ибиса, отмечал, что тот «соединяет в себе прекрасные качества и способности морского офицера» [1, ф. 283, оп. 3, д. 2489, л. 170—171; ф. 406, оп. 3, д. 812, л. 15].

Продолжавшееся четыре года (1872—1876) плавание «Аскольда» закончилось для П. Ибиса трагически. В июне 1876 г. он тяжело заболел. Лечение во владивостокском госпитале не дало результатов, и после прибытия «Аскольда» в Кронштадт П. Ибиса отправили в Австрию, надеясь на скорое выздоровление. Однако болезнь (вероятно, абсцесс легкого) продолжала прогрессировать, и в апреле 1877 г. П. Ибис умер в Пизе, куда переехал из Австрии. Единственным родственником покойного оказался его брат Фридрих, служивший кондуктором в четвертом флотском экипаже на Балтике. Никакого имущества или имения у П. Ибиса не осталось. Перед нами, таким образом, биография разночинца, выходца из эстонских крестьян, сумевшего только благодаря личным качествам добиться офицерского звания в царском флоте.

В архивных документах ничего не говорится о научной деятельности П. Ибиса или круге его интересов. Источники не содержат никаких сведений о статье в «Глобусе», появившейся в год смерти ее автора. Полным молчанием обойден и сам факт путешествия П. Ибиса на Тайвань. Вероятнее всего, начальство даже не знало об этом и наверняка не поощряло увлечений занятиями, не относившимися к службе. Следует учесть, что П. Ибису приходилось работать в условиях, когда боязнь революционного движения во флоте привела к усилению различных ограничений и строгостей. «Аскольд» не составлял исключения².

Все эти обстоятельства привели к тому, что имя первого русского путешественника, составившего этнографическое описание туземцев Тайваня, было забыто.

Интерес к Тайваню был, по словам П. Ибиса, вызван япон-

ду открытия золотоприисков»; кроме того, властям внушало опасение пачавшееся самовольное переселение японцев на Сахалин [1, ф. 410, оп. 2, д. 3382, л. 4, 25].

² В инструкции, данной Управлением морского министерства командиру «Аскольда» капитан-лейтенанту Тыртову от 18 сентября 1872 г., говорилось: «Обращает внимание на то, что враждебные России партии, образовавшиеся в разных странах Европы, помогают возможностью достижения своих преступных целей через наших молодых офицеров, стараясь вовлечь их в свои сообщества, и смотрят на наши военные суда как на средство для удобного доставления в Россию сочинений возмутительного содержания. Для предупреждения этих попыток проводить досмотр, проявить бдительность и не принимать ничего для доставления частным лицам в Россию без... наших дипломатических агентов» [1, ф. 283, оп. 3, д. 2489, л. 8].

ской военной экспедицией на этот остров, состоявшейся в 1874 г. (см. [7, с. 175; 19, с. 149]). Именно тогда П. Ибис решил познакомиться с аборигенами Тайваня, «этим пользующимся такой дурной славой народом», о котором он слышал «очень много сомнительного». Кроме того, П. Ибис хотел выяснить, действительно ли обитает «в центре Формозы темная раса папуасов, как сообщал об этом в своей этнографии... Ф. Мюллер» [19, с. 149].

Как уже отмечалось, П. Ибис путешествовал по Тайваню в январе — феврале 1875 г., когда «Аскольд» стоял в Гонконге и на корабле могли обойтись без него. Январь и февраль — время сухого сезона, самое удачное для сухопутного путешествия по Тайваню, и П. Ибис мог продвигаться по острову относительно быстро. Ему благоприятствовала и политическая обстановка. В декабре 1874 г. Тайвань покинули остатки японских войск, и на острове установилось относительное спокойствие. Большую помощь в организации путешествия П. Ибису сказал немецкий купец Манних, хорошо знавший нравы островитян. С минимальной поклажей, состоявшей в основном из книг и измерительных приборов, Пауль Ибис пешком прошел весь остров с юга на север и собрал большой этнографический материал.

Рассказу о своем путешествии П. Ибис предпослал географический и исторический обзоры Тайваня. Дав краткую характеристику климатическим особенностям, флоре и фауне острова, он приходит к выводу о том, что по геологическому строению, растительному и животному миру Тайвань близок Филиппинам³. Не отрицая этого бесспорного факта, следует отметить аналогичное сходство природных условий Тайваня и Южного Китая.

Охарактеризовав состояние портов Тайваня, специфику его хозяйства и торговли, П. Ибис кратко изложил историю острова. По мнению П. Ибиса, совпадающему и с сообщениями китайских официальных хроник и других источников, китайская колонизация острова Тайваня началась только в XV в. [19, с. 167; 13, с. 25a]⁴.

Остановившись на периоде голландской оккупации Тайваня (1624—1662), П. Ибис отмечал, что голландцы «к малайцам...

---

³ Изучение геологической структуры Тайваня привело некоторых авторов к выводу о том, что между Тайванем и материковым Китаем существовал сухопутный переход [23, с. 203—204]. Такие же связи были между Тайванем и Филиппинами [4, л. 4; 1, ф. 410, оп. 2, д. 3382, л. 22; 19, с. 200].

⁴ Эта проблема может считаться дискуссионной. Некоторые авторы считают, что массовая китайская эмиграция на Тайвань началась в XII—XIII вв. [7, с. 3; 14, с. 86]. Другие полагают, что это произошло в XVI в. [17, с. 8], третьи — что в XVII в. [8, с. 90—91]. В китайском землеописании Тайваня сказано: «Эта земля не входила в состав Китая. Там не было китайской береговой обороны и властей» [13, с. 25a].

относились лучше, чем китайцы, среди них они ввели законы своей родины, основали школы, проповедовали им христианство, и, чтобы крепче их к себе привязать, они женились большей частью на туземках» (см. [25, с. 16]). Действительно, Нидерландская Ост-Индская компания на Тайване больше угнетала китайцев, чем аборигенов. Это, однако, не исключало восстаний туземных племен против иностранных завоевателей. Немало аборигенов погибло в той борьбе [14, с. 31; 12, с. 136]. Попытки привлечь островитян на сторону Компании путем их обращения в христианство, создания школ и заключения смешанных браков не дали желаемых результатов. Во время пребывания П. Ибиса на Тайване там не оставалось никаких следов голландского господства, кроме развалин нескольких фортов крепости Зееландия в Аньпине и нескольких документов, хранившихся у племени сэдек. В языке аборигенов сохранилось одно голландское слово — тамако (табак).

Говоря о национальном герое Китая Чжэн Чэнгуне (он же Коксинга, Кокусэнья), разбившем в 1662 г. голландцев, он характеризует его как умного, энергичного человека и сообщает, что, по слухам, мать Чжэна «была формозкой» [20, с. 168]. Трудно сказать, почему народная молва приписала знатной японке туземное происхождение. Биография Чжэн Чэнгуна достаточно известна, и сам он был популярен не только среди китайцев, но и среди японцев ⁵.

Упомянув о правивших на Тайване потомках Чжэн Чэнгуна (1662—1882) и о включении острова в состав Цинской империи при императоре Канси, П. Ибис останавливается на современной ему обстановке на Тайване. Несмотря на насильственную китаизацию аборигенов, Цинам так и не удалось подчинить горные племена центральной и южной частей острова. Борьба с горцами стала важнейшей частью китайской политики на Тайване.

Китайским властям приходилось не только воевать с горцами, но и защищать остров от японской агрессии, а также от европейцев и их агентуры в лице миссионеров. Будучи религиозным человеком, П. Ибис сочувственно отзывался о деятельности пресвитерианских обществ — медицинского и канадского, а также о работе католической миссии. Он подробно рассказывает об обращении ими «китайцев и цивилизованных малайцев» в христианство, об организации церковной службы и учебной работы, подчеркивая, что между миссионерами, с одной стороны, и властями и населением — с другой, существовали плохие отношения [19, с. 170]. Последние видели в христианских про-

---

⁵ Мать Чжэн Чэнгуна происходила из знатного японского рода Тагава. Рассказывая о его жизни, официальный источник сообщал: «Зная о том, что он происходит от японки, они [японцы] старались дружить с ним. Они напоминали ему о том, как его предки сохранили свою жизнь в Японии» [13, с. 306].

поведниках иностранных шпионов, составлявших такие подробные карты Тайваня, которых не было у китайского начальства [12, с. 13а].

Все аустронезийские племена Тайваня, называемые китайцами гаошань (гоцы), подразделяются на собственно гаошань, живущих в горах, и пинпу — жителей равнин. В старой китайской и японской литературе пинпу известны как шуфань (дзюкубан по-японски; у европейских авторов — пепо-хуан), что означает «подчиняющиеся варвары»; а собственно гаошаньцы именуются шэнфань (сейбан) — «неподчиняющиеся варвары» [8, с. 12]. П. Ибис побывал у тех и других: у туземных племен, обитавших на юге Тайваня, в районах Пилам (Тайдун), Ланцзяо (Чечен) и в нескольких населенных пунктах, названия которых идентифицировать пока не удалось. Пауль Ибис подробно описывает свои встречи с горцами — паюма, ами, пайванами, а также племенами группы пинпу — каваланами, макатао, сэдек и другими.

Познакомившись с аборигенами, П. Ибис пришел к заключению о наличии негроидных признаков у некоторых тайваньских племен. Это подтверждается и современными антропологами [16, с. 30]. Однако следов присутствия в древности племен папуасов на Тайване ему обнаружить не удалось. «Ни китайцам, ни туземцам о них ничего не известно», — пишет П. Ибис. Вместе с тем он не исключал возможности обитания негроавстралоидов в неисследованной центральной части острова.

Данное предположение полностью подтверждается источниками, согласно которым одно из племен негрито-каннибалов проживало более ста лет тому назад в общине Дутань за р. Даньшуйхэ. Они известны в европейской литературе под названием диарамоков [25, с. 286]. Вождь пайванов Такиток (Тукток), пытавшийся объединить все туземные племена против империи Цин, лично общался с диарамоками [25, с. 286—287]. Сохранилось описание диарамоков в интерпретации маньчжурского чиновника Болю: «Глаза выпучены, большие уши, телосложение безобразное, пальцы ног похожи на куриные когти. Лазают по деревьям совершенно свободно, как орангутанги. Прекрасно стреляют. Пристрастны к убийствам, и их боятся даже дикие фани [туземцы]. Когда, однако, расспрашивали о них лесных фаней, то те говорят, что в последнее время они (диарамоки) редко попадают на глаза и их почти не видно» [12, с. 8а].

Что касается самих гаошань, то их П. Ибис считал ярко выраженными «малайцами», т. е. индонезийцами, подчеркивая при этом, что туземные племена смешивались друг с другом. Такая взаимная ассимиляция привела, по его мнению, к разнообразию черт их внешнего облика.

В записях П. Ибиса большое внимание уделяется характе-

ристике внешних признаков отдельных племен, например, пайванов из деревни Сапрёк: «Лица у них широкие. Скуловые кости и нижняя челюсть выдвинуты вперед... глаза... небольшие. Цвет радужной оболочки красивый, коричневатый... Губы толстые, но рот неширокий. Цвет кожи чистый, темно-коричневый... У женщин сильные, красивые фигуры... Выглядят они веселыми, довольными. Все старые женщины буквально безобразны» [19, с. 200]. Другой внешний тип был у паюма из Пилама: «У них сильные руки, небольшого размера голова, маленькие, узкие глаза, черные волосы... Всегда серьезные, никогда не улыбающиеся лица. Они медлительны. Сидят всегда на земле или на низких скамеечках, положив руки на колени. Женщины у них некрасивые, маленькие, приземистые, со слабо развитой грудью. На некоторых все же заметен какой-то отпечаток красоты» [19, с. 197].

П. Ибис наблюдал жизнь пинпу, подвергавшихся китаизации в течение многих лет. Если побывавший в XVIII в. на Тайване французский миссионер И. Б. Дюгальд писал об их своеобразных обычаях, языке и даже о том, что среди пинпу встречались христиане [2, с. 259—263], то в XIX в. картина полностью изменилась. П. Ибис, как и английский этнолог Р. Свинху, сообщал, что пинпу почти полностью забыли родной язык, а большинство их обычаев было заменено китайскими, хотя некоторые традиции еще сохранялись [19, с. 230—235; см. также 24, с. 4]. П. Ибис писал, что слышал их «песни на малайском языке», но понимали их только старики. В этих песнях воспевались «сияние солнца и луны, трава, леса, подвиги вождей и предков» [19, с. 231]. Большое впечатление на путешественника произвели также танцы пинпу в лунную ночь, которые ему довелось лично наблюдать.

В начале XVII в. в местных общинах проживало не менее 1000 человек в каждой. По подсчетам П. Ибиса, в каждой деревне пинпу жило по 200—300 туземцев. Таков был результат политики голландских колонизаторов и сменивших их китайских правителей Тайваня. В большинстве своем деревни пинпу походили на китайские. Зачастую пинпу жили совместно с китайцами. Они также занимались земледелием. Были добры и приветливы. «Как китайцы, так и миссионеры не могут нахвалиться на них», — писал П. Ибис [19, с. 230]. Подобно китайцам, пинпу чтити учение Конфуция, хотя в одном из селений еще сохранился старый храм. Так же как в китайских деревнях, у пинпу административную власть осуществляли старосты.

Как и китайцы, они привлекали детей с малолетства к труду. Обстановка в жилищах пинпу была китайской. Дом, крыша которого держалась на бамбуковых шестах, делился на две половины, южную и северную, более прохладную, где семья находилась днем. Все жилища имели навесы от солнца. Вече-

ром все переходили на южную половину. В каждом доме отводился специальный угол для животных. Помещения были низкими. Стены заменяли опускавшимся на ночь матом [19, с. 230—235].

Вместе с тем в семидесятых годах прошлого века в быту еще сохранялись своеобразные черты. Мужчины не носили кос, а укладывали волосы вокруг головы. Головным убором служил большой черный тюрбан. В некоторых районах они по старинке обвязывали волосы узкими шнурками, платками, красными лентами. Женская одежда состояла из короткой куртки и черных штанов, закатываемых до колена. Питание во многом оставалось традиционным — батат, пинанг (земляные орехи), злаковые.

По свидетельству П. Ибиса, хотя они пили китайскую рисовую водку — самшу, но еще в XVIII в. у них был другой способ приготовления вина: женщины жевали рисовую муку, а затем выплевывали ее в горшок, заливали холодной водой и настаивали (см. [13, с. 265]).

В поселках пинпу в отличие от китайских росли целые аллеи из бамбука и других деревьев.

П. Ибис побывал в старом храме пинпу и зарисовал внутреннее убранство. На алтарной стене храма висели оленьи рога, а на шестах были головы животных. У стены стояли горшки с рисовой водкой, на полу лежали арековые ветки [19, с. 232]. Еще в XVII в. пинпу, как и все гаошаньцы, занимались охотой за головами. Тогда они украшали ими свои храмы. В XIX в. этот обычай отошел в прошлое, и человеческие черепа стали заменяться оленьими [13, с. 48]. П. Ибис пишет, что, хотя храм пинпу был полуразрушен, он посещался верующими. Если в XVII в. у пинпу существовали шаманки-инибс [10, с. 270], то во времена пребывания П. Ибиса на Тайване верующие приносили жертвы сами. П. Ибису удалось увидеть эту религиозную церемонию, совершавшуюся дважды в месяц. Во время молитвы каждый прихожанин жертвовал «черепам... рис, самшу, арековые орехи.. При входе в хижину он обнажает голову и выпускает изо рта самшу на алтарь. При этом он, кланяясь, хлопает в ладоши и затем кладет свои дары перед алтарем» [19, с. 230]. Это свидетельство П. Ибиса представляет большой интерес для этнографов.

В статье П. Ибиса уделено внимание и языкам гаошаньских племен. Он полагал, что «несколько слов из языков Формозы и их сравнение с тагальскими будут, возможно, интересны читателю» [19, с. 234]. Первым исследователем тайваньских языков был акад. Г. Клапрот. Анализируя по молитвеннику «Правила христианства» голландского миссионера Д. Гревнуса словарный состав языка одного из племен пинпу, Г. Клапрот указал на его малайское, т. е. индонезийское, происхождение [21,

с. 195—196; см. также 18, с. 38; 21]⁶. С этим согласны все ученые [15, с. 38; 20, с. 255—257; 22, с. 82]. П. Ибис, вероятнее всего, не знал о трудах Г. Клапрота, ибо нигде не ссыался на него. Он самостоятельно пришел к тем же выводам, что и его предшественники. Вместе с тем П. Ибис использовал преимущества своего непосредственного общения с тайваньцами и обратил внимание на фонетику нескольких местных языков [19, с. 234].

Свою статью П. Ибис снабдил прекрасными графическими рисунками. Ему особенно удались портреты представителей различных племен. В каждом из этих портретов достаточно ярко сочетались индивидуальные и общие черты туземцев Тайваня.

Работа П. Ибиса свидетельствует об эрудиции и исключительной наблюдательности ее автора. В лице П. Ибиса русская наука преждевременно потеряла серьезного исследователя, первого и вообще одного из числа очень немногих россиян⁷, изучавших далекую Формозу — ныне Тайвань.

Литература

1. Центральный государственный архив военно-морского флота СССР.
2. Дюгальд И. Б. Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайской империи. Ч. 1. СПб., 1775.
3. Итс Р. Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Л., 1972.
4. Кюннер Н. В. Горные племена Формозы [вторая редакция].— Архив ИВАН, ф. 91, оп. 2.
5. Кюннер Н. В. Народы острова Формозы (Тайвань).— Архив ЛОИЭ, ф. 8, оп. 1.
6. Позднеев Д. М. Заметки о Формозе.— Рукописный отдел ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 590, оп. 36.
7. Тодер Ф. А. Тайвань и его история (XIX в.). М., 1978.
8. У Ч ж у а н - д а. Тайвань. М., 1959.
9. Чигринский М. Ф. Из исторической географии и этнографии Тайваня.— «Страны и народы Востока». Вып. XIII. М., 1972.
- 9а. Чигринский М. Ф. Путешествие Пауля Ибиса на Тайвань.— «Советская этнография». 1982, № 2.
10. Чигринский М. Ф. Ранние голландские известия о пинпу — аборигенах Тайваня.— «Страны и народы Востока». Вып. XV. М., 1973.
11. В а н Ю й д э. Тайвань. Токио. 1971 (на яп. яз.).
12. Д и н Ш а о и. Дунинчжилюе (Краткое описание Тайваня). Даньшухэй, 1875 (на кит. яз.).
13. С ю й с ю. Тайвань сяньчжи (Дополнение к описанию Тайваньского уезда), цзюань 1. [Б. м., б. г.] (на кит. яз.).
14. Х э Л я н к у и, В э й Х у й л и н ь. Тайвань фын тунчжи (Описание местных обычаев на Тайване). Тайбэй, 1966 (на кит. яз.).

⁶ Вопрос о малайско-полинезийском происхождении языков аборигенов Тайваня давно решен. В современном языкознании ставится вопрос об общности малайско-полинезийской языковой семьи, включая языки тайваньских племен, с тайскими языками, хотя это и спорно [3, с. 14—15].

⁷ В этой связи считаем долгом упомянуть две существенные работы о Тайване и его населении: работы Д. М. Позднеева [6] и Н. В. Кюннера [4; 5], к сожалению, оставшиеся в рукописи.

15. Bullock T. L. Formosan Dialects and Their Connection with the Malay.— «China Review». 1875, т. III.
16. Chen Kang Chai. Taiwan Aborigines. Cambridge (Mass.). 1967.
17. Davidson J. W. The Island Formosa. Past and Present. L.— N. Y., 1903.
18. Grevius D. Formulary of Christianity in the Siraya language of Formosa.— Memoires of the Faculty of Literature and Politics Taihoky Imperial University. Taihoky, 1939.
19. Ibis P. Aus Formosa.— «Globus». T. XXXI, 1877.
20. Imbault-Huart C. L'île Formosa. P., 1898.
21. Klapproth H. Sur la langue des indigènes de l'île de Formose.— «Journal Asiatique». T. 1, 1822, c. 193—196.
22. Lacouperie T. de. Formosa Notes M. S. S., Races and Languages.— JRAS. 1887, vol. 19, c. 413—494.
23. Lin C. C. Geology and Ecology of Taiwan Prehistory.— «Asian Perspectives». 1964. Hong-Kong, vol. VII, № 1—2, c. 203—213.
24. Swinhoe R. S. Notes on the Ethnology of Formosa. L., 1863.
25. Taylor G. Aborigines of Formosa.— «China Review». vol. XIV, 1886.

Б. А. Вальская

**ПЛАВАНИЕ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
НА КОРВЕТЕ «СКОБЕЛЕВ» В 1883 г.**

Южная часть Тихого океана была исследована значительно позднее других частей света. «Только к концу XIX столетия,— писал В. А. Бриллиант,— были стерты белые пятна на картах этой части света» [7, с. 196]. Выдающийся подвиг в области географических открытий на Тихом океане совершил великий русский путешественник и гуманист Н. Н. Миклухо-Маклай.

В 1971 г. в сборнике «Страны и народы Востока» были впервые опубликованы рапорты контр-адмирала Н. В. Копытова и капитан-лейтенанта В. В. Благодарева о плавании корвета «Скобелев» на Берег Маклая в 1883 г., представляющие большой интерес для истории исследования южной части Тихого океана (см. [11]).

19 сентября 1871 г. корвет «Витязь»¹ высадил на неведомом северо-восточном берегу Новой Гвинеи его первого исследователя — 25-летнего Н. Н. Миклухо-Маклая, который прожил там 15 месяцев. 24 декабря 1872 г. клипер «Изумруд» снял отважного путешественника с Берега Маклая и доставил его в Батавию (Джакарту).

Во время короткого пребывания на Новой Гвинее офицеры корвета «Витязь» Бензема, П. А. Кошелев, А. А. Коптев, П. А. Берхман, К. Д. Рончевский и З. П. Рождественский под руководством командира корвета «Витязь», капитана II ранга П. Н. Назимова произвели опись залива Астролябия и бухты Порт-Константин. Копия неопубликованной карты, составленной русскими моряками, сохранилась в Архиве Географического общества СССР [2, РУК-406].

А. Б. Асланбеков в статье «Первое путешествие Н. Н. Миклухо-Маклая в Новую Гвинею», написанной по неизданным запискам П. Н. Назимова, сообщает, что в 1871 г. «берега Новой Гвинеи на судовых английских картах были обозначены в некоторых местах пунктиром, то есть решительно никем не были исследованы и сняты, и потому двигаться вдоль них надо было

---

¹ 27 июня 1882 г. корвет «Витязь» был переименован в «Скобелев».

с большой осторожностью, занося их очертания на карту» [6].

Офицеры корвета «Скобелев» продолжили опись берегов Новой Гвинеи, начатую командой корвета «Витязь». В 1883 г. был снят план бухты Порт-Алексей. Результаты картографических работ на «Скобелеве» и «Витязе» были опубликованы в 1885 г. [43; 44]. На карте Северо-Восточной Новой Гвинеи появилось свыше пятидесяти русских географических названий [12], три из них — Берег Маклая, проливы Изумруд и Витязь — можно найти и на современных картах этого острова. Моряки корвета «Скобелев» произвели опись и других островов Тихого океана. На корвете «Скобелев» Миклухо-Маклай в третий и последний раз посетил в 1883 г. Берег Маклая.

В дополнение к рапортам Копытова и Благодарева мы публикуем новые материалы о Миклухо-Маклае, связанные с возвращением в 1882 г. в Россию из Австралии и плаванием на корвете «Скобелев», относящиеся к наименее изученному периоду его жизни.

В последние годы своей жизни Н. Н. Миклухо-Маклай много сил и энергии отдавал неустанной борьбе за свободу и независимость угнетенных народов Океании. В январе 1879 г. в связи с угрозой захвата северо-восточной части Новой Гвинеи австралийскими колониями Великобритании Миклухо-Маклай отправил открытое письмо Артуру Гордону — губернатору Фиджи и британскому комиссару Западной части Тихого океана. В этом письме Миклухо-Маклай просил, чтобы британское правительство признало за папуасами «полное право на землю и запретило ввоз спиртных напитков, огнестрельного оружия и пороха».

Посылая копию письма вице-председателю Географического общества П. П. Семенову, Миклухо-Маклай писал: «Знаю, что мой протест (или, вернее, напоминание о существовании прав слабых) остается пока гласом вопиющего в пустыне, но тем не менее надеюсь, что он встретит сочувствие между теми, для которых „справедливость“ и „права человека“ не есть единственно пустые слова» [39, с. 180—181].

Во втором письме к Гордону, написанному в связи с подготовкой в Новой Зеландии в феврале 1881 г. экспедиции на Новую Гвинею для колонизации Берега Маклая, русский путешественник вновь напомнил Гордону о бесспорных правах туземцев на землю, о том, что «эта часть страны густо заселена и что земля принадлежит различным общинам, занятым возделыванием почвы, обрабатывающейся в течение столетий» [28, с. 194]. Миклухо-Маклай повторил свою просьбу об уважении прав папуасов.

Из материалов Архива Академии наук СССР видно, что первое письмо Миклухо-Маклая Гордон переслал в Лондон, сопроводив его своими комментариями. Выражая полное сочувствие идеям, высказанным Миклухо-Маклаем об ува-

жении прав туземцев на землю и недопущении ввоза спиртных напитков. Гордон предлагал сообщить русскому путешественнику, что, поскольку правительство ее величества не обладает суверенитетом над Новой Гвинеей, оно не может «налагать обязательств на подданных других наций», которые могут туда направиться (см. [15, с. 300]).

В апреле 1881 г. Миклухо-Маклай послал коммодору Австралийской морской станции Уилсону свой протест по поводу вывоза рабов «в Новую Каледонию, Фиджи, Самоа, Квинсленд и другие места посредством похищения и увоза туземцев под прикрытием фальшивых утверждений и лживых обещаний» [32, с. 192—193].

Через четыре месяца, узнав, что Уилсон намерен учинить расправу над жителями деревни Кало, на южном берегу Новой Гвинеи, где было убито несколько местных миссионеров, Миклухо-Маклай уговорил Уилсона отказаться от сожжения деревни и поголовного истребления ее жителей, а наказать только виновных. Вместе с Уилсоном Миклухо-Маклай отправился на шхуне «Вульверин» на южный берег Новой Гвинеи и спас папуасов деревни Кало от расправы.

Летом 1881 г. Миклухо-Маклай обратился с письмом к профессору государственного права, доктору И. К. Блунчли, лекции которого он слушал в Гейдельбергском университете еще в 1864—1865 гг. Блунчли был инициатором организации Международного института для разработки вопросов урегулирования споров между государствами при содействии Международного трибунала. Русский путешественник писал, что, «занимаясь научными исследованиями на островах Океании уже около 10 лет», он «познакомился не только со многими сторонами жизни туземцев, но и проявил живой интерес к судьбе этих народностей...» [31, с. 200].

Миклухо-Маклай просил И. К. Блунчли указать ему возможность для эффективной защиты прав туземцев в международном масштабе, например путем выработки правил, признанных «всеми европейскими и американскими силами и за нарушение которых военный корабль какой-либо державы, поставленный в известность пострадавшими, независимо от национальности нарушителя и флага, под которым он плавает, мог бы привлечь его к ответственности» [31, с. 200].

Миклухо-Маклай хотел через посредство Международного института обратить внимание всех правительств на печальное положение населения островов Океании, где существовало узаконенное рабство под безобидным названием «торговли свободным трудом». Письмо Миклухо-Маклая вернулось обратно, уже не застав Блунчли в живых (последний скончался 21 октября 1881 г.).

В ноябре 1881 г. Миклухо-Маклай написал Уилсону о своем намерении вернуться на Новую Гвинею для осуществления со-

ставленного им проекта развития Берега Маклая. Проект предусматривал создание органов самоуправления на основе использования существующих обычаев папуасов; речь шла о Большом совете из наиболее влиятельных стариков в деревнях. Миклухо-Маклай соглашался принять на себя должность советника и представлять папуасов при сношениях с иностранными государствами. Проект предусматривал сооружение дорог, мостов, развитие плантационного хозяйства, а также школ.

Австралийский писатель Франк Сидней Гриноп, впервые опубликовавший содержание этого документа еще в 1944 г. в своей книге о Миклухо-Маклае («О том, кто странствовал в одиночку»), правильно писал, что проект — «часть размышлений Маклая на тему, наиболее близкую его сердцу, и важное отражение его собственных социальных теорий и общего хода его мыслей» [47, с. 261].

Гриноп не знал, что осенью 1882 г., находясь в Европе, Миклухо-Маклай предпринял шаги для осуществления своего проекта, и это дало ему (Гринопу) основание написать, что среди «тщательным образом просмотренных» им материалов он не нашел «никаких нитей, которые связывали бы этот проект с какими-либо... поступками» русского путешественника [47, с. 261].

В январе 1882 г., воспользовавшись приходом в Мельбурн русской эскадры под командованием контр-адмирала А. Б. Асланбегова, Миклухо-Маклай, имея разрешение морского министерства вернуться на родину на одном из военных кораблей, решил воспользоваться им и отправиться в Россию. 19 января 1882 г. Асланбегов писал в рапорте: «По получении разрешения взять на эскадру г. Миклухо-Маклая оно было ему сообщено, причем он просил принять его в Мельбурне и оставить в Сингапуре, что и будет своевременно исполнено» [3, ф. 410, оп. 2, № 4063, л. 467]. В письме от 24 января 1882 г. Миклухо-Маклай сообщал великому князю Николаю Михайловичу с клипера «Вестник» в Индийском океане, на пути из Австралии на Яву, что, так как «Вестник» не идет в Россию, он доедет на нем до Батавии, где рассчитывал пересечь на крейсер «Азия». Миклухо-Маклай писал о своем решении подготовить в Сиднее отчет о своих 11-летних странствованиях по островам Тихого океана. «Надеюсь,— писал он,— что Русское географическое общество найдет мое решение закончить мои труды в Австралии, вблизи поля моих научных исследований, и в климате, более соответствующем моему настоящему здоровью, совершенно естественным» [4, ф. 670, оп. 1, № 336, л. 1]. Таковы были планы нашего знаменитого путешественника.

На «Вестнике» Миклухо-Маклай прибыл в Сингапур, где 18 апреля 1882 г. пересел на крейсер «Азия». Командир крейсера капитан-лейтенант Ф. И. Амосов писал: «С разрешения контр-адмирала Асланбегова, перед отправлением отсюда, принят на вверенный мне крейсер, для переезда в Россию извест-

ный наш русский путешественник Миклухо-Маклай» [3, ф. 410, оп. 2, № 4063, л. 538].

17 июня 1882 г. крейсер «Азия» прибыл в Александрию, где в то время национально-освободительная борьба закончилась поражением египтян и оккупацией страны англичанами. В письме к брату Михаилу 17 июня 1882 г. Миклухо-Маклай писал, что отъезд из Александрии затягивается, так как «по приказанию морского министра „Азия“ пришла сюда и находится на время волнений в Египте в распоряжении русского генерального консула, который, кажется, не думает отпустить нас скоро». 11 июля англичане начали бомбардировку Александрии, вызвавшую пожар. 28 июля Миклухо-Маклай перебрался на корабль «Петр Великий», на котором и прибыл в Кронштадт в конце августа 1882 г.

Миклухо-Маклай приехал в Россию через полтора года после событий 1 марта 1881 г., когда народовольцы казнили Александра II и на престол в состоянии полной растерянности вступил Александр III; в стране начался период реакции.

Приезд путешественника в Петербург был восторженно встречен учащейся молодежью. Студенты физико-математического факультета Петербургского университета в адресе, направленном Миклухо-Маклаю, писали: «Немного у нас таких отважных исследователей, которые так высоко держали бы знамя человечности и науки на поприще международных исследований» [5].

29 сентября (11 октября) 1882 г. перед выступлением в Географическом обществе Миклухо-Маклая посетил корреспондент газеты «Новости». «Одного взгляда на путешественника,— писал он,— довольно было, чтобы заключить, что предо мной находится хотя молодой годами, но рано состарившийся, разбитый болезнью организм... Лицо его... носило на себе отпечаток испытанного горя, страданий и других неудач жизни... Не было сомнения, что и худые щеки, и тусклый взор, и впалая грудь, и едва слышный голос, и частое хватание за бок достались путешественнику как вечные, неудаляемые знаки, которые наложили на него испытанные им лишения и болезни».

В беседе с корреспондентом Николай Николаевич сказал, что он, «вернувшись не более как на месяц в Россию... счел нравственным долгом обратиться к посредничеству Географического общества» и рассказать, что он сделал за 12 лет своих путешествий. «Не ради простой любознательности,— сказал он,— я покинул дорогую для меня Россию. Я желал быть чем-нибудь полезным и обществу, и науке, я выбрал для своих исследований страну, мало известную, и пусть судит публика... насколько интересны и новы для нее и для науки мои исследования и наблюдения. Поверьте, они не легко давались мне...»

Миклухо-Маклай был озабочен тем, что у него не было средств за свой счет опубликовать труды о своих путешествиях.

Он задолжал одному купцу 500 ф. ст., а за 12 лет эта сумма с процентами возросла до 1200 ф. ст. «Как честный человек,— сказал он корреспонденту,— я должен уплатить свой долг. На эту уплату я и ассигную сумму, в которую ценю свое будущее сочинение. Если русское правительство согласится на мои условия, я попрошу его также обеспечить меня еще на два года, которые я посвящу обработке моих заметок, приведением их в систему и т. д. Иначе мне придется для добывания средств к жизни вновь заниматься медицинской практикой... Вы знаете, конечно, что в борьбе с нуждой трудно работается...» [13].

С 11 до 21 октября (н. ст.) 1882 г. состоялось восемь выступлений Миклухо-Маклая (с демонстрацией рисунков) в Географическом обществе и в зале Технического общества (в Соляном городке), которые широко освещались в печати [20].

13(25) октября 1882 г. Совет Географического общества принял решение обратиться к министру финансов с просьбой уплатить долги путешественника и предоставить ему возможность в течение двух лет подготовить к печати отчет о своих путешествиях. В ноябре 1882 г. министр финансов Н. Х. Бунге сообщил П. П. Семенову, что просьба Совета Общества: «1. О разрешении путешественнику Миклухо-Маклаю двухлетнего пребывания в Сиднее; 2. О выдаче ему на этот период субсидии в размере 400 фунтов стерлингов ежегодно, а всего 800 фунтов и 3. Об уплате долга его в размере 1400 фунтов стерлингов» удовлетворена [2, ф. 1, оп. 1, 1869 г., № 19, л. 191].

15(27) октября Миклухо-Маклай выступил с докладом на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве. В то время Общество возглавлял известный геолог Г. Е. Щуровский, а членами Совета были О. А. Федченко, А. П. Богданов и другие выдающиеся ученые. На заседании Миклухо-Маклаю была вручена Золотая медаль. В постановлении о присуждении медали указывалось, что Совет Общества приветствовал ученого «с завершением его тяжелых и продолжительных трудов по этнологическому исследованию папуасов и малайцев» и выражал «уважение к его энергии и самопожертвованию, столь ярко выявившимся во всех его путешествиях».

Выдающийся подвиг русского путешественника был отмечен не только учеными, но и простыми людьми. Крестьянин из села Мегрино Новгородской губернии И. А. Киселев писал Миклухо-Маклаю, что его «добровольное самопожертвование в пользу науки невольно удивляет мыслящее человечество...». Киселев просил у Николая Николаевича «доброего совета» о возможности переселения на острова Тихого океана, чтобы навсегда покинуть Европу, где «рядом с умножающейся блестящей роскошью торговых городов быстро растет поражающая нищета, пока приютившаяся в захолустьях провинции». Киселев спрашивал Миклухо-Маклая, «возможна ли жизнь без денег на

известных нам островах? Может ли там бедняк-европеец, снискивая себе пропитание, совершенствоваться и развиваться, довольствуясь уже достаточно выработанными наукой современными познаниями...» [1, ф. 143, оп. 1, № 21, л. 16].

После письма Киселева у Миклухо-Маклая еще больше окрепла мысль об организации на островах Тихого океана русской вольной колонии, в которой на демократической основе, без помещиков и капиталистов, соединились бы интересы переселенцев и туземцев.

Осенью 1882 г. Миклухо-Маклай получил письмо от члена Королевского географического общества в Лондоне Е. С. Томассена, который в этом же году опубликовал отдельным изданием краткую биографию Миклухо-Маклая в виде небольшого очерка о путешествиях Николая Николаевича, его борьбе за права папуасов и организацию первой в Южном полушарии Морской биологической станции в Сиднее. Книгу о русском путешественнике [48] Томассен сразу переслал в Лондон. «Королевское географическое общество,— писал он Миклухо-Маклаю,— с удовольствием получило Ваш биографический очерк. Он был получен как раз, когда о Вас потребовались сведения: лорд Абердейн спрашивал о Вас» [1, ф. 143, оп. 1, № 41, л. 1].

В этом же письме Томассен советовал русскому путешественнику встретиться в Англии с богатыми почтенными людьми — Альфредом Ибботсоном и Мак Кинноном, которые могли пожертвовать деньги на осуществление проекта развития Берега Маклая. «Г-н Альфред,— писал Томассен,— богатый человек и после Мак Киннона, конечно, пожертвует немного на Ваш проект... Обязательно добейтесь раньше, чтобы Мак Киннон взял под свое покровительство Ваш проект» [1, ф. 143, оп. 1, № 41, л. 1].

Но главная мысль Томассена заключалась в том, что Англия «должна взять Берег Маклая под британский протекторат и тогда постепенно свет британской цивилизации распространится оттуда по другим местам Новой Гвинеи, которая станет важным пунктом для Великобритании, особенно вследствие своей близости к Австралии» [1, ф. 143, оп. 1, № 41, л. 1].

С этим Миклухо-Маклай согласиться не мог. Он связывал осуществление своего проекта с Александром III и стремился лично заинтересовать царя. Во время короткого пребывания в Петербурге осенью 1882 г. Миклухо-Маклай пять раз был на приеме у Александра III в Гатчине: 11, 18 и 23 октября и 8 и 9 ноября 1882 г.

1 ноября управляющий морским министерством адмирал И. А. Шестаков записал в своем дневнике: «Доклад. Миклухо-Маклай... склонил государя занять или приобрести в Полинезии какое-нибудь складочное место для наших судов. Для чего? По-моему, если уже непременно хотят, то пусть Маклай купит его и там поселиться, чего он только и хочет. Придет завтра

меня сверлить» [3, ф. 26, оп. 1, № 2, л. 5]. Не понимая истинных целей и намерений Миклухо-Маклая, Шестаков вел с ним «двойную игру».

10 ноября 1882 г. директор канцелярии Морского министерства контр-адмирал Н. И. Казнаков предписал командиру корвета «Скобелев» капитан-лейтенанту В. В. Благодареву немедленно отправиться в Сидней, взять там в конце марта Миклухо-Маклая и вместе с ним следовать сначала на Берег Маклая (в Порт-Константин и Порт-Алексей), а затем к о-вам Хермит и далее к о-вам Палау (Каролинские острова). «Во всех этих местах,— писал Казнаков,— Вы должны будете внимательно осмотреть и описать берега, наметив пункты, где, по Вашему мнению, было бы удобно устроить склады угля, произвести промер этих мест, обратить особенное внимание на местное производство, если есть какое-нибудь, и могут ли суда получить на месте провизию, какую именно и в каком количестве. Вместе с тем,— указывалось далее в инструкции,— обратите внимание на климатические условия местности, соберите, если возможно, сведения о состоянии погоды и господствующих ветрах в разное время года и вообще составьте самое подробное и точное описание этих мест».

В заключение инструкции Благодареву Казнаков писал, что Миклухо-Маклаю «должна быть отведена отдельная каюта. В отношениях с ним Вы не должны забывать, что вся ответственность за исход поручения лежит на Вас и что, следовательно, соблюдая относительно его все законы гостеприимства и пользуясь его знакомством со страной, Вы должны с осторожностью относиться к увлечениям отчаянного путешественника» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 4—5].

В письме к Шестакову от 18 ноября 1882 г. из Петербурга Миклухо-Маклай писал, что он собирается выехать из Европы в январе 1883 г. и быть в Сиднее в конце февраля. Из второго письма Миклухо-Маклая Шестакову, написанного в Петербурге 1 декабря того же года, мы узнаем, что Николай Николаевич неожиданно заболел. Он писал, что, может быть, окажется «в физической невозможности отправиться сейчас же далее на острова». Миклухо-Маклай считал, что экспедиция на «Скобелев» «займет, по крайней мере, месяцев 5 или 6 времени. Отправиться на острова больным,— писал он,— т. е. быть в физической невозможности делать обстоятельно дело, меня не привлекает, не говоря уже о том, что может иметь очень серьезные результаты для здоровья, с которым я до сих пор обращаюсь очень бесцеремонно и что теперь начинаю чувствовать» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 88]. Николай Николаевич просил Шестакова не начинать экспедицию на «Скобелев» на Берег Маклая до его телеграммы из Сиднея.

В начале декабря 1882 г. Миклухо-Маклай выехал из Петербурга. Перед отъездом из России он послал телеграмму не-

мецкому ученому и общественному деятелю Рудольфу Вирхову: «Хотел бы знать ваше мнение о нынешнем положении. Встретимся на следующей неделе в Берлине» [47, с. 203]. Эта встреча состоялась 16 декабря 1882 г. на заседании Берлинского общества антропологии, этнологии и доистории, где председательствовал Вирхов. На заседании с сообщением, дополняющим доклад немецкого зоолога и этнографа Отто Финша о гончарном промысле у папуасов, выступил Миклухо-Маклай. Он сказал, что на Берегу Маклая гончарством занимаются «лишь жители двух маленьких островов. Жители самого побережья не знают этого искусства» [26, с. 424]. Рассказав об особенностях этого промысла на Берегу Маклая и других островах Тихого океана, русский путешественник выразил Берлинскому обществу антропологии, этнологии и доистории и особенно профессору Вирхову «сердечную благодарность за внимание» к нему во время его путешествия по островам Тихого океана.

После заседания Миклухо-Маклай сказал Финшу, что он возвращается в Сидней «через Париж и Шотландию», где предполагает навестить своего друга. Из Берлина Николай Николаевич отправился в Антверпен, затем в Лейден, Гаагу и далее в Париж.

В Париже 29 декабря 1882 г. Миклухо-Маклай навестил И. С. Тургенева, который еще до приезда Николая Николаевича по его просьбе попросил члена одной из секций Парижской коммуны П. Л. Лаврова доставить Миклухо-Маклаю брошюры, «написанные бывшими сосланными на Новую Каледонию коммунарами о жизни их там и перенесенных ими там страданиях» [46, с. 132].

Миклухо-Маклай в Новой Каледонии был в апреле 1879 г. и при содействии губернатора Ольри получил возможность «осмотреть все достопримечательности Нумей как места ссылки», он также посетил п-ов Дюко, где были «поселены коммунары», и главную тюрьму на п-ове Ну; видел камеры для ссыльных и мастерские, где они работали. 15 апреля Миклухо-Маклай записал в дневнике: «Я рад был, когда окончил осмотр этих учреждений» [17, с. 456]. В Париже Миклухо-Маклай хотел получить у Тургенева более подробные сведения о героях Парижской коммуны, отбывающих ссылку на островах Тихого океана.

В январе 1883 г. Миклухо-Маклай был в Лондоне, где встретился с выдающимся английским естествоиспытателем, соратником Дарвина Томасом Гексли. Английский ученый высоко оценил усилия Миклухо-Маклая по созданию в Австралии Морской биологической станции. 7 февраля 1883 г. Томас Гексли писал: «Я имел удовольствие встретиться здесь на днях с моим старым другом Миклухо-Маклаем и с интересом узнал об организации зоологической станции близ Сиднея. Я часто думал о замечательных возможностях для работы зоолога среди бесчисленного разнообразия животного мира этого прекрасного

острова и моря, и если бы мог сбросить с плеч лет тридцать, думаю, что отправился бы работать на эту станцию добровольцем» [47, с. 203].

Из Лондона Миклухо-Маклай отправился в Гринок (Шотландия), затем в Геную и Неаполь. «Это путешествие по Европе, которое я старался сократить по возможности,— писал Николай Николаевич 28 января (н. ст.) 1883 г. Шестакову из Порт-Саида,—имело для моих работ, которыми я намерен заняться в течение следующих двух лет в Австралии (работ по приготовлению к печати моих путешествий), большую важность и было для них совершенно необходимо, почему я не мог никак его отложить до следующего приезда моего в Европу (вероятно, в течение 1885 г.)» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 12].

В этом же письме к Шестакову Миклухо-Маклай писал, что его здоровье все еще неудовлетворительно и что физическое состояние может быть единственной причиной его отказа от поездки на острова Тихого океана. Николай Николаевич редко жаловался на свое здоровье, но перед этим путешествием он отступил от этого правила и написал, что после отъезда из Европы в конце января 1883 г. здоровье его «стало даже хуже, чем было перед отъездом из С.-Петербурга. Самое малое утомление сопровождается болью в области печени, которая бывает так сильна, что заставляет прерывать всякое занятие на несколько часов и даже нередко не позволяет спать по целым ночам. Неподходящая пища в Hotel'ях, ресторанах и на пароходах играет несомненно немаловажную роль при скверном положении моего здоровья. Рациональная диета, которую я имел возможность соблюдать в С.-П[етер]бурге, а главное — относительно все-таки более покойный образ жизни были причинами лучшего состояния здоровья тогда, сравнительно с теперешним, при настоящих переездах из Берлина в Париж, из Парижа в Лондон, из Лондона в Геную, Неаполь и т. д.» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 12].

Из этого письма становится ясно, что после многолетних странствий здоровье Миклухо-Маклая было подорвано и требовало серьезного лечения. «Доктора, с которыми мне пришлось встретиться,— писал он далее,—советовали мне заняться *серьезно* состоянием моего здоровья (пока еще не трудно поправиться, говорили они) и находили *необходимым: продолжительный отдых, известную диету* и, если возможно, употребление карлсбадских вод на месте (т. е. в Карлсбаде) или по крайней мере в Австралии, не отлагая по приезде туда. Они советовали мне ни в коем случае не подвергаться некоторое время, т. е. пока не поправлюсь достаточно, продолжительному пребыванию под тропиками, который „эксперимент“ может, по их мнению, кончиться для меня весьма трагически (угрожая мне: нарывом в печени, со всеми аксессуарами и т. п.)» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 12].

Но Шестакова и других чиновников из Петербурга здоровье путешественника мало интересовало. Забегая немного вперед, отметим, что плавание Миклухо-Маклая на корвете «Скобелев» в 1883 г. кончилось для него «весьма трагически».

28 января (н. с.) 1883 г. Николай Николаевич сообщил Шестакову, что он сможет «быть в Сиднее никак не ранее 20 марта, почему не в состоянии буду,— писал он,— ни в коем случае отправиться далее ранее 2-х недель по приезде в Сидней, которое время будет необходимо для устройства моих дел в этом городе» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 13].

Дело в том, что на пути в Россию из Австралии, в июле 1882 г., Миклухо-Маклай отправил письмо Маргарет Кларк (дочери бывшего премьер-министра Нового Южного Уэльса Джона Робертсона), в котором сделал предложение горячо любимой им женщине. В декабре Маргарет писала Николаю Николаевичу о своем согласии стать его женой. Но этого письма он не получил. Вот почему он так спешил в Сидней.

8(20) января 1883 г. командующий отрядом судов в Тихом океане Н. В. Копытов получил разрешение Морского министерства идти на Берег Маклая. В это время контр-адмирал находился в Гонконге на фрегате «Герцог Эдинбургский». «На этой неделе,— писал Копытов жене 8(20) января этого же года,— отправляюсь на „Африку“ в Сингапур, где пересяду на „Скобелев“ и пойду по островам. Я очень рад, что моя экскурсия состоится теперь, а не в апреле, как было назначено» [3, ф. 12, оп. 2, № 23, л. 2].

За несколько дней до отправления этого письма Копытов послал Шестакову телеграмму, в которой просил «позволения для выигрыша времени Маклаю послать к сроку в Сидней „Африку“ или одно из судов по вашему назначению, на которое мне перейти в Сингапуре, пересестъ на „Скобелев“ и на нем осмотреть острова» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 14].

15(27) января 1883 г. Копытов вышел из Гонконга в Сингапур на крейсере «Африка». Перед отъездом из Гонконга он попросил позволения у Шестакова послать за Миклухо-Маклаем в Сидней клипер «Наездник» вместо «Африки», которой нужно было «сделать специально 10 тыс. миль», чтобы попасть в Австралию. Вскоре директор канцелярии Морского министерства контр-адмирал Н. И. Казнаков сообщил Копытову, что министр согласен поручить «Наезднику» идти в Сидней к Миклухо-Маклаю вместо «Африки», но по пути «Наездник» должен был посетить Гонолулу и поздравить короля гавайского от имени Александра III по случаю его коронавания.

29 января (10 февраля) Копытов прибыл в Сингапур, где его уже ожидал «Скобелев». Осмотрев корвет и найдя его в полном порядке и готовности, контр-адмирал сообщил в Петербург, что на днях он переносит на «Скобелев» свой флаг и уходит в море.

2(14) февраля рано утром Копытов простился с командой «Африки» и перешел на «Скобелев», а через день корвет бросил якорь в столице Нидерландской Индии — Батавии, где простоял девять дней. Контр-адмирал Копытов, командир корвета «Скобелев» В. В. Благодарев и флаг-офицер мичман Эбергард нанесли визит генерал-губернатору, который, в свою очередь, посетил корвет и пригласил русских офицеров «провести с ним несколько времени» в его постоянной резиденции Бюйтензорге (Богоре).

Утром 10(22) февраля Копытов и сопровождавшие его офицеры «простились» с Бюйтензоргом и возвратились на «Скобелев», а вечером на корвет приехал Миклухо-Маклай. В «Повседневных записях событий во время плавания» корвета «Скобелев» записано: «Около 10 часов вечера с пришедшего на рейд английского пассажирского парохода (Австралийской линии) приехал на корвет г. Миклухо-Маклай, который был принят адмиралом и затем съехал с корвета» [3, ф. 12, оп. 2, № 205, л. 6].

В рапорте Главному начальнику флота и Морского ведомства великому князю Алексею Александровичу Копытов написал, что встреча с Миклухо-Маклаем в Батавии его очень обрадовала. Сначала путешественник согласился отправиться с ним на «Скобелев» на Берег Маклая. Но на следующий день Миклухо-Маклай «пришел мне сообщить,— писал Копытов,— что его частные дела, его коллекции и теснота помещения на военных судах принуждают его отказаться от совместного со мной плавания» [11, с. 20].

Убеждая путешественника идти с ним на «Скобелев», Копытов указал, что «каютою ему будет просторное и во всех отношениях прекрасное, особое, хотя и отделенное от палубы только обвесами, помещение под полуютом» и что его решение отправиться на «Скобелев» устранил необходимость в плавании в Сидней «Наездника».

Николай Николаевич выехал из Европы больным, поэтому ему важно было знать, в каких условиях он будет находиться на корвете во время трудного плавания по экватору. Копытов этого не понимал. В частном письме он писал, что «житель между дикарями оказался гораздо более взыскательным каждого из нас, людей общества, и что для него военные суда не довольно удобны, я все-таки этого *вольного* человека привел в порядок» [3, ф. 12, оп. 2, № 23, л. 27].

12(24) февраля Миклухо-Маклай приехал на корвет «Скобелев» для следования на Берег Маклая. Вскоре после этого русские моряки «снялись с якоря и дали ход». При первой встрече с путешественником у Копытова было какое-то предвзятое отношение к Николаю Николаевичу, которое, по-видимому, сложилось у контр-адмирала еще в Петербурге. Но когда Копытов поближе познакомился с Миклухо-Маклаем, он уже не

мог одержать своего восторга подвигами выдающегося путешественника и ученого. «Думая найти дикаря, убежавшего от людей на Нов[ую] Гвинею,— писал Копытов 15(27) февраля 1883 г.,— я встретил человека, у которого учусь теперь светскости и общественности... Кроме отличного ничего другого про него сказать не могу. Весьма строгой нравственности, серьезных правил и вообще во всех отношениях выдающийся человек» [3, ф. 12, оп. 2, № 23, л. 29].

15(27) февраля Миклухо-Маклай написал Копытову маленькую записку, чтобы напомнить контр-адмиралу разговор, происходивший между ними, «о большой пользе, которую может принести подарок нескольких пар домашних животных для установления прочных дружеских отношений между русским и туземным населением того берега. Я не сомневаюсь,— писал путешественник,— что туземцы Берега Маклая вполне оценят важность такого подарка и сохранят о посещении „Скобелева“ самую лучшую память — молодого бычка и телку» [34, с. 242]. Миклухо-Маклай не упускал случая помочь местным жителям.

16(28) февраля корвет «Скобелев» подошел к Макасару на острове Целебес (Сулавеси). Копытов нанес визит губернатору Ван Троми, а затем в его коляске поехал осматривать город. «Хотя Макассар,— писал контр-адмирал,— чуть не 300 лет в голландском владении, но миль двадцать от города,— и уже жители малайцы, вполне независимые и весьма воинственные. Вообще по всему острову голландцы владеют только несколькими приморскими городами, а остальное принадлежит полудиким малайцам к европейцам весьма враждебным... Голландцы ими занимаются мало, интересуясь только своими гульденами, накопивши которых возвращаются в Европу» [3, ф. 12, оп. 2, № 23, л. 31].

20 февраля (4 марта) «Скобелев» вышел из Макасара по направлению к Амбоине (Амбон), расположенной на одноименном острове в группе Молуккских островов. Расстояние, равное 601 миль по морям Флорес и Банда, прошли под парами за трое суток и три часа. «Амбоина,— писал Копытов,— производит главным образом гвоздику и мускатный орех, вообще же фруктов и плодов бесконечное разнообразие... Не знаю, стоит ли повторять о чудной тропической растительности. Каждый порт, который мы посещаем, хвалится превосходством своего климата перед предшествовавшим. Батавия лучше Сингапура, Макассар — Батавии, Амбоина — Макассара» [3, ф. 12, № 23, л. 33].

Резидент Ридль («немец, сделавшийся голландцем», женатый на малайке) пригласил Копытова переехать к нему. «Помещение нам (мне и г. Маклаю),— писал контр-адмирал,— ответи, как всегда, просторное». Ридль показал Копытову и Миклухо-Маклаю свой «огромный и отлично устроенный» ботанический сад. Вблизи сада на свободе летали какаду разных цве-

тов с подрезанными крыльями, маленькие разноцветные попугаи, прогуливались казуары, обезьяны и другие животные.

«Уезжая в третий раз в 1883 г. на Берег Маклая,— писал Николай Николаевич профессору В. Бурху позднее,— я взял с собою из Амбона семена различных растений и деревьев, которыми меня снабдил г-н резидент Ридль и г-н ассистент резидента Штормер... Приехав на Берег Маклая, я посеял собственноручно и раздал туземцам привезенные семена, и я имею полное основание полагать, что растения выросли и акклиматизировались в Новой Гвинее наравне с другими, привезенными мною в 1871—1872 и 1876—1877 гг.» [38, с. 318].

23 февраля (7 марта) в Амбоине по просьбе Миклухо-Маклая был закуплен скот. Другие подарки для жителей Берега Маклая Копытов закупил еще в Гонконге.

26 февраля корвет «Скобелев» из Амбоины направился прямо на Берег Маклая и 5 марта встал на якорь в бухте Порт-Константин. Расстояние в 1295 миль прошли за 7 суток и 11 часов. Более недели шли под парами, около 20 миль за четыре часа прошли под парусами.

На следующий день, 6(18) марта, Миклухо-Маклай сошел на берег около деревни Бонгу. «Я скоро открыл,— писал он,— что целые две площадки с окружавшими их хижинами обратились в пустырь. Площадки заросли травой, а на развалинах хижин рос кустарник». Папуасы объяснили ему, что «из туземцев, живших в этих хижинах, одни перемерли, а другие выселились». Старый приятель Миклухо-Маклая Саул рассказал ему о приходе в Гарагаси «тамо инглис».

На расчищенном участке земли Миклухо-Маклай посадил семена и молодые растения манго, хлебного дерева, цитрусовых (лимонного и апельсинового дерева), ананасов и других культурных растений. Семена кофейного дерева он просил папуасов посадить в горных деревнях. По знакомой тропинке Миклухо-Маклай отправился в деревню Горенду. «Вместо значительной деревни,— писал он,— остались только две-три хижины; все заросло до неузнаваемости» [21, с. 585—586].

Жители деревни Бонгу приглашали Миклухо-Маклая «поселиться между ними» и спрашивали совета, как поступить, если в деревне опять появятся «тамо инглис». «Я чувствовал себя,— писал Миклухо-Маклай,— как дома, и мне положительно кажется, что ни к одному уголку земного шара, где мне приходилось быть во время моих странствований, я не чувствую такой привязанности, как к этому берегу Новой Гвинеи» [21, с. 586].

6(18) марта Миклухо-Маклай сообщил Копытову, что поиски переводчика для Архипелага Довольных Людей в деревнях Бонгу и Горенду «не увенчались успехом по той простой причине, что жители этих деревень не знакомы с диалектом тех островов и, кроме того,— писал он,— не находятся в дружелюбных отношениях с этими последними». Николай Николаевич просил

Копытова замедлить ход корвета у о-ва Били-Били, где он без труда сможет, *«вероятно, найти нужного переводчика»* [35, с. 243].

7(19) марта рано утром корвет «Скобелев» отправился в бухту Порт-Алексей, расположенную в 26 милях к северу от бухты Порт-Константин. В 7 часов утра у о-ва Били-Били корвет уменьшил ход. «В это же время,— указано в „Повседневных записях“,— была спущена четверка, на которой г. Миклухо-Маклай привез на корвет 4-х туземцев, из которых двое, бросаясь в воду, уплыли» [3, ф. 12, оп. 1, № 205, л. 13].

8(20) и 9(21) марта моряки корвета занимались съемкой и промером бухты Порт-Алексей и Архипелага Довольных Людей на пяти судах (на рабочем и офицерском катерах, четверке, вельботе № 2 и паровом катере). Копытов писал, что здесь был найден рейд, «один из таких, какие не встречаются часто не только на прямолинейных берегах Новой Гвинеи, но и вообще. Отлично защищенный от ветров и волнений...» [11, с. 27].

За день до отплытия корвета «Скобелев» из бухты Порт-Алексей Миклухо-Маклай посетил небольшой островок Маласпену, расположенный вблизи о-ва Сегу. У папуасов Миклухо-Маклай спросил, смог бы он построить себе здесь дом в случае возвращения. «Все оказались не только согласны,— писал Миклухо-Маклай,— но даже очень довольными, услышав, что я поселюсь недалеко от них» [21, с. 595].

11 марта корвет из залива Астролябия отправился на атолл Хермит с заходом на о-ва Адмиралтейства. За трое суток и 11 часов прошли 381 милю. Двое суток и девять часов шли под парами и более суток под парусами. 14 марта «Скобелев» бросил якорь у главного острова Луб атолла Хермит. На «Скобелеве» Миклухо-Маклай в третий и последний раз посетил эти острова.

В первый раз Миклухо-Маклай был на о-вах Хермит и Адмиралтейства в 1876 г., плавая на шхуне «Морская птица» (на пути к Берегу Маклая). Во второй раз он прибыл на шхуне «Сэди Ф. Коллер». Во время плавания на торговых судах Миклухо-Маклай собрал большую информацию о жизни населения этих островов, которая была опубликована в различных журналах и вошла впоследствии в собрание его сочинений. Миклухо-Маклай был одним из первых исследователей атолла Хермит. Во многих своих работах он называл его о-вами Агомес, или Луб. Миклухо-Маклай писал, что Агомес есть «не что иное, как искаженное туземным произношением английское название Hermit, которое туземцы часто слышат от шкиперов» [19, с. 561], а Луб было дано по названию «главного острова».

У о-вов Хермит были произведены съемка и промер глубин. Копытов писал, что эти острова часто посещались европейцами. «По существующим порядкам,— отмечает он,— англичане, немцы, американцы в случае, если на каком-либо из островов бу-

дет кто-либо из их нации убит туземцами, наказывают такой остров — стреляя их и сжигая их селения, почти не входя в разбирательство, кто прав, кто виноват, несмотря на то, что в большинстве случаев виноваты торговцы-европейцы своими безмерными злоупотреблениями, насилиями, обманами и проч.» [11, с. 30]. Об одной такой экзекуции, происходившей незадолго до прибытия корвета «Скобелев» на Хермит, местные жители подробно рассказали Н. Н. Миклухо-Маклаю.

На о-вах Адмиралтейства «Скобелев» стоял 5 часов, а на о-вах Хермит — 28 часов, и оттуда он направился к о-вам Пелау (Палау). Расстояние в 948 миль прошли за 4 суток и 18 часов, почти все время шли под парусами. 20 марта «Скобелев» встал на якорь у северо-западной оконечности главного острова Бабельтопа (Бабелтуап). Здесь было обнаружено большое «несогласие карт с действительностью». Для промера глубин Копытов направил гребные суда.

Так же как о-ва Адмиралтейства и Хермит, о-ва Палау Миклухо-Маклай в первый раз посетил в 1876 г. на пути к Берегу Маклая (перед вторым посещением этого берега). Отсюда путешественник взял на Новую Гвинею двух слуг — Мебли и Миру. В период пребывания на Палау Миклухо-Маклай собрал интересный материал о жизни населения островов и составил словарь языка пелау. Особая глава в его работе «Архипелаг Пелау» была названа: «Характер туземцев и отношение их к европейцам» [23, с. 303—313]. В ней Миклухо-Маклай передает рассказы местных жителей о преступлениях английского подданного Чана — шкипера и тредора², доставлявшего в Китай с островов Тихого океана трепанг, черепах и сандаловое дерево. В 1865 г. за разбой, издевательства и разжигание войны между жителями селений Корор и Малегюок Чан был убит жителями Корора. Разбойнику Чану принадлежал небольшой островок около Корора, который после его смерти за отсутствием наследников перешел к английскому правительству.

В апреле 1876 г., во время пребывания на о-вах Палау, Миклухо-Маклаю удалось установить хорошие отношения с жителями многих селений. «В Короре, — писал он, — я был гостем Айбадула, в Малегюоке имел дело с томолом и не могу пожаловаться на недостаток любезности с их стороны» [23, с. 308].

С полного согласия томоля Раклая — главного вождя независимой области Артингал, расположенной на о-ве Бабелтуап (столицей области в то время была деревня Малегюок), Миклухо-Маклай 22 апреля приобрел на мысе Артингал о-ва Бабелтуап два небольших участка земли, которые носили туземные названия Комис и Ораберамис. У Миклухо-Маклая было «горя-

² «Тредорами, — писал Миклухо-Маклай, — называются на островах Тихого океана агенты торговых домов, которые получают из торгового дома товары для меновой торговли с туземцами, за что имеют известный процент произведений: копры, трепанга и т. п.» [18, с. 247].

чее желание» организовать в тропиках морскую биологическую станцию. По-видимому, на мысе Артингал он и хотел создать подобную станцию.

В письме к Копытову от 29 марта (10 апреля) 1883 г. Миклухо-Маклай изложил результаты своей поездки в деревню Малегюк на о-ве Бабелтуап, где он находился 20 и 21 марта (1—2 апреля) 1883 г. Перед отъездом из Малегюка русский путешественник попросил своих бывших слуг Мебли и Миру построить ему дом. От местных жителей Миклухо-Маклай узнал, что незадолго до прихода «Скобелева» моряки с британского военного корабля не только сожгли и разрушили все дома в деревне Малегюк, но и разграбили и увезли их собственность, несколько ружей и больших сосудов, употребляемых для варки трепанга, за то, что жители деревни «не могли сразу уплатить тяжелую контрибуцию...» [33, с. 245]. Об этом акте насилия Миклухо-Маклай сразу написал письмо коммодору английской морской станции в Китае и просил восстановить разрушенную деревню и возвратить взятую собственность. Это письмо было переслано командующему английским флотом Кенингу. Однако Кенинг в частном письме к русскому путешественнику признал свое полное бессилие в этом вопросе.

21 марта 1883 г. «Скобелев» снялся с якоря и направился к Филиппинским островам. Расстояние от Палау до Себу, равное 724 милям, прошли за пять суток. Сутки и восемь часов шли под парами и около четырех суток — под парусами. 26 марта «Скобелев» прибыл в Себу, где два дня грузился углем. От Себу до Манилы шли два дня под парами, и 31 марта встали на якорь у адмиралтейства Кавита.

Здесь Миклухо-Маклай сделал записи о климате Берега Маклая, дополнившие его «Метеорологические заметки с Берега Маклая на Новой Гвинее», опубликованные в 1874 г. [25]. Средняя годовая температура на Берегу Маклая в 1871—1872 гг., равная 26,2°, была такой же, как в Сингапуре, Бомбее и Бенаресе. Миклухо-Маклай обратил внимание на ничтожное колебание температур в этой местности по временам года. «Средние температуры месяцев,— писал он,—представляют только 1,4° разницы». На Берегу Маклая наблюдался определенный дождливый период. Больше всего осадков выпадало в январе (383,3 мм) и в феврале (258,5 мм). Годовое количество осадков в бухте Порт-Константин равнялось 2393,6 мм.

1(13) апреля Копытов отправил в Петербург телеграмму о благополучном прибытии в Манилу. Он сообщил, что через три дня уходит в Шанхай для дальнейшего следования на родину. В тот же самый день Копытов получил приказ Казнакова немедленно отправиться во Владивосток. Такая поспешность в изменении курса «Скобелева» была вызвана началом ежегодного летнего крейсерства английского флота у дальневосточных берегов России. 1(13) апреля Копытов телеграфировал велико-

му князю Алексею Александровичу, главному начальнику флота и морского ведомства, что корвет уходит во Владивосток.

Но из-за мощного слоя льда, сковавшего берега Японского моря в бухте Золотой Рог, Копытов получил новый приказ идти во Владивосток, «когда вскрыется лед», а пока отправиться в Нагасаки и Шанхай. 5(17)апреля корвет вышел из Манильской бухты и взял курс на Формозу. Через десять дней на пути из Нагасаки в Шанхай «Скобелев» потерял одну лопасть винта, возвратился в Нагасаки и вошел в док для ремонта³.

Известие о плавании «Скобелева» с Миклухо-Маклаем на борту к Берегу Маклая дало повод для усиления борьбы за захват Восточной Новой Гвинеи. 4(16) апреля в Лондоне на заседании палаты общин началось обсуждение полученной из Квинсленда телеграммы, извещавшей о том, что губернатор этой английской колонии в Австралии, «желая предотвратить занятие Новой Гвинеи какой-нибудь другой державой, распорядился занять ее от имени британской королевы, впредь до тех пор, когда английское правительство постановит решение по поводу отправляемой им сегодня ноты» [45, 6.IV.1883].

Вскоре в газете «Русский инвалид» появилось сообщение из Лондона «по поводу присоединения Новой Гвинеи» англо-австралийской колонией Квинсленд. Захват восточной части Новой Гвинеи был осуществлен по приказанию премьера Квинсленда 4 апреля 1883 г. полицейским администратором о-ва Четверга (Терсди) Честером на небольшом катере. «Таймс» писала, что «полицейские судьи весьма хорошие и способные чиновники, но кажется это еще первый пример, чтобы один из них был призван присоединить страну, которая больше Франции» [45, 13.IV.1883].

Миклухо-Маклай съехал с корвета «Скобелев» на пассажирский пароход, идущий в Гонконг, 5(17) апреля. «За завтраком,— писал Копытов в этот же день,— простился с Миклухо-Маклаем, который отправился к себе в Сидней. Он весьма любезный человек, и общество его очень наполняло мое время» [3, ф. 12, оп. 2, № 23, л. 39]. Накануне отъезда из Манилы Николай Николаевич написал брату Михаилу, что экскурсия на корвете закончилась и Миклухо-Маклай через Гонконг и Сингапур едет в Сидней, где предполагал быть в конце мая. «Скажи матери,— писал он,— что я здоров и очень нетерпеливо ожидаю возвращения в Сидней, так как от Риты уже месяца три не получал и не могу получить писем» [37, с. 244].

24 апреля (6 мая) во время плавания на пароходе «Венеция» в Южно-Китайском море, на пути из Гонконга в Сингапур,

³ 13(25) мая 1883 г. «Скобелев» прибыл в бухту Золотой Рог. До конца октября он находился в крейсерстве у дальневосточных границ России по маршруту: Сахалин, Камчатка, Курильские острова, Командорские острова. Он посетил также Нагасаки и Иокогаму, откуда в конце 1883 г. вернулся на родину через моря Тихого и Индийского океанов и Суэцкий канал.

Миклухо-Маклай написал великому князю Константину Николаевичу большое письмо, в котором сообщал, что через несколько дней после прибытия в Гонконг он прочел в газетах об аннексии восточной части Новой Гвинеи австралийской колонией Квинсленд. Это было тяжелым ударом для русского путешественника.

В телеграммах из Лондона, опубликованных в английских газетах, «затем в английских газетах (печатаемых в Китае и Австралии), — писал Миклухо-Маклай, — появились разные статьи о занятии Новой Гвинеи австралийской колонией Квинсленд, между прочим, с догадками о главной причине такого поспешного шага. Такую главную причину думают найти в обстоятельстве, что в Бризбейн (столицу Квинсленда) дошли слухи об угрожающем захвате юго-восточной половины острова Новая Гвинея постороннею державою.

Читая эти статьи, — писал он далее, — мне стало ясно, что мое переселение с почтового австралийского парохода на русское военное судно не прошло не замеченным в Австралии и что в Бризбейне, куда отправился пароход „Chyebassa“, это обстоятельство так встревожило (!) тамошнее правительство, которое, надо заметить, уже не раз изъявляло желание занять Н[овую] Гвинею, что, боясь опоздать, убедило тамошнего весьма осторожного губернатора сэра Артура Кеннеди сделать этот поспешный шаг» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 45—46].

Приложив соответствующие вырезки из газет, Миклухо-Маклай просил великого князя Константина Николаевича поддержать его просьбу о «русском протекторате» для Берега Маклая, «если... британское правительство не согласится на это новое расширение колониальных своих владений».

На этом письме сохранилась пометка Шестакова: «напоминать мне чаще на этот вопрос и дать концентрированную выписку из рапорта Копытова, к чему он приходит». Позднее Шестаков просил переписать рапорт Копытова «все чисто и по-русски. Приложить графическое изображение пути корвета и копию с картографированных мест. Все это собрать, чтобы можно было представить его величеству, только скоро» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 21].

На пути из Гонконга в Сингапур Миклухо-Маклай отправил еще два письма о взволновавшем его газетном сообщении — захвате Новой Гвинеи австралийской колонией Квинсленд. 21 апреля (3 мая) он сообщил Копытову: «Аннексия эта хотя мне и неприятна, но не изменит моих планов относительно берега Маклая» [3, ф. 22, оп. 2, № 27, л. 162]. Младшему брату Михаилу Николай Николаевич написал 6(18) мая, что его «план в главных основаниях решен, но детали еще не определились». Для реализации плана ему необходима была помощь брата. Он просил Михаила Николаевича поселиться на небольшом участке земли, который имелся у Н. Н. Миклухо-Маклая на

о-ве Бабелтуап. В ответном письме М. Н. Миклухо-Маклай сообщает о своем согласии отправиться на острова Тихого океана при условии, если он там будет иметь возможность «заниматься геологическими работами».

30 апреля (12 мая) на пути в Австралию Миклухо-Маклай на три дня остановился в Сингапуре. «Я распорядился,— писал он П. П. Сорокоумовскому 2(14) мая 1883 г.,— о приведении в порядок моего островка, Серимбона, так что вы будете избавлены от всяких хлопот и недоразумений касательно его» [40, с. 248]. Островок Серимбон, расположенный в проливе Селат Тебрау, отделяющем Сингапур от п-ова Малакка, Николай Николаевич приобрел у махараджи Джохора во время путешествия на п-ов Малакка в 1875 г. специально для создания первой в Азии морской биологической станции, которая должна была стать местом спокойной работы для ученых. «Прежде всего эта станция „Тампат-Сенанг“ (по малайски „место покоя“),— писал он,— должна служить для меня: в мое отсутствие и после моей смерти я отдаю ее в распоряжение каждого изучающего природу, кто нашел бы ее удобною для своих занятий» [22, с. 226].

Но великий русский путешественник так и не нашел спокойного места для научной работы ни в одной части света. Когда он находился уже близко от Австралии, он еще не знал, что 14(26 мая) 1883 г. в Германии была создана Новогвинейская компания и ее представитель Отто Финш, с которым Миклухо-Маклай встречался в студенческие годы в Германии и мирно беседовал в декабре 1882 г. на заседании Берлинского общества антропологии, этнологии и доистории, о котором речь шла выше, отправлялся в Новую Гвинею для подготовки захвата Берега Маклая.

На «Венеции» в конце мая 1883 г. Миклухо-Маклай встретился с Чалмерсом, старым своим знакомым из Лондонского общества миссионеров, который сел на этот пароход на о-ве Четверга (Терсди), расположенном в Торресовом проливе. Чалмерс оставался спутником русского путешественника до Брисбена.

Миклухо-Маклай предложил Чалмерсу написать вместе письмо статс-секретарю британских колоний лорду Дерби в случае, «если английское правительство решит присоединить южную половину восточной части Новой Гвинеи к британским владениям». Миклухо-Маклай и Чалмерс от имени «туземцев» Новой Гвинеи просили лорда Дерби об уважении прав папуасов, о запрещении вывоза рабочих с острова и ввоза спиртных напитков. Миклухо-Маклай и Чалмерс были «согласны в том, что если Новую Гвинею нельзя более оставить в прежнем ее виде, то из двух зол: зависимости ее от Англии или от колонии Квинсленд — *первое для туземцев будет меньшее*» [16].

20 июня 1883 г. копию письма лорду Дерби Миклухо-Мак-

лай уже из Сиднея направил премьеру правительства Великобритании Вильяму Гладстону. Русский путешественник обратил внимание главы английского правительства на то, что это письмо послано «от имени многих десятков тысяч людей, которых преступление состоит единственно в том, что они имеют кожу темного цвета, более слабы и не в состоянии (в настоящее время) отстаивать сами своих прав» [29, с. 250]. Миклухо-Маклай и Чалмерс надеялись, что «имперское правительство не признает и не поддержит политику: *насилия, людокрадства и невольничества*». Вторую копию письма лорду Дерби Миклухо-Маклай направил секретарю Общества покровительства туземцев⁴.

Обращаясь к лорду Дерби и Вильяму Гладстону, Миклухо-Маклай вместе с тем ждал помощи из России. 11 октября 1883 г. он писал Копытову: «...вопрос аннексирования моего берега меня *значительно* интересует, но протестовать *словами*, а не делом мне кажется было бы *смешно*, но если я молчу *пока*, то это молчание вовсе не соответствует бездействию» [3, ф. 12, оп. 2, № 26, л. 164].

Сообщая, что в Сиднее соберутся представители всех австралийских колоний для обсуждения вопроса об аннексии Новой Гвинеи, Миклухо-Маклай писал контр-адмиралу: «Сознаюсь, что рассчитывать на успех — дело трудное... было бы хорошо, если бы я имел бы поддержку русского правительства. Но ему теперь, кажется, не до островов Тихого океана и Новой Гвинеи» [3, ф. 12, оп. 2, № 26, л. 164].

Осенью 1883 г. в английских и австралийских газетах появилось сообщение о том, что бригадный генерал Мак-Ивер и капитан Кенерли организуют экспедицию для колонизации окрестностей бухты Порт-Константин на Берегу Маклая и для торговли с «туземцами». В опубликованном в газете проспекте указывалось, что местность, подлежащая колонизации, отличается плодородием почв, а недра ее богаты золотом, серебром, оловом, медью, каменным углем и драгоценными камнями. «Климат,— указывалось в проспекте,— здоров, остров — настоящий рай, с богатейшею фауной и флорой». С Берега Маклая предполагалось вывозить чучела райских птиц с их великолепными перьями, камфору, черепах, жемчуг, каучук, сандаловое дерево, сахарный тростник и другие товары. «По словам проспекта,— писал Миклухо-Маклай,— скотоводство и овцеводство окажут-

---

⁴ Много лет спустя Копытов писал, что «острова Тихого океана терпят угнетение европейцев постоянно, о степени же происходящих там ужасов Европа остается в неведении, так как на местах действий, кроме самих грабителей, никого нет, то и в печать ничего не проникает. Покойный Миклухо-Маклай рисовал ужасные картины всего там происходящего и делал попытки добраться до сердца и чувств человеколюбия английского министра, но оно также солидно прикрыто броней, как и их броненосцы, и его письма лорду Дерби, конечно, были безрезультатны» [14, с. 54].

ся также прибыльными, как в самых лучших местах колонии Квинсленд». Далее в проспекте указывалось, что в этой местности имеется «порт достаточной величины и глубины для судов всего мира», где будет основан «первый город», который станет «столицей одного из богатейших островов мира» [16].

Для того чтобы предупредить «вторжение непрощенных гостей» на Берег Маклая, Миклухо-Маклай 27 октября 1883 г. отправил Дерби телеграмму: *«Туземцы берега Маклая желают политической самостоятельности под европейским покровительством»*. Этой телеграммой Миклухо-Маклай хотел напомнить английскому правительству, что с «туземцами» Новой Гвинеи «нельзя обращаться, как с животными, населяющими эту страну, то есть, забрать просто их землю, не принимая в расчет желания туземцев, как это было сделано в Тасмании и Австралии». Миклухо-Маклай надеялся, что лорд Дерби встанет на защиту папуасов и выступит «против этой экспедиции», от которой папуасы «могли ожидать только насилия и эксплуатации» [16].

13 ноября 1883 г. обращение Миклухо-Маклая к английским государственным деятелям обсуждалось на общем собрании Королевского института колоний в Лондоне. С докладом о Новой Гвинее и западной части Тихого океана выступил член Королевского географического общества Уилфрид Пауэл. Франк Гриноп пишет, что Пауэл взывал с мольбой о «спасении Новой Гвинеи от катастрофы, грозящей ей от нашествия безответственных авантюристов». На собрании была зачитана телеграмма Миклухо-Маклая лорду Дерби. Выступивший там же известный исследователь Новой Гвинеи, английский мореплаватель Джон Морсби дал высокую оценку научной и общественной деятельности Миклухо-Маклая. Он охарактеризовал русского путешественника как человека, обладавшего «чрезвычайно глубоким умом». Морсби выразил надежду, что английские власти «сделают все, что в их силах, чтобы помешать алчным и бессовестным бандам английских авантюристов стать проклятием Новой Гвинеи, какими они часто становились в прошлом на других островах» [47, с. 214].

Телеграмма Миклухо-Маклая Дерби привлекла внимание и русской печати. 7 января 1884 г. в «Новом времени» была опубликована передовая статья, в которой было написано: «Как только правительство Соединенных Штатов снарядило свою экспедицию на Новую Гвинею, Миклухо-Маклай и послал лорду Дерби телеграмму, в которой высказал надежду, что Англия примет остров под свое покровительство, но с условием уважать учреждения местного самоуправления и земские права папуасов. Лорд Дерби быстро ответил на призыв... и вот в скором времени Англия под шумок китайско-тонкино-французских пререканий присоединит Новую Гвинею к своим колоссальным владениям».

В заключение газета писала: «Нам кажется, что эта услуга русского путешественника обязывает Англию к взаимной услуге по отношению к России, если б русское правительство сочло необходимым приобрести морскую станцию на Дальнем Востоке» [42].

О статье в «Новом времени» Миклухо-Маклай узнал из австралийских газет. В сообщении от 21 января 1884 г. из Лондона было написано, что «русская газета „Новое время“, делая замечания насчет письма... Маклая относительно требований туземцев Берега Маклая политической самостоятельности, нападает на него за недостаток патриотизма, благоприятно относясь к идее английского протектората над Новой Гвинеей» [16].

Не зная содержания всей статьи, напечатанной в «Новом времени», Миклухо-Маклай для опровержения преднамеренных искажений текста его телеграммы лорду Дерби опубликовал 22 мая 1884 г. в газете «Новости и биржевая газета» большую статью «Берег Маклая в Новой Гвинее и протекторат» [16], в которой привел свою переписку с английскими государственными деятелями и дал подробный анализ обстановки на Тихом океане, сложившейся в результате захвата островов Океании Англией, Германией, Францией и Соединенными Штатами Америки. Миклухо-Маклай писал, что все завоевания перечисленных стран «отступят совершенно на второй план, сравнительно с приобретениями британскими».

В ноябре 1884 г. Англия объявила протекторат над южной частью восточной половины Новой Гвинии. Через месяц после этого германский посол в Петербурге Ганс-Лотар Швейниц известил русское правительство о занятии Германией северного берега Новой Гвинии и архипелага Новая Британия, в том числе и Берега Маклая. На о-вах Палау испанский гарнизон был высажен немного позднее.

Все эти события глубоко потрясли Миклухо-Маклая. Узнав о захвате Германией Берега Маклая, он послал телеграмму Бисмарку: «Туземцы Берега Маклая отвергают германскую аннексию» — и большое количество писем Александру III, министру иностранных дел Н. К. Гирсу и другим государственным деятелям России с протестами и просьбами «о даровании туземцам Берега Маклая российского покровительства, *признав его независимым*» [8, с. 563].

Профессор классической филологии, друг путешественника В. И. Модестов писал, что Миклухо-Маклай был человеком необыкновенной силы характера. «Препятствия, насколько они зависели от рук человеческих, для него не существовали, и он над ними не задумывался... Если нельзя чего сделать, напр[имер], при помощи русских, то можно сделать при помощи англичан, если нельзя сделать и при помощи англичан, то можно сделать каким-нибудь другим способом». Если предприятие требовало больших денег, в которых у Миклухо-Маклая «был

чувствительный недостаток, то это обстоятельство «смущало его всего менее, по крайней мере, в момент обсуждения» [41].

После возвращения в Россию из Австралии весной 1886 г. Миклухо-Маклай начал новый тур упорной борьбы за создание на островах Тихого океана русской вольной колонии [10]. 9 августа того же года он представил Н. К. Гирсу важный документ — проект будущего экономического и политического устройства русского поселения на Тихом океане [30], в основе которого лежал «Проект развития Берега Маклая», разработанный путешественником еще в 1881 г. Как в первом, так и во втором вариантах своего проекта Миклухо-Маклай хотел создать на одном из островов Тихого океана общество без эксплуатации и расовой дискриминации, на основе общинной собственности на землю, с демократическим управлением. И хотя его проект был отвергнут, а острова, где он хотел создать новое общество, были заняты европейскими державами, Миклухо-Маклай верил, что его проект «рано или поздно осуществится» и единственная цель его жизни — «польза и успех науки и благо человечества» — будет осуществлена.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Отрывки из писем контр-адмирала Н. В. Копытова
жене А. А. Копытовой, написанных во время плавания
корвета «Скобелев» на Берг Маклая в 1883 г.

*Корвет «Скобелев» у города Макассара на острове Целебес,
вторник 15/27 февраля 1883 г., 23°R*

В прошлом письме я тебе уже сообщал о моей неожиданной, негаданной встрече с Миклухо-Маклаем. Это обстоятельство для службы крайне благоприятное, для меня лично, в конце концов, лишний случай к неудовольствиям, но я все-таки чрезвычайно рад встрече. Без Миклухо-Маклая я бы мог выполнить чрезвычайно поверхностно свое дело. Теперь же, имея его с собою, мне будет все вдесятеро легче. Он же сам по себе, человек чрезвычайно интересный, проделавший вещи почти невероятные, во время его жизни с дикарями и при различных путешествиях по всем углам Тихого океана. Слушать рассказы о его приключениях доставляет много удовольствия, и часто не верится, чтобы такой маленький и слабенький человек мог бы делать такие дела. Он говорит на 12 языках и субъект не только образованный, но ученый. В России, Англии, Франции, Германии он познакомился и даже в некоторых случаях подружился со всеми современными знаменитостями и людьми чрезвычайно высокостоящими.

Думая найти дикаря, убежавшего от людей на Нов[ую] Гвинею, я встретил человека, у которого теперь учусь светскости и общности. Кого он не знает и с кем он не друг? В здешних колониях различных государств он

¹ 23° по шкале Реомюра равны почти 29° по шкале Цельсия.

приятель со всеми генерал-губернаторами, вице-королями и магараджами. В то же время до сих пор я кроме отличного ничего другого про него сказать не могу. Весьма строгой нравственности, серьезных правил и вообще во всех отношениях выдающийся человек. В прежних наших комиссиях говорили, он бывал неуживчив, вот почему, я думаю, мы будем ссориться. Но может быть и обойдется, хотя у него разных претензий больше, чем у многих лондонцев, хотя он и с Новой Гвинее. Теперь повсюду его очень балуют.

*Новая Гвинея, Берег Маклая,
воскресенье 6/18 марта 1883 г., 24°R*

Вчера прибыли сюда после прекрасного и успешного перехода. Несмотря на пятилетнее отсутствие Маклая², туземцы его тотчас узнали. Тут съехавши на берег сегодня утром удалось видеть дикарей вполне; людей, кроме Маклая и двух наших судов, не видевших никогда европейцев. Они людоеды. В деревнях же, в которых мы были, Маклай их цивилизовал, и они больше своих пленников не употребляют для обедов и завтраков. Много впечатлений я не вынес из свидания... Маклай много расхваливает их нравственность и обычаи, но видимость их жизни мало к себе располагает. Они еще не знают употребления металлов и имеют все сделанное из дерева³. Торговли никакой нет. Грамотности и письмен тоже. Каждые несколько небольших деревень имеют свой особенный язык и друг друга на расстоянии нескольких миль совершенно не понимают. Почти не одеты, не имеют никакого имущества и домашнего скарба, кроме шалашей с нарами. Интересуются только раскрашиванием своих физиономий и волос и украшением головы куафюрами⁴, кто бы это подумал?

При моем выходе на берег они старались все быть сколько можно приветливы, повели в свои деревни и предоставляли рассматривать все их домашнее устройство. Затем подчивали кокосами, которые срывали при нас с громадного дерева. Возвратясь наверх одному из них не стоило ни малейшего труда. Я еще в Гонконге купил для них разных разностей, и сегодня Маклай при мне раздавал им табак и ситец. Кроме того по его просьбе я велел купить быка и корову, козла и трех коз в Амбоине, и их тоже им отвезли, так как они этих животных у себя не имеют. Я еще не знаю, но я думаю, им больше всего доставили удовольствие пустые бутылки и жестянки, массу которых только что отвезли на берег.

Из Амбоины до [Новой] Гвинии мы шли шесть дней, а от Батавии три недели, что уже для данных обстоятельств очень хорошо. Несмотря на отдаленность этого места, корвет пришел с полным запасом угля, воды и свежей провизии. По выходе отсюда начнется вторая половина этого отдаленного плавания и надобно надеяться [будет] хотя сколько-нибудь по-прохладнее, и то несмотря что температура за все время для этих мест сравнительно была низкая, все-таки жара постоянно дает себя чувствовать очень сильно, и меня

---

² Миклухо-Маклай прибыл на «Скобелеве» на Берег Маклая через шесть лет после второго посещения этого Берега в 1876—1877 гг.

³ Для обработки дерева и других материалов папуасы использовали каменные топоры, костяные скребки и острые осколки раковин.

⁴ Куафюры (франц. coiffure) — прическа.

порядочно мучает тропическая сыпь — вещь весьма несносная, происходящая от постоянной испарины и сама исчезающая, как только температура ниже 22°R.

Видя здешних людей и условия жизни, нельзя не любоваться и не дивиться предприимчивости и характеру Маклая, прожившему так долго между ними и желающему опять тут же поселиться. Я бы не желал провести с ними и одного дня. Здешний климат отличается своею сыростью и при жарах он делается чрезвычайно вредным. Англичане и голландцы пробовали несколько раз поселяться в разных пунктах, но чрезвычайная болезненность и смертность вынуждала их покидать [Новую] Гвинею. Теперь показывается более паровых, и может быть, при настойчивости когда-нибудь в будущем, с большими жертвованиями эти неудобства и преодолеют.

Вчера была погода очень хорошая, сегодня же прекрасная. Я ездил на берег в восьмом часу утра до жары, и к 10 был на корвете. Обедня была в свое время, что очень приятно в этих отдаленных местах и после продолжительного перехода, да и для команды хорошо, придя с моря помолиться и отдохнуть. Здесь на корвете я имел случай каждый вечер играть в шахматы с моим теперешним флаг офицером Эбергардом, хотя он меня и обыгрывает, вопреки субординации, но игра для меня составляет прекрасное развлечение. Днем же читаю Русский Вестник. Пойдя к северу, верно заниматься будет немного легче, хотя солнце идет с нами, и до прихода в Шанхай или Нагасаки большой перемены ожидать нельзя. В Маниле же будет так же жарко, как здесь.

Сегодня понедельник 7/19 марта... поделюсь новостью для меня чрезвычайно приятною — нашли новый прекрасный рейд — завтра же расскажу все подробности, так как с 4 часов утра на ногах в эту жару, немного устал, но по крайней мере не понапрасну.

Вторник 8/20 марта, 23¹/₂°R

...Буду рассказывать обещанный вчерашний день. В воскресенье бык и козы, свезенные на берег, перепугали жителей совершенно, особенно козы, так как они черные. От них жители совершенно разбежались. Свезить их было довольно трудно, так как баркас должен был приставать в бурунах. Но наших храбрых матросиков препятствия редко затрудняют. Как ты думаешь, что они сделали? Перевязали быку ноги, положили, остропили⁵ и на вымбовках⁶ (технические термины спроси у Казнакова) с барказа в бурунах на своих слабеньких плечиках вынесли на берег. Им же пришлось провести и в деревню (дикари боялись приступить), там устроить ограды и объяснить уход за ними. Только что матросы ушли, бык как-то развязался и ушел в лес; и если сам не вернется, то дикари его конечно не поймают.

Залив, в котором мы стояли⁷, имея общий территориальный климат Нов[ой] Гвинеи, был по своим условиям очень влажный и нездоровый. По ночам чрезвычайные ливни весьма часты. При нас дожди были, но не так

⁵ Остропили — в данном случае закрепили тросами быка для переноса его на берег.

⁶ Вымбовка — деревянный рычаг, служащий для вращения шпилья вручную.

⁷ Речь идет о бухте Порт-Константин.

часто, и погода вообще была гораздо лучше обыкновенной. Сильный аромат леса тоже для европейца нехорош, а мы стояли почти вплоть у берега, в помощь якорю закрепившись за деревья. Это заставляло меня бояться за здоровье команды, но благодаря Бога ни один человек не захворал.

Одарив дикарей, так как им конечно во сне не снилось, вчера в понедельник утром снялись с якоря, чтобы идти сделать карты вблизи находящихся неописанных островов⁸, и поискать нет ли тут якорных мест. По дороге зашли по рекомендации Маклая на один остров⁹, чтобы запастись переводчиком для того места¹⁰, куда шли. На выехавших к нам лодках он встретил своего старого знакомого и с его товарищами пересадил к себе в шлюпку и привез на корвет. Когда дикарям пришлось выходить, то они чрезвычайно перетрусили. На каждого из них находил какой-то столбняк или оцепенение. Однако за нами взойшло на корвет и несколько охотников. Но как только дали ход, то они спешили уйти на свои лодки, а непоспевшие стали бросаться с трюма прямо в море. Один даже бросился с юта на полном ходу.

Погода прекрасная и мы скоро подошли к островам¹¹. Нужно входить внутрь. Расстояние между островами большое и очень глубоко. Направляемся в первый пролив, оказывается местами буруны; идем в сторону, риф продолжается от одного острова к другому, проходу нет. Идем дальше в следующий, там кажется чище. Паровой катер идет впереди, показывается по воде белая полоска — опять значит риф, опять в сторону; местами как будто бы чище, направляемся туда. Вдруг с салинга¹² кричат — риф близко. Сверху перемена цвета воды, а в глубину, когда вода прозрачна, лучше видно. Тотчас же затем сбoku риф — под самым носом, пошли назад.

Послал катер посмотреть нет ли прохода, и, покуда он работал, оставались с корветом у входа, продолжали рассматривать ребус. За первым рифом [ксералловый] увидели второй, и в разных местах отдельно разбросанные. Идти внутрь было неудобно, нельзя корвету [идти] туда, где глубины или слишком большие, что нельзя встать на якорь или коралловые рифы, хотя катер и отыскал кой-какой проход. Больше проливов не было, и я думал отойти на ночь в море, и даже стал очень подумывать просто идти дальше ввиду таких представившихся неудобств. Прежде же хотел сделать еще одну попытку, хотя весьма мало обещавшую — пройти к северной оконечности острова и посмотреть тамошний весьма узкий проход. Подойдя, послал катер и по его возвращении узнал, что вход отличный и есть удобные глубины для якоря. Хотевши бросить дело, получил такие известия, я был очень обрадован.

Пройдя на место¹³, я нашел великолепный рейд во всех отношениях, а для здешних местностей просто исключительную редкость... Он во всех отношениях производит наилучшее впечатление, и потому-то его находка составила для меня чрезвычайную радость, о которой вчера я не мог тебе написать, бывши очень взволнован. На этом берегу ни столь закрытого, ни столь здорового, ни столь удобного рейда нет совсем. Да и где угодно в мире, я, по

⁸ Речь идет об Архипелаге Довольных Людей.

⁹ Остров Били-Били.

¹⁰ «Скобелев» шел в бухту Порт-Алексей.

¹¹ К Архипелагу Довольных Людей.

¹² С а л и н г — рама, состоящая из продольных и поперечных брусев, расположенная высоко на мачте.

¹³ Зашли в бухту Порт-Алексей.

крайней мере, таких до сих пор не могу припомнить. Конечно, я хвалю это место покуда команда здорова (больных нет ни одного), чуть же начнут болеть, то я заговорю другое. Действительно же жары здесь умеренные, редко доходят до 24°R, при бризах это не тягостно. Ночи и утра до 20°, что нам кажется больше чем прохладно — свежо, а потому — приятно. Дожди не часты. Рейд, хорошо закрытый в морском отношении невысокими островами, достаточно открыт для всех бризов, к материку не близок, а воздух, обратно первому посещенному здесь порту, кажется здоровым и приятным. Не знаю, как он оправдает мои первые впечатления в будущем. Мне покуда теперь кажется, что местность большого значения dans l'avenir¹⁴. Тут собственно не один рейд, а несколько, и один другого лучше.

Растительность разнообразнее и гуще трудно себе представить. Лианы заткали совершенно все промежутки между деревьями, и вся зелень на огромную высоту представляет один сплошной роскошный ковер. Ветки громадных деревьев так далеко и плотно выходят на воду, что теперь при съемке, хотя необходимо, но люди не могут пробраться на берег... Сегодня утром я катался посреди всех этих прелестей. Множество островков, как роскошные жардиньерки¹⁵, разбросаны в разных местах. Прекрасные реки с растительностью столь роскошною, что плывешь в ней как в громадной арке; только на небольшое расстояние посередине ветви не сходятся.

Леса здесь совершенно удивительные, никто из европейцев здесь еще не был, да и дикий здесь очень мало. Много можно извлечь пользы человеку из роскошнейшей природы в мире. Офицеры, делающие съемку только и докладывают о рейдах, один другого лучше; и все в восторге от местности. Только бы заболевания не расстроили все наши увлечения. Витязь в 1872 г. за неделю стоянки получил 75 человек лихорадочных, а Изумруд за три дня — 60 человек. Сколько будет у нас? ¹⁶. Молодежь на корвете чрезвычайно милая, и надобно видеть с каким увлечением они теперь работают при съемке, просто не оторвать. Они производят наилучшее впечатление покуда. Солнце, чтобы нас не восстанавливать против себя показывается нам с дымкой в облаках, дождя нет, но солнце мы видим только среди дня, и тенты стоят только от 10 часов утра до 4-х часов, что редкость для стран, где солнце в зените.

ЦГАВМФ, ф. 12, оп. 2, № 23, л. 28—29, 41, 42, 44, 45.

Литература

1. Архив Академии наук СССР. Ленинградское отделение.
2. Архив Географического общества СССР.
3. Центральный государственный архив военно-морского флота СССР (ЦГАВМФ).
4. Центральный государственный исторический архив г. Москвы.
5. Адрес студентов физико-математического факультета С.-Петербургского университета Н. Н. Миклухо-Маклаю. — «Голос», 10.X.1882.

¹⁴ Dans l'avenir (франц.) — в будущем.

¹⁵ Ж а р д и н ь е р к и (франц. jardinier) — корзины с цветами.

¹⁶ Больных на «Скобелеве» после окончания плавания на Берег Маклая не было.

6. Асланбегов А. Б. Первое путешествие Н. Н. Миклухо-Маклая в Новую Гвинею.— «Новости и биржевая газета», 13.VI.1886.
7. Бриллиант В. А. Картографическая история открытия Новой Гвинеи.— «Известия Государственного географического общества». Л., 1939, т. 71, вып. 1—2.
8. Вальская Б. А. Письма Н. Н. Миклухо-Маклая, направленные против захвата Германией Берега Маклая.— «Известия Всесоюзного географического общества». Л., 1946, т. 78, вып. 5—6.
9. Вальская Б. А. Борьба Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Берега Маклая.— «Страны и народы Востока». Вып. I. М., 1959.
10. Вальская Б. А. Проект Н. Н. Миклухо-Маклая о создании на островах Тихого океана русской вольной колонии.— Австралия и Океания. М., 1970.
11. Вальская Б. А. Неопубликованные материалы о подготовке экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871 г. и о плавании корвета «Скобелев» к этому острову в 1883 г.— «Страны и народы Востока». Вып. XIII. М., 1972.
12. Гурецкий В. О. Русские географические названия в Новой Гвинее.— «Известия Академии наук СССР». Серия географическая, 1969, № 3.
13. И. Р. Н. Н. Миклухо-Маклай.— «Новости и биржевая газета», 29.IX.1882.
14. Копытов Н. В. Мысли о упрочении европейского мира. СПб., 1900.
15. Миклухо-Маклай Д. С. Письма Н. Н. Миклухо-Маклая в защиту туземцев.— «Известия Государственного географического общества». 1939, т. 71, вып. 1—2.
16. Миклухо-Маклай Н. Н. Берег Маклая в Новой Гвинее и протекторат.— «Новости и биржевая газета», 22.V.1884.
17. Миклухо-Маклай Н. Н. Новая Каледония и острова Лифу.— Собрание сочинений. Т. II. М.—Л., 1950.
18. Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествие по Западной Микронезии и на Берег Маклая.— Собрание сочинений. Т. II. М.—Л., 1950.
19. Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия на острова Меланезии и четвертое посещение Новой Гвинеи.— Собрание сочинений. Т. II. М.—Л., 1950.
20. Миклухо-Маклай Н. Н. Сообщение о путешествиях Русскому географическому обществу в 1882 г.— Собрание сочинений. Т. II. М.—Л., 1950.
21. Миклухо-Маклай Н. Н. Третье посещение Берега Маклая (1883).— Собрание сочинений. Т. II. М.—Л., 1950.
22. Миклухо-Маклай Н. Н. Этнологические вопросы на Малайском полуострове.— Собрание сочинений. Т. II. М.—Л., 1950.
23. Миклухо-Маклай Н. Н. Архипелаг Пелау.— Собрание сочинений. Т. III. ч. I. М.—Л., 1951.
24. Миклухо-Маклай Н. Н. Заметка о климате Берега Маклая на Новой Гвинее.— Собрание сочинений. Т. III. Ч. I. М.—Л., 1952.
25. Миклухо-Маклай Н. Н. Метеорологические заметки с Берега Маклая на Новой Гвинее.— Собрание сочинений. Т. III. Ч. I. М.—Л., 1952.
26. Миклухо-Маклай Н. Н. Выступление по докладу О. Финша о гонимости на Новой Гвинее на заседании Берлинского общества антропологии, этнологии и доистории 16 декабря 1882 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.—Л., 1953.
27. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо Артуру Гордону 23 января 1879 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.—Л., 1953.
28. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо Гордону 13 апреля 1881 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.—Л., 1953.
29. Миклухо-Маклай Н. Н. Письма Вильяму Гладстону 20 июня 1886 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.—Л., 1953.
30. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо Н. К. Гирсу 9 августа 1886 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.—Л., 1953.
31. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо доктору И. К. Блунчли 11 июня 1881 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.—Л., 1953.

32. Миклухо - Маклай Н. Н. Письмо коммодору Австралийской морской станции 8 апреля 1881 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
33. Миклухо - Маклай Н. Н. Письмо коммодору морской станции в Китае. 29 апреля 1883 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
34. Миклухо - Маклай Н. Н. Письмо контр-адмиралу Н. В. Копытову 15/27 февраля 1883 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
35. Миклухо - Маклай Н. Н. Письмо контр-адмиралу Н. В. Копытову 6/18 марта 1883 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
36. Миклухо - Маклай Н. Н. Письмо М. Н. Миклухо-Маклаю 24 января 1883 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
37. Миклухо - Маклай Н. Н. Письмо М. Н. Миклухо-Маклаю 4/16 апреля 1883 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
38. Миклухо - Маклай Н. Н. Письмо профессору В. Бурху 23 марта 1887 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
39. Миклухо - Маклай Н. Н. Письмо П. П. Семенову 13 февраля 1879 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
40. Миклухо - Маклай Н. Н. Письмо П. П. Сорокоумовскому 14 мая 1883 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
41. Модестов В. И. Памяти Н. Н. Миклухо-Маклая.— «Новости и биржевая газета», 12.IV.1888.
42. Передовая статья о Н. Н. Миклухо-Маклае.— «Новое время», 7.I.1884.
43. План западного берега бухты Астролябии на северном берегу Новой Гвинеи. По описи офицеров корвета «Витязь» под командою кап. 2 ранга Назимова в 1871 г. и офицеров «корвета „Скобелев“» под командой кап. 2 ранга Благодарева в 1883 г. Издан Гидрографическим департаментом Морского министерства в 1885 г. [СПб.].
44. План порта Великий князь Алексей в бухте Астролябия. По описи, произведенной офицерами корвета «Скобелев» в 1883 г. Издан Гидрографическим департаментом Морского министерства в 1885 г. [СПб.].
45. «Русский инвалид».
46. Тургенев И. С. Письмо П. Л. Лаврову 27 декабря 1882 г.— Полное собрание сочинений и писем. Т. XIII. Письма. Кн. 2. Л., 1968.
47. Greenop F. Why Travels Alone. Sudney, 1944.
48. Thomassen E. S. Biographical Sketch of Nicholas de Miklouho-Mac-lay, the Explorer. Brisbane, 1882.

О.-М. Клаассен
(Тарту)

**ЭСТОНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ АНДРЕС СААЛЬ
В СУРАБАЕ, ИНДОНЕЗИЯ (1898—1902)**

В истории эстонской культуры второй половины XIX столетия оставила свой яркий след целая плеяда интересных и разносторонних деятелей. Среди них был и Андрес Сааль — историк, педагог, журналист, автор ряда популярных исторических повестей, опытный фото- и цинкограф. Сааль — первый эстонец, долгое время — с 1898 по 1920 г. — живший на Яве, сначала в Сурабае, потом в Батавии (Джакарта), где он изучил быт и культуру индонезийцев, их экономику и политику. Талантливый публицист, он знакомил эстонских читателей с жизнью далекой тропической страны.

Биография и творчество А. Сааля сравнительно мало исследованы. Упоминание о нем мы встречаем лишь в обзорах истории эстонской литературы [48, с. 503—504; 49, с. 282—288; 59, с. 275—291]. В 1931 г. литературовед О. Ургарт напечатал статью о его жизни и творчестве, приуроченную к 70-летию писателя [63, с. 305—311, 367—373]. В 30-х годах XX в. к изучению жизненного пути и творческого наследия А. Сааля приступил тогдашний студент, позднее доцент Тартуского государственного университета, кандидат философских наук Э. Коэметс. Он собрал богатый фактический материал, на основании которого написал работу¹. В связи со 100-летием со дня рождения А. Сааля в 1961 г. Коэметс опубликовал две статьи в эстонской советской периодике [52, с. 267—278; 53, с. 784—789]. Большие рабочие перегрузки и преждевременная смерть (он умер в 1973 г. в возрасте 62 лет) помешали ему закончить исследование.

Изучением жизненного пути и творчества А. Сааля занимались и другие советские исследователи. Доктор филологических наук Э. Нирк написал обзорные статьи для второго тома «Ис-

---

¹ Сообщено А. Коэметсом в беседе с автором статьи 4 июня 1979 г.

тории эстонской литературы» [45, т. II, с. 484—493] и для «Биографического лексикона эстонской литературы» [47], а также статью в «Краткой литературной энциклопедии» [40]. Аналогичный обзор был сделан доктором филологических наук профессором В. Алттоа [46]. Деятельность А. Сааля как фотографа изучал П. Тооминг [62]. Под руководством доктора филологических наук профессора Ю. Пеэгеля в Тартуском государственном университете были написаны две дипломные работы, касающиеся отдельных аспектов жизни и деятельности А. Сааля [5; 60].

Однако обстоятельное, всестороннее изучение жизни и творчества А. Сааля еще впереди. Для этого имеется достаточно возможностей (интересный архивный материал, опубликованные корреспонденции, заметки, статьи самого А. Сааля, его художественные произведения).

Жизнь и деятельность А. Сааля в 1861—1897 гг. А. Сааль родился 9(21) мая 1861 г.² на северной окраине тогдашней Лифляндской губернии, в Ториском приходе³, в краю лесов и болот. Здесь, на родительском хуторе Лааси, он провел свое детство и юношеские годы. Сааль был способным и любознательным ребенком и уже в пятилетнем возрасте умел читать и писать. Долгими зимними вечерами и по воскресеньям он часто сидел за столом, читал какую-нибудь историческую или географическую книгу и под руководством отца пытался найти в толстом атласе названия чужих городов, озер и рек [25, т. 1, с. 49—50]. Это было увлекательное занятие, оно возбуждало у мальчика интерес к далеким странам и народам.

В период учебы в Сельяской волостной школе (1871—1874) и Ториской приходской школе (1874—1878) интерес этот несколько ослаб и был вытеснен новыми увлечениями: историей, музыкой, языками. Он поражал инспектора школы своим глубоким знанием истории России [25, т. 1, с. 53]. Особенно интересовался он ранней историей эстонского народа, его борьбой против немецко-балтийских феодалов, на протяжении столетий угнетавших эстонский народ. При этом большое влияние оказал на него начавшийся в тот период подъем эстонского буржуазного самосознания (так называемое национальное пробуждение), усиливший интерес к прошлому народа, к его борьбе за свободу.

Окончив приходскую школу, А. Сааль поступил на работу учителем в Сельяскую волостную школу и проработал в ней шесть лет (1878—1884), получив в 1881 г. диплом учителя волостной школы [34, л. 10]; одновременно он принимал активное участие в общественной жизни городка Тори. Большое значение в развитии его взглядов и жизненного пути имело знакомство

---

² Все даты даны по старому стилю, в скобках — по новому.

³ Нынешний Пярнуский район Эстонской ССР.

с газетой демократического направления «Сакала», основанной К. Р. Якобсоном в 1878 г. Впоследствии он вспоминал, что появление газеты было «как взрыв зажигательной бомбы среди спящих» [36, л. 1].

Несмотря на то что преподавательская работа шла успешно, Сааля влекло призвание журналиста. Приобретая первоначальный опыт в качестве корреспондента «Сакалы», он в 1884 г. поступил на работу в редакцию тартуской газеты «Олевик» по приглашению издателя А. Гренцштейна [25, т. 2, с. 51—52]. Период жизни А. Сааля, связанный с работой в редакции «Олевик»,—1884—1897 гг., с перерывом в 1890—1892 гг.—был очень напряженным как в трудовом, так и в творческом отношении. Наряду с журналистской работой он продолжал педагогическую деятельность (до 1891 г.). Свои знания он пополнял в Тартуском университете (1886—1889), интересовался философией, археологией, историей и другими науками. Много времени отдавал он также певческому обществу «Ванемуйне» и принимал активное участие в деятельности Общества эстонских писателей.

В эти годы А. Сааль завоевал большую популярность своими беллетристическими работами, главным образом историческими повестями, увлекавшими читателей не только захватывающим сюжетом, но и своей политической направленностью. Особенно популярна была трилогия «Вамбола», «Айта» и «Лейли» (1889—1893), повествующая о завоевании крестоносцами ливов и эстов в XII—XIII вв. Наряду с беллетристическим творчеством А. Сааль опубликовал в те годы несколько книг чисто исторического содержания и ряд переводов с немецкого и русского, в том числе «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева [45, т. II, с. 483—491].

По распоряжению губернатора Эстляндии князя С. В. Шаховского (1885—1894) публикация исторических повестей была запрещена. Это было для А. Сааля большим ударом. Ограничение писательской деятельности, а также личные мотивы привели А. Саалю в 1892 г. в Германию и Австрию. В Грёненбахе (Бавария) и в Вене он изучал фото- и цинкографию, но не соблазнился возможностью остаться за границей и в 1895 г. возвращается в газету «Олевик» (опять по предложению А. Гренцштейна) [24, с. 626], где совмещает журналистскую работу с профессией цинкографа до 1897 г. Своей деятельностью А. Сааль способствовал развитию эстонской журналистики, он также приобрел богатый опыт, сыгравший в его дальнейшей жизни существенную роль.

Отъезд на Яву. Осенью 1897 г. А. Сааль получил через посредничество школы в Грёненбахе предложение поехать в качестве цинкографа на остров Ява — центр тогдашней Голландской Индии. 29 октября того же года он выехал из Тарту [58, 6.XI.1897].

Какие же мотивы побудили А. Сааля принять это предложение и отправиться на длительный срок так далеко, в совершенно незнакомую ему страну? Сам он не объяснял подлинных причин своего решения, намекая лишь на страсть к путешествиям [37, л. 15] и на существовавшие для него в Эстонии экономические трудности [35, л. 3]. К. Э. Сеез упоминал о его разочаровании в возможностях и перспективах газеты «Олевик» [33, л. 66]. Э. Козметс связывал выезд А. Сааля за границу с изменением профессии: в Эстонии перспектив для цинкографа не было [53, с. 25]. Другие объясняли причины отъезда любопытностью А. Сааля [56] и личными мотивами [33, л. 73]. Видимо, правильное видеть причину в совокупности разных факторов.

Для пополнения своих познаний в методах репродуцирования фотографий и фототипии А. Сааль отправился в Германию. Во Франкфурте-на-Майне он проработал почти полтора месяца (с 15 ноября по 23 декабря 1897 г.) в научно-экспериментальной лаборатории фирмы «Климш и К°» [31, л. 1]. 21 декабря 1897 г. через посредничество этой же фирмы он заключил договор с сурабайским акционерным обществом «Е. Фюри и К°», действовавшим в восточной части Явы, согласно которому он стал служащим общества по репродукции фотографий, цинкографии и фототипии, а также руководителем соответствующих отделов. По контракту он должен был получать 300 гульденов в месяц, а через некоторый срок — 400 гульденов. Начало службы установлено 6 января 1898 г., день, когда А. Сааль должен был в Генуе вступить на корабль, отплывающий на Яву [30, л. 1—3].

Морское путешествие на корабле «Принцесса София» по Средиземному морю, через Суэцкий канал, Красное море и Индийский океан было для него огромным наслаждением и источником познания. Все здесь было новым и интересным, все надо было запечатлеть в памяти и изложить на бумаге для своих друзей в Эстонии. Так появились путевые заметки «С реки Эмайыги к экватору», начатые им уже во Франкфурте-на-Майне в ноябре 1897 г. и опубликованные в 26 номерах газеты «Олевик» в 1897—1898 гг. [3].

На корабле, где большинство пассажиров были голландцы, а обслуживающий персонал индонезийцы, А. Сааль сделал свои первые серьезные наблюдения относительно проблем, ожидающих его на Яве. Его наводили на размышления, с одной стороны, голландские молодые люди, которые ехали на о-в Суматра, чтобы принять там участие в подавлении освободительной борьбы ачесского народа⁴, а с другой — индонезийцы, двигавшиеся на корабле как тени, но «чьи глаза могли гневно сверкать при

⁴ В 1873 г. народ аче, населяющий Северную Суматру, поднял восстание против голландского вторжения; восстание переросло в длительную, более чем 30-летнюю войну (см. [43]).— *Примеч. ред.*

малейшей несправедливости». А. Сааль пришел к убеждению, что при первом толчке эта скрытая вражда может вспыхнуть ярким пламенем [3, 1898, с. 349].

Морское путешествие в Индонезию продолжалось свыше трех недель. Утром 30 января корабль прибыл в Паданг, портовый город на западном побережье Суматры. Глазам А. Сааля открылась вся красота тропической природы, «вздымающиеся к облакам утесы, сплошь покрытые цветочным ковром», — картина, которая, как живая, стояла перед его глазами еще спустя 18 лет [28, л. 6]. Из Паданга путешествие продолжалось вдоль побережья Суматры, затем через Зондский пролив, где внимание Сааля привлек сейчас мирно спящий, но 15 лет тому назад своим извержением потрясший мир вулкан Кракатау. 2 февраля 1898 г. корабль прибыл на рейд Батавии.

Первые месяцы на Яве. В Батавии, встретившей вновь прибывших празднествами китайского населения, отмечавшего новый год по традиционному календарю [6, с. 275—276], А. Сааль задержался недолго. Уже на следующий день он отправился в Сурабаю. По пути он посетил в Бейтензорге знаменитый ботанический сад и сделал попытку в Сукабуми поближе подойти к вулкану Пангранго; однако восхождение на вулкан требовало расходов на проводника, которые были для него затруднительны. В Суракарте Сааль совершил экскурсию по городу, полюбовался на кратон (дворец сусухунана⁵, посетил мечеть, а 10 февраля приехал в пункт назначения — Сурабаю.

Сурабая к концу XIX в. претендовала уже на звание большого города⁶. Сурабая была крупным торговым центром; гавань и устье реки Калимас кишели судами. На улицах царило оживленное движение. В то же время сами улицы, городские парки и сады находились в заброшенном состоянии.

Однако Сааль сразу увидел, что более или менее нормальные условия жизни были лишь у тех, кто жил здесь на доходы, полученные от ограбления коренного населения: голландских колониальных чиновников, немецких предпринимателей, арабских и китайских торговцев и ростовщиков и т. д. Большинство индонезийцев жило в Сурабае в крайней бедности. В индонезийских кварталах города царили нищета и голод; многие бедняки даже не имели крова. Особенно усложнял положение недостаток питьевой воды. Уже целое столетие, писал А. Сааль с возмущением, Сурабая остро нуждалась в воде, однако колониальные власти ничего не предпринимали для решения этой проблемы. Они не хотели затратить 60 млн. гульденов, чтобы провести трубопровод, направляющий с гор свежую питьевую воду

⁵ Сусухунан — традиционный титул правителя княжества Суракарта на Центральной Яве. — *Примеч. ред.*

⁶ По официальным данным, в ней в 1897 г. проживало 142 980 человек, из них 121 075 индонезийцев, 12 133 китайца, 6988 европейцев, 2784 прочих [61, с. 900].

в город. Вместо этого они мирились с «услугами» китайских торгашей, которые зачастую вместо воды колодезной продавали процеженную речную воду р. Калимас, в устье которой стоит город, способствуя тем самым распространению болезней [7, с. 858; 17, с. 1238]. Лишь зажиточные граждане города не страдали от недостатка питьевой воды — они пили минеральную воду, вино и виски. А. Сааль писал с негодованием: «Где только обоснуется торговец, там царит погоня за наживой, когда совершенно не считаются с интересами общества. Здесь это живо чувствуется» [6, с. 373]. Позднее Сааль назвал Сурабаю «знаменитым рассадником эпидемий», «городом крокодилов» [58, 10.X.1925].

По прибытии в Сурабаю А. Сааль поселился в гостинице для европейцев и разыскал типографию фирмы «Е.Фюри и К°». Выяснилось, что на первых порах ему почти нечего было делать, так как некоторые машины, выписанные из Европы, еще не прибыли на место [26]. Со свойственной ему энергией он поспешил использовать свободное время на знакомство с о-вом Ява, его населением и жизнью.

А. Сааль не смог удержаться от искушения посмотреть на активно действующий вулкан Ламонган на Восточной Яве. Семичасовая поездка на поезде, ночевка в маленьком городке Лумаджанг, затем полчаса езды на рикше от крошечной станции Клаках — и утро 13 февраля застало его у подножия вулкана, вздымавшегося на высоту 1671 м [6, с. 423, 444]. Он был потрясен разрушительной работой вулкана. «Прекрасный, родной эстонский язык, возвращенный под тихий лепет берез и мирное журчание ручейка, ты, столь богатый для описания ласковой природы, — здесь я не нахожу слов, чтобы описать картину, стоящую перед глазами», — писал он в газету «Олевик» [6, с. 464]. В окрестностях Лумаджанга он сделал много фотоснимков [6, с. 487].

Впечатления от этой поездки были настолько сильны, что несколько месяцев спустя он предпринял поход на находящийся в том же районе вулкан Валиранг [5]. Вообще вулканы обладали для него большой притягательной силой: в дальнейшем он использовал каждую возможность исследовать их вблизи, не забывая рассказывать эстонскому читателю о своих походах; с посещении вулкана Бромо в июле 1900 г. Сааль написал подробную работу «Тайны подземного мира. Вулканы Явы», извержение вулкана Келуд в мае 1901 г. он описывал в опубликованной на страницах газеты «Олевик» статье «В мире вулканов» [18], о путешествии к вулканам Гунтур и Кава Манук в сентябре 1904 г. написал «Путевые заметки о горах Явы» [23] и т. д.

Женитьба. Холостяцкая жизнь в гостинице Сурабаи вскоре убедила А. Сааля в необходимости обзавестись семейством. Кандидатку в спутницы жизни он присмотрел уже давно. Это

была Эмилия Розалия Макси, дочь купца из Тарту, девушка с артистическими наклонностями. А Сааль познакомился с ней в Эстонии примерно в 1886 г. В то время Эмми (так ее звали) была прелестной пятнадцатилетней девушкой и понравилась молодому Андресу с первой встречи. Общие увлечения — хорошее пение и катание на коньках — позволяли часто бывать вместе. Отношения углублялись, и вскоре их стали считать женихом и невестой. Однако до официального закрепления отношений дело не дошло. В 1887 г. Эмми уехала в Петербург, где она изучала живопись и музыку, позднее рукоделие и домоводство. Личные контакты молодых людей сменились перепиской, и лишь изредка А. Саалю удавалось посетить свою избранницу в Петербурге. Его брачные намерения не осуществились [53, с. 785; 33, л. 71—74].

Затем пришло неожиданное предложение с острова Явы, и А. Сааль уехал за океан. Может быть, он уже тогда надеялся, что на фоне экзотических возможностей Индонезии ему легче удастся завоевать сердце требовательной девицы Эмми? Во всяком случае, переписка продолжалась. Неизвестно, что оказалось решающим, то ли двенадцатилетнее упорство А. Сааля, то ли экзотика далекой тропической страны, привлекавшей ее натуру художника неизведанными перспективами. Но так или иначе, она приняла предложение А. Сааля и пустилась в далекое путешествие с берегов Балтийского моря в Голландскую Индию. Свадьбу справили 1 мая 1899 г.

Нездоровый климат Сурабаи, ее по-южному шумная среда и отсутствие многих привычных удобств не позволили молодой женщине так быстро акклиматизироваться, как бы ей того хотелось. Поэтому Сааль купил дом в горах, в котором жила его жена, а он лишь в конце недели приезжал, чтобы отдохнуть от жары Сурабаи и от усталости [37, л. 7].

Их брак был гармоничным, несмотря на то что между ними была разница в десять лет, да и взгляды их на многие общественные проблемы не всегда совпадали. Кипучая энергия А. Сааля, его жизненный оптимизм и умение даже в трудных условиях испытывать радость от жизни хорошо сочетались с почти аристократической выдержкой, уравновешенностью и большим тактом его жены. Осуществилось пожелание А. Гренцштейна «яванским эстонцам, по крайней мере трем, мира и здоровья» [27, л. 22]; в 1902 г. родилась дочь Регина [27, л. 44], двумя годами позже сын Лео [32, л. 4].

Языковая проблема. Когда А. Сааль поехал на Яву, он кроме эстонского языка владел немецким и русским. Основа этих знаний была заложена еще в школе. Особенно высоко он ценил знание русского языка. Неоднократно критиковал он тех эстонских националистов с узким кругозором, которые выступали против преподавания в эстонских школах русского языка, и обосновывал необходимость его глубокого знания [13, с. 1111—

1113, 1134—1136; 22]. Расценивать обучение русскому языку как опасность для национального развития он считал глупостью [35, л. 22]. И когда по пути в Индонезию на борту «Принцессы Софии» один молодой голландец позволил себе посмеяться над звучанием русского языка, он тотчас же получил от А. Сааля отпор [6, с. 322].

Но на Яве русский язык был ему практически малопривлекателен: здесь преобладали другие языки. Даже немецкий, которым он владел превосходно, на Яве не употреблялся. Сааль обратил внимание на то, что, «хотя из числа европейцев, проживающих в Сурабае, по крайней мере одна пятая — немцы, здесь не найдется ни одного немецкого общества, ни одной школы и церкви, нет даже частных вечеринок среди немцев. Ни в одной церкви не услышишь ни одной проповеди на немецком языке» [13, с. 968]. Это казалось ему странным, учитывая поведение балтийских немцев в России, и он объяснял это политикой голландских властей, стремившихся не выпустить из рук «прав первородства» [13, с. 969].

Официальным языком на Яве был голландский. «Если говорить на немецком языке по возможности неправильно и искаженно, то это будет почти голландский», — писал он по прибытии в Индонезию [6, с. 322]. Ему пришлось в спешном порядке изучить этот язык, необходимый как на работе, в делопроизводстве с учреждениями голландской колониальной администрации, так и в общественной жизни. Знание голландского языка, которым, кстати, он овладел без особых трудностей [35, л. 3], дало ему возможность быть постоянно в курсе событий в мире, расширить круг знакомств, завязать полезные связи, найти перспективы к продвижению по службе. Однако в его записных книжках, сохранившихся с 1908—1919 гг., сравнительно мало записей на голландском языке [29].

Гораздо охотнее он изучал малайский язык, который показался ему «мягким, нежным и музыкальным» [9, с. 107]. Малайский язык был необходим прежде всего для общения с индонезийцами, для которых он был лингва франка. Одним из краеугольных камней голландской колониальной политики был принцип, что туземцы не смеют говорить на голландском языке, а с ними следует говорить только на местном языке [6, с. 531; 7, с. 879; 9, с. 85; см. также 38, с. 6]. Если яванец или любой местный житель пользовался голландским языком, это расценивалось властями как серьезный проступок, почти преступление [13, с. 870].

Однако интерес А. Сааля к малайскому языку был гораздо глубже, чем практическая необходимость. Он давал ему возможность лучше понять индонезийцев, проникнуть в неизвестный ему доселе мир их мыслей, найти новые пути подхода к правде жизни этой далекой страны. Малайский язык открыл ему путь к сокровищницам древней культуры индонезийского

народа. Сааль начал также исследовать этот язык. Первым результатом этой работы была обширная статья о малайском языке и литературе [9, с. 107]. В ней он дал краткий обзор фонетики, лексики и грамматики малайского языка, познакомил с малайской поэзией и пословицами, а также привел в своем переводе отрывки из классического средневекового произведения «Макота сегала раджа» («Корона всех королей»). Позднее исследование А. Сааля о яванском языке и литературе было опубликовано в Германии, в журнале «Азиен», выходявшем при мюнхенском «Ориенталистическом гезельшафт» [37, л. 14].

Знакомство с яванцами и их жизнью. Начиная с первых дней пребывания в Индонезии А. Сааль убедился, что голландцы считают яванцев существами, созданными лишь для того, чтобы обслуживать европейцев, и не способными ни на что большее, так как «их дух туп и жизнь безнравственна» [13, с. 918].

Но он видел, насколько была несправедлива и не соответствовала действительности такая оценка. Подтверждение трудолюбия и талантливости яванцев он получил в типографии «Е.Фюри и К°», в которой все чертежники, печатники, писари, машинисты и другие низкооплачиваемые работники были яванцы. Он убедился вскоре, что «никто не пишет лучше и чище, чем яванец, и самые тонкие рисунки и точнейшие карты изготавливает тоже яванец» [13, с. 846]. Он описывает поразивший его факт, когда яванский мандур (бригадир) сумел организовать сборку сложной ротационной машины, не имея ее описания, а только по рисунку машины [13, с. 847].

Живя в Сурабае, А. Сааль видел высокое мастерство яванских ремесленников. Европейскому ремесленнику здесь делать нечего, писал он в своей пространной статье «Время и жизнь. Хорошее и плохое в жизни народов в наше время», так как яванец все делает лучше. «Это просто поразительно, какими примитивными инструментами он может выполнить самую сложную работу. Если он какую-нибудь вещь раньше не делал, дай ему модель, и, когда вещь будет готова, ты можешь спутать ее с моделью» [13, с. 846].

Во время своих поездок по окрестностям Сурабаи и в горы А. Сааль познакомился и с яванскими крестьянами. Уже в чисто внешнем плане его восхищение вызвали прекрасно обработанные поля, хорошо ухоженные рыбоводческие пруды, утопающие в зелени деревьев, напоминающие тенистые аллеи шоссе и дороги. Ява была словно огромный сад, в котором царила любовь к красоте и порядку [19, с. 22—23]. Мог ли народ, создавший все это, быть тупым, ленивым и неспособным? Конечно, нет! С каждой новой поездкой А. Сааль все больше убеждался, что яванские крестьяне очень трудолюбивые, честные и мирные люди, знающие свою работу и умеющие выполнять ее весьма искусно [23, с. 1568].

Его возмущали эксплуатация и унижение, которым подверга-

лись яванские крестьяне как от голландских колониальных властей, так и со стороны китайских и арабских торговцев и ростовщиков [39, л. 40]. Так, в статье «На перепутье» А. Сааль описывал скупку кофе, являвшегося правительственной монополией. Крестьянин, вырастивший кофейные зерна, тащит на себе — тяглового скота у него обычно нет — урожай на скупочный пункт, где ему за это официально полагается по 14 гульденов за пикуль (62 кг); под различными предложениями правительственный чиновник — как правило, это голландец — отказывается выплатить ему полную цену и советует тащить мешки с кофе обратно. Чтобы избежать этого и получить хоть что-нибудь из столь необходимых ему денег, крестьянин отдает кофе по 7 гульденов за пикуль; остальное идет в карман кладовщику. Само же правительство реализует скупленный кофе по 40—50 гульденов за пикуль, получая, таким образом, 300—350% прибыли [17, 1901, с. 1238; 1902, с. 9—10]. Таким же методом пользовались китайские скупщики, получая 100—150% прибыли и более [23, с. 1569].

Критикуя позиции оппортунистов в колониальном вопросе на конгрессе II Интернационала в Штутгарте, В. И. Ленин подчеркивал, что колониальная политика буржуазии «вводит фактически рабство в колониях, подвергает туземцев неслыханным издевательствам и насилиям, „цивилизует“ их распространением водки и сифилиса» [2, с. 68]. А. Сааль видел это воочию, живя на Яве в период, когда происходило включение Индонезии в империалистическую систему эксплуатации. В первом томе «Капитала» К. Маркс, имея в виду голландскую политику в Индонезии, писал: «История голландского колониального хозяйства — а Голландия была образцовой капиталистической страной XVII столетия — дает нам непревзойденную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей» [1, с. 761]. Погоня за материальными выгодами, являвшаяся стимулом уже для первых голландцев, достигших Малайского архипелага, и разорившая экономику Индонезии во времена владычества Ост-Индской компании и системы принудительных культур продолжалась новыми методами и в период империализма.

Во многих своих работах А. Сааль сравнивал условия жизни яванцев под голландским владычеством с жизнью рабов и крепостных. Поведение голландских колонизаторов по отношению к туземцам он считал позорящим человеческое достоинство. Что же касается утверждения властей, что все яванцы «лжецы, обманщики и воры», то он считал его тяжелой несправедливостью по отношению к людям, которые в тех местах, куда не проникло губительное влияние европейской буржуазной культуры, «вовсе не знают, что такое ложь, обман и воровство». [3, 1897, с. 991]. Однако он отмечает, что яванец всегда готов обмануть колонизаторов, что являлось одной из форм протеста угнетенного народа [8, с. 506].

Положительное отношение А. Сааля к индонезийцам, искренний интерес к их жизни и работе, стремление понять их проблемы, внимательное наблюдение и разносторонний анализ явлений позволили ему понять многое из того, что голландские колонизаторы не видели, не хотели видеть или делали вид, что не замечают.

Изучение культуры. В январе 1898 г., когда А. Сааль был еще на пути к Яве, газета «Олевик» опубликовала адресованное ему открытое, но без подписи письмо; автором его был, видимо, А. Гренштейн [55]. В этом письме выражалось мнение, что, наверное, Ява такая «ужасно необразованная» земля, где человеку умственного труда трудно жить. В ответ на это письмо летом 1898 г. А. Сааль написал статью «В объяснение или устрашение» [8, с. 506], в которой он горячо защищал древние культурные традиции яванцев и обвинял голландских колонизаторов в распространении губительного влияния европейской буржуазной цивилизации, которая принесла в Индонезию тяжелую эксплуатацию народа.

Позднее он неоднократно возвращался к теме состояния местной культуры. Его возмущало, что голландцы на протяжении нескольких столетий своего владычества ничего не сделали ни для развития местной национальной культуры, ни для насаждения европейского образования на острове Яве [9, с. 206—207]. Он понимал, что для колонизаторов тем безопаснее, чем необразованнее народ и чем дольше он таким останется [13, с. 917].

Но в конце XIX — начале XX в. потребность в канцелярских служащих, имеющих определенный уровень образования, работников связи, квалифицированных рабочих, технических специалистах и пр. вынудила голландцев подумать о некоторых реформах [39, с. 55; 44]. Связанные с этим проблемы обсуждались в различных кругах общественности Явы, что нашло отражение на страницах яванской печати. Возбудили они интерес и у А. Сааля.

По приводимым Саалем данным, на рубеже столетий на Яве выходило 94 периодических издания, из них 78 на голландском и 16 на малайском и яванском языках. Среди периодических изданий было 30 ежегодников (все на голландском языке), 28 журналов и газет, выходивших от одного раза в месяц до одного раза в неделю (в том числе 4 еженедельника на местных языках), и 33, выходивших более часто (из них 12 на малайском и яванском языках). Кроме того, 13 журналов и прочих изданий на голландском языке выходило без определенной периодичности [16, с. 707]. Но все они были под контролем колониальной администрации или частных фирм и выражали официальную точку зрения на те или иные проблемы. Свобода печати была ограничена [64, с. 378]. Но, несмотря на это, в периодику проникало все больше критических статей. Колониаль-

ные власти считали особо опасной газету индо⁷ «Блейферсбонд», которая выступала против привилегий «чистокровных голландских аристократов» [17, с. 1165—1166].

Одной из привилегий последних было и образование. Правда во второй половине XIX столетия на Яве было открыто несколько школ, в том числе начальных, где обучались дети туземной аристократии, что отвечало нуждам голландской колониальной администрации [54, с. 26—30]. Но их практический эффект был незначителен. Правительство всячески содействовало в получении образования лишь «чистокровным голландцам». На школы, предназначенные для них, в 1900 г. было затрачено в два раза больше, чем на все остальные школы, вместе взятые [50, с. 55]. Под защитой колониальных властей на образовательной ниве действовали как исламское духовенство [20], так и христианские миссионеры, которых А. Сааль сравнивал с пауками, затягивающими молодежь в свою паутину [16, с. 708].

Отношение к голландской «элите». Поступив на работу в типографию «Е.Фюри и К°» на должность заведующего цинкографией [7, с. 879—880], А. Сааль фактически оказался в среде сурабайского «высшего общества». Внешне он принял привычный для здешних европейцев образ жизни, увлекался модным в то время велосипедным спортом, охотился со своими новыми знакомыми на кабанов, даже содержал слуг. Но он никогда не мирился с высокомерием, духовной инертностью и надменным поведением голландских колонизаторов. Он не признавал сословных различий, которые между голландцами и яванцами были «крепче, чем китайская стена» [13, с. 340].

Он испытывал уважение к яванцам, которые, несмотря на тяготы колониального режима, сумели сохранить достоинство, относились с презрением к голландской «цивилизации», неоднократно выступали против чужеземных угнетателей. Искреннее наслаждение доставил ему гнев «высшего общества» Сурабаи, которому не пришлось полюбоваться торжественной процессией, организованной в честь коронации голландской королевы Вильгельмины в начале сентября 1898 г.: вместо того чтобы пройти, как было предусмотрено, по улицам европейского квартала, шествие свернуло в яванскую и китайскую части города [4, с. 988]. С восхищением смотрел он выступления местных актеров, в которых высмеивался образ «чистокровного голландца», подчеркивались его жадность, чванство [16, с. 708]. Ему пришлось быть свидетелем того, как яванцы, проходя мимо пьяного голландского матроса, бросили ему презрительно вслед: «оранг беланда баби!» («голландская свинья») [8, с. 506].

⁷ Индо — потомки смешанных браков голландцев и индонезийцев, в основном яванцев; индо стали рано выступать за автономию и даже независимость Нидерландской Индии. — *Примеч. ред.*

Личное мнение А. Сааля о голландцах сурабайского «высшего общества» было невысоким. Он считал их поверхностными, легкомысленными людьми, которые позволяют себе в отношении других высокомерие и грубость. Одного такого, по собственному определению А. Сааля, «полоумного голландца» он любил злить тем, что разговаривал со своим слугой на голландском языке, несмотря на запрет [7, с. 879].

Иным было отношение А. Сааля к индо. Хотя формально они и были приравнены к «чистокровным» голландцам, фактически же подвергались дискриминации. Голландские колониальные власти старались обойтись без них — все чиновники (судьи, учителя, инженеры, офицеры и пр.) присылались из Голландии. Получение образования для индо было также затруднено [17, с. 1191—1192]. По мнению А. Сааля, индо являлись «силой будущего» Индонезии, так как в них объединялись жизненная стойкость коренных жителей Явы и знания европейцев⁸ [13, с. 822].

В начале 1901 г. закончился срок договора, заключенного А. Саалем и фирмой «Е.Фюри и К°» на три года. Но, согласно второму параграфу договора, срок трудовых отношений автоматически продлевался, если стороны в течение трех месяцев не отказывались от них [30, л. 1—2]. А. Сааль решил остаться в Индонезии еще на один срок, но не в Сурабае, а в Батавии.

Мы не знаем, какие причины побудили А. Сааля оставить службу у «Е. Фюри и К°» и переехать в Батавию, где он в 1902 г. получил место в отделе фотографии Топографической службы [45, т. II, с. 484]. Может быть, его привлекали перспективы государственной службы, может быть, его жене наскучили горы Восточной Явы и ей захотелось быть поближе к Бейтензоргскому ботаническому саду, может быть, были и другие причины. Каковы бы они ни были, плодотворный сурабайский период жизни и работы остался позади.

Годы, проведенные на Яве, в Сурабае, для А. Сааля были годами напряженного труда. Он работал в типографии, совершал свои многочисленные путешествия, интенсивно собирая исторический, экономический, этнолингвистический и прочий материал, много писал. К сожалению, из его частных писем родным и знакомым в Эстонию за этот период сохранились лишь немногие. Несравненно лучше обстоит дело с теми заметками, которые писались для печати: в нашем распоряжении 14 «Писем с острова Ява», 20 статей по весьма разнообразной тематике, книги, изданные в Тарту в 1903 г., — путевые заметки «Тайны подземного мира. Вулканы Явы» и роман «За свободу и родину».

Тематика и круг его литературно-публицистической деятель-

---

⁸ На рубеже XIX—XX вв. три четверти граждан, говоривших на голландском языке, были индо [54, с. 12].

ности были весьма широкими. Большая часть работ была посвящена злободневным вопросам жизни Индонезии. Наряду с ними А. Сааль интересовался и борьбой буров за независимость в Южной Африке (названный выше роман и статья «Война в Трансваале» [11; 21]), Китаем, который протестовал против империалистического давления [14], миссионерской работы христианской церкви [12; 15], эстонским бытом и перспективами развития эстонцев (статья «Время и жизнь») и т. д. В сурабайский период у него появился интерес к религиям Востока и культуре Востока в целом.

Его многочисленные заметки были предназначены для расширения кругозора эстонского читателя, пробуждения в нем интереса к Голландской Индии, еще шире — к проблемам Востока вообще. Но вся огромная работа А. Сааля имела и другое, сугубо личностное значение. Она должна была помочь ему акклиматизироваться, легче переносить трудности пребывания вдали от родины, смягчить его тоску по дому. Кроме того, меньше работать он просто не умел.

Впереди его ожидал новый, гораздо более длительный — до 1920 г. — период жизни в столице колониальной Голландской Индии Батавии со всеми ее контрастами, период, который еще предстоит изучить.

Литература

1. Маркс К. Капитал. Т. I.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23.
2. Ленин В. И. Международный социалистический конгресс в Штутгарте.— Полное собрание сочинений. Т. 16.
3. Saal A. Emajõelt ekvatori alla.— «Olewik». 1897—1898.
4. Saal A. Hollandi kuninganna kroonimise pidu Jaawa saarel.— «Olewik». 1898.
5. Saal A. Jaawa mägedel.— «Olewik». 1898.
6. Saal A. Kirjad Jaawa saarelt.— «Olewik». 1898.
7. Saal A. Kuidas Jaawa saarel elatakse.— «Olewik». 1898.
8. Saal A. Seletuseks ehk peletuseks.— «Olewik». 1898.
9. Saal A. Jaawa keel ja kirjandus.— «Olewik», 1899.
10. Saal A. Jahile!— «Olewik». 1898—1899.
11. Saal A. Transvaali sõda.— «Olewik». 1899.
12. Saal A. Usu ja hariduse kandmine paganate sekka.— «Olewik». 1899.
13. Saal A. Aeg ja elu.— «Olewik». 1899.
14. Saal A. Hiina aastasada?— «Olewik». 1900.
15. Saal A. Veel kord missiooni tööst paganate seas.— «Olewik». 1900.
16. Saal A. Jaawa elust.— «Olewik». 1901.
17. Saal A. Tee lahkmel.— «Olewik». 1901.
18. Saal A. Tulemägede ilmast.— «Olewik». 1901.
19. Saal A. All-ilma saladused. Jaawa tulemägedelt. Jurjew. 1903.
20. Saal A. Islami preestrid.— «Teataja», 28.VII.1903.
21. Saal A. Priiuse ja isamaa eest. Jurjew, 1903.
22. Saal A. Keel ja kool.— «Teataja», 8.VI.1904.
23. Saal A. Reisikiri Jaawa mägedelt.— «Olewik». 1905.
24. Saal A. Üks kurb kohus.— «Olewik». 1913.

25. Saal A. Memoiren. T. 1—2 (рукопись).
26. Литературный музей Академии наук Эстонской ССР имени Ф. Р. Крейцвальда. Отдел рукописей (далее — ЛМ), ф. 38, д. 1, л. 475.
27. ЛМ, ф. 113, д. 1 : 1.
28. ЛМ, ф. 113, д. 3 : 11.
29. ЛМ, ф. 113, д. 9 : 1—9 : 9.
30. ЛМ, ф. 113, д. 9 : 12.
31. ЛМ, ф. 113, д. 9 : 16.
32. ЛМ, ф. 113, д. 12 : 2.
33. ЛМ, ф. 113, д. 13 : 6.
34. ЛМ, ф. 116, д. 2 : 9.
35. ЛМ, ф. 169, д. 2 : 13.
36. ЛМ, ф. 169, д. 41 : 3.
37. ЛМ, ф. 173, д. 17 : 23.
38. Беленький А. Б. Картины — дочь Индонезии. М., 1966.
39. Беленький А. Б. Национальное пробуждение Индонезии. М., 1965.
40. Нирк Э. Сааль Андрес.— Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971.
41. Новая история стран зарубежной Азии и Африки. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1971.
42. Сукарно. Индонезия обвиняет. М., 1956.
43. Тюрин В. А. Ачехская война (из истории национально-освободительного движения в Индонезии). М., 1970.
44. Цыганов В. А. Система просвещения в колониальной Индонезии и национально-освободительное движение (1900—1942).— Страны и народы Востока. Вып. XVII. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 3. М., 1975.
45. Eesti kirjanduse ajalugu. T. II. Tallinn, 1966.
46. Eesti kirjanduse ajalugu. III. Tartu, 1946.
47. Eesti kirjanduse biograafiline leksikon. Tallinn, 1975.
48. Hermann K. A. Eesti kirjanduse ajalugu esimesest algusest meie ajani. Tartu, 1898.
49. Kampmann M. Eesti kirjanduselo peajooned, II. Tallinn, 1913.
50. Kerstiens T. The New Elite in Asia and Africa. A Comparative Study of Indonesia and China. N. Y., 1966.
51. Kivine P. Saali Jaava kirjade tähtsamatest probleemidest. Diplomitöö. Tartu, 1963 (рукопись дипломной работы).
52. Koemets E. Kolonialismiprobleemist A. Saali loomingus.— Keel ja Kirjandus, 1961.
53. Koemets E. Saja-aastane Andres Saal. Looming, 1961.
54. Niel R. van. The Emergence of the Modern Indonesian Elite. Chicago — The Hague — Bandung, 1960.
55. N. N. Kiri reisijale.— «Olewik». 1898.
56. Nukk E. Andres Saali 65-ks sünnipäevaks.— «Päevaleht», 21.V.1926.
57. «Olewik», 15.VI.1899.
58. «Postimees». Tartu.
59. Ridala V. Eesti kirjanduse ajalugu koolidele, II. Tartu, 1925.
60. Sillaste A. Eesti varasem ajalehefoto. Diplomitöö. Tartu, 1979 (рукопись дипломной работы).
61. The Statesman's Year-Book, 1902. L., 1902.
62. Tooming P. Andress Saal, meisterfotograaf.— «Sirp ja Vasar», 18.VIII.1978.
63. Urgart O. Andres Saal 70-aastane.— Eesti Kirjandus, 1931.
64. Vlekke B. H. M. Nusantara. A History of Indonesia. The Hague — Bandung, 1959.

Е. И. Гневушева

СТРОИТЕЛЬ СУРАБАЙСКОГО ПОРТА

27 июля 1922 г. от пристани и порта Сурабая, лежащего на северном побережье Явы, отошел пароход. Дольше всех махали платками, кричали слова прощального привета и добрых пожеланий человек десять европейцев, провожавших своего соотечественника. Он, в белом костюме, который принято носить в тропиках, также дольше всех стоял у борта, стараясь, как впоследствии он сам написал, «напоследок насмотреться на милые... лица». Но вот уже с корабля не стало видно ни людей, ни зданий, ни береговой линии. Судно увеличивало ход. Европейец спустился в каюту и весь отдался мыслям о только что прошедших событиях. Он думал о своем отъезде, о беседах с друзьями здесь, на пароходе... И в тетради, специально заведенной для дневниковых записей, постарался воспроизвести то последнее, что видел:

«Перед нами расстилался искусственный солидный ковш Сурабайского порта. Невдалеке скрежетала землечерпалка, углубляющая дно ковша. Дальше виднелись фермы нового сухого дока для постройки железобетонных кессонов, налево — склады, и около них много барок и мелких пароходов, а направо виднелась линия установок кессонов (будущая линия причала океанских пароходов), а дальше — цистерны, магазины, временные домики для персонала предприятий и различных предприятий или по сооружению порта или же складов и контор.

Окинув взглядом всю эту картину, мне сделалось как-то странно. Два с половиной года я, работая здесь как инженер, составил множество проектов по сооружению дорог, мостов, водоспусков, водопроводной сети и канализации, а также заново переделал, совершенно изменив расположением старый план предполагавшегося города. Теперь, согласно моему плану, намечены, разбиты, а частью уже сделаны дороги и улицы города» [3, 27 июля].

Итак, яванские берега покидал строитель Сурабайского порта. Это был русский — Иван Терентьевич Благов. Нелегкая судьба забросила его на далекую Яву, а обстоятельства, неужи-

данные и странные, заставили его покинуть остров. Здесь оставались его друзья, с которыми, впрочем, он надеялся свидеться. Здесь он похоронил дорогую ему женщину. К ней он обращался в дневнике со словами тоски, сознавая, что никогда больше не увидит ее могилу, которую никто и никогда не украсит цветами...

На Яву Иван Терентьевич попал неожиданно для самого себя. Революция создавала сложную обстановку в нашей стране, и инженеру Благову приходилось, подобно пловцу, выбираться из водоворота событий и оказываться иногда на незнакомом берегу. Так он очутился на Яве. После трёхлетнего пребывания в стране под экватором он возвращался домой. За кормой шумел океан, морская гладь казалась бесконечной. Иван Терентьевич, сидя в каюте, записывал в дневнике воспоминания, чтобы не стерлись они из памяти. Ему было что вспомнить.

* * *

Иван Терентьевич Благов родился 1 апреля 1881 г. в Оренбургской губернии, в селении, которое называлось Белорецкий завод. Здесь со второй половины XVIII в. производили железо, с того времени, когда предприниматели И. П. Бердышев и И. С. Мясников построили доменный и передельный заводы на земле, которую купили у башкир, отдав 300 рублей за 179 тыс. десятин (десятина обошлась дельцам меньше копейки). На заводах работали крепостные крестьяне, купленные в центральных губерниях России. Каково было положение этих первых поколений рабочих, говорить не приходится. Во времена восстания Пугачева все они на стороне восставших. По словам историка Белорецка, «в 1774 г. завод на короткое время стал центром сосредоточения сил восставших» [6, с. 7]. Белорецких жителей победители пытали и вешали наравне с другими пугачевцами.

Чугун белорецкого завода и изделия из него считались самыми дешевыми на Южном Урале — это было следствием чудовищной эксплуатации и после отмены крепостного права. В годы юности Ивана Терентьевича рабочие вынуждены были арендовать у владельцев завода землю, держать скот. Многие работали летом дома, зимой — на заводе. Может быть, поэтому Иван Терентьевич считал своего отца крестьянином и всюду писал, что он сын крестьянина.

Белорецкий завод входил в состав Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. Места, где провел свои детские и юношеские годы Иван Терентьевич, были живописны. В конце XIX в. в Белорецком заводе насчитывалось около 15 тыс. жителей и по количеству населения он стоял на первом месте после Верхнеуральска [6, с. 12]. В нем было все, что положено было иметь крупному населенному пункту. В центре — большая площадь с высокой каланчой и церковью, три начальные шко-

лы, была даже больница на 12 коек, чайная, в которой еженедельно устраивались народные чтения. Одноэтажные и двухэтажные домики окружали огороды и такие деревья, как рябина и береза: фруктовые деревья здесь не росли. Громадные базары шумели раз в неделю, и раз в год собиралась ярмарка.

Окончив начальную школу, Иван Терентьевич жил в семье отца, работал в хозяйстве и на заводе. Он пристрастился к чтению. Его отец был грамотным и даже выписывал газету, но брал сына за то, что тот читал ночью: керосин переводил. В Белорецке Ивана Терентьевича звали «Ванька-звездочет». У него было стремление «выйти в люди», но в Белорецком заводе не было возможности получить образование или перспективную работу. В 1901 г. Иван Терентьевич, двадцати лет от роду, покидает родные места. Он добрался до Самары и некоторое время работал на пристани рабочим и грузчиком, а затем подался на строительство Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Там он работал землекопом и плотником. В 1904 г. он уже работает на Мургабской оросительной системе. Эта работа его увлекла.

И вот какой эпизод привлек внимание начальства. Рабочие, в большинстве неграмотные, когда получали заработную плату, вместо росписи ставили крест, а Иван Терентьевич расписывался красивым почерком. В Мургабе работало очень много студентов-практикантов. Они, выражаясь нашим языком, взяли кад Иваном Терентьевичем шефство, снабжали его специальной литературой, растолковывали непонятное. Но он и сам был увлечен работой, перенимал опыт старших, стремился усовершенствовать свои знания. Способного и старательного молодого рабочего замечает начальство. Ему начинают поручать работы, требовавшие квалифицированных знаний. С 1905 по 1912 г. он поднимается со ступени на ступень: нивелировщик, техник, старший техник и, наконец, заведующий ирригационной системой, т. е. выполняет функции инженера. В 1912 г. Отдел земельных улучшений приглашает его строить показательную ирригационную сеть в районе Пишпека (ныне Фрунзе).

Никогда не пришлось Ивану Терентьевичу слушать лекции в институтских аудиториях, заниматься в библиотеках. Ему не довелось быть ни гимназистом, ни студентом. Его жизненный успех определялся огромным трудом. Организованность, аккуратность, умение с наибольшей рациональностью распорядиться своим временем — вот те черты характера Ивана Терентьевича, которые остались в памяти его дочери. Он занимался самостоятельно, приобретал новые знания, совершенствовал старые, не прекращая работать. Но подтвердить свои знания соответствующими документами было необходимо, и в 1913—1914 гг. он экстерном держит экзамены за Первые Московские строительные курсы. Очевидно, это давало ему официальное право быть техником-гидростроителем. Профессиональная подготовка

И. Т. Благова была настолько основательна, что ему не стоило большого труда сдать экстерном экзамены за курс Института гражданских инженеров в 1915 г. в Петрограде. Итак, у него в руках диплом инженера. Вспоминая о времени своего «ученичества», И. Т. Благов писал дочери в 1923 г.: «Когда я, не вынеся затхлости „нашего родного болота“, уехал в чужие края, мне пророчествовали, что я и с голоду помру, и в босяках буду. Но прошли годы, и я шел все вперед и вперед. Теперь я получил высшее образование. Учусь и сейчас» [5]. Эти строки лишний раз дают нам возможность представить Ивана Терентьевича как человека целеустремленного, настойчивого, с огромной силой воли, не останавливающегося на достигнутом. Как подлинный интеллигент, он всю жизнь стремился овладеть новыми знаниями.

Но время было военное, и инженера Благова в этом же, 1915 г. направляя начальником гидротехнического отряда на Западный фронт, в 1916 г. его перебрасывают на турецкий фронт, в г. Трапезунд (Трабзон). Здесь застала его февральская революция. Последующие события своей жизни он излагает в автобиографии лаконично: «Ушел с фронта при Керенском». В 1917 г. И. Т. Благов во Владивостоке, где в августе была установлена Советская власть. Но уже в апреле 1918 г. В. И. Ленин получил известие о высадке японских и английских войск во Владивостоке [7, с. 67]. Интервенты решили использовать чехословацкий корпус, участвовавший в войне против Германии и находившийся по пути во Владивосток для отправки на родину. Чехословацкий корпус оказался главной ударной силой в борьбе с Советами на Дальнем Востоке. В июне 1918 г. Советская власть во Владивостоке была свергнута. Интервенция и контрреволюция временно победили. Вот какую картину рисует участник событий: «Здание Совета во Владивостоке выглядело как поверженная крепость. Окна были разбиты, а с крыши свисали флаги: американский, английский, канадский, японский, китайский и трехцветный русский. Эти флаги как бы символизировали трогательное единение международной контрреволюции и ее временную победу над местной советской властью. Все перекрестки были заняты японскими, американскими и английскими патрулями... Появились на улицах Владивостока и бравые „истинно русские“ генералы. Густо запахло монархией» [7, с. 81—82]. Начались аресты. Было арестовано все большевистское и советское руководство и все лица, которые работали в советских органах власти. Был арестован и И. Т. Благов, который в то время работал инженером в местном Горкомхозе. Об этом времени он вспоминал: «1918 г.— арестован вместе с тов. Никифоровым чехословацким командованием». Вскоре часть арестованных, среди которых был и И. Т. Благов, освободили, но очень быстро начались новые аресты всех, работавших с Никифоровым. И тогда И. Т. Благов решает эмигрировать в

Китай, по-видимому чтобы переждать это тревожное время. Неизвестно, один он переправился на ту сторону Амура или с группой друзей. В Китае он не задержался. Каковы были обстоятельства, которые заставили его двинуться дальше, неизвестно, но в 1919 г. он оказался на Яве, в крупнейшем портовом городе архипелага — Сурабае. Ни сбережений, ни драгоценностей у Ивана Терентьевича не было. Где бы он ни был, он должен был зарабатывать на жизнь трудом. Во время своих странствий он, по его же словам, «работал на случайных работах». В Сурабае И. Т. Благов — сперва инженер по строительству фабрики для производства кокосового масла, а затем инженер по гидротехническим сооружениям в Портовом управлении Нидерландской Индии. Но для того чтобы занять эту должность, ему пришлось держать экзамен в Высшей технической школе в Сурабае и таким образом подтвердить свой русский диплом. После этого он был избран членом Научно-технического комитета по гидротехнической секции.

Находясь на Яве, инженер Благов выполнил следующие проектные работы: гидросооружения на р. Кали-Брантас для ликвидации последствий извержения вулкана Келуд; проект портового города Танджонг-приок в Сурабае; таможенную с механизированным транспортом в Сурабае; главные мастерские в Сурабайском порту. Он перечисляет и выполненные по его проектам строительные объекты: мосты, канализацию и водопровод портового города в Сурабае; различного вида морские портовые сооружения в Сурабае и на реках Нидерландской Индии; сантехнические и железобетонные работы на фабрике кокосового масла в Сурабае. Одно перечисление только строительных работ, выполненных И. Т. Блазовым, характеризует его как талантливого, энергичного инженера.

* * *

Более трех лет И. Т. Благов жил на Яве. Это был совершенно новый для него мир.

Индонезия называлась тогда Нидерландской Индией и была владением Нидерландов. Связи колонии с Европой, прерванные первой мировой войной, к 1919 г., времени, когда туда попал И. Т. Благов, были восстановлены. Экономика страны бурно развивалась, поэтому эмигранты быстро находили себе работу. От пребывания И. Т. Благова в стране под экватором остались три альбома фотографий и дневник, который он вел, возвращаясь на родину — от Сурабаи до Порт-Саида. По манере, в какой записаны тексты дневника, можно с уверенностью сказать, что у автора была привычка поверять свои мысли бумаге. Остается только пожалеть, что яванские дневники инженера не сохранились. Под фотографиями в альбомах в большинстве случаев нет подписей, но люди, знающие страну, могут в об-

щих чертах определить: это Ява, это Суматра, это Новая Гвинея. Попытаемся и мы по этим альбомам установить, что интересовало нашего соотечественника, что его удивляло, что он хотел запечатлеть и долго помнить.

Открываем первый, самый большой альбом. Прежде всего мы видим непривычные русскому глазу, уступами расположенные рисовые поля на Яве. Крестьянин вспахивает жидкую до консистенции грязи землю. Деревня с хижинами, стоящими на сваях или построенными прямо на земле. А вот сгрудившиеся на берегу реки лодки и плоты, на которых возведены легкие хижины — здесь тоже живут, рождаются и умирают люди: это их постоянное жилье. Повседневный труд индонезийцев: они вспахивают рисовые поля, занимаются рыбной ловлей. Привлекают внимание их оригинальная лодка и не менее самобытные орудия ловли. Они ткут циновки и грубые ткани на примитивных станках, которые хочется назвать «приспособлениями». Наипростейшими орудиями, в основном ножами, они создают из дерева удивительные скульптуры, вырезают из кожи и раскрашивают фигурки для народного театра марионеток — ваянга. Женщины заняты изготовлением батика.

Облик тропической страны, какой она была в 1919—1922 гг., воссоздается по фотографиям, собранным И. Т. Благовым. Вскипает океанский прибой у берега острова. Богатая растительность неизвестных видов (узнается только кокосовая пальма да банан) покрывает остров. Конус вулкана — неотъемлемая часть ландшафта. По гористым склонам гремят ручьи, низвергаются водопады. Джунгли сплошной стеной спускаются к неширокой, спокойной реке. Узкие, длинные лодки (прау) с высокой кормой скользят по речной глади. Дороги кажутся бесконечными аллеями: их стороны обступают пальмы. Чудо-дерево баньян, которое одно может составить целую рощу, запечатлено неоднократно. Железная дорога и мчащийся сквозь джунгли поезд кажутся чуть ли не единственными свидетельствами европейской цивилизации. Мужчины и женщины больше трудятся, чем отдыхают. Только на одном из фотоснимков мы видим людей в нарядных национальных костюмах: это свадебная процессия. Отдельно позирует перед фотографом юный представитель княжеского дома в традиционном облачении яванского аристократа, в сверкающих ожерельях и браслетах и блестящем головном уборе.

Изображений городов и городской жизни мало. Джакартский порт, где стоят у причалов преимущественно парусные суда; резиденция генерал-губернатора (скорее вилла, чем дворец, в нашем представлении); стоянка автомобилей; улица в Сурабае и улица в Бандунге — с двухэтажными домами, крытыми черепицей, могучими деревьями, выглядывающими из-за домов и стоящими вдоль тротуаров. На улицах больше лошадей в упряжках, чем автомобилей.

И. Т. Благов не фотографировал голландцев. Глядя на сделанные им фотографии, можно подумать, что в этой стране живут только ее коренные обитатели. И лишь зная, что на Яве можно встретить европейцев, в ряде фотоиллюстраций городской жизни угадываешь их в людях, облаченных в белые костюмы.

Во втором альбоме запечатлены памятники индонезийской архитектуры: буддийский храм IX в. Боробудур, многочисленные изображения его фрагментов и барельефов; храмы Промбонана и живописные руины древних сооружений. Примечательно, что среди изображений храмов, скульптур богов, фрагментов каменной резьбы И. Т. Благов помещает картины природы: то это огромное, кажущееся нам фантастическим дерево, то тихое поэтичное озеро, почти сплошь покрытое цветами лотоса, в окружении сказочной растительности на берегах; то извергающий лаву вулкан, а то вулкан, уже отгремевший и застывший в мрачном величии, распространивший вокруг себя пустыню смерти. По-видимому, такое расположение фотографий в альбоме не случайно: оно дополняет впечатление от созерцания грандиозных архитектурных монументов.

Третий альбом посвящен Новой Гвинее. В нем собраны фотографии папуасов, их хижин, селений, лодок, возвращающихся с удачной охоты мужчин. Этнографа несомненно интересуют те снимки, на которых изображены новогвинейские тотемы. В конце альбома помещено несколько фотографий, на которых легко угадываешь прекрасных женщин с о-ва Бали, запечатлена бытовая сценка в балийской деревне. А дальше вне всякой связи с основной темой альбома — виды с острова Цейлона, индийская женщина, японская казнь в Маньчжурии... Просто были фотографии, сами по себе интересные, их наклеили, чтобы они не затерялись.

* * *

И. Т. Благов очень интересовался всем, что его окружало в этой стране, и прежде всего яркой, необыкновенной для северянина природой. Он побывал в достопримечательных местах Явы, в ботаническом саду в Бейтензорге (Богоре). На пути домой, посетив музей в Сингапуре, он сравнивает его с бейтензоргским, и это сравнение оказывается не в пользу сингапурского музея [3, 1 августа]. Он удивлялся равнодушию голландцев к природе Явы, ко всему, что прямо не касалось их благосостояния, сохранения здоровья и увеличения доходов. «В гавани Сурабая нас было около десяти инженеров,— вспоминал Благов.— Некоторые и родились здесь. Но из всех из нас на интереснейшем вулкане Бромо был два раза только один. Это я. „Зачем нам смотреть... Это ведь нас не касается“,— отвечают голландцы, когда пристаешь к ним с вопросами или начнешь упрекать в

нелюбезности. Тяжелый народ», — заключал И. Т. Благов [3, 28 июля]. Он всюду искал национальный колорит и стремился как можно больше видеть то, что отражало культуру Востока. Он был разочарован видом Пенанга: «Я ожидал увидеть индийский город, с индусами, пагодами и проч. [3, 12 августа], а увидел город европейский — такой, какой англичане строили на Востоке и приспособливали к своим привычкам». И. Т. Благов прекрасно понимал, что страны Востока богаты природными ресурсами, а бедны в результате колониального состояния. В дневнике, когда корабль проплывал мимо берегов Индии, он сделал запись «А сколько же в ней чудес, богатств и ужасной нищеты!» [3, 7 августа]. То же можно было сказать и о Нидерландской Индии, и о всех странах, где хозяйничали европейские колонизаторы.

На Яве он общался главным образом со своими коллегами, а это были голландцы. Яванцев он знал как рабочих, которые рыли котлованы, каналы, выполняли трудоемкую, черную, т. е. неквалифицированную и всегда плохо оплачиваемую работу. Это были сплошь неграмотные люди, терпеливые, невзыскательные, довольствующиеся очень немногим и привыкшие к подчинению. Они все были во власти странных суеверий и плохо понимаемых европейцами предрассудков. Конечно, это был народ, культурное развитие которого искусственно задерживалось. Именно в смысле отсталости и забитости надо понимать слово «дикари», которое нет-нет вписывает в свой дневник И. Т. Благов.

Русский инженер безусловно уважал народ, создавший шедевры архитектуры, изображения которых он не только тщательно собирал, но и в стремлении увидеть их собственными глазами никогда не жалел времени.

Он восхищался индонезийским языком: «Своей простотой, легкостью и, пожалуй, красотой он (индонезийский язык. — Е. Г.) завоевал себе место в Индийском океане и долго не уступит никому другому своего места» [3, 12 августа]. Не всегда понимая отдельные проявления чуждой ему культуры, И. Т. Благов проявлял такт по отношению к ее носителям и возмущался отсутствием такта у другого. Например, в Сингапуре он побывал в буддийском храме во время богослужения вместе со своим случайным спутником-итальянцем; «к великому моему несчастью, — записал он в дневнике, — этот сеньор оказался настолько глуп, что при виде места и различных изображений Будды начал хихикать. Я поспешил уйти, чтобы не обидеть монахов, и увел итальянца» [3, 3 августа]. В следующий раз осматривать буддийский храм он отправился один.

И. Т. Благов остро чувствовал пренебрежение колонизаторов к культуре Востока. В библиотеке парохода попалась ему толстая книга на английском языке об Индокитае. «Там помещена тысяча прекрасных фотографий, но поразительно неин-

тересных, так как почти все фотографии изображали банки, гостиницы и тому подобные европейские предприятия» [3, 28 июля]. И тут же замечает: «Точно сам Китай со своей культурой чуть ли не двадцати тысяч лет ничего не имеет».

На Яве можно было видеть европейцев не только голландцев: Нидерландская Индия была открыта для предпринимательской деятельности подданных и других стран. Более всего здесь было англичан. Недаром Англию называли совладелецей главной колонии Нидерландов.

На пароходе много было англичан, французов (группа солдат и офицеров, несколько миссионеров), а также итальянцев. По наблюдению И. Т. Благова, в большинстве своем все они были «мелкие дельцы, содержатели кино и ресторанов». Бросалась в глаза бесцеремонность англичан, их привычка чувствовать себя всюду хозяевами, что очень раздражало русского инженера.

Некоторые черты колониальной политики голландцев можно уловить, читая дневник И. Т. Благова. Так, колонизаторы желали внедрить в сознание угнетаемого народа представление о Голландии как о могучей державе, а о голландце — как о человеке богатом, по своему развитию во много раз превосходящем индонезийца. Поэтому въезд в Индонезию неимущим голландцам был запрещен. Голландцы в колонии — это были хорошо оплачиваемые чиновники колониального аппарата управления, предприниматели и плантаторы. «На Яве всякий белый — обязательно барин (туван), а прислуга, рабочие и десятичники — это туземцы... Там всякий белый, будь он распоследний холуй, пользуется видимым почетом, конечно, для назидания черным, так как все черные обязаны думать, что всякий белый благороден и знатен» [3, 7 августа]. Прожившему три года на Яве И. Т. Благову было, по его словам, «ужасно странно пользоваться услугами белого», что случилось уже на корабле. В Порт-Саиде ему было также непривычно то и дело видеть на улицах белых слуг и белых оборванцев [3, 28 августа].

Из иностранных дельцов, торговцев, предпринимателей всех видов внимание И. Т. Благова привлекли китайцы и арабы. Коломбо был для Благова первым восточным городом, где не было китайцев. Богачи и труженики — вот две резко очерченные Благовым категории китайцев на Востоке. Сравнивая китайского делового человека с бизнесменом — арабом или индусом, И. Т. Благов отдает предпочтение китайцу. И вот почему: «Китаец крепок, уверен, спокойно деловит и знает, что весь мир считает его за честнейшего дельца. Денежное дело принадлежит исключительно китайцам. Все банковские служащие, кассиры всего Востока — китайцы. Даже в Японии вы не встретите ни одного кассира-японца, обязательно китаец. Самые богатые люди Востока — это тоже китайцы. Например, на Яве сливки снимают вовсе не голландцы, а китайцы, арабы или

бимбеи»¹ [3, 1 августа]. Высоко ставил Благов китайскую интеллигенцию: «Я заметил, что самые воспитанные, приличные и знающие много языков,— это китайцы. Они соперничают с англичанами в выдержке и также превосходят всех в знании иностранных наречий» [3, 21 августа]. Китайские ремесленники восхищали его добросовестностью и мастерством. «К китайской же нации принадлежат несчастные рикши». Благов их труд называл «ужасным». Он осматривал ноги рикш, тщательно их описал и пришел к выводу, что к 25 годам должен кончаться срок работы рикши.

В Сингапуре И. Т. Благов жил неделю, поджидая пароход, который должен был доставить его в Европу. Он бродил по городу, любясь его многоязычной толпой, заходил в храмы и посещал музеи. Обращает на себя внимание его фраза: «Внутренней жизни, к сожалению, не пришлось наблюдать» [3, 1 августа]. Это уже дает основание полагать, что там, где была возможность познакомиться с «внутренней жизнью» народа (а она была на Яве), он этой возможностью не пренебрегал. Снова приходится пожалеть об утрате яванских дневников инженера. Но даже и беглое описание Сингапура, сделанное И. Т. Благовым, достойно того, чтобы привести его здесь целиком: оно доносит до нас облик города, каким он был более полувека назад; можно понять и взгляды самого автора на сложившиеся отношения между людьми в колониальном обществе.

«Сингапур — город абсолютно экваториальный,— пишет И. Т. Благов.— Владеют им англичане. Порт Сингапура благодаря массе окружающих островков — естественный и хорошо защищен от бурь, хотя на экваторе бури очень редки. Англичане сделали очень длинную линию причала, так что океанские пароходы пристают к самому берегу. Туда же подходит и линия железной дороги». Глаза Благова — это глаза инженера. «Но я заметил,— читаем мы в дневнике,— что богатство технического оборудования значительно уступает Сурабайскому порту, с его огромным количеством кранов и колоссальной причальной линией. Но как бы то ни было, порт очень удобен» [3, 1 августа]. Инженер-гидростроитель, он, конечно, постарался осмотреть и главную водопроводную станцию города. «Это возвышающийся над городом холм. На нем два открытых бассейна (бетонные). Машина качает воду на эту природную водонапорную башню, а тропическое солнце делает свое дело — аэрирует воду. Хорошо и просто» [3, 2 августа]. В остальном чувствуется уже наблюдательный взгляд путешественника. «От порта к городу тянется залитая асфальтом улица. Дома этой улицы очень старые двухэтажные и сильно напоминают домишки на окраинах Москвы. Центр города великолепен, но не своими зданиями, а их расположением. Это огромный парк, с

---

¹ Бимбей — индийцы, уроженцы г. Бомбея.

широкими аллеями, залитыми асфальтом, и где-то там, вдалеке, виднеются дома» [3, 7 августа]. «Хорошо живут англичане в Сингапуре,— замечает И. Т. Благов.— Богаты их виллы в садах... Почти каждый особняк имеет площадку для тенниса. Здесь также много различных клубов, и каждый клуб имеет просторное поле для спорта... Много площадок для бега с препятствиями и для футбола» [3, 3 августа].

Побывав в Ботаническом саду, И. Т. Благов восхищается площадкой для детских игр, но он «вовремя вспомнил», что она существует для детей состоятельных родителей, в основном для англичан. Да и любоваться красотами Ботанического сада можно было за высокую плату.

Все то, что окружало коренного жителя Сингапура, было не похоже на сферу жизни европейца. «Туземная часть города иная. Это широкие чистые улицы, без растительности. Дома те же двухэтажные, напоминающие немного глушь Москвы» (Москва в представлении Благова — большой провинциальный город, с замедленным ритмом жизни, где тишина и спокойствие «московских дворишков» еще не ушли в воспоминание, в картины художников, а существовали как реальность). Путешественник отмечал колоссальное движение и в туземных кварталах. «Все время снуют автомобили, автобусы, тысячи рикш и пешеходов различнейших наций (кроме европейцев). Ходит и трамвай, но какой? Представьте себе обоз, нагруженный кусками железа и мчащийся по булыжной мостовой. Лязг получится невероятный. Это вот и есть сингапурский трамвай. Вагончики старые и неудобные, но самое ужасное — их грохот и лязг» [3, 1 августа].

«Коренное население — индусы и малайцы. Малайцы по наружному виду те же, что и на Яве... Индусы (т. е. индийцы. — Е. Г.) — народ совсем другого вида. Черны, тонки, высоки ростом и красивы» [3, 1 августа]. Китайцев и арабов И. Т. Благов не считал коренным населением, хотя и тех и других видел во множестве на улицах Сингапура. Ритм жизни огромного портового города с его многонациональным населением сумел уловить и передать нам И. Т. Благов. Но кроме этого он увидел еще и другое. «По улицам снуют роскошные мотокары, мощные грузовики, трамвай, гудят электрические провода, на набережных десятки мощных кранов, у пристани колоссы-пароходы, и человеку, кажись, осталось только нажимать кнопки, держать руль, двигать рычаги, и машина все для него делает. Но кроме всего этого белого работника кто-то заставил держать в руке еще и кнут, чтоб подгонять двуногий рабочий скот, называемый кули» [3, 1 августа].

Особенно его поражало, что и рабочие пользуются услугами кули-рикш. «Два уставших работника едут на измученном работнике. И этот несчастный делает эту ужасную работу только для того, чтоб заработать горсть рису» [3, 1 августа].

Неделя жизни в Сингапуре была для И. Т. Благова тягостна, к тому же и жизнь была необыкновенно дорога («Семь дней жизни в Сингапуре стоят два месяца в Европе») [3, 3 августа], да и, по его признанию, «надоело без дела болтаться».

Останавливались в Пенанге на Суматре, где, как уже упоминалось, нашего путешественника ожидало разочарование: он не увидел здесь ничего своеобразного. «Пенанг то же, что и Сингапур: основан англичанами, богат, всюду асфальт, аллеи, скаковое поле, площадки для игр и густо населенной частью около порта с тысячами китайских торговых заведений и рикш» [3, 12 августа].

Коломбо очаровал обилием зелени, приятным климатом... «Красавец Коломбо» — иначе Благов его не называет. Любова-лся он и темнокожим населением города («рослые красивые индусы», «детки — красивые, смелые, улыбающиеся»). А вот Джибути (французское владение в Восточной Африке) показался Благову «дырой, чертовыми куличками, чем хотите, только не городом. После роскошных, красивых улиц — садов Сингапура, Батавии, Бандунга и особенно красавца Коломбо, Джибути — ссылка. На улицах — ни деревца, только у некоторых официальных зданий и около арабской мечети посажены пальмы и поливаются из ведер». Инженер сразу заметил, что «ири-гации нет, но водопровод имеется и на улицах имеются краны. Жара несносная. Пыль ужасная, так как улицы кое-как вымо-щены скверным мягким известковым кораллом, добытым из близлежащих коралловых рифов... Вышли в Красное море... с одинаковыми унылыми берегами Африки слева и Аравии справа... Жара ужасная».

В тех местах, где ему приходилось жить, всюду И. Т. Благов видел тягостное, бедственное положение коренного населения. В его дневнике мы читаем как бы итог его наблюдений: «Уж слишком тяжела и унижительна жизнь простого народа на Востоке, и нет у него никакой надежды в будущем, ни светлого штриха в прошлом. Только и надежда на чудо с небес» [3, 1 августа]. Население темное, неграмотное, невежественное, но оно каким-то путем узнало имя Ленина. По словам Благова; Ленин представляется темному населению Востока «посланни-ком небес». Все-таки надежда на лучшее будущее у него была.

* * *

И. Т. Благов побывал в разных странах, много видел, и в его дневнике часты сравнения. Но чаще всего перед ним возник образ Родины. Вот он листает книгу о Швеции, и иллю-страции этой страны — «дикие горы, сосны, снег, водопады» — напоминают ему Урал. «Приятно смотреть», — с удовлетворени-ем отмечает инженер. В Сингапуре перед его взором вдруг воз-никла Москва и «московское захолустье». Тропические моря не выдерживали сравнения с Черным и Каспийским морями. Ба-

зар в Джибути напоминал ему базары в Туркестане, но на родине, конечно, все лучше: «В Туркестане обязательны арыки, тополи и прекрасные фрукты».

И. Т. Благов тосковал по Родине. Для него было большой удачей, что, живя в Сурабае, он мог общаться с русскими, говорить на родном языке: и до Явы докатилась волна русской эмиграции. Одних судьба забросила туда случайно, и это были люди, преданные России и изыскивавшие возможность возвратиться на родину, уже советскую, другие были махровые контрреволюционеры, злобствующие, ненавидящие новый строй. Дневник И. Т. Благова не был предназначен для печати. Своих русских друзей он часто называет то по имени, то по фамилии. В Сурабае его провожали Борис Михайлович Шишкин с семьей; неунывающий, веселый, не всегда тактичный Алеша Милентьев; «тихий, скромный, строго политичный Шапиро». В Батавии пароход стоял восемь часов, и И. Т. Благов воспользовался этим временем, чтобы навестить русских знакомых — Галю Васильевну в ее квартире, других (их он называет по именам) по месту работы — на центральной телефонной станции. Его отъезду завидовали. Вспоминая, что Б. М. Шишкин при расставании имел очень грустный вид, И. Т. Благов записывает в дневнике: «Ах, как ему хотелось уехать отсюда, туда, на север, в холодную и голодную Россию, туда домой. Я понимаю его» [3, 27.VII].

Живя в Сурабае, наш соотечественник был подписчиком газеты «Шанхайская жизнь» и даже ее корреспондентом. Его корреспонденции помещали под рубрикой «Письма с Явы». В одном «письме» он рассказал о бывшем русском летчике Ю. А. Ковенко, химике по образованию, который вынашивал «очень интересный проект разработки богатейших в мире соляных отложений Карабугаза... Русская промышленность всегда нуждалась в этих материалах, а теперь тем более, и постройка соответствующего завода в низовьях Волги безусловно целесообразна», — писал автор статьи. И далее он продолжал: «Ю. А. Ковенко, по его словам, намеревался осуществить эту идею еще раньше, но война, а затем революция лишили его возможности осуществить эту идею. Теперь же Ковенко, следуя, очевидно, течению сменовеховцев и горя желанием вернуться на родину, решил свою идею передать нынешнему правительству России, и если возможно будет, то и самому принять участие в развитии этого дела» [8, 1.IX.1922]. Неизвестно, выполнил ли свое намерение Ковенко, но таких людей, которые стремились вернуться на родину и быть ей полезными, было много.

В другом «письме» И. Т. Благов рассказал о неведомой ему (да, пожалуй, и никому) старой русской писательнице, болтавшей вздор, в котором ненависть к Советской власти перемешивалась с презрением к русскому народу. И. Т. Благов возмущался тем, что «неразборчивая голландская печать дает

приют на своих страницах подобного рода „писательницам“». Он писал: «На страницах этих газет появляются длиннейшие статьи с заголовками: „Повествование известной русской писательницы о зверствах большевиков“, создается общественное мнение за границей, где рядовой обыватель ни уха ни рыла не смыслит в русских делах и всякие бредни выживших из ума старушенок и остервенелых белогвардейцев принимает на веру и за чистую монету» [8, 3.IX.1922]).

«Шанхайская жизнь» организовала сбор средств в фонд помощи голодающим в России. Прислал свои сбережения и И. Т. Благов, о чем газета сделала соответствующую публикацию, которая попала на глаза русским белогвардейцам и английскому консулу в Батавии. Последний потребовал от правительства Нидерландской Индии высылки И. Т. Благова. Это требование увенчалось успехом. Через некоторое время «Шанхайская жизнь» известила своих читателей: «Не так давно с Явы через Европу в Россию уехал инженер Благов, проживший на Яве (в Сурабае) три года. Инженер Благов служил по своей специальности в одной голландской фирме. Месяцев восемь тому назад г. Благов пожертвовал в пользу голодающих в России все свои сбережения, заключавшиеся в 7000 гульденов. По этому поводу русская белогвардейщина на Яве подняла вой, на Благова посыпались доносы, в результате которых голландцы отказали Благову в работе, „как уличенному (?) в сборе (?) и посылке 7000 гульденов для большевиков“» [8, № 61].

Вспомним, какое это было время. 1922 год. Советской стране удалось отбиться от прямых атак белогвардейцев и интервентов. Внутренняя контрреволюция затаилась. Буржуазные правительства еще не потеряли надежды тем или иным путем добиться свержения Советской власти. Первая в мире республика рабочих и крестьян была крайне слаба. И. Т. Благов был горд, что принадлежит стране, выдержавшей империалистическую и гражданскую войну, мужественно преодолевавшей голод и разруху. «Уж слишком мы русские,—писал Иван Терентьевич о себе и о своем друге, оставшемся на Яве,—чтоб променять нашу нужду на какие-либо блага вне нашей страдальчицы-родины» [3, 27 июля]. Он не позволял никому оскорблять ни свою отчизну, ни свою национальность.

В Берлине, ожидая визы на въезд в Советскую Россию, И. Т. Благов не бездействовал. Не зная, как долго ему придется здесь задерживаться, он организовал издательство современной русской литературы. Известно, что в феврале — марте 1923 г. С. А. Есенин заключил с издательством И. Т. Благова договор на издание книги «Стихи скандалиста» [1, с. 74]. Эта книга со вступительным словом поэта вскоре вышла.

В 1924 г. И. Т. Благов был уже в Москве и работал в Народном комиссариате путей сообщения, но в следующем году был командирован в Туркмению как специалист по ирригации.

Там он жил и работал в качестве главного инженера строительства ирригационных сооружений до 1928 г., а затем был переведен в Москву.

В эти же годы в Москве жил Александр Андреевич Губер, будущий основоположник изучения стран Юго-Восточной Азии в нашей стране. В 1925 г. он окончил Московский институт востоковедения и решил посвятить себя изучению Индонезии. Он собирал источники и материалы по истории, экономике, культуре этой страны, разыскивал лиц, которым, по его мнению, улыбнулось счастье — они побывали в стране трех тысяч островов. Конечно, И. Т. Благов мог бы много рассказать интересного начинающему ученому, но, как часто в жизни бывает, они, живя в одном городе, никогда не встречались.

Свой опыт, свои глубокие знания И. Т. Благов щедро передавал молодым специалистам. Его перу принадлежат учебные пособия, статьи и книги. К ним до сих пор обращаются специалисты-гидростроители. Но одно сочинение, над которым он долго и с любовью работал, не было опубликовано. Это фантастический роман, названный им «В сто восьмом году». Рукопись напечатана на машинке и содержит 176 страниц. Автор ее берег (она переплетена) и неоднократно над ней работал: он исправлял ее то красными, то фиолетовыми чернилами, то черным карандашом.

Фантастический роман И. Т. Благова отражает те представления о будущем индустриальном обществе, которые были у нас распространены в 20—30-х годах. Автор нарисовал новое общество, которое существует на большей части нашей планеты в 108 году после Октябрьской революции. К этому времени капиталистические отношения сохранились только на Американском континенте, да и то на последних страницах романа они исчезают. Основная экономическая и социальная ячейка будущего общества — коммуна. Достижения во всех областях жизни опромны. Воды сибирских рек удалось направить по другим руслам — и пустыни и степи Востока стали цветущими и плодородными землями. «Великий сибирский канал несет в себе воды повернутых на запад сибирских рек. Он орошает все лежащие к югу поля до Сыр-Дарьи, Аральского моря и спускающиеся к Каспию степи. За сорок лет его работы мертвые пустыни превратились в цветущую, густо населенную житницу всего земного шара» [2, с. 28]. Быстрота передвижения сказочна: поезда ходят со скоростью 200 км в час, «есть самолеты с герметическими кабинами и скоростью в 2000 км в час» [2, с. 92]. Изобретена ракета. Межпланетные корабли и космические пилоты стали реальностью. Люди научились передавать на расстояние изображение. В помещении находится аппарат вроде современного телевизора: «Мелодия льется из рупора на стене, а на экране четко вырисовывается фигура певца» [2, с. 92]. Аппаратура для передачи изображений устанавливается

в любом месте земного шара, много таких точек разбросано у Ледовитого океана, у места обитания морских зверей. Впечатления от пребывания на Яве у И. Т. Благова были живы, и, рисуя отдаленное будущее, он пишет, что в зоологическом институте посредством этой совершенной аппаратуры можно увидеть действие «дивного вулкана» Бромона на Яве. Все будущее человечества зависит от достижений физики — такую мысль проводит автор через все произведение. Машина необыкновенно облегчила труд человека, она дала возможность сократить рабочий день до трех часов; на огромной обувной фабрике работают только два человека.

Но если достижения в области техники инженером И. Т. Благодным предвидены и логично выведены из направлений современной ему науки, то социальные изменения могут вызвать у нас лишь улыбку... Они — плод фантазии утописта. Люди гармонично развиты. Отношения между мужчиной и женщиной регламентированы. Семьи не существует. Дети воспитываются в детских домах, их в порядке опыта кормят какими-то новоизобретенными «зернами», которые стимулируют рост и развитие. Вообще продукты питания, выпускаемые химическими фабриками, начинают вытеснять продукты полей и садов...

Как бы то ни было, но в предвидении будущего инженером трогательно его попытка представить общество, в котором труд воспринимается как высшее благо, а самосовершенствование хотя и дало необыкновенные результаты, но не имеет предела.

Личность автора фантастического романа и многих осуществленных и неосуществленных гидротехнических проектов инженера Ивана Терентьевича Благова замечательна. Благодаря своим незаурядным природным способностям, упорству в достижении цели, к тому же не имея могучей поддержки, он смог стать крупным специалистом. Его энергия, наблюдательность, восприимчивость ко всему, что таило в себе передовую мысль, способность интересоваться многим — все эти качества, свойственные одаренным людям, проявились на всем протяжении его жизни и отразились даже в его маленьком дневнике (всего 16 записей), страницы которого дают ценную информацию и для историка, и для этнографа. Они же в сочетании с другими материалами дают нам возможность воссоздать личность русского интеллигента, преданного своей Родине и самозабвенно отдающего ей свои знания, талант и жизнь.

Литература

1. Белоусов В. Г. Литературные хроники. Сергей Есенин. Ч. II. М., 1970.
2. Благов И. Т. В сто восьмом году. Фантастический роман. М., 1925. Рукопись. Хранится у внучки И. Т. Благова — Т. И. Благовой.

3. Б л а г о в И. Т. Дневник (27 июля—29 августа 1922 г.). Рукопись. Хранится у внучки И. Т. Благова — Т. И. Благовой.
4. Б л а г о в И. Т. Краткая автобиография. Рукопись. Хранится у внучки И. Т. Благова — Т. И. Благовой.
5. Б л а г о в И. Т. Письмо к дочери из Берлина от 20 января 1923 г. Хранится у дочери И. Т. Благова — О. И. Благовой.
6. Б о р о з и н е ц Л., К о з ь м и н А. Белорецк. Уфа, 1965.
7. Н и к и ф о р о в П. М. Записки премьера ДВР. М., 1963.
8. «Шанхайская жизнь».

II. ЭТНОГРАФИЯ. ДЕМОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ

Т. А. Лукина

Г.-В. СТЕЛЛЕР О НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ СИБИРИ (Неопубликованный трактат 40-х годов XVIII в.)

Главным событием в недолгой жизни выдающегося натуралиста Георга Вильгельма Стеллера было путешествие по неизученным просторам Сибири и Камчатки. Только незаурядный и мужественный человек мог вынести тяготы многолетних странствий на Севере в условиях XVIII в. Один из биографов ученого сказал, что «в силе с ним мало кто мог сравниться, а в несчастиях, пожалуй, никто» [8, с. XXII].

Стеллер родился в 1709 г. в Виндсхейме, в небольшом франконском городке, в семье органиста¹. Уже в школьные годы он выделялся исключительными способностями, трудолюбием и интересом к естественным наукам. В 1729 г. он стал студентом теологического факультета в Виттенбергском университете, затем короткое время учился в Лейпциге и в Йене, а в 1731 г. поступил в университет города Галле. Здесь он изучал анатомию и естественные науки, главным образом ботанику, под руководством ботаника и врача Ф. Хофмана.

По окончании курса в университете Стеллеру не удалось найти работу в Германии. Он был беден, но обладал знаниями, мужеством и стремился увидеть другие страны. В Данциге, где в 1734 г. находились русские войска, молодой врач получил место хирурга в русском военном госпитале. Сопровождая в Кронштадт раненых солдат, он осуществил свою мечту — оказался в столице России. Вскоре ему удалось стать домашним врачом у архиепископа Феофана Прокоповича. Вместе с акад. И. Амманом Стеллер был одним из первых организаторов Ботанического сада Петербургской академии наук. Он обратился к президенту Академии с просьбой отправить его в Камчатскую экспедицию и получил согласие.

¹ Биографические сведения см. в статье Л. Штиды [9, с. 33—36], Л. Штейнегера [14], а также в работах А. И. Андреева [2, с. 64—68, 70—363], П. П. Пекарского [4, с. 587—616], статье С. Линдрота [10, с. 28].

Таким образом, Стеллер стал участником второго этапа Великой Северной экспедиции, задуманной Петром Великим и осуществленной в 1725—1743 гг. под названием Первая и Вторая Камчатские экспедиции (1725—1730 и 1733—1743 гг.). Первый отряд Второй Камчатской экспедиции обогнул берега Северного Ледовитого океана, второй совершил плавание от Камчатки до Америки; Стеллер был присоединен к третьему ее отряду — академическому. Участники его — академики И.-Г. Гмелин и Г.-Ф. Миллер ко времени приезда Стеллера в Петербург уже занимались естественноисторическими и историографическими исследованиями Сибири.

Готовясь к путешествию, Стеллер посетил дом первого исследователя Сибири — Д.-Г. Мессершмидта. Вдова ученого Бригитта Елена показала ему дневники и рукописи мужа. 7 февраля 1737 г. Стеллер стал адъюнктом Петербургской академии. Ему было поручено составление каталога гербариев Ф. Рёйса (Рюйша) и И. Аммана в Кунсткамере [12], главной же задачей было предстоящее исследование Камчатки вместе с И.-Г. Гmeliном. Перед отъездом из Петербурга Стеллер женился на вдове Мессершмидта.

И.-Г. Гмелин и Г.-Ф. Миллер зиму 1735/36 г. провели в Якутске. Здесь они, отступив перед трудностями путешествия, решили уклониться от первоначально намеченной поездки на Камчатку, в 1737 г. отправились на берега р. Лены, а на Камчатку послали студента С. П. Крашенинникова. Новый адъюнкт должен был в качестве ботаника принять участие в работах исследователей Сибири. Указ Сената об отправлении Стеллера в Камчатскую экспедицию был подписан в августе 1737 г., и в декабре начался долгий путь ученого на Камчатку. Его сопровождал художник И.-Х. Беркан [5, с. 450, 12.1.1738].

Путешественник проехал через Казань на Урал, остановился в Тобольске, далее отправился вниз по Иртышу до Оби и вверх по Оби до Томска. В декабре 1738 г. он достиг Енисейска, где встретился с Гmeliном и Миллером, которые прибыли туда осенью 1738 г. и провели зиму в этом городе. Оба ученых составили инструкцию, которой Стеллер должен был руководствоваться при исследовании Камчатки. Дальнейший путь Стеллера лежал через Иркутск. Он путешествовал по берегам оз. Байкал, исследовал флору и фауну Баргузинских гор, открыл много новых видов растений и животных. Млекопитающих и птиц он изучал с помощью микроскопа, анатомировал рыб и мелких животных, составил описание флоры окрестностей Иркутска. Коллекции он адресовал непосредственно в Петербургскую академию наук.

Узнав об этом, Гмелин распорядился распечатать посылки, сравнил находки Стеллера с изображениями, опубликованными в книгах по естествознанию, настоял на том, чтобы адъюнкт отправлял свои находки в Академию только через него. Он хо-

тел, чтобы Стеллер изменил намеченный маршрут, отправился бы по Лене к Ледовитому океану. Между Стеллером и Гмелином возник конфликт, вызванный тем, что Гмелин как профессор считал себя начальником Стеллера и был недоволен самостоятельными обращениями адъюнкта в Академию. Стеллер же держался не как подчиненный, а независимо и не желал выполнять приказания Гмелина. Профессор и адъюнкт изливали недовольство в обширной переписке [13] и довели свои пререкания до сведения Правительствующего сената и Петербургской академии. Однако, несмотря на это, Гмелин в своей «Флоре Сибири» достойным образом оценил исследования Стеллера [11].

Через Якутск Стеллер прибыл в Охотск, здесь погрузился на корабль «Охотск» и 21 сентября 1740 г. высадился в Большерецке, на западном побережье Камчатки. В течение восьми месяцев он исследовал Камчатку, затем принял предложение В. Беринга участвовать в его путешествии к берегам Америки и 20 марта 1741 г. приехал к нему в Петропавловск. Он заменил больного врача экспедиции. 4 июня корабль Беринга — пакетбот «Святой Петр» — покинул гавань Петропавловска.

Во время путешествия с Берингом Стеллеру удалось совершить много этнографических наблюдений, найти новые виды растений, особенно лекарственных. В октябре 1741 г. произошло кораблекрушение. На острове, названном позднее именем Беринга (Командорские острова), 8 декабря 1741 г. умер капитан-командор. Во время вынужденной зимовки Стеллер путешествовал по острову и составил первое его описание. Он собирал коллекции, анатомировал животных, исследовал морских птиц, моржей, морских львов, но главное — описал редкое животное из отряда сирен — морскую корову (*Phytina stelleri*), вскоре вымершую [15, с. 289—398]. Часто с опасностью для жизни натуралист близко наблюдал жизнь северных животных.

Сорок шесть оставшихся в живых спутников Беринга построили из остатков погибшего пакетбота новое судно и покинули остров 14 августа 1742 г. Через две недели они высадились в Авачинской бухте. Морские офицеры отправились в Охотск, а Стеллер пошел пешком из Петропавловска в Большерецк. Там его считали погибшим и об этом уже сообщили в Петербург. Все его имущество было продано.

Стеллер оставался на Камчатке еще два года. Он пересек полуостров во многих направлениях, снова совершил поездку на о-в Беринга. На Камчатке Стеллер написал отчеты в Академию о результатах своих исследований, обработал дневник своего морского путешествия. В июле начались его изыскания в северной части полуострова. 3 августа 1744 г. Стеллер покинул Камчатку. С собой он вез 16 ящиков с коллекционными предметами. В марте 1745 г. исследователь получил приказ Академии о возвращении в Петербург. Обратный путь лежал

через Иркутск, Томск, Тобольск. На Урале в Соликамске он останавливался у Г. А. Демидова, большого любителя растений, владельца ботанического сада. В Тобольске Стеллер почувствовал недомогание, но не придавал этому значения и продолжал свой путь. В ноябре 1746 г. он умер в Тюмени в возрасте 37 лет.

Стеллер не успел обработать большую часть собранных им материалов, которыми впоследствии воспользовались другие исследователи, в частности С. П. Крашенинников. Среди многочисленных работ Стеллера, выполненных им на Камчатке и по большей части оставшихся в рукописи, для этнографии Сибири особенно интересны созданные в 1742—1743 гг. «Описание всего того, что в морском вояже видеть и наблюдать случилось» и «Гистория Камчатская». Обе работы написаны на немецком языке и были использованы С. П. Крашенинниковым в его печатном труде, опубликованном раньше, чем эти произведения. Представляется необходимым издать сочинения Стеллера по рукописям, хранящимся в Архиве АН СССР с комментариями, тем более что факсимильное издание 1974 г. опубликовано без пояснительных примечаний. «Сибирская флора» И.-Г. Гмелина полна ссылок на неизданные работы адъюнкта, особенно на его «Иркутскую флору», включавшую описание до 1100 растений [16].

Начиная с самых первых дней путешествия, по пути от Москвы до Енисейска, Стеллер в 1737—1738 гг. делал заметки о быте и обычаях населения, перечни и описания растений и животных, собирал материалы по народной медицине. По прибытии в Енисейск он все это отправил в Академию. Присланные им материалы поступили в Конференцию 25 июня 1739 г. [5, с. 557, 25.VI.1739]. Одна из этих рукописей — трактат, посвященный целебным снадобьям и способам лечения, публикуется ниже.

Неудивительно, что Стеллер в Сибири интересовался медициной. Это естественно и для врача, и для путешественника того времени. В XVIII в. вошло в моду изучение лекарственных свойств растений. Об этом свидетельствует, в частности, многотомная «Всеобщая история путешествий». В ней получила широкое освещение народная медицина. Стеллер собирал сведения о полезных дикорастущих травах, о способах лечения болезней и иногда испытывал их на себе. Он подробно описал целебные снадобья, употребляемые русскими и украинцами, живущими в Сибири, а также, что особенно ценно, ненцами, коряками, манси, ительменами, хантами, удмуртами, марийцами, эвенками, юкагирами, татарами, старался отметить все полезное и важное в народных знаниях о природе. Многие растения, упомянутые в трактате, как, например, медуница, плаун, аконит, ромашка, кровохлебка, полынь, коровяк и др., и в наше время принадлежат к известным лекарственным растениям;

о некоторых знали в России еще до XVIII в. [7, с. 136—175]; но Стеллер безусловно явился первооткрывателем многих лекарственных растений Сибири.

Одной из самых распространенных болезней была цинга, но люди в то время редко от нее излечивались. Даже в экспедиции В. Беринга моряки, больные цингой, не склонны были следовать советам Стеллера. Внимательно записывал путешественник сведения о народных средствах от цинги — смолистых отварах, настое хохлатки средней, жимолостном масле.

Полезные знания о лечении цинги, отмеченные Стеллером у малых народов Сибири, интересны в плане сравнительно-историческом; подобные снадобья, приготовленные из растений, например, и позднее употребляли ненцы [6, с. 238].

В трактате указаны средства, улучшающие деятельность сердца (настойка шиповника), противоглистные (отвар папоротника), против кожных заболеваний (отвар аконита, жимолостное масло, кашка из поручейника), противоревматические (трава лютика, корни цикуты). Стеллер считал особенно эффективными средствами при лечении карбункулов и нарывов настои трав, пивные дрожжи.

Однако в практике народной медицины существовали и неверные представления о целительных свойствах того или иного растения. Случалось, что приготовленные из них снадобья были бесполезны, а иногда и опасны. Стеллер уделил много внимания ошибочным и вредным методам лечения, применявшимся местными врачами и знахарями, которые давали детям принимать внутрь порошок медного купороса, поили больных отваром ядовитой чемерицы, отчего многие умирали, опускали больных лихорадкой в холодную воду рек или колодцев. Он упоминал о псевдолекарствах — несуществующих «муравьином» и «водяном» маслах, о печеном луке как средстве от зубной боли, с будто бы целебных свойствах сушеных лягушек, отмечал случаи, когда эти средства помогали; «Стеллер, как правило, не осуждал явные нелепости и ошибки, допущенные невежественными врачами.

Интересно, что подобные заблуждения оказались устойчивыми и сохранялись очень долго. Крестьяне на Волге и в Сибири, по сообщению Стеллера, при переломах глотали медь в виде пылеобразного порошка, что должно было, по их представлению, ускорить срастание костей; в более поздней по времени практике народной медицины (у кетов) при переломах, грыже, опухолях скоблили дужку медных котлов и принимали внутрь полученный медный порошок, считая, что медь «спаивает» кости и рассасывает опухоли [1, с. 227—228].

В трактате много говорится о суевериях и о всевозможных магических средствах. Например, по наблюдениям Стеллера, настоем трав лютика и морозника татары отгоняли злых духов, а русские спасались от дурного глаза; мясо из лошадиного

копыта употреблялось в качестве амулета. Упомянул он и о шуточных обычаях — одурманиваться беленой в бане, поить гостей отваром калины, похожим на простую воду, но вызывающим опьянение, описал трудные роды у марийских женщин. В конце трактата автор повествует о существовавшем у хантов и других сибирских народов обычае есть сырые ядовитые грибы, чтобы вызвать наркотическое состояние.

Судьба Стеллера трагична: одаренный, знающий исследователь, он не находит места на родине, отправляется в чужие края. Он терпит во время путешествий всякие невзгоды, кораблекрушение, но не теряет мужества и работоспособности и совсем молодым умирает. Научные труды его оказались забытыми или утраченными. Стеллер оставил немало исследований и наблюдений, но очень небольшая часть его работ напечатана. То, что вышло в свет при его жизни, ему самому не довелось увидеть. Посмертно было опубликовано еще несколько статей в «*Novi Commentarii*» и «*Neue nordische Beiträge*». Позднее С. П. Крашенинников составил перечень рукописей Стеллера (62 названия). Некоторые из них утеряны, сохранившиеся находятся в Архиве Академии наук СССР. Это работы по ботанике и зоологии, по истории и этнографии Сибири, еще неизвестные историкам науки.

Стеллера справедливо называют одним из крупнейших исследователей Сибири первой половины XVIII в. Необходимо обратиться к изучению его рукописного наследия — ввести в научный оборот его неопубликованные труды.

Трактат Стеллера, публикуемый ниже в нашем переводе с латинского языка, — одна из ранних работ по этнографии Крайнего Севера и Дальнего Востока. Его ценность в том, что он дает представление о рациональных знаниях окружающего растительного мира, которыми уже в те далекие времена располагали народы Сибири; трактат знакомит с приемами и способами лечения, основанными на положительном знании лекарственного воздействия различных растений.

Перечень целебных снадобий,
собранных с 1737 по 1738 год, как простых,
так и сложных, часто применяемых русскими, татарами,
остяками, чулимскими татарами наружно и внутрь
при различных болезнях, а также многих способов лечения ¹

1. В Москве и повсюду в окрестных селах из березовых прутьев, очищенных от листьев и расщепленных, с добавлени-

---

¹ Печатается по копии XVIII в. [3]. Описки в тексте исправлены без оговорок; редакционные дополнения и пояснения даны в квадратных скобках. В этом же деле имеется второй (неполный) список «Перечня» [3; л. 1—7].

ем такой же части наструганных кусочков дерева, называемого по-русски «ясень», помещенных в горшок, готовят способом перегонки с помощью нагревания едкий прозрачный красноватый спирт, которым снаружи натирают члены при цинготно-ревматических болях, называемых «костяная ломь», а также при грыже. Внутрь принимают от сорока до ста капель в течение нескольких дней почти совсем такой же спирт татары. Как стало известно позднее, таким же пользуются выборгские финны.

2. Также вплоть до Нижнего Новгорода из дерева *Xylosteum*² готовится посредством перегонки фильтрованное купоросное³ масло, черное, тяжелое, с сильным запахом. Его употребляют наружно при невоспаленных опухолях, по большей части с хорошим результатом. Внутрь его принимают при лечении французской болезни всех стадий, цинги, чесотки. Во всех названных местностях оно продается в лавках как «жимолистное масло». Это одно из самых ходких русских лекарств.

3. Красная китайская [мазь] «тен-суи» продается в Москве в лавках. Это составное лекарство русских жителей Москвы, которое я до сих пор еще не мог получить, готовят таким же способом, как русские в Сибири настоящую китайскую [мазь]. Они наливают винный спирт в тесто и смазывают им воспаленные места. Это средство очень хвалят.

4. Москвичи готовят из хохлатки средней (*Fumaria bulbosa*), из травы и корней спирт с помощью пивных дрожжей, способом горячего брожения. Им пользуются в народе в весеннее время вместо винного спирта для лечения цинги. Это средство очень советуют.

5. В окрестностях Москвы и Касимова русские из измельченных корней редьки (*Raphanus rusticus*) или хрена (*Armoracia*), превращенных в муку, готовят способом перегонки с помощью нагревания масло, называемое «хреновое масло», его принимают внутрь и наружно с большим успехом при ревматизмах цинготного происхождения.

6. Корни чемерицы (*Veratrum*, или *Elleborum album*) почти все русские в России и Сибири очень хвалят. Кусочки корней глотают в сыром виде, а иногда их добавляют в русский напиток, получаемый посредством брожения (называется «квас»), долго варят в хлебной печи после того, как вынут хлеб, и недобдуманно рискуют, предлагая выпить это питье каким-нибудь больным. В результате от Москвы до Tobольска, как я отме-

---

² Разъяснение латинских названий см. в «Словаре ботанических терминов» в конце статьи.

³ Поскольку купорос содержит незрелые орехи и молодые желуди, жимолостью часто пренебрегают. Я считаю, что этим лекарством не следует пренебрегать, потому что едва ли еще какие-нибудь средства так близки снадобьям, в которые входит ртуть, как фильтрованные масла (примеч. Г.-В. Стеллера).

тил в своем дневнике, пострадало более 60 человек. Некоторые умерли, некоторые заболели неизлечимыми болезнями с тяжелыми симптомами. От этого сильного средства были случаи выкидышей у женщин легкого поведения. Некоторые из них после употребления этого лекарства стали истеричками, у других началась чахотка, третьи умерли молодыми, некоторые получили килу (Hernia), особенно молодые, у некоторых отнялись ноги. Все больные единодушно свидетельствуют, что ощущают сильный запах, боли в паху и в желудке, лишаются чувств, теряют сознание вскоре после того, как съедят корень или выпьют напиток. Обычно это страшное растение собирают в апреле месяце. Его помещают в горшок, ждут, чтобы листья увяли и пожелтели. Тогда, как говорят, корень становится более сильным и действенным. Ни от какого лекарства в России и Сибири не погибло и не пострадало столько людей, как от этого, хотя русские без вреда для себя принимают самые сильные лекарства и могут их переносить.

Сельские сибиряки против трехдневной лихорадки вешают на грудь амулет. Он готовится из мяса, вырезанного из лошадиного копыта. Я узнал об этом смешном средстве от одного военного, который тщетно его употреблял и в конце концов обратился ко мне за помощью.

Русские на Волге готовят способом брожения спирт из цветков шиповника. Его применяют для улучшения деятельности сердца, называют «шиповная водка».

Русские в Якутске, нарезав и сварив корень шиповника, пьют отвар с той же целью. Его употребляют вместо китайского чая, он приводит человека в веселое расположение духа.

Сильная цинга (Scharbock), которая мучает волжан, детей, мальчиков и девочек, нападает на людей как моровое поветрие. Она начинается на лице и на слизистой оболочке. На пальцах, на животе и на ногах появляются зловонные язвы, из них сочится желтый гной, губы краснеют и затвердевают, конечности сгибаются, обезображиваются ужасными опухолями, болезнь продолжается три-четыре года до полного угнетения всего организма. Это своеобразный вид интенсивной цинги. Насколько я мог узнать от окружающих из личного общения и наблюдения симптомов, излечение наступало после широких и часто повторяемых рассечений вен, продолжительного принятия внутрь смолистых отваров, а также в некоторых случаях после употребления отваров дерева сосны и ели. Я наблюдал также, что некоторые применяли терпентинное масло (скипидар).

Крестьяне на Волге и в Сибири лечат переломы костей с помощью липовой коры, называемой «луб». Кора накладывается на палочки, чтобы повязка непосредственно не касалась плеча или голени. Чтобы избежать опухоли и язв, сверху повязки поливают хлебным спиртом, вокруг накладывают липовую кору. Через тринадцать дней больным дают глотать порошкообраз-

ную пыль, получающуюся при скоблении меди, что, по мнению крестьян, способствует быстрому срастанию костей.

Лук, испеченный в золе и затем нарезанный, прикладывают к щеке в той части, где чувствуют зубную боль, держат так долго, как могут терпеть горячее. Те, кто испытали это средство, утверждают, что часто оно тотчас же помогает.

Белену (*Hyoscyamus*) вместе с корнями, листьями и цветками русские в России и в Сибири в банях жгут в печи или в шутку, или из других соображений. Моющиеся в бане от этого впадают на некоторое время в беспамятство или совершают забавные сумасбродства в течение нескольких часов. Русские называют эту траву «белена-трав».

Всевозможные нарывы сибиряки быстро и безопасно побуждают созреть и прорваться. Они применяют повязку, пропитанную пивными дрожжами. Ее накладывают на нарыв. Я считаю, что этим средством не следует пренебрегать, так как оно не лишено смысла. Мучные частицы, окружающие дрожжи, закрывают поры, препятствуют испарению. Это улучшает состояние крови и способствует кровообращению.

Сибиряки в Тобольске в 1736 г. сильно страдали от эпидемии карбункулов. Сначала это поветрие коснулось лошадей, коров, телок, а потом перешло на людей обоего пола и разных возрастов. Внезапно появлялись красные пятна с нестерпимым жжением иногда под подбородком, или под мышками, или на бедре. Через несколько часов опухоль значительно увеличивалась, это сопровождалось сильным жаром. Начиналась лихорадка, обильное потоотделение, головная боль, краснели глаза. Старик крестьянин, знахарь, собрав много разных трав и приготовив их способом, описанным ниже, очень многим быстро и удачно восстановил прежнее здоровье. Василек (*Jacea vulgaris*) или золототысячник (*Centaureum*) с красным цветком, у которого стебель и цветки не развиваются за один год, он собирал, сушил в измельченном виде, смешивал с пивными дрожжами, получая нежную кашу, слегка нагревал и накладывал на карбункул. Больного он укладывал в постель, заставлял пить молоко, рыбий жир, хлебный спирт и одновременно отвар из этой травы, приготовленный вместе с цветками, тщательно ухаживал за ним. Наконец однажды ночью карбункул прорывался, все симптомы болезни ослабевали. На рану он насыпал соль аммония. Некоторое время он охранял больного, не позволяя ни жене, ни детям смотреть на карбункул, пока не вытечет материя. Хотя самому больному после такого лечения этот яд уже не может повредить, болезнь легко может перекинуться на других, как это было в другом случае с одним мальчиком. Он посмотрел на карбункул отца, и через несколько часов у него появилась опухоль под подбородком вместе со всеми другими симптомами, о которых я рассказывал. Мальчика лечили теми же наружными и внутренними средствами. Опухоль постепенно ис-

чезла, и одновременно с частым потоотделением здоровье восстановилось. Вьючный скот, в это же время страдавший от карбункулов, быстро бегал, пока не выбивался из сил, падал на землю и погибал. Однако старик многих животных избавил от карбункулов, в большом количестве подмешивая ту траву к их корму и накладывая на карбункул кашицу, о которой я говорил. Молва об удачном лечении дошла до меня, когда я был в Тобольске. Я слышал об этом от многих, которые излечились подобным способом. Нужно проверить, не были ли примешаны к цветкам замечательного василька-горькуши корни горечавки (*Gentiana*). Тогда снадобье легко должно стать противоядием. Это свойство особенно связано с именем золототысячника (*Gesneris Centaurea*), как если бы он был настоящий древний *Centaureum*. Придает большую достоверность этой лечебной силе, что трава была известна древним и почтена столь знаменитым именем врача Кентавра⁴.

Русские сибиряки в Тобольске обычно накладывают на место французского лишая растолченный корень поручейника (*Cicuta aquatica*), растертый в своего рода кашицу. По моему мнению, это средство заслуживает внимания. Оно отлично очищает кожу и устраняет болезнь. Насколько мне известно из суждения достойного Вепфера⁵ в «Трактате о водяной цикуте»⁶, это надежнейшее средство проверено на практике древними. При внутреннем применении оно оказывает сильнейшее действие, внешнее действие его очень спорно (если, по крайней мере, имеется в виду та же самая трава).

Черемисских [марийских] женщин во время родов в тяжелых случаях подвешивают над печью в центре, в месте, нагреваемом печью снизу, и они обнимают руками балку. Затем собираются соседи, сидят вокруг и ждут появления ребенка. Подвешенная роженица кричит; у этого народа женщинам при родах не дают лекарств, у них нет повивальных бабок.

Ботяки [удмурты] в апреле и мае месяцах отваривают медуницу (*Pulmonaria*) и затем пьют отвар вместе с травой. Траву называют «*Zusni pisni*». Когда возобновляется весна, собирают траву «*Kikinulo*» — *Struthiopteris Thalii*, или *Filicestruthium Ammanni*. Отвар употребляют против глист.

Пермяки на Каме при болях в спине и при ишиасе в бане натирают спину растертыми корнями цикуты. Они предупреж-

---

⁴ В древнегреческой мифологии кентавры — лесные или горные демоны, полулюди, полукони. Местом их поселения считались гористые местности Фессалии. Здесь имеется в виду кентавр Хирон; он почитался как мудрое существо, которому известны целебные травы. Ему приписывалось открытие многих целебных корней и трав, которые по его имени получили названия у древних натуралистов. Стеллер ошибочно называет Хирона врачом.

⁵ Иоганн Якоб Вепфер (Johann Jacob Wepfer, 1620—1695) — швейцарский физик, врач.

⁶ Имеется в виду сочинение И. Я. Вепфера [17].

дают, что нельзя касаться самой середины спины, а то будет хуже. Пермьки называют это «отео».

Плаун (*Lycopodium*) с листьями, как у можжевельника, сибиряки называют «золотуха». Эту траву они варят в воде, отвар употребляют: 1) для изгнания плода, 2) для ускорения правильных родов, 3) для лечения желтухи, 4) для лечения трехдневной лихорадки.

Русские пермяки вместе с сибиряками называют чилибуху (*Nux vomica*) «kitschlipuga». Наскоблив ее, смешивают с водой, кипятят, покрывают [этой массой] тонкое полотно слоем в палец. Детям, страдающим афтами⁷, чилибухой смачивают язык и натирают небо, тогда афты легко исчезают и редко возобновляются. Я несколько раз испытал это на себе, когда у меня были вялая лихорадка и афты. Русские успешно применяют чилибуху для борьбы с волками. Они кладут ее в молоко, свернувшееся молоко помещают в кишку и эту приманку разбрасывают в лесах для уничтожения волков. В Тобольске обычно [больным] дают чилибуху в твердом виде или в форме отвара. Появляется сильная рвота и расстройство желудка, причем и болезнь изгоняется из тела. Я еще не мог достаточно точно определить нужную дозу. Эти орехи покупают у бухарцев и калмыков. Пока мне не удалось узнать, добываются ли они в их землях, или их получают из Индии или из Малабара⁸.

Пермяки и сибиряки больным чесоткой дают пить борец (*Napellus*, или *Aconitum*), который в народе называют «пригрид». После того как из печи вынут хлеб, туда ставят для брожения питье (квас), к которому медленно добавляют борец. Достоин упоминания, что многие неожиданно погибли внезапной смертью от такой амброзии Ахерона⁹. Отсюда видно, как вольничают в этих местах практикующие врачи.

Волос (*wolosok*) — русская болезнь, называется так не по волосу в ране, а по червю, похожему на волос, проникшему в язву, долго не заживающую. Так считают русские. Начинается эта зловердная язва с воспаления, сопровождается жирными, маслянистыми выделениями. Русские обычно принимают для лечения сливочное масло, свиной жир, мазь «тегет». Эта болезнь существовала у древних, она известна под немецким названием ... [неразборчиво]. У крестьян она сегодня встречается тем более редко, чем более ясно современные врачи описывают

⁷ Афты — мелкие серо-желтые язвочки с красной каймой на слизистой оболочке рта.

⁸ Малабар — область в Южной Индии между берегом Аравийского моря (Малабарский берег) и горами Западные Гаты.

⁹ Амброзия — в греческой мифологии «пища богов», здесь в ироническом смысле «адское питье». Ахерон (совр. Фанариотикос) — древнее название реки в эпирской области Феспотии. Считалось, что там находился вход в преисподнюю. Так думали из-за пустынного мрачного вида потока, протекавшего между отвесными, как стены, скалами и часто терявшегося в темных безднах; здесь в смысле «ад».

вред, проистекающий от камышей. Между тем среди русских и сибиряков эта болезнь уже многих свела в могилу. Я видел выздоровевших, они излечились белым мышьяком, я сам тому свидетель.

Практикующие русские врачи вместе с немецкими считают целесообразным присваивать мыльным или слизистым жидкостям, как искусственным, так и природным, со следами масла, например масла тартара¹⁰ (*Oleum Tartari*) или другого, названия различных «масел». Так, русские природные эскулапы обычно мне приносили и предлагали исследовать три «масла», особенно известных в России и Сибири.

Первое называется «муравьиное масло» (*Oleum formicarum*). Это природное масло продается как универсальное средство от всех болезней. Я старался принять участие в этой панацее — не более и не менее как самому найти его. Всеобщее мнение такое: в муравейниках в период праздника Иоанна Крестителя можно найти некую желатину золотистого цвета, очень пахучую, легкорастворимую в любой жидкости. Одного глотка этого раствора довольно, чтобы умирающего возратить к жизни. У подагриков и ревматиков болезнь совершенно искореняется, изнутри и снаружи, со всеми потрохами. Однако различные и противоречивые сообщения русских не внушили мне доверия. У меня создалось впечатление, что об этом деле много говорится такого, что не имеет значения. Предполагаемые владельцы этого чуда, как оказывалось, никогда его не видели и не имели. Известно, что смола пихты, называемая немцами «*Mastichis*», а русскими — «земляной или муравьиный ладан», обычно собирается в муравейниках. Вполне возможно, что русские впоследствии дали этому одно название, а может быть, они приняли это вещество за слизистые рудименты грибов, что, пожалуй, больше похоже на истину. Как бы то ни было, хочу подчеркнуть, поскольку русские в Москве до сих пор не видели этого «муравьиного масла», которое они обычно так торжественно восхваляют, то, по крайней мере, стоит записать историю этого предмета, пока не будет открыт сам предмет и об этом открытии можно будет сообщить нечто определенное.

Второе «масло» называется «водяное». О нем сообщают, что рыбаки близ Козьмодемьянска и Верхотурья, а также Тобольска рыбацкими сетями добывают его из озер. Оно имеет форму овального пузыря, наполненного внутри желтым маслом. Обычно его добывают в июле и в августе месяцах. Это масло используют для лечения воспалений глаз, отечных воспалений ног, им намазывают воспаленные места. Но ни в одном из названных городов я не мог его получить, чтобы подтвердить эти рассказы.

---

¹⁰ Tartar в древнегреческой мифологии — подземное царство, ад. Здесь в другом значении: виннокислый калий, содержащий растительные красители.

Третье масло называется «земляное». Только его видел я в большом количестве. Но найденное вещество отличалось от масла, как масло отличается от воды. Оно произрастает в самых густых и тенистых лесах, где тесно стоят сосны и ели. Его нашел в июне месяце некий пастух. По форме находка напоминала как бы высокую бочку, желтую снаружи, в которой обычно сохраняют трут. Она прямая, цилиндрической формы, закругленной в направлении основы (*exacte cylindrica rotunda, basin versus subrotunda*), без ножек, до половины покрыта мхом. Пастух обошел ее вокруг, заметил, что почти половина ее возвышалась над мхом. Внутри была желатина с земляным вкусом, цветом и консистенцией очень похожая на яичный белок, запахом напоминающая запах рыбы. Этот предмет, который пастух назвал желатиной в виде бочки, русские называют «земляное масло» (*Oleum terrestre*); его собирают пастухи, желатину они помещают в банку. Через несколько дней она превращается в прозрачную воду с несколько неприятным запахом. По желанию ее пьют или намазывают ею те части тела, которые болят, причем не имеют в виду какую-нибудь определенную болезнь. Однако говорят, что ни от какой болезни это лекарство так не помогает, как от покраснения глаз, от отечных опухолей, при этих болезнях его всегда употребляют.

Лютик дубравный (*Ranunculus nemorosus*) с белым цветком, по-русски называемый «белый цвет», обычно применяют в различных случаях.

Во-первых, им пользуются при потертостях кожи, накладывают на места, где есть покраснения и пузыри. Во-вторых, при ишиасе в бане травой, растертой вместе с листьями, сильно натирают спину. Больные говорят, что никакое другое лекарство так не помогает; вся кожа, покрытая пузырями, начинает болеть меньше, чем раньше. Однако выздоровление задерживают оставшиеся язвы, заметно уплотненные. Жгучая, едкая водянистая жидкость, вытекающая из язв, превращает всю спину в одну рану, очень болезненную. Такое действие следует приписывать не трению, произведенному травой, но тому, что тело в бане распаривается настолько, что, когда человек выходит из бани, он бывает весь красный и чувствует изнеможение. Это сильно задерживает выздоровление.

В-третьих, один человек, прискакавший на лошади из Верхотурья, случайно съев пять или шесть травинок, собранных в пути, по прошествии полутора часов почувствовал такие сильные боли в желудке, что не смог больше сидеть на лошади. Он умолял меня о помощи, рассказав, что поел этой травы. Я дал ему кусок хлеба, намазанного сливочным маслом, и глоток водки. У него началось сильное расстройство желудка с кровавыми выделениями. Это подтвердило полную достоверность того, что таково действие той красноватой травы.

Очиток (*Sedum*) с листьями, как у розмарина, русские си-

биряки обычно разбрасывают для уничтожения и для отпугивания клопов. Предварительно они плотно закрывают окна и все отдушины, затем сжигают траву; свод печи оставляют [открытым] на два или три дня. Возвратясь, очищают помещение от мертвых и оцепенелых клопов и на год остаются спасенными от их укусов. По прошествии года это окуривание рекомендуется повторить. Траву на их языке называют «багуляк».

Медный купорос (*Vitriolum Cuprium*), в форме порошка подмешанный к молоку, русские сибиряки обычно дают детям, которым исполнилось только несколько месяцев; они убеждены, что последовавшая за этим сильная рвота избавит детей от кашля, затрудненности дыхания, от чрезмерного скопления слизи.

Заячья капуста *Telephium*, или *Fabaria* (различия видов не существует), у русских называется «скрипун», употребляется главным образом в следующих случаях:

1. Растолченное растение прикладывают при вывихах, говорят, что это очень помогает.

2. Свежее растение, удалив корень, растирают, заливают сверху кипятком, добавляют пивные дрожжи, готовят из него спирт таким же образом, как хлебный спирт. Народ его употребляет как простую водку для питья и как лекарство от многих внутренних и наружных болезней.

Русские сибиряки настаивают простую водку на цветках обыкновенного тысячелистника (*Millefolium vulgare*) и повторяют перегонку. Они уверяют, что при этом спирта становится больше, он приобретает аромат, а кроме того — красивый сапфирно-голубой цвет. Сам я не пробовал это делать, но достойный господин Хофман¹¹ в своих химических наблюдениях это подтверждает. Он пишет, что из этой травы получается масло красивого голубого цвета. Едва ли стоит сомневаться в том, что из цветков ромашки (*Chamomilla*) можно получать спирт такого же цвета. Украинцы окрашивают водку в красивый голубой цвет, применяя таким же способом корневища кровохлебки большой (*Sanguisorba major*), называемой «петринец». Однако этот опыт, повторенный в Сибири, чаще всего оказывался неудачным, голубой спирт не получался. Следует сделать вывод, что украинская кровохлебка — это другой вид, отличающийся от обыкновенной, растущей в Сибири.

Зрелые красные ягоды калины обыкновенной с простым белым цветком (*Opulum guellium*) русские сибиряки употребляют для забавного опыта. Они берут зрелые плоды, помещают их в новый горшок, добавляют сахар, по вкусу наливают спирт,

---

¹¹ Фридрих Хофман (Friedrich Hoffmann, 1660—1742), профессор медицины университета в Галле; стал применять для лечения смесь эфира и спирта («гофманские капли») и «гофманскую воду великодушия», получаемую перегонкой муравьев с винным спиртом. Стеллер учился у Хофмана в Галле в университете.

а лучше водку, горшок закрывают крышкой и сверху обмазывают тестом, чтобы не было испарения, держат в печи так долго, пока не станет очевидным, что вся краснота из ягод извлечена и они стали наподобие белого воска совсем белоснежными. Из ягод извлекают жидкость, лишенную вкуса и запаха, очень похожую на простую воду, но обладающую силой опьянения, безвредную. К этой горячей жидкости добавляют чай, китайскую траву. Этот напиток они предлагают тем, которые отказываются пить спирт и пьянствовать, делают их своими товарищами. Сами того не сознавая, люди неосторожно напиваются допьяна. Эту жидкость примешивают к пиву и другим напиткам, которые готовят украинцы. К браге или пиву, недавно сваренному и перебродившему в большом сосуде, они добавляют бутылку нагретой водки, после сосуд закрывают крышкой; вся сила водки переходит в брагу или пиво, пока в бутылке не останется только немного закваски, больше ничего.

Прострел (*Pulsatilla*) с анемоновидными листьями и оранжевым цветком сибиряки, растерев, кладут на ночь на любую часть тела и таким образом лечат пузыри и язвы. Это у них, кроме того, является средством, ничего не боясь, вызывать болезнь и таким образом уклоняться от военной или другой службы. Они, сделав себе рану, берут несоленое сливочное масло, смешивают с желтым воском и накладывают на раненое место. Намазавшись так, они остаются два или даже три дня и затем полностью выздоравливают. Русские называют это растение «ветреница».

Сибирский адонис (*Ranunculus foliis ferulaceis*) вместе с корнем морозника черного (*Helleborus niger*) и цветком пупавки красильной (*Buphtalmum*) татары, живущие близ Тюмени, бросают на угли, следуя Корану, для того чтобы отгонять духа или дьявола болезни. Они делают это и когда здоровы, и когда болеют. А русские сибиряки, называющие это растение «стародубка», отвар его пьют как универсальное средство при любых заболеваниях. Они говорят, что это лекарство особенно помогает от дурного глаза.

Не только русские, но и татары и калмыки считают клубни ятрышника (*Orchis*) сильным возбуждающим средством. Особенно это относится к калмыкам. Вообще они ... склонны обманывать, многое скрывают, а затем высмеивают других, как меньше знающих о природе, чем они. Описывая это удивительное растение и множество его чудесных свойств, они допускают бесстыдные преувеличения и насмешки и словно устраивают слушателю экзамен, как это было со мной в Томске.

Кипрей (*Chamaenerion speciosum*) русские, живущие на берегах Лены, в Иркутске и дальше, называют «кипри». Приготавливая из этой травы питье способом брожения, они собирают большое количество ее, когда она достаточно вырастет, вынимают из стеблей сердцевину, заливают эту сердцевину кипят-

ком, варят, затем ставят на печь недалеко от огня, чтобы смесь быстрее упрела; полученный напиток отличается кислосладким вкусом. Его пьют вместо простого, приготовленного из муки, и очень хвалят его вкус.

Рогульник (*Tribuloides vulgaris*), растущий в воде, русские называют «рогулик». Русское население Томска и чулимские татары измельченные плоды его заливают горячей водой и пьют при спазматических болях и при простуде. Татары называют его «аршанге».

Бобровую струю (*Lac castoris*) ¹² остяки [ханты] употребляют для лечения маленьких детей. Ею намазывают опухоли кожи. Опухоль исчезает. От остяков этому научились и русские, живущие по берегам Оби. Они уверяют, что успешно лечат опухоли кожи у детей, называемые «грыжа».

Речных лягушек чулимские татары сушат, выставив на открытый воздух и ветер, затем растирают их в порошок и посыпают раны, при внутренних повреждениях и разрывах, при кровохаркании лягушек обычно варят и пьют полученный отвар.

Русские, живущие в Томске, больных острой лихорадкой летом опускают в ужасно холодные колодцы, а зимой раздевают догола и опускают под лед, остудив как можно больше, вынимают, завертывают в полотно и кладут в постель. Больного покрывают многими одеялами, он потеет и через несколько дней освобождается от лихорадки. Большинству врачей этот способ лечения, вероятно, покажется совершенно неверным и глупым, тем не менее факты таковы, что, как правило, больные без особой потери сил излечиваются от болезни. Сам я, однако, отказался испытать на себе это крещение в реке.

Другой способ лечения острой лихорадки, применяемый жителями Томска, состоит в том, что больного ведут в баню, где он должен хорошо пропотеть, сильно натирают ему все тело очень холодными солеными огурцами, затем снова кладут в постель, ничуть не сомневаясь, что он скоро выздоровеет.

Остяки при каких-нибудь ранениях способны принести раненому только одно облегчение: собираются его родственники и просят у русских свиные кости. Наскобленными костями они посыпают рану. Я сам был свидетелем, что в удачном исходе этого лечения они никому не признавались.

Черемуха (*Cerasus racemosa*, или *Padus theophrasti*) доставляет русским, а также всем татарским народам различную пищу и напитки. Русские, особенно жители Томска, отлично умеют сушить эти ягоды в печи. Сушеную черемуху они предлагают гостям в виде десерта, ее разгрызают зубами вместе с косточками и глотают. Свежие ягоды черемухи — любимое лакомство у русских, а также и у татарских племен. Даже у мед-

¹² Бобровая струя — долго употреблявшееся в медицине название выделений некоторых желез бобра; желто-бурая, похожая на мазь легкорастираемая масса.

ведей этим летом из-за ягод от реки Оби до Чулима возникали кровавые побоища, поскольку и они употребляют эти ягоды в пищу. Люди пекут в печи пироги с черемухой, а иногда толкут свежие ягоды, наполняют ими бочку до половины, заливают кипятком, потом ставят в кладовую, закрывают и там хранят до тех пор, пока вся краска не перейдет в воду и вода не приобретет цвет красного вина. Этот напиток, слив, отделяют от ягод. Его предлагают гостям вместо красного вина. Нелегко отличить его от вин дешевой марки.

Крыжовник без колючек с большими черными ягодами, обильно растущий по берегам рек Иртыша, Оби и Томи, представляет другую замену винограда русским сибирякам и татарским племенам вместе с медведями. Люди готовят из него напитки трех видов.

Первый и второй готовятся почти одинаково, разница в том, что во второй добавляется мед, поэтому он вкуснее первого. В третий добавляется водка, или выжатый сок смешивается с водкой. Эти напитки употребляют вместо вина в праздничные дни, при произнесении обетов; их пьют с благоговением.

Ягоды брусники ([*Vaccinium*] *vitis idaea*) готовят таким же образом. Подмороженные ягоды рябины обыкновенной (*Sorbus aucuparia*) как во всей России, так и в Сибири населением употребляются в виде десерта. Жители Томска из растолченных ягод, с прибавлением кипятка и с помощью пивных дрожжей, готовят спирт, более сильный, чем хлебное вино, и довольно приятный на вкус. Однако белому вину отдают предпочтение, поскольку сами ягоды рябины обладают вяжущим свойством.

Борщевик (*Spondylium*) в не меньшей мере употребляется русскими. В начале весны его нежные листья варят с мясом вместо капусты. Такой обычай существует и на Украине. Стебли взрослых растений сибиряки собирают отдельно, нарезают, заливают кипятком и заквашивают. Затем сваренные стебли едят, а рассол крестьяне пьют. В некоторых местностях Сибири из него в большом количестве готовят простой спирт следующим образом. Листья и стебли борщевика нарезают, наполняют ими бочку на четыре пальца, насыпают туда муки на один палец и оставляют бродить, пока бочка не станет полной, к этому месиву прибавляют кипятка, два или три кусочка хлебных дрожжей, затем все перемешивают, через два дня производят перегонку. Если нет специального прибора, его можно заменить двумя горшками, поставленными один на другой, и цилиндрической трубкой от ствола бомбарды¹³.

---

¹³ Бомбарда — один из первых образцов артиллерийских орудий. Изготавливалась из кованых железных полос, стянутых железными кольцами. Дальность стрельбы была 400—500 шагов.

Минерал, называемый «каменное масло»¹⁴, описание которого я включил отдельно в перечень минералов, повсюду в Сибири ценится очень высоко. Его дают роженицам, чтобы остановить чрезмерное течение крови или выделений, грудным детям, чтобы вызвать рвоту, после чего у детей дыхание становится более свободным, прекращается кашель; его применяют также для лечения гонорей. Никакое другое лекарство не применяется столь часто, как это. Врачи говорят об этом минерале, что он имеет такое же значение для лечения болезней, как квасцы, *Sacchar saturni*¹⁵ и медный купорос.

Русские, живущие от Вятки до Енисея, переняли от черемисов, вотяков, казанских татар, вогулов [манси], остяков и томских татар «моксу». Это самое известное и самое древнее средство у всех татарских народов. Все готовят моксу из сушеных листьев полыни (*Artemisia*), а некоторые — из листьев василька-горькуши (*Jacea*), другие — из листьев коровяка (*Verbascum*). При этом сушеные листья обычно трут обеими руками до тех пор, пока не будут отделены и сдuty мясистые порошкообразные частицы травы и останется только пух. Этот пух в виде дымки легко прикрепляют к больному месту с помощью слюны при всяких болезнях, при этом испытывают сильное воспаление кожи. Не удовлетворяясь однократным накладыванием моксы, повторяют это до тридцати раз. Говорят, что предвестником скорого выздоровления является воспламенение моксы от эластичного движения кожи. Быстро, со свистом поднявшись вверх, отделяясь от кожи сама собой, мокса падает на землю. Однако у этих племен не принято при ранениях накладывать моксу руками непосредственно на артерии. Раны они смазывают или несоленым сливочным маслом, или каким-нибудь рыбьим жиром и больше не применяют никаких других лекарств, ждут, когда повязка отвалится сама собой. На своем языке они называют это «жабни ядки». Я наблюдал, проверив состояние многих людей, отмеченных этим знаком [повязкой] и собрав истории болезней, что применение моксы никогда не бывает безвредным. Спрашивал у цинготных, после окончания лечения, и тех, которые лечились от спазм, от ран, от укусов. Они накладывали повязки то на одно, то на другое место. Улучшения не было, они страдали еще больше. У тех, которые накладывали новые повязки тридцать и более раз, поврежденные части тела обжигались. Несколько раз, как я видел, дело дошло до того, что люди становились похожими на высохшее дерево и не могли двигать руками и ногами. Нервы у них частично повредились, однажды сократившись, они уже не могли принять прежнее положение. Поэтому загнившие язвы только с большим трудом начинали заживать. Места, которые долго под-

¹⁴ Каменное масло, каменноугольное, или горное масло — деготь.

¹⁵ *Sacchar saturni* — сахар свинцовый, уксусно-свинцовая соль.

вергались прижиганиям, оказались поврежденными. В тех случаях, когда я наблюдал выздоровление, оказывалось, что под влиянием этого лекарства излечивались болезни, начавшиеся от внезапного застоя крови или от запоров. Итак, это быстродействующее испытанное лекарство помогает при зубной боли, болезнях ушей, покраснении глаз, при нарывах, возникших самопроизвольно, при ишиасе и других подобных болезнях.

Остяки, живущие на берегах Иртыша и его притоков, вместе с самоедами [ненцами], юкагирами, ламутами [эвенами] и камчадалами [итильменами], и с остальными языческими племенами, главное достояние которых — табак и водка, употребляют грибы, уничтожающие мух, называемые по-русски «мухомор». Они едят их не потому, что эти грибы вкусны, следовательно, не для удовольствия, а потому, что тогда впадают в состояние глубокого опьянения, становятся помешанными, безумными, склонными и расположенными ко всяким глупейшим фантазиям. Я узнал об этом не только из рассказов остяков, но видел это на практике. По бедности они не могут удовлетворять свои неразумные стремления с помощью водки, у них нет возможностей постоянно ее приобретать, они заменили ее грибом, убивающим мух. Люди разного пола и возраста, договорившись между собой, собираются вдвоем, втроем, вчетвером или в большем числе, чтобы провести несколько дней в состоянии как бы опьянения. Они совершают странные поступки, прыгают и поют. С этой целью они сознательно съедают один, два, три или даже до четырех мухоморов в сыром виде, без всякой предварительной обработки, шляпки вместе с ножками и приставшими к ним комьями земли, запивают холодной водой из реки. Едва пройдет полчаса, они начинают шататься, дрожать, становятся словно пьяные или безумные. Они не могут ходить и твердо стоять на каком-нибудь месте, падают на землю или в юрте, или вне ее. Сначала они, как правило, впадают в помешательство, ложатся на спину, задрав вверх ноги, непрерывно дергаются и трясутся, затем начинают смеяться, или предсказывать будущее, или петь всякие нестройные песни. Лица у них радостные, они чувствуют себя свободно. Широко раскрытыми глазами смотрят они на окружающих. Они уверяют, что видят не только прекраснейшие местности, луга, деревья и подобное, но и изящнейших дев и всевозможные украшения и приятные предметы. Вслед за тем им слышится сладчайшее пение птиц и отличная игра на музыкальных инструментах. Им кажется, что их тело сильно увеличивается в размерах, достигая сажени в диаметре и трех или более в высоту, и они очень радуются этому. Опьянение продолжается около пяти часов, потом они неохотно встают на ноги. Они идут смешными шагами, с надменным и хвастливым видом, выступают важно, оглядывая стоящих вокруг соседей. Начинается необычное хвастовство, они хвалятся богатством, силой, всякими выдающимися

ся свойствами. Об этом они поют, сопровождая пение игрой на инструменте «тумбра», который русские называют «гудок». Это усиливает звучание их голосов. Все время оглядываются они на зрителей, воображая, что вызывают всеобщее восхищение. Затем последующей ночью они блуждают вокруг, оглашая криками соседние леса, не спят, ведут продолжительные беседы, доходя до одурения. Постепенно приходя в себя, становятся более обходительными. Из особой вежливости они пришли ко мне и очень некстати угощали меня этой манной пророческой. Я же, однако, не решился отведать этого страшного гриба.

После того как опьянение у них окончательно рассеялось, через 24 часа они снова, в третий или четвертый раз приняли эту фантастическую пищу. Русским, из любопытства поевшим этого гриба, казалось, что они вознеслись на небо и находятся среди ангелов и святых. Не все остяки, впрочем, ели эти грибы безнаказанно, некоторые до самой смерти остались помешанными и вскоре умерли, у других безумие достигло такой степени, что они сами ранили себя ножами. Они рассекали себе живот и погибали, бросаясь в волны. Не помогало и средство, которое советовали применять более осторожные. Оно состояло в том, что в продолжение праздничного безумства запрещалось сходить с женщинами. Говорили, что в противном случае люди до самой смерти останутся безумными или умрут сразу, если разум их не удержит от таких связей. Прежде чем эти племена стали принимать христианство, потребление этих грибов всегда было священной пищей шаманов-фанатиков перед тем, как они начинали камлание. С тем большим бесстыдством могли они тогда обманывать народ. Мне достоверно сообщили, что юкагиры приписывают этому грибу большую силу, причем один человек должен, поев гриба, запивать его мочой другого, другой — третьего и так до десяти. Считается, что моча обладает свойством опьянения. [У людей, находящихся] в состоянии безумия, я не мог заметить ускорения пульса или какого-нибудь признака возбуждения крови. По-видимому, этот яд оказывает действие более на нервы, поскольку после потребления гриба нервы расшатываются; старики, как правило, начинают непрерывно дрожать и впадают в совершенное слабоумие, становятся подобными скотам, это наступает у всех в возрасте около 40 и 50 лет.

Словарь ботанических терминов

Aconitum см. *Napellus*.

Armoracia — хрен обыкновенный (*Armoracia rusticana* Gaertn., или *Cochlearia armoracia* L.), многолетнее травянистое растение из сем. крестоцветных (*Cruciferae*).

Artemisia — полынь обыкновенная, чернобыльник (*Artemisia vulgaris*), многолетнее травянистое растение из сем. сложноцветных (*Compositae*).

- Buphtalmum* — пупавка красильная (*Anthemis tinctoria* L.), однолетнее растение из сем. сложноцветных (Compositae).
- Centaureum* — золототысячник зонтичный (*Centaureum umbellatum*), однолетнее или двухлетнее травянистое растение из сем. горечавковых (Gentianaceae).
- Cerasus racemosa*, или *Padus theophrasti*, — черемуха обыкновенная (*Prunus padus* L.), дерево из сем. розанных (Rosaceae).
- Chamaenerion speciosum* — кипрей узколистный, иван-чай (*Chamaenerion angustifolium*), многолетнее травянистое медоносное растение из сем. кипрейных (Onagraceae).
- Chamomilla* — ромашка лекарственная (*Matricaria chamomilla* L.), лекарственное растение из сем. сложноцветных (Compositae).
- Cicuta aquatica* — поручейник сизаровидный (*Sium sisarifolium*), растение из сем. зонтичных (Umbelliferae).
- Elleborum* см. *Veratrum*
- Fabaria* см. *Telephium*
- Filicacrum Ammani*, или *Struthiopteris*, — чистотел, осмунда (*Osmunda struthiopteris* L. = *Filicacrum septentrionale et palustre*), папоротник из сем. чистотеловых (Osmundaceae).
- Fumaria bulbosa* — хохлатка средняя [*Corydalis intermedia* (L.)], мелкое однолетнее травянистое растение из сем. дымяноквых (Fumariaceae).
- Gentiana* — горечавка крестообразная (*Gentiana cruciata* L.), многолетнее травянистое растение из сем. горечавковых (Gentianaceae).
- Helleborus niger* — морозник черный, многолетнее ядовитое травянистое медоносное растение из сем. лютиковых (Ranunculaceae).
- Hyoscyamus* — белена черная (*Hyoscyamus niger* L.) — двухлетнее или однолетнее травянистое растение из сем. пасленовых (Solanaceae).
- Jacea vulgaris* (*Centaurea jacea* L.) — василек, растение из сем. сложноцветных (Compositae).
- Lycopodium* — плаун булавовидный (*Lycopodium clavatum*), споровое (относящееся к папоротникообразным растениям) многолетнее растение из сем. плауновых (Lycopodiaceae).
- Millefolium vulgare* — тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.), растение из сем. сложноцветных (Compositae).
- Napellus*, или *Aconitum*, — борец, аконит аптечный (*Aconitum napellus*), травянистое многолетнее растение сем. лютиковых (Ranunculaceae).
- Nux vomica* — чилибуха, рвотный орех (*Strychnos nux vomica*), небольшое дерево из сем. логанцевых (Loganiaceae), распространено в тропиках, содержит ядовитые алкалоиды.
- Opulum ruellium* — калина обыкновенная (*Viburnum opulus* L.), кустарник из сем. жимолостных (Caprifoliaceae).
- Orchis* — ятрышник, род многолетних травянистых растений из сем. орхидных (Orchidaceae).
- Padus* см. *Cerasus*
- Pulmonaria* — медунца лекарственная (*Pulmonaria officinalis*), многолетнее травянистое растение из сем. бурачниковых (Boraginaceae).
- Pulsatilla* — прострел (*Pulsatilla vulgaris* = *Anemone pulsatilla*), многолетнее травянистое растение из сем. лютиковых (Ranunculaceae).
- Ranunculus foliis ferulaceis* — стародубка, адонис сибирский (*Adonis sibirica*), вид растений из сем. лютиковых (Ranunculaceae).
- Ranunculus nemorosus* — лютик дубравный, травянистое растение сем. лютиковых (Ranunculaceae).
- Raphanus rusticanus* — редька огородная (*Raphanus sativus* L.), культивируемое двухлетнее растение из сем. крестоцветных (Cruciferae).
- Sanguisorba major* — очевидно, кровохлебка аптечная (*Sanguisorba officinalis* L.), многолетнее травянистое растение из сем. розанных (Rosaceae).
- Sedum* — очиток, род многолетних травянистых растений из сем. толстянковых (Crassulaceae).
- Sorbus aucuparia* — рябина обыкновенная (*Sorbus aucuparia* L., *Pirus aucuparia* Gaertn.), дерево из сем. розанных (Rosaceae).

Spondylium — борщевик обыкновенный, вариант сибирский (*Heracleum spondylium* L., var. *sibiricum*), растение из сем. зонтичных (*Umbelliferae*).
Struthiopteris см. *Filicastrum*.
Telephium, *Fabaria* — заячья капуста, скрипун (*Sedum telephium* L.), вид растений из сем. толстяковых (*Crassulaceae*).
Tribuloides vulgaris — рогульник (*Trapa natans* L.), водяной орех, чилим, растение из сем. водяных орехов (*Hydrocharaceae*).
Veratrum, или *Elleborum album*, — чемерица Лобеля (*Veratrum lobellianum*), двухлетнее травянистое растение из сем. лилейных (*Liliaceae*). Виды чемерицы ядовиты, в корневищах этих растений содержатся ядовитые алкалоиды. Чемерица применяется как антипаразитарное средство.
Verbascum — коровяк скипетровидный (*Verbascum thapsiforme* Schrad.), двухлетнее травянистое растение из сем. норичниковых (*Scrophulariaceae*).
Xylosteum — жимолость пушистая (*Lonicera xylosteum* L.), кустарник из сем. жимолостных (*Caprifoliaceae*). Ягоды вызывают рвоту. Описана К. Ф. Ледбуром (C. F. Ledebour. *Flora Altaica*. Т. 1—4. Berolini, 1829—1883).

Литература

1. Алексеев Е. А. Народные знания кетов. — Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974, с. 218—230.
2. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. XVIII век (первая половина). М.—Л., 1965.
3. Архив Академии наук СССР. Ленинградское отделение. Р. I, оп. 104, № 18, л. 8—18.
4. Пекарский П. П. История императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1870.
5. Протоколы заседаний конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 год. Том. I. 1725—1743. СПб., 1897.
6. Хомич Л. В. Материалы по народным знаниям ненцев. — Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974, с. 231—238.
7. Щербакова А. А. Развитие ботанических знаний в России до XVIII века. — «Труды Института истории естествознания и техники АН СССР». Т. 36, вып. 8, 1961.
8. Beck H. Einführung. — G. W. Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Reise von Kamtschatka nach Amerika. Ausführliche Beschreibung von sonderbaren Meerthieren. Unveränderte Neudrucke der 1774 in Frankfurt, 1793 in St.-Petersburg und 1753 in Halle erstmals erschienen Werke. Stuttgart, 1974.
9. Deutsche Allgemeine Biographie. Bd 36. Lpz., 1893.
10. Dictionary of Scientific Biography. Vol. XIII. N. Y., 1976.
11. Gmelin J. G. *Flora Sibirica*. Т. 1—4. Petropoli, 1747—1769.
12. *Musei imperialis Petropolitani Catalogus*. Vol. 1. P. 2. SPb., 1745.
13. См. Plieninger G. H. T. *Johannis Georgii Gmelini... Reliquias quae supersunt commercii epistolici cum... Guiljemo Stellero et al... Stuttgartiae*, 1861.
14. Stejneger L. Georg Wilhelm Steller. The Pioneer of Alaskan Natural History. Cambridge (Mass.), 1936 (с библиографией).
15. Steller G. W. *De bestiis marinis*. — *Novi Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae*. Vol. 2, 1751.
16. Steller G. W. *Flora Irkutensis*. — *ЛО ААН*, р. I, оп. 104, № 4, л. 1—80.
17. Wepfer I.-J. *Cicutae aquaticae historia et noxae commentario illustratae*. Basel, 1679.

Ю. В. Маретин

**РАБОТЫ Н. И. ЗИБЕРА ПО ИНДОНЕЗИИ
И ЗНАЧЕНИЕ ИХ ДЛЯ ЭТНОЛОГИИ**

В мартовской книжке петербургского журнала «Отечественные записки» за 1881 г. появилась большая и не совсем обычная для этого, в первую очередь литературного, издания статья «Община и государство в Нидерландской Индии» [7]. В том же, 1881 г. и в последующие три года в разных периодических изданиях России была опубликована серия статей по проблемам, находящимся на стыке этнологии, экономики и социологии, в которых был широко использован индонезийский материал. В 1883 г. появилась монография «Очерки первобытной экономической культуры», написанная двумя годами ранее¹, труд, где также широко привлекались данные по Индонезии и народам Тихоокеанского бассейна [10].

Автором этих работ, многие из которых не потеряли своего значения в наши дни, был Николай Иванович Зибер — выдающийся российский экономист и этнограф, один из первых пропагандистов марксизма в России, активно публиковавшийся во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов. Он родился 10 (22) марта 1844 г. на Украине (отец — швейцарец, мать — дочь француза и русской). Блестяще закончив курс юридического факультета Киевского университета, он в 1871 г. защитил магистерскую диссертацию, которая называлась «Теория ценностей и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями» [6]. Эта работа была высоко оценена К. Марксом².

В 1873 г. Н. И. Зибер был избран доцентом на кафедру политэкономии Киевского университета, а затем и профессором. В знак протеста против университетской политики царизма он

---

¹ Предисловие к книге датировано 6 (18) октября 1881 г. [15, т. 2, с. 9]. Напомним, что незадолго до этого вышла книга Л. Моргана «Древнее общество» [46], а в 1884 г. труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [2], ставшие эпохой в изучении первобытности.

² См., например, [1, с. 372]. Зибер позднее дополнил и переработал диссертацию, издав ее под несколько измененным названием [13; см. также 15, т. 1].

подал в 1875 г. в отставку и уехал за границу, откуда постоянно посылал в русские журналы свои статьи по различным проблемам политэкономии, социологии, первобытного общества, статистике и др. [33, с. 370]³. В 1882 г. он издал в своем прекрасном переводе сочинения Д. Рикардо [34], которым широко пользовались марксисты на протяжении не одного десятилетия.

Круг литературы, им использованный, поражает своим разнообразием; нередко обращался он и к этнографическим материалам по народам Индонезии и Океании. Его биограф Л. М. Клейнборт пишет: «...и как теоретик, и как историк экономического быта, Зибер выступал вооруженный такой эрудицией, какой едва ли кто-либо из марксистов... превосходил его» — и продолжает далее: «Ясно, какую значительную силу имел марксизм в лице этого первого ученика Маркса еще в семидесятые годы» [17, с. 8]. А выдающийся русский публицист и социолог Н. К. Михайловский, отличавшийся сам обширными знаниями в разных областях науки и культуры, вспоминал: «...Зибер был действительно серьезный ученый, и уже ни в каком случае не стал бы я с ним меряться знаниями, слишком бы это было для меня невыгодно» [28, с. 189].

В 1884 г. Зибер вернулся в Россию, но неизлечимо больным (тяжелое заболевание центральной нервной системы) и умер 24 апреля (10 мая) 1888 г. в Ялте. Сказались чрезвычайные перегрузки в работе, возможно усугубленные особенностями его натуры. По отзывам знавших его друзей и коллег, он был, как сказал известный историк литературы Д. Н. Овсянко-Куликовский, «натурой этико-нормативного уклада», «основная черта которой,— добавил Л. М. Клейнборт,— неуклонная моральная требовательность, психологическая невозможность воздержаться от высказывания „правды в глаза“» [17, с. 23]. А его учитель правоведения проф. А. В. Романович-Славатинский писал: «Это была натура нервная, глубоко впечатлительная, с которой не всегда мог справиться его уравновешенный, довольно положительный ум. Он как-то трепетно и лихорадочно относился к явлениям жизни и к вопросам науки, представлявшейся ему царственной богиней... Чистокровный идеалист, он не способен был ни к какой сделке и компромиссу» [35; см. также 33, с. 334].

Не останавливаясь на экономических воззрениях Зибера, ибо эта тема лежит за пределами данной статьи, отметим лишь, что он очень много сделал для популяризации идей Маркса в России. Начиная с 1871 года именно Зибер выступил с активной пропагандой марксизма в России. В 1880—1881 гг. Зибер неоднократно встречался с Марксом и Энгельсом, бывая в лондонской квартире Маркса [4, с. 174—175]. Николай Ивано-

³ Это были такие известные русские журналы, как «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Знание», «Слово», «Юридический вестник» и др., из газет он чаще всего публиковался в «Русских ведомостях».

вич Зибер опубликовал в русских журналах серию статей, пропагандировавших экономическое учение Маркса. Практически все революционные кружки в России во второй половине 70-х — начале 80-х годов знакомились с трудами основоположников марксизма по работам Зибера и затем изучали оригиналы. Труды Зибера оказали влияние на Г. В. Плеханова, Д. Благоева, Н. Е. Федосеева и др.

Как экономические воззрения самого Зибера, так и его роль в распространении марксизма в России неоднократно и вполне удовлетворительно освещались в советской научной литературе⁴. Отмечая его выдающиеся заслуги в этой области, следует в то же время иметь в виду, что Зибер не усвоил революционной сущности экономического учения Маркса. Считая это учение самой совершенной теорией своего времени, он в то же время рассматривал «теорию стоимости Маркса как естественную эволюцию теории Рикардо», не видя классового различия между ними [22, с. 686]. Будучи «первым в России последователем теории исторического материализма», пропагандистом «нового учения» [5, с. 173, 178], Зибер не овладел им вполне, не овладел марксистской диалектикой социальной революции. В российских условиях 60-х — начала 80-х годов он не увидел революционного класса — пролетариата, не осознал его роли в мировой истории (хотя, по свидетельству современников, именно Зиберу принадлежит фраза: «Пока мужик не выварится в фабричном котле, ничего у нас путного не будет», сказанная им народнику Н. К. Михайловскому) (цит. по [17, с. 7; см. также 33, с. 340, примеч. 1]).

Характеризуя того или иного деятеля науки или культуры, особенно прогрессивного направления, несомненно, более целесообразно отмечать, что нового дал он, чем стремиться отыскивать, что он не дал. Именно так подходили к Н. И. Зиберу и К. Маркс, и В. И. Ленин, многократно использовавший работы Зибера и ссылавшийся на них в своих трудах (см., например, [3, с. 156, 168, 172, 179—181]).

Весьма велик вклад Зибера в изучение истории человечества на доклассовой и раннеклассовой стадиях его развития. Этот вклад признается многими советскими учеными [18; 19; 24 и др.]. Особенно тепло отзывается о Зибере виднейший советский этнограф проф. С. А. Токарев [37, с. 354—356; 32, с. 645].

Касааясь теоретико-методологического подхода Зибера к изучению истории народов, необходимо отметить следующее. Он был горячим сторонником сравнительно-исторического метода исследования: «В конце концов каждый истинный метод должен быть непременно историческим, указывающим генезис известных общественных явлений» [14, т. 2, с. 19]; «всякое общественно-эко-

---

⁴ Основные работы (в хронологическом порядке): [28; 35; 5; 29; 17; 36; 18; 27; 19; 33; 39; 32; 4; 22; 37; 24].

номическое явление должно наблюдаться в своей истинной и характеристической форме, без всяких примесей как со стороны других явлений, так и со стороны ошибочности выбора точного времени и места своего развития и свершения» [15, т. 1, с. 51]. Для него характерно понимание изменчивости, диалектичности в подходе к изучаемым явлениям: «Настоящее состояние вещей есть столь же переходное, историческое состояние, как и все предыдущие общественные состояния». В другом месте он писал: «...вся совокупность общественно-экономических явлений, а следовательно, и все те взаимные отношения людей, которые на ней основаны, должны быть наблюдаемы и изучаемы не в состоянии покоя, а также не в состоянии изолированном и оторванном от той среды, в которой они совершаются, а, напротив, в состоянии их развития, поступательного движения, взаимодействия в пространстве и во времени» [14, т. 2, с. 21—28].

Хотя в те годы не существовало понятия о методе системного подхода, Зибер, по существу, рассматривал общественный строй каждого народа именно как систему, состоящую из отдельных структур — родовой, семейной, общинной и т. д., при строгой функциональной зависимости отдельных элементов внутри структуры и самих структур в рамках всей системы. Функционирование общества рассматривалось им не только интегрально (через цепочку — состояние производительных сил, воздействие их на производственные отношения, отражение последних на надстройке и т. д.), но и в динамике (через показ взаимодействия элементов структур) (см., например, [11, с. 135—136]). Таковы исходные теоретические установки, принятые Зибером при изучении этнографического материала.

Даже беглый взгляд на отбор материала Зибером, анализ собранных им данных и сделанных выводов показывают, что Зибер был оригинальным и глубоким исследователем, обращавшимся при создании своих концепций к самому широкому кругу источников. Именно так подходил Зибер к изучению индонезийского этнографического материала. Зибер высоко оценивал значение Индонезии для сравнительных и теоретических исследований, особенно в наиболее близкой ему сфере экономической, социальной и семейной жизни. Он писал: «Давно уже было замечено, что острова Индийского Архипелага представляют единственное в своем роде соединение условий для изучения развития различных форм общественных союзов. На небольшом, сравнительно, пространстве здесь можно встретить последовательный ряд различных ступеней культуры, начиная от стадного соединения бродячих дикарей-охотников и кончая довольно сложную... оседлую цивилизацией». И далее со ссылкой на английского исследователя Д. Кроуферда он повторяет: здесь «можно встретить образцы всевозможных форм социального союза, начиная от полного равенства... до самой абсолютной формы восточного деспотизма» [14, т. 1, с. 49, 58]. Совет-

ские этнографы-индонезисты полностью солидарны с этим мнением Зибер [см., например, 23, с. 34—36; 31, с. 411 и сл.].

Зибер стремился рассматривать этнографический материал на историческом фоне. В статье «Община и государство в Нидерландской Индии» Зибер дает краткое и четкое изложение истории проникновения европейцев в Индонезию и другие страны Юго-Восточной Азии. Говоря о Нидерландской Ост-Индской компании, он замечает: «... эта компания была не только торговым, но и государственным телом» [14, т. 1, с. 52], при этом он подчеркивает, что она стала практически государством, которое завоевало и эксплуатировало почти двести лет — с 1602 по 1799 г. — богатейшую колонию — Нидерландскую Индию. Зибер дает беспощадную характеристику целям и методам колонизаторов, перечисляет этапы захватнической политики. Он пишет с возмущением о грабительских налогах и монополиях, с помощью которых голландские колонизаторы выкачивали богатства из Индонезии, что вызывало многочисленные народные выступления. Он пишет, что «во всех... случаях... восстаний голландцы обыкновенно заставляют туземцев уплачивать себе военные расходы, закрывая глаза на то, что они воевали не с самостоятельными, а с вассальными государствами» [14, т. 1, с. 57]. Рассматривая систему земледелия, Зибер ссылается на книгу голландского этнографа Холландера, в которой описываются порядок традиционного землепользования на Яве и модификации, внесенные голландцами, и делает вывод, что последние были большими эксплуататорами, чем султаны и раджи: так, ни яванские правители, ни правители других территорий не предъявляли прав на невозделанные земли, которые считались общими, — голландцы же заявили свое право верховной собственности на них! [14, т. 1, с. 70].

Зибер тщательно собирает факты, связанные с антиколониальной борьбой народов Индонезии, называет даты, места восстаний, имена героев. О войне падри, шедшей на Западной Суматре в первой половине XIX в., он пишет: «...на Суматре все продолжало бушевать, и с небольшими перерывами и новыми вспышками восстание длилось около 17 лет (до 1837 г.)⁵, когда голландцы одержали верх над туземцами и вознаградили себя снова громадным расширением территории»; и далее: «В других местностях также непрерывно возникали беспорядки и восстания, так что архипелаг почти ни на минуту не переставал кипеть и волноваться до самого настоящего времени (т. е. до 1881 г. — Ю. М.). На Целебесе возмущения следовали одно за другим...» [14, т. 1, с. 56]. Говоря о войне на Яве в 1825—1830 гг.⁶, Зибер замечает: «И кончилась она, подобно

⁵ Отдельные вспышки волнений происходили вплоть до 1845 г. (см. [16, с. 91—120]).

⁶ Советские историки показали, что это движение было настоящей народной войной (см. [30]).

многим другим голландским войнам, не в силу успеха голландского оружия, а благодаря интриге, подкупу, перебежке и переманке. Нечего и говорить, что в результате оказалось новое расширение голландской территории и уменьшение власти туземных князей» [14, т. 1, с. 57]. Поражение этого народного движения, руководимого Дипонегоро (Дипанегарой), не остановило борьбу народа: Зибер упоминает о восстаниях, произошедших по Яве в 1831 г. (округ Багелен), 1832 г. (Краванг), 1833 г. (Пасуран), 1845—1850 гг. (Бантам).

Желая показать, «кто занимается усмирением восстаний на Индийском архипелаге», Зибер цитирует корреспондента «Кёльнской газеты»: «Если в Германии какой-нибудь молодой человек решительно *никуда не годится*, если он обременен невыносимыми долгами или с ним случились какие-нибудь еще более приятные вещи, если, одним словом, он непригоден даже для эмиграции в Америку, то его отдадут в голландскую военную службу для отправления в Индию»; и далее: «подобных приятных молодых людей в должностях солдат и офицеров насчитывается в доблестной голландско-индийской армии (ачинская экспедиция)⁷ не менее 5000, да в должностях надзирателей, приставленных для выжимания последней капли крови из туземцев, от 500 до 1000» [14, т. 1, с. 57—58].

С горечью пишет он об эксплуатации населения со стороны местных правителей: «Там, где существуют многочисленные мелкие государства, происходят вечные войны и споры и народ покупается и продается без зазрения совести» [14, т. 1, с. 62]. Один из ярких примеров — положение в мелких княжествах Сулавеси.

Обращаясь к рассмотрению экономических и социальных проблем Индонезии, Зибер обнаруживает хорошее знание литературы вопроса. Называя имена английских авторов: Марседена [43], Раффлза [47], Кроуферда [41], Мура [45] и др., которые «имеют крупные достоинства», он отмечает вместе с тем, что в их работах «содержатся лишь весьма неопределенные указания на формы общинного владения землею, как известно, преобладающие у туземцев» [14, т. 1, с. 49]. Зибер очень высоко ценит голландские источники, неоднократно подчеркивая, что в описаниях социального строя они стоят гораздо выше английских; это, кстати, несколько ранее отметил и известный бельгийский экономист и правовед Э. де Лавеле, обратившийся к ним, работая над монографией «Первобытная собственность» [20, с. 47, 49]. Зибер вводит в научный оборот достаточно широкий круг голландских этнографических и исторических исследований, неизвестных русскому читателю, да и европейскому также, в том числе и большинству ученых Ев-

---

⁷ Речь идет об Ачехской войне, начавшейся на севере Суматры в султанате Аче в 1870 г. (см. [38]).

ропы, из-за незнания голландского языка, а в настоящее время, к сожалению, полностью забытых. В первую очередь это работы И. де Холландера [42], А. Феркерка Писториуса [48], Г. Вилкена [49; 50]. Особо важно подчеркнуть внимание к Г. Вилкену, одному из виднейших эволюционистов XIX в.

Лейтмотивом работ Зиберы по экономической истории народов, начиная с их первобытного состояния, является следующая мысль: «Общинные формы хозяйства в их различных стадиях представляют универсальные формы экономической деятельности на ранних ступенях развития» [15, т. 2, с. 7]. Так, он утверждает: «Основные черты этого сложения (первобытного строя.— Ю. М.) следует искать в форме организации работ, служащих для поддержания существования общества, или, что то же самое, в форме общественного производства и потребления».

Однако только изучение организации общественного труда способно наглядным и правильным образом разъяснить внутреннюю природу и особенности политических, религиозных, умственных и многих других явлений общественной жизни первобытных народов» [15, т. 2, с. 8]. На материале мировой этнографии, включая и этнографию Индонезии и Океании, Зибер рассмотрел коллективные формы труда, хозяйства и потребления, начиная от простейших примеров — охотничьи, рыболовецкие, пастушеские, собирательские коллективы — до наиболее сложных — земледельческие коллективы, практикующие как простейшие способы земледелия, так и более сложные, связанные с искусственным орошением.

Зиберу особенно увлекали процессы становления и развития землепользования и землевладения, о чем свидетельствуют многочисленные работы, написанные им на эту тему. Он был убежден, что как формы производства, так и соответствующие ему общественные формы есть результат естественного развития, а не насильственного навязывания или заимствования извне. Так, цитируя описание порядков землепользования в десе (общине) на Яве, сделанное Холландером, когда последний пишет: «Вышеупомянутый способ... пользования землею... без сомнения заведен индусами», Зибер ставит после слов «без сомнения» вопросительный знак [14, т. 1, с. 72]. Этим он выражает свое несогласие в возможности введения извне форм социальной организации. Очень важным в теоретическом и методологическом плане нам кажется следующее положение Н. Зиберы: «Собственность не представляет собою абстрактного богатства, которое можно взять у одних лиц и отдать другим. Собственность не более как форма конкретного производственного процесса, который развивается и изменяется, но не создается и не отменяется при помощи декретов» [14, т. 2, с. 172].

Почти все его «Очерки первобытной экономической культуры» посвящены описанию различных форм коллективного тру-

да; эта же тема занимает большое место в работе «Общество и государство в Нидерландской Индии». Этнограф-профессор С. А. Токарев, характеризуя первую из работ, пишет: «Научное значение книги Зибер особенно велико потому, что в ней в сущности впервые поставлен вопрос о характере производственных отношений, форм собственности в первобытном доклассовом обществе,— вопрос, который ни Морган, ни Энгельс по-настоящему не поставили» [37, с. 355]. Экономист профессор Н. А. Цаголов, говоря о трудах Зиберы по общине, утверждает: «Работы Зиберы, посвященные проблемам первобытной экономики, культуры и общественной организации, имели значение, далеко выходящее за пределы проблемы общины. Зибер, по существу, доказывал в своих работах ту мысль, которая позднее нашла яркие формы выражения в известной работе Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“... Зибер не смог воспроизвести картину развития доклассового общества так, как это было сделано позднее Энгельсом, однако Зибер последовательно отстаивает тот взгляд, доказательству которого были посвящены и труды Моргана, что первобытная экономика базировалась на общинной собственности, что частная собственность есть продукт общинного развития» [39, с. 26].

Одновременно Зибер тщательно изучал родовую организацию и различные формы семьи и брака, стараясь вскрыть экономическую сторону этих институтов. Насколько нам известно, Зибер первым в русской научной литературе ввел понятия «общинно-родовая теория» и «общинно-родовая организация», обратил внимание на необходимость «в разъяснении экономической основы различных родовых союзов» [15, т. 2, с. 273]⁸.

В целом Зибер переоценивал степень сохранения общинных институтов на Яве и в Индонезии вообще. Например, он писал: «Земля на Яве, насколько она обрабатывается, принадлежит фактически общине и только обложена известными повинностями в пользу суверена, который, подобно самой общине, не может отчуждать ее» [14, т. 1, с. 73]. Тем не менее он видел проникновение частного начала в общинные организации и верно подметил процесс распада общинной собственности. В ряде работ он показывает пути формирования личной собственности на основе личного труда, в первую очередь при подъеме целины (см., например, [15, т. 2, с. 257—258]). Говоря о «частной собственности»⁹, он оговаривается: «Во всем предыдущем изложении выражение „частная собственность“ следует пони-

---

⁸ Зибер имел в виду экономические условия, которые способствовали становлению и сохранению родовых подразделений; основным же производственным коллективом он полагал общину.

⁹ В «Очерках первобытной экономической культуры» встречаются термины «отдельная собственность», «индивидуальная собственность» [15, т. 2, с. 257, 258].

мать не иначе как в условном значении: оно обозначает различные стадии пользования землею, постепенно обособляющихся внутри общины меньших союзов, семейств и частных лиц *на пути* к образованию индивидуальной собственности» [14, т. 1, с. 74]. Он подвергает критике Раффлза за «смещение... политической власти суверена на Яве с частным правом собственности на землю» [14, т. 1, с. 77].

Безусловно интересно изложение системы землепользования и землевладения у минангкабау (Зибер называет их «малайцами Западной Суматры»), которую он описывает преимущественно по материалам Феркерка Писториуса и публикациям «Центрально-Суматранской экспедиции» [48; 44], но со своими комментариями, представляющими немалый теоретический интерес. Он увидел у минангкабау многоступенчатую систему владельческих отношений, причем объект и объем имущественных прав разных, иерархически соподчиненных единиц был строго регламентирован. Он делает глубокое по содержанию, хотя и нуждающееся в конкретизации наблюдение: «В этом разграничении прав на землю и на другое недвижимое имущество между различными коллективными единицами собственников, начиная от округа и кончая отдельною семьею, мы встречаем прекрасный пример постепенного исторического напластования все более и более индивидуальных прав на землю по мере распада первоначального населения на отдельные округа, кампонги, суку и семейства (кампонг, суку — родовые подразделения у минангкабау.— Ю. М.). В то время как внутри одной большой общины происходит все большее и большее обособление отдельных частей общей территории, другие части той же территории продолжают поддерживать связь целого и таким образом объясняется одновременное существование различных родов собственности» [14, т. 1, с. 87]. Работы недавнего времени показали, что Зибер проявил в изучении этого сложнейшего по социальной структуре общества большую проницательность (см., например, [25]).

Уделив основное внимание различным формам проявления коллективизма, «общности», в ряде работ Зибер специально рассматривает различные формы брака и семьи у народов Индонезии [8; 9; 12].

Особый интерес представляет статья «Новый труд о первобытных учреждениях», посвященный анализу работы Г. Вилкена «О примитивных формах брака и о происхождении семьи» [49]. Хотя работа Вилкена публиковалась в малоизвестном голландском журнале «Индийский путеводитель», уже через год, в 1882 г., она стала достоянием русского читателя. Знакома Зиберу была и другая работа Вилкена — «О родстве и брачном и наследственном праве у народов малайской расы» [50]. Наряду с изучением конкретного индонезийского материала Зибер был хорошо знаком с современной ему литературой по пробле-

мам развития брака и семьи — работами Лёббока, Мак-Ленна, Моргана, Жиро-Тёлона, Поста.

Зибер отмечает уважение к женщине и часто высокое общественное ее положение у большинства народов архипелага (см., например, [15, т. 2, с. 267—273]), описывает родовую экзогамию [14, т. 2, с. 185], формы брака, в том числе брак похищением, детские (и вообще ранние) браки, обряд убегания невесты, обычай гостеприимного гетеризма, легкость заключения и расторжения браков, добрачную половую свободу, многие другие сюжеты, связанные с семейно-брачными отношениями, вводит в научный оборот для русского читателя такие понятия, как брак «амбиль анак» и «сумандо» — матрилокальный и дислокальный [14, т. 2, с. 40—41, 133, 190—195, 209]. Во всех этих институтах и обычаях он увидел и экономическую сторону. Именно поэтому он тщательно исследует обычаи, связанные с платой за жену [14, т. 2, с. 211 и сл.]. Весьма любопытна попытка Зибера установить связь между территориально-рассеянными суку (родами) у минангкабау с рассредоточенными кланами у американских индейцев тех групп, которые имеют матрилинейность; он даже предположил возможность сходного объяснения происхождения минангкабауских суку и брачных классов австралийцев [14, т. 1, с. 95—96] — гипотеза, нуждающаяся в проверке.

Зибер верно прослеживает процесс становления верховной власти (хотя терминология у него иногда усложнена и не всегда соответствует ныне принятой). Так, он пишет: «Выбор правительства сначала происходил из всех, потом из привилегированных семейств, впоследствии в одном из таковых власть делалась наследственной. Война, завоевание, спoliaция (военный грабеж.— Ю. М.) создают крепость авторитета и делают власть деспотическою. Дальнейший шаг в том же направлении суть выборные аристократические советы... В некоторых из этих аристократических федераций президент избирается из состава избирателей, но чаще из особенной семьи... Президент вскоре делается наследственным главою федерации...» [14, т. 1, с. 60]. Таким образом, Зибер рисует картину раннего классовообразования — власть авторитета.

В то же время он видит и значение имущественного положения в укреплении власти — авторитет власти. «Обладание богатством,— пишет он,— как необходимое последствие чрезвычайного плодородия почвы служило на Яве поощрением стремлениям абсолютной власти, усиливая руки тех, кто пользовался высшим положением» [14, т. 1, с. 61]¹⁰, верно подмечает, что «где на Востоке земледелие есть главное занятие, там можно

¹⁰ Аналогичный двусторонний процесс подробно описан в работе, посвященной общественному строю горных народов Северо-Восточной Индии, находящихся на сходном уровне развития [26, с. 210—238, гл. 7. Становление сословий и классов].

наверняка рассчитывать найти народ под деспотическим правлением» [14, т. 1, с. 61], но объясняет этот факт неверно, видя причину только в привязанности крестьянина к земле, отчего проистекает якобы покорность властям.

Исследуя поземельные отношения на Востоке, в частности на Яве и Бали, он подчеркивает особую роль права на воду для орошения в становлении классового общества: «...можно было бы предполагать, что раннее учреждение этого права снабдило суверена одним из главных средств для уничтожения равенства населения и для установления *абсолютной власти*». И далее Зибер развивает эту мысль: «Усвоение (обработка.— Ю. М.) большей части плодородных и расположенных наиболее выгодно для орошения земель, с сооружением водопроводов или плотин, представляет создание собственности наиболее ценного рода, и требование ренты должно было совпадать с ним. Где этот род хозяйства преобладает, претензия суверена на получение части продуктов может быть прослежена до необходимости укрепления в государстве общего *верховного надзора* за распределением *воды для орошения*, на котором покоится весь успех земледельческого процесса и который не мог бы без потери и неудобства быть предоставлен в *частные руки*» [14, т. 1, с. 63]. Зибер различает разновидности ренты: так, «половина продукта влажных земель и одна треть продукта сухих земель суть давно установившиеся и хорошо известные доли правительства на Яве».

Таким образом, приведенные — и далеко не исчерпывающие научного наследия Зибера — примеры показывают, что его заслуги как перед этнографией Индонезии, так и еще в большей степени перед теоретической этнографией (этнологией) весьма велики.

Зибер был не только первым русским этнографом, наиболее близко подошедшим к марксистскому анализу этнографических фактов. Он вообще первым в мировой науке применил материалистическое понимание истории к ранним этапам истории человечества. Он одним из первых обратил внимание на древнейшие формы общинных и поземельных отношений. Зибер обратился к изучению экономической основы доклассового общества, т. е. фактически к экономической истории первобытного общества, опираясь на марксистское положение о том, что в основе всякого общественного развития лежит опыт производства материальной жизни.

Из повсеместной распространенности общинного труда Зибер делал вывод о наличии коллективной собственности, описал ее начальные формы у первобытных охотников и собирателей, проследил развитие института собственности вплоть до появления классов. Это ему принадлежит вывод о зависимости надстройки от базиса и в первобытном обществе, а также об относительной независимости ряда элементов надстройки. Зибер

показал, что через общинную форму труда и собственности прошли все народы, что частная собственность стала возникать на базе распада общинной собственности.

Зибер изучал вопрос семейной и родовой организации, проблему разделения труда, роль обмена в развитии первобытного общества. Большое внимание уделил он началу сословного разделения общества, появлению общественных должностных лиц, каст, рабства, классов, государства.

Зибер был первым ученым, который при исследовании первобытного общества соединил в себе экономиста, правоведа, этнографа и историка. Он использовал огромное количество источников, неизвестных в то время русскому читателю и малоизвестных читателю европейскому. Именно Зибер положил в русской науке начало изучения Индонезии — в первую очередь общинной организации и форм семейно-брачных отношений у народов этой страны. Индонезийские материалы, в свою очередь, помогли ему в разработке общетеоретических вопросов.

Наконец, его работы свидетельствуют о том, что Зибер задолго до Б. Малиновского фактически открыл новую страницу в мировой этнологии — экономическую антропологию. Этот его вклад в науку требует специального серьезного исследования¹¹.

Мы полагаем, что творческое наследие Зибера может еще не раз послужить советской науке — как общие его труды, так и труды страноведческого характера, в которых приведено много интересных фактов, содержатся ценные наблюдения и мысли.

Литература

1. Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономики». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 19.
2. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21.
3. Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма. — Полное собрание сочинений. Т. 2.
4. Бак И. Зибер. — Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962.
5. Воровский В. В. Н. И. Зибер. По поводу 20-летия его смерти. — Сочинения. Т. 1. М., 1933.
6. Зибер Н. И. Теория ценностей и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями. Опыт критико-экономического исследования. Киев, 1871.
7. Зибер Н. И. Община и государство в Нидерландской Индии. — «Отечественные записки». 1881, № 3.

---

¹¹ К сожалению, его имя в зарубежных исследованиях не встречается. В работах некоторых советских авторов обнаруживается также незаслуженная забывчивость в отношении Зибера. Примером тому может служить интересная монография П. Ф. Лапина, посвященная историографии русской общины на рубеже XIX—XX вв.: хотя работы Зибера сыграли немалую роль в истории русского общиноведения, на его долю досталось лишь одно примечание, притом негативного характера [21, с. 9].

8. Зибер Н. И. Новый труд о первобытных учреждениях.— «Отечественные записки». 1882, № 7.
9. Зибер Н. И. Общественная экономия и право.— «Юридический вестник». 1883, № 5, 9, 10.
10. Зибер Н. И. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1883 (переиздания 1899, 1923, 1937 и 1959 гг.; ссылки по изданию 1959 г.— см. № 15, т. 2).
11. Зибер Н. И. О влиянии прогресса на бедных.— «Русская мысль». 1883, № 9, 11, 12.
12. Зибер Н. И. Сравнительное изучение обычного права (По исследованиям Поста).— «Юридический вестник». 1884, № 5, 11; 1885, № 1.
13. Зибер Н. И. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. Опыт критико-экономического исследования. СПб., 1885 (переиздания 1897, 1937 и 1959 гг.; ссылки по изданию 1959 г. см. № 15, т. 1).
14. Зибер Н. И. Собрание сочинений. Т. I—II. СПб., 1900.
15. Зибер Н. И. Избранные экономические произведения в двух томах. Т. 1—2. М., 1959 (Т. 1. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях.— Статьи; т. 2. Очерки первобытной экономической культуры.— Статьи).
16. Историография и источниковедение стран зарубежного Востока. Дальний Восток и Юго-Восточная Азия. М., 1967.
17. Клейнборт Л. М. Николай Иванович Зибер. Пг., 1923.
18. Кушнер П. И. (Кнышев). Предисловие к книге: Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937.
19. Кушнер П. И. (Кнышев). Н. И. Зибер (К 60-летию со дня смерти).— «Советская этнография». 1948, № 4.
20. Лавелъ Э. де. Первобытная собственность. Пер. с франц. СПб., 1875.
21. Лаптин П. Ф. Община в русской историографии последней трети XIX—начала XX в. Киев, 1971.
22. Мамулова Л. Г. Зибер.— «Советская историческая энциклопедия». Т. 5. М., 1964.
23. Маретин Ю. В. Основные проблемы этнографического изучения Индонезии.— Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г. Л., 1967.
24. Маретин Ю. В. Русский марксист XIX в. Н. И. Зибер и значение его работ для первобытной истории.— XIII Международный конгресс по истории науки и техники. Секция № 10. История наук о человеке. М., 1971.
25. Маретин Ю. В. Община соседско-большесемейного типа у минангкабау (Западная Суматра).— Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975.
26. Маретина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980.
27. Мейдбраер Р. Социально-экономические взгляды Зибера.— «Научные записки Московского Планового Института Госплана СССР». Вып. I. М.—Л., 1940.
28. Михайловский Н. К. Литература и жизнь.— «Русская мысль». 1892, № 6.
29. Мих-в. Зибер.— Русский биографический словарь. Жабокритский — Зяловский. Пг., 1916.
30. Мовчанюк П. М. Яванская народная война 1825—1830 гг. М., 1969.
31. Народы Юго-Восточной Азии. М., 1965.
32. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. М., 1960.
33. Реуэль А. Л. Н. И. Зибер как научный и общественный деятель в России 70-х и начала 80-х годов XIX в.— А. Л. Реуэль. Русская экономическая мысль 60—70-х гг. XIX в. и марксизм. М., 1956.
34. Рикардо Д. Сочинения. Пер. Н. Зибера. С приложениями переводчика. СПб., 1882.
35. «Русские ведомости», 19.XI.1902.

36. Слабченко Н. Е. Николай Иванович Зибер.— Вступительная статья к книге: Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. Одесса, 1923.
37. Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966.
38. Тюрин В. А. Ачехская война (Из истории национально-освободительного движения в Индонезии). М., 1970.
39. Цаголов Н. А. Выдающийся русский экономист Н. И. Зибер.— Вступительная статья к книге: Н. И. Зибер. Избранные экономические произведения в двух томах. Т. 1. М., 1959.
40. Цаголов Н. А. Н. И. Зибер — первый пропагандист экономической теории марксизма в России.— История русской экономической мысли. Т. II. Ч. 2. М., 1960.
41. Crawford J. History of the Indian Archipelago. Vol. 1—3. Edinburgh, 1820.
42. Hollander I. I. de. Handleiding bij de beoefening de land- en volkenkunde van Nederlandsch Oost-Indië. D. I—II. Breeda, 1874.
43. Marsden W. History of Sumatra. 3d ed. L., 1811.
44. Midden Sumatra. Reisen en onderzoekingen der Sumatra-Expeditie. 1877—1879. Leiden, 1880.
45. Moor G. H. Notices of the Indian Archipelago. Singapore, 1837.
46. Morgan L. H. Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization. N. Y.—L., 1877.
47. Raffles T. S. History of Java. Vol. 1—2. 2nd ed. L., 1830.
48. Verkerk Pistorius A. W. P. Studiën over de inlandsche huishouding in de Padangsche Bovenlanden.— «Tijdschrift voor Nederlandsch — Indië». 1869, serie 3, jaargang 3, September.
49. Wilken G. A. Over de primitieve vormen van het huwelijk en het oorsprong van het gezin.— «De Indische Gids». 1880, d. 2, c. 601—664, 1177—1205; 1881, d. 2, c. 232—283.
50. Wilken G. A. Over de verwantschaft en het huwelijk- en erfrecht bij de volken van het Maleische ras.— «De Indische Gids». 1883, d. I, c. 656—764.
51. Wilken G. A. Verspreide geschriften. T. I—IV, Semarang — Soerabaja's-Gravenhage, 1912.

Э. А. Лалаянц

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОЦЕСС РАЗЛОЖЕНИЯ ЯВАНСКОЙ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ

Взаимозависимость социально-экономических и демографических процессов в развивающихся странах привлекает возрастающее внимание исследователей (см., например, [23; 27; 31; 35; 41; 50; 55; 65; 75]).

Необходимость рассмотрения этих процессов в их диалектическом единстве показал Ф. Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства...» [9, с. 25—26].

Очевидно, что демографические процессы, хотя и детерминируются экономикой, все же обнаруживают свою относительную автономию. Демографические процессы оказывают влияние на размеры аграрного перенаселения и земельных резервов, занятость и величину безработицы в различных секторах экономики, численность и возрастной состав трудовых ресурсов, степень мобильности рабочей силы. Анализ демографической ситуации в развивающихся странах выдвигает на первый план такие демографические показатели, как численность и плотность населения, половозрастную структуру, коэффициенты рождаемости и смертности, возрастные уровни вступления в брак и т. д.

Вместе с тем способ производства, социальная структура, обычное право, религия, национальные традиции и другие социально-культурные и социально-психологические факторы оказывают воздействие на демографические процессы, и прежде

всего на рост рождаемости, плотность населения. Социальные группы, связанные с укладами, которым имманентно свойственно простое воспроизводство, например с традиционно-общинным укладом, характеризуются особенно сильным воздействием консервативных норм мышления, традиций, религии, проявляющихся и в демографических процессах, как это будет показано далее.

Изучая перечисленные выше взаимосвязи, исследователь должен учитывать их исторически-преходящий характер. И здесь уместно вспомнить следующие слова В. И. Ленина: «Что значит „ставить вопрос о населении на социально-историческую почву“? Это значит исследовать закон народонаселения каждой исторической системы хозяйства отдельно и изучать его связь и соотношение с данной системой» [11, с. 169].

Демографо-экономические проблемы многих развивающихся стран Азии, и в частности Явы, стали наиболее сложными именно в современную эпоху. В первую очередь необходимо отметить неблагоприятное соотношение между наблюдаемыми темпами роста народонаселения и темпами роста продукции сельского хозяйства и существующую в связи с этим проблему обеспечения населения продовольствием.

Остров Ява представляет поэтому особый интерес как пример развивающейся страны, где при относительно ограниченных земельных резервах, быстром росте и большой плотности населения с особой силой проявляются антагонистические противоречия между демографической и социально-экономической структурами.

Законы каждой общественно-исторической формации обуславливают те специфические формы, в которых протекают демографические процессы.

Поскольку в экономике Явы существует капиталистический сектор, а экономика Индонезии в целом является зависимой частью мировой капиталистической системы хозяйства, постольку оказывает свое воздействие на демографическое развитие Явы капиталистический закон народонаселения. Многоукладный характер экономики Явы, однако, определяет значительную роль, которую в ее экономике, и прежде всего в сельском хозяйстве, играют также и докапиталистические производственные отношения. Но мы и сейчас не имеем четких формулировок законов народонаселения докапиталистических социально-экономических формаций, хотя на существование этих законов указывал еще К. Маркс (см. [1, с. 646]).

Тем не менее можно считать установленным, что феномен «демографического взрыва» в развивающихся странах вообще и на Яве в частности в XX в. является результатом взаимодействия различных исторических систем производительных сил [24, с. 154].

**Рост населения о-ва Ява (вместе с о-вом Мадуро)
в 1700—1980 гг.*,
тыс. человек**

Год	Коренное население (яванцы, сунданцы, мадурцы)	Китайцы	Арабы	Европейцы	Прочие	Всего
1700						3 000
1800						2 500
1810						3 700**
1815						4 500
1825						6 000
1850						9 390
1860	12 524	149	6			12 679
1870	16 233	175	8	37		16 453
1880	19 233	207	11	44		19 495
1890	23 609	242	14	55		23 920
1900	28 386	277	18	72		28 753
1905	29 979	295	19	73		30 366
1920	34 429	384	28	134	3	34 978
1930	40 981	582	42	193	11	41 809
1950						50 000
1961	61 700	1000				62 700
1975						80 000
1976						85 400
1980						91 000

* Данные за 1700, 1810 и 1850 гг. см. [40, с. 255, 267]—за 1800, 1825 гг. см. [38, с. 296]; за 1815 г. и с 1860 по 1930 г. см. [64, с. 443]; за 1950, 1980 гг. см. [19, с. 89]; за 1961 г. см. [17а, с. 25]; за 1975 г. см. [30]; за 1976 г. см. [27, с. 120].

** По 1810 г. и некоторым другим годам из-за отсутствия данных по отдельным народностям приводится численность населения Явы в целом.

**Воспроизводство населения на Яве
в XIX—XX вв.**

Ява относится к числу наиболее густо заселенных районов мира. Вплоть до середины XIX в. население Явы в абсолютных цифрах увеличивалось медленно. За период 1870—1980 гг., однако, население Явы резко увеличилось: с 16 млн. 453 тыс. человек до более чем 91 млн. (см. таблицу). Предполагается, что при сохранении 2,3% роста населения Ява будет иметь к 2000 г. 120 млн. человек или более [53, с. 108].

Темпы роста населения Явы в период 1800—1940 гг. имели тенденцию к снижению. Так, если за 1800—1815 гг. численность населения возросла в 2 раза, то в течение 1816—1880 гг. она удваивалась примерно каждые 30 лет, а начиная с 1880 г.—уже каждые 50 лет.

Но статистические данные о численности населения Явы до 1870-х годов были неточными и даже заниженными. Объясняется это, в частности, тем, что старосты общин преднамеренно не сообщали властям точные сведения о действительной численности населения, чтобы добиться уменьшения обязательств по выделению общинников на работы в рамках системы принудительных культур, навязанных голландскими колонизаторами [48, с. 183].

В XIX в. норма прироста населения составляла 0,5—0,7% в год [36, с. 86; 48, с. 184]. В 1900—1905 гг. ежегодная норма прироста населения составляла 0,95% [75, с. 233], в 1905—1920 гг. — 0,95% [75], в 1920—1930 гг. — 1,78%, в 1930—1940 гг. — 1,34% [69; 72].

После 1940 г. темпы прироста населения стали увеличиваться. В 1940 г. ежегодная норма прироста составила 1,5%, в 1951 г. — 1,93, в 1954 г. — 2,02, в 1958 г. — 2,14, в 1960 г. — 2,3, в 1961 г. — 2,24% [56, с. 218; 70]; в 1971 г. прирост снизился до 1,8% [59, с. 75]. Советский демограф Я. Н. Гузеватый, однако, считает, что в 1970—1975 гг. прирост составлял 2,6% [19, с. 89].

В конце XIX — первой трети XX в. очень высокая рождаемость всегда перекрывала высокую смертность. По официальной статистической оценке индонезийской государственной статистической службы, коэффициент рождаемости¹ на Яве в 1887—1891 гг. составлял 29,7, а к 1950—1954 гг. повысился до 34—40. За период 1970—1976 гг. коэффициент рождаемости, однако, понизился с 41 до 33 [19, с. 92]. Для сравнения отметим, что в промышленно развитых странах Западной Европы, например, в 50-е годы этот коэффициент составлял 20. В 70-е годы в Индонезии начала осуществляться программа планирования семьи, преследующая сокращение рождаемости к 2000 г. по крайней мере вдвое [66, с. 108].

Коэффициент смертности² в 1939 г. составлял на Яве 30, но к 1954 г. снизился до 20, а к 1972 г. до 19 [18, с. 13]. В промышленно развитых странах Западной Европы коэффициент смертности в 50-е годы составлял 10—15 [40, с. 284, 290]. Смертность на Яве снизилась в 50-е годы во всех возрастных группах, оставшись, однако, высокой среди детей. Из каждой 1 тысячи родившихся детей умирало в возрасте до одного года 15 человек [63, с. 92]. В дальнейшем это снижение смертности населения стало достигаться в первую очередь благодаря борьбе с детской смертностью [31, с. 103]. В 70-е годы детские возрастные группы (до 15 лет) в общей массе населения составляют около 40% [31, с. 113]. В 1950—1970 гг. на Яве наблюда-

---

¹ Коэффициент рождаемости — относительная средняя величина, показывающая число родившихся на каждую тысячу жителей страны в течение года (не считая мертворожденных).

² Коэффициент смертности — относительная средняя величина, показывающая число умерших на каждую тысячу жителей страны в течение года.

лась дифференциация демографических процессов в различных социальных группах сельскохозяйственного населения. Например, младенческая смертность в зажиточных семьях значительно ниже, чем в семьях бедняков, где она из-за плохого питания остается относительно высокой [49, с. 289].

Средняя плотность населения увеличивается. В 1930 г. она составляла 316 человек на 1 кв. км, в 1964 г. — уже 477, а в 1978 г. возросла до 844. О численности и плотности населения по отдельным районам Явы (без Джакарты) дают представление следующие данные на 1970 г. [48, с. 182]:

Численность населения, млн.	Плотность населения на 1 кв. км
Восточная Ява	21,8 455
Центральная Ява	18,4 538
Западная Ява	17,6 380
Джокьякарта	2,2 707

Особенно высокая плотность сельского населения наблюдается у подножий вулканов и на их склонах, где на плодородных лавовых почвах развито орошаемое земледелие. На территории бывших султанатов Суракарта и Джокьякарта плотность населения превышает 1000 человек на 1 кв. км. В 60-е годы в районе Клатен (Западная Ява) она равнялась 1176 человек на 1 кв. км, а в районе Слеман (округ Джокьякарта) — 1058 [51, с. 170]. В сельской общине Джамбидан (кечаматан Гондовутунг, кабудатен Бантул в районе города Джокьякарты) плотность населения была в 1972 г. 1549 человек на 1 кв. км [49, с. 276].

Наряду с этим в районах с неплодородными почвами и в горных лесистых районах, слабо освоенных в хозяйственном отношении, средняя плотность населения составляет 120 человек на 1 кв. км.

Основных районов сосредоточения населения на Яве можно выделить три [20, с. 200]:

1. Северная равнина, простирающаяся вдоль северного побережья острова — от Джакарты на западе до Проболинго на востоке. На этой равнине развито поливное рисосеяние и возделывание сахарного тростника. В кечаматане Адиверно плотность населения равняется 2400 человек на 1 кв. км, что является наибольшей плотностью населения в сельской местности Явы и, вероятно, наибольшей плотностью сельскохозяйственного населения, встречающейся в мире. В этом районе находятся портовые города Черибон, Семаранг, Сурабая, Пасуруан и столица Индонезии — Джакарта. Население Джакарты быстро растет. В 1951 г. оно составляло 1,58 млн. человек, в 1954 г. — 1,85 млн., в 1961 г. — 2,97 млн., в 1969 г. — 4,5 млн., в 1975 г. — 4,9 млн. человек [30; 73, с. 11].

2. Наиболее густо заселен район межвулканических пониже-

ний Центральной Явы (котловины Соло, Мадиуна, Брантаса). Здесь сосредоточено около одной трети населения острова. Население занято исключительно сельским хозяйством. В этом районе имеются только два крупных города — Суракарта и Джокьякарта.

3. Район Бандунга — Гарута, где сосредоточены плантационные хозяйства. Крупнейший город — Бандунг.

Слабее всего заселены западная часть и южное побережье острова. Различия в плотности населения разных частей острова постепенно сглаживаются в связи с более быстрым ростом населения как Восточной, так и Западной Явы по сравнению с центральной частью острова. С 1930 по 1961 г. население Западной Явы выросло более чем на 75%, Восточной — на 45, Центральной — на 34, а в среднем по Яве — на 50,4%.

Процесс урбанизации, связанный с развитием промышленности и торговли, ростом государственно-административного аппарата, внедрением в сельском хозяйстве товарно-денежных отношений и лауперизацией беднейшей части крестьянства, привел в XX в. к росту крупных городов и увеличению доли городского населения в стране. В пределах Явы происходят крупные внутренние миграции населения из сельских местностей в города, охватывавшие в 1930—1961 гг. до 6 млн. человек. В 1905 г. городское население составляло 5,4% населения острова, в 1930 г. — 8,5, к концу 50-х годов — около 15% [47, с. 313]. С 1930 до 1961 г. население городов Явы увеличилось соответственно с 2,7 млн. до 9,5 млн. человек.

Сельское население острова сосредоточено в сельских общинах³. Сельская община в конце XIX в. насчитывала в среднем 600 человек [37, с. 57]. В некоторых общинах Приангана в этот период было 1500 и более человек. В округе Блубур девять сельских общин, вместе взятые, насчитывали более 24 тыс. жителей. Встречались, однако, и маленькие общины (не более 100 человек). В XX в. численность населения яванских сельских общин значительно выросла. Если в 1900 г. она составляла в среднем 800 человек, то к 1922 г. она выросла до 1400, а к 1933 г. до 1725 человек [37, с. 57].

Колониальные власти в интересах рационализации управления хотели ограничить численность населения отдельных сельских общин. Так, в малонаселенных районах она не должна была превышать 500 человек, а в густонаселенных районах — 1000 [37, с. 57]. Однако голландским колонизаторам этого не удалось добиться.

В 1950—1960 гг. средняя численность населения сельской общины на Яве выросла до 2—3 тыс. человек [44, с. 14], но существуют сельские общины и с более многочисленным насе-

---

³ Социально-экономическая характеристика яванской сельской общины рассматривается в других работах автора [25; 26].

нием [29, с. 455]. Сельские общины в долинах рек имеют большую численность населения, чем общины, расположенные в горах.

Как правило, сельская община — «деса» — включает несколько деревень или деревню с несколькими выселками — «дукухами». В деревне (выселке) обычно не более 100 домов [29, с. 455]. Исходя из того, что один дом занимает одна семья, а яванская семья имеет в среднем пять человек, население деревни (выселка) не превышает в среднем 500 человек. Например, в деревне Кампунг Утан в районе Джакарты живет 440 человек [45, с. 82], в ней насчитывается 90 семей-домохозяйств — «пекаронган», причем состав семьи колеблется от 1 до 10 человек (в среднем, однако, 5 человек). 16 семей в этой деревне имеют от 3 до 7 человек. Сельская община Джатийосо (кересиденан Суракарта), в которую входит восемь деревень и выселков, в 1956 г. насчитывала 2328 человек (424 семьи). В деревне Маргореджо, входящей в эту общину, жило 36 семей [74, с. 158]. В 1959 г. в округе Кебумен в Центральной Яве в сельской общине Челапар было 1881 человек [54, с. 8], а в общине Ваджасари — 1046 [54, с. 18]. Сельская община Чибодас в округе Лембанг (кересиденан Бандунг), состоящая из 20 деревень и выселков различных размеров, в 1954 г. имела 5 тыс. жителей [43, с. 348].

Приведенные примеры численности населения отдельных сельских общин и деревень характерны для всей Явы.

Яванская сельская община тысячелетиями не ставила преград росту населения. Наоборот, высокая рождаемость всегда поощрялась идеологическими и религиозными нормами и традициями яванской сельской общины. К числу таких традиций относятся любовь к детям, ранние браки. Дети независимо от их числа являются желанными в любой яванской семье. Женщина, имеющая много детей, вызывает зависть, а бесплодная женщина — жалость [46, с. 83].

Против ограничения рождаемости выступало мусульманское духовенство, поскольку это противоречит догмам ислама. Коран запрещает безбрачие. Бездетность жены является, по Корану, главной причиной для развода. Отсюда традиции многодетности.

Традиции многодетности сохраняются и у населения городов, растущих в XX в. в значительной степени за счет миграции сельского населения. Именно оно, по крайней мере в течение одного-двух поколений, сохраняет психологию и традиции крестьян-общинников.

Нужда голландских предприятий и плантаций в трудоспособной рабочей силе местного населения побудила колониальные власти в 1900—1940 гг. осуществить специальную программу в области здравоохранения. Были проведены мероприятия по борьбе с эпидемиями таких инфекционных болезней, как хо-

лера, чума, малярия (осушка болот для ликвидации очагов малярии, оспопрививание и т. п.), что привело к уменьшению смертности в стране [75, с. 67]. Уменьшение смертности, однако, не сопровождалось немедленным сокращением рождаемости, которая уменьшается лишь с лагом, находясь под влиянием стойких брачных традиций [73, с. 7].

Расширение сельскохозяйственного и промышленного производства на Яве в XX в. и возникшая в связи с этим потребность в рабочей силе также оказали влияние на численный рост населения.

Рост населения и проблема земельных резервов в яванской сельской общине

Взаимосвязь демографических и социально-экономических процессов проявляется как в масштабе всего яванского общества, так и в пределах сельской общины, этого, по определению К. Маркса, основного экономического элемента аграрных обществ в странах Востока (см. [1, с. 371]). Община как система сохранялась на протяжении тысячелетий в достаточно неизменной форме [28, с. 18]. К. Маркс писал: «В первобытных общинах... сама община с ее условиями выступает как базис производства, а воспроизводство общины — как конечная цель производства» [4, с. 399].

Под воспроизводством общины мы понимаем не только воспроизводство ее овеществленного богатства, но и воспроизводство сельской общины как социального организма и собственника средств производства (земли, воды и т. д.). Воспроизводство населения общины (общинников) являлось необходимой частью воспроизводственного процесса в общине.

К. Маркс, оценивая этот аспект воспроизводственного процесса в общинно-традиционном обществе, указывал: «Целью общества, целью индивида — так же как и условием производства — было *воспроизводство этих определенных условий производства* и воспроизводство индивидов: как порознь, так и в их общественных расчленениях и связях, воспроизводство их в качестве живых носителей этих условий» [7, с. 34].

Расширенный масштаб воспроизводства в сельской общине определяется главным образом растущей потребностью в потребительных стоимостях в связи с ростом населения общины. Рост населения требует увеличения производства продовольственных продуктов. Существование зависимости между ростом населения и ростом потребности в жизненных средствах было отмечено К. Марксом: «... если же принять в расчет ежегодный рост населения, то необходимо и добавочное количество жизненных средств...» [3, с. 206]. Процесс производства и воспроизводства в сельской общине совершался в расширенно экстен-

сивном масштабе [2, с. 193; 33, с. 22, 292]. К. Маркс указывает, что воспроизводство совершается в расширенно экстенсивном масштабе, «... если расширяется только поле производства...» [2, с. 193]. Расширялись площади возделываемых земель, однако агротехнический уровень и средства производства (прежде всего орудия труда) оставались неизменными в течение длительного исторического периода.

Для воспроизводственного процесса в сельской общине доминирующее значение имела земля. Земля как естественный элемент производительных сил и как средство труда выступала в земледельческом процессе и как природная машина (см. [7, с. 85]). К. Маркс пишет: «В земледелии, в его докапиталистических формах, человеческий труд выступает скорее лишь как помощник природного процесса, который им не контролируется» [8, с. 553]. Отсюда следует, что увеличение производства продовольственных сельскохозяйственных культур в условиях экстенсивного воспроизводства, существовавшего на Яве, могло практически обеспечиваться почти исключительно за счет расширения посевных площадей.

Достигнутый уровень численности (роста) и плотности населения определял масштабы расширения земледелия. К. Маркс писал: «...достигнутая в каждый определенный момент ступень развития в росте населения... ставит расширению земледелия известную, хотя и эластичную границу...» [4, с. 331].

Наиболее примитивная форма земледелия — переложное земледелие могло, например, вестись без ущерба для почвы лишь при плотности населения, не превышавшей 25—40 человек на 1 кв. км, так как при большей плодородие почвы в условиях переложного земледелия не восстанавливалось [17, с. 53—54]. На Яве переложное земледелие полностью исчезло к XIX в., что объясняется как увеличением численности населения, так и заинтересованностью эксплуататорских слоев в росте прибавочного продукта.

Действительно, быстрый рост населения в XIX в. потребовал соответственно быстрого роста производства продовольственных земледельческих культур (риса и т. п.), что не могло уже быть обеспечено в условиях переложного земледелия. Это привело к внедрению более высокой культуры земледелия, т. е. поливного земледелия. Поливное земледелие обеспечивает жизненные условия при более высокой плотности населения, чем 40 человек на 1 кв. км. Так, в условиях Явы 1 кв. км орошаемых земель обеспечивает жизненные условия для 20—30-кратного числа людей по сравнению с 1 кв. км земель, обрабатываемых способом подсечно-огневого земледелия [51, с. 172].

Районы поливного земледелия на Яве являются сельскохозяйственными районами с наиболее высокой плотностью населения. В начале XIX в. земледелие велось исключительно в долинах рек. «Около 1800 г. типичный яванский ландшафт

представлял собой картину густо населенных долин, где возделывался рис на орошаемых полях, чередовавшихся с горными районами, покрытыми лесом» [76, с. 216].

В течение XIX в. агротехнический уровень земледелия оставался фактически без изменений и обеспечение растущего населения продовольствием осуществлялось за счет расширения посевных площадей. Для земледелия, и в частности для поливного рисосеяния, стали использоваться и горные местности, включая районы Преангара в Западной Яве [74, с. 216]. Между 1875—1885 гг. были густо заселены районы резидентств Кедири и Маланг [74, с. 216].

С начала XX в. ощущается нехватка годных для возделывания, но необрабатываемых земель, что вызвало усиление интенсификации их обработки [74, с. 282]. В 1930—1960 гг. сельское население Явы росло быстрее, чем увеличивалось производство продовольствия. Сельскохозяйственное трудящееся население выросло за этот период с 7180 тыс. до 13 060 тыс. человек, т. е. на 81,9%, при увеличении производства риса, основного продукта питания, с 7943 тыс. до 10 380 тыс. т, т. е. лишь на 30,7% [75, с. 51]. Надо, конечно, принять во внимание, что в 1940—1950 гг. отставание роста сельскохозяйственного производства, и в частности производства риса, от роста населения было вызвано не столько демографическими факторами, сколько упадком производства в период оккупации страны милитаристской Японией и последовавшей за второй мировой войной борьбой за национальную независимость.

После 1950 г. рост сельскохозяйственного производства стал догонять и в конце концов превысил рост населения. В 1951—1961 гг. при росте населения на 23% производство риса на Яве выросло на 28,8% [17, с. 76; 69; 70; 71].

Тем не менее в 1980 г. почти треть сельскохозяйственного населения жила в условиях голода. Многие крестьяне потребляют менее 100 кг риса в год и имеют в среднем дневную норму всего лишь 1 тыс. калорий или даже меньше [58, с. 173].

Рост населения обострил проблему земельных резервов на Яве [42, с. 37]. Фактически в 80-е годы такие резервы отсутствуют вообще. Действительно, при территории острова в 126 тыс. кв. км (12 600 тыс. га) для сельского хозяйства уже используется около 10 118 тыс. га, т. е. 80,3% территории острова. Остальные 19,7% при нынешнем состоянии агротехники либо непригодны для сельского хозяйства, либо заняты городами и т. п.

К. Маркс указывал на возможность такой экономико-демографической ситуации, когда отсутствие плодородных земель заставит «... обрабатывать большую долю всей земли, и в результате... с возрастанием населения» может наступить «конец практическому изобилию земли, ее фактической неограниченности по отношению к населению...» [5, с. 339—340].

Проблему аграрного перенаселения, как и аграрную проблему в целом, на Яве уже невозможно решить только уравнительным перераспределением земли. При населении острова более чем в 91 млн. человек на душу населения приходится менее 0,15 га обрабатываемой земли [67, с. 136]. Между тем прожиточный минимум семьи из пяти человек может быть обеспечен в условиях Явы с участка орошаемой земли размером не менее 1 га, т. е. при 0,2 га на душу населения. Конечно, факт дефицита земельных ресурсов в результате роста населения в отдельных развивающихся странах в условиях монополии собственности на землю узкого слоя собственников признается и марксистскими исследователями (например, [32, с. 303]).

Было бы, конечно, неверно сводить причины аграрного перенаселения только к недостатку пригодной для земледелия земли в результате роста населения. Можно не сомневаться, что интенсификация сельскохозяйственного производства может в условиях Явы обеспечить даже более значительное по численности население, чем современное, необходимыми жизненными средствами. Нехватка земли усугубляется захватом лучших земель иностранными и местными эксплуататорами.

Негативные последствия, вызываемые демографическими процессами, необходимо рассматривать прежде всего как производные от всей совокупности социально-экономических отношений. Процесс разложения общины ослабил действие ограничителя роста населения, которое выполнял производственный базис общины.

К. Маркс указывал: «Перенаселение и население, взятые вместе, составляют то население, которое может быть порождено определенным производственным базисом. Как далеко оно может выйти за свой предел, это дано самим пределом или, вернее, той же самой причиной, которая устанавливает этот предел» [7, с. 102—103].

Вместе с тем процесс разложения яванской общины исторически совпадает с аграрно-капиталистической эволюцией в ее консервативной форме. В условиях «периферийного» варианта капиталистического развития капитал не успевает сразу преобразовать экономику регионов, над которыми он устанавливает свое господство, и поэтому не создает предпосылок для регулирования численности населения свойственным капитализму законом народонаселения. В результате создаются объективные условия для такого демографического развития, при котором слабо себя проявляют социально-экономические ограничители роста населения («демографический взрыв»).

Вместе с тем рост населения на Яве в XIX—XX вв. по принципу обратной связи, когда следствие само стало причиной, оказал деформирующее воздействие на традиционно-общинные структуры, ускоряя их разложение и в то же время консервируя их в стадии незавершенного разложения. При этом именно

через поземельные отношения рост населения оказывает влияние на процессы разложения общины.

К. Маркс подчеркивал значение заранее данных объективных условий воспроизводства общины для ее существования. Он писал: «Чтобы община как таковая продолжала существовать на прежний лад, необходимо, чтобы воспроизводство ее членов происходило при заранее данных объективных условиях. Само производство, рост населения (а население тоже относится к производству) неизбежно расшатывают мало-помалу эти условия, разрушает их вместо того, чтобы воспроизводить и т. д., и от этого общинный строй гибнет вместе с теми отношениями собственности, на которых он был основан» [6, с. 474].

Одним из таких заранее данных объективных условий воспроизводства населения (членов) общины является, таким образом, определенное равновесие между численностью населения и земельными ресурсами при данном уровне производительных сил и экономического развития.

В общине с полностью исчерпанными резервами необработанных земель экстенсивно расширенное воспроизводство становится невозможным, и община не может далее «существовать на прежний лад». Это позволяет сделать вывод, что рост населения общины, изменяя объективные условия воспроизводства, тем самым опосредствованно влияет и на процесс разложения общины при данном уровне производительных сил и экономического развития (см. [34, с. 87]).

Влияние роста населения на процессы в традиционных социально-экономических структурах отмечает Л. И. Рейснер: «Как это ни парадоксально, но именно рост народонаселения послужил одним из самых мощных подспудных импульсов, который содействовал выведению стационарных и статичных хозяйственных систем (например, яванской сельской общины.— Э. Л.) из состояния застоя и апатии» [33, с. 249].

Рост населения, воспроизводство рабочей силы и проблема занятости в яванской сельской общине

Проблема воспроизводства рабочей силы и занятости в условиях Явы тесно связана с процессом производства и идеологией яванской сельской общины, с процессом воспроизводства рабочей силы в общине. В. И. Ленин подчеркивал: «Условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов...» [10, с. 476].

Яванская сельская община на протяжении многовекового периода смягчала последствия роста населения и обеспечивала занятость своим членам в условиях экстенсивного воспроизводства. «В последние 150 лет,— писала немецкая исследовательница Х. Вандер,— именно сельская община с ее традиция-

ми взаимопомощи сделала возможным преодолеть последствия быстрого роста населения без каких-либо существенных изменений в интенсификации сельскохозяйственного производственного процесса» [75, с. 215].

Рост производительности труда и обеспечение занятости возраставшего трудоспособного населения достигались в сельской общине за счет увеличения числа людей, участвующих в производственном процессе.

Точно так же само экстенсивное расширение производства осуществлялось не только за счет увеличения площади обрабатываемых земель, но и за счет увеличения числа людей, занятых в производстве.

Рост населения требовал увеличения производства жизненных средств. В условиях экстенсивно расширенного воспроизводства это достигалось за счет как необработанных земель, так и дополнительной рабочей силы. Потребность в ней, в свою очередь, стимулировала рост населения.

Крушение традиционных социальных структур означает одновременно ликвидацию традиционных условий воспроизводства общинных индивидов. Часть сельскохозяйственного населения становится вне новых условий воспроизводства и превращается в избыточное население, неспособное добывать себе жизненные средства при помощи труда, т. е. превращается в пауперов.

Социальный процесс пауперизации, или «непролетариатского обнищания» — низшей и худшей формы разложения крестьянства, является характерной чертой консервативного пути капиталистической эволюции, по которому развивалось в XIX—XX вв. яванское сельское хозяйство.

Аграрное перенаселение, сопровождающееся прогрессирующим размельчением земельных наделов в сельской общине, неизбежно изменяет социальную структуру населения, создавая социальный слой безземельных общинников. Конечно, даже пауперы, лишившиеся земли и даже жилища, продолжают находиться под определенной защитой традиционных социальных институтов (сельской общины). Превращение подавляющего большинства населения в пауперов означает, что община в целом начинает воспроизводить себя на уровне пауперов.

Проблема «избыточного» населения, возникающая в результате аграрного перенаселения — это проблема безработицы [13, с. 205; 35, с. 63]. Безработица порождается эволюцией общественного производства, происходящей под влиянием втягивания экономики Явы в мировую хозяйственную систему капитализма, развития товарного производства и внутреннего рынка [15, с. 142; 16, с. 24].

Неполная занятость в яванской деревне существует, по-видимому, давно, предположительно еще в неразложившейся сельской общине. Определить размеры неполной занятости

трудно, в частности, из-за неравномерности занятости крестьян в течение года. Трудности оценки размеров безработицы и занятости, в частности, объясняются и тем, что значительная часть сельскохозяйственных работ выполняется всеми членами семей.

Большое число людей в сельских общинах работают индивидуально (кузнецы, портные, ткачи и т. д.), и они не могут считаться безработными, хотя и заняты неполный рабочий день.

Аграрное перенаселение на Яве в широких масштабах проявляется в 1890—1920 гг. как результат перехода к империалистическим методам эксплуатации. Здесь важно подчеркнуть с целью упреждения каких-либо неомальтузианских объяснений причин возникновения аграрного перенаселения, что «демографический взрыв» на Яве начался позже, в 40—50-х годах. По приближенной оценке, избыточное аграрное население достигло в 60-е годы на Яве 30—35% всего сельскохозяйственного населения острова [52, с. 383], составляющего около 70% всех трудящихся Явы [21]. Д. Сантосо, А. Вардхана писали о 10 млн. частично безработных на Яве в 1957 г. [68, с. 419]. В начале 70-х годов частично безработных насчитывалось от 12 млн. до 14 млн. человек [14, с. 190]. Д. Косырев в 1979 г. говорит о 29 млн. безземельных крестьянах на Яве, работающих лишь два-три месяца в году [22].

Рост населения на Яве привел к своеобразной конкуренции между человеком и тягловым скотом. Именно этим можно объяснить уменьшение в 30—60-е годы численности скота у яванских крестьян-общинников. Во многих районах Явы увеличение численности трудоспособного населения на единицу поверхности обрабатываемой земли при неизменном уровне агротехники привело к уменьшению потребности в скоте как тягловой силе [57, с. 270]. Кроме того, наличные источники продовольствия стали в большей степени использоваться для человека и в меньшей для скота. В густонаселенных районах острова резко уменьшаются площади для пастбищ. Под них отводятся земли, непригодные для каких-либо иных целей. Очевидно, что качество таких пастбищ очень низкое.

В результате, если в 1930 г. на 100 га обрабатываемой земли приходилось 92 человека, занимавшихся сельскохозяйственным трудом, и 27 голов тяглового скота, то в 1958 г. — соответственно 129 и 17. Таким образом, благодаря отстранению одного животного в сельскохозяйственный процесс смогли быть вовлечены дополнительно три человека [75, с. 51]. В целом по Яве при увеличении трудящегося населения, например, за 1930—1958 гг. на 81,9% количество тяглового скота (буйволов) уменьшилось на 17,2% — с 2126 тыс. до 1760 тыс. голов скота [75, с. 51].

Аграрное перенаселение создает основной резервуар трудовых ресурсов для капиталистического производства (плантации, промышленные предприятия).

Проникновение капитализма в экономику Явы требует наличия мобильной рабочей силы, способной свободно перемещаться из одного района страны в другой. Разрушение сельской общины сопровождается созданием большой массы безземельных крестьян — наиболее мобильной части сельского населения. Голландский исследователь Тен Дам пишет: «Безземельные общинники и общинники, владеющие лишь приусадебными участками, составляющие до 90% сельскохозяйственного населения, являются наиболее мобильной частью деревенского населения. Эта часть сельского населения постоянно переселяется с места на место в поисках работы» [43, с. 350].

Существует определенная зависимость между плотностью и мобильностью населения и уровнем капиталистического развития. К. Маркс указывал, что уровень капиталистического развития тем выше, «чем скорее рабочая сила может быть переброшена... из одного центра производства данной местности в другой» [3, с. 214—215]. Для ускорения этого процесса «необходима, наконец, значительная плотность населения» [3, с. 215].

Мобильная «избыточная» рабочая сила из яванских сельских общин поглощается растущим капиталистическим сектором экономики. Характерно, что плантационные хозяйства создавались в наиболее густонаселенных районах Центральной и Восточной Явы [57, с. 317]. Районы сахарных и табачных плантаций совпадают с районами наиболее высокой концентрации безземельных крестьян [12, с. 51].

Плантационные компании осуществляли наряду с арендой сплошных массивов общинных земель с налаженной ирригационной системой также и вербовку в общинах временной рабочей силы. Лишь небольшая часть плантационных рабочих (главным образом квалифицированных) являются постоянными рабочими. Большинство же поступают на работу из числа безземельных общинников близлежащих сельских общин на несколько дней или максимально на несколько недель [57, с. 317].

Развитие промышленного и плантационного производства обеспечивает, однако, поглощение лишь ограниченной части избыточного сельскохозяйственного населения. Проблема избыточного аграрного населения на Яве в решающей степени связана с развитием товарно-денежных отношений в экономике острова и разложением сельской общины. Это признается и буржуазными исследователями. Например, голландский экономист Буке писал: «Проблема населения в основном является частью проблемы развития денежной экономики на Яве» [38, с. 32]. Буке считал, что решение проблемы занятости сельскохозяйственного населения Явы заключается в восстановлении («реконструкции», по его терминологии) яванской сельской общины в том виде, в каком она существовала в докапиталистический период в XIX в., поскольку сельская община обладает социаль-

ным механизмом саморегулирования занятости своего населения.

Очевидно, однако, что осуществление концепции Буке нерационально, так как яванская сельская община исторически обречена и процесс ее разложения близок к завершению. Поэтому действительное обеспечение полной занятости населения в яванском сельском хозяйстве будет гарантировано лишь при условии коренных социально-экономических преобразований в Индонезии.

Литература

1. Маркс К. Капитал. Т. I.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23.
2. Маркс К. Капитал. Т. II.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 24.
3. Маркс К. Капитал. Т. III. Ч. 1.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 1.
4. Маркс К. Капитал. Т. III. Ч. 2.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 2.
5. Маркс К. Капитал. Т. IV. Ч. 2.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 26. Ч. 2.
6. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46, Ч. 1.
7. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46, Ч. 2.
8. Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 47.
9. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21.
10. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве.—Полное собрание сочинений. Т. 1.
11. Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма.—Полное собрание сочинений. Т. 2.
12. Александров Ю. Г. Крестьянское движение в Индонезии.—Крестьянское движение в странах Востока. М., 1967.
13. Александров Ю. Г. О социальной структуре яванской деревни.—Аграрные отношения в странах Юго-Восточной Азии. М., 1968.
14. Александров Ю. Г. Аграрное перенаселение в развивающихся странах (на примере стран Юго-Восточной Азии).—Аграрные структуры стран Востока. Генезис, эволюция, социальные преобразования. М., 1977.
15. Александров Ю. Г. Современная Индонезия. Аграрная политика. 1965—1975 гг. М., 1977.
16. Александров Ю. Г. Аграрное перенаселение в развивающихся странах: механизм образования и роста.—«Азия и Африка сегодня». 1978, № 12.
17. Ананьев П. Г. Сельское хозяйство современной Индонезии. М., 1965.
- 17а. Берзина М. Я., Брук С. И. Население Индонезии, Малайи и Филиппин. Приложение к карте народов. М., 1962.
18. Гузеватый Я. Н. Азия и Африка: демографические сдвиги и проблемы народонаселения.—«Азия и Африка сегодня». 1973, вып. 3(15), № 5, Прил.
19. Гузеватый Я. Н. Демографо-экономические проблемы Азии. М., 1980.
20. Добби Э. Юго-Восточная Азия. М., 1952.
21. Домогацкий М. По дорогам Явы.—«Правда», 27.VII.1973.
22. Косырев Д. Планируется перенаселение.—«Правда», 26.III.1979.

23. Крылов В. В. Характерные черты социально-экономических процессов в обществах развивающихся стран.— «Вопросы философии». 1976, № 9.
24. Крылов В. В. Особенности развития производительных сил и воспроизводственного процесса в развивающихся странах.— Экономика развивающихся стран: теории и методы исследования. М., 1979.
25. Лалаянц Э. А. Разложение сельской общины яванцев (конец XIX—первая половина XX в.).— Страны и народы Востока. Вып. IV. М., 1965.
26. Лалаянц Э. А. Сельская община в социально-экономической структуре развивающейся страны (на примере Явы).— Проблемы развития и управления экономикой развивающихся стран. Материалы к третьей межвузовской научной конференции (октябрь 1968 г.). Л., 1968.
27. Маретин Ю. В. Население и перспективы экономического развития Индонезии.— Географическое общество СССР. Отраслевая и территориальная структура хозяйства развивающихся стран. Л., 1976.
28. Маретин Ю. В. Община как система (к постановке проблемы).— Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. 1974—1976. Л., 1977.
29. Народы Юго-Восточной Азии. Серия «Народы мира». М., 1965.
30. Попов Ю. Индонезия: вулканы и люди.— «Известия», 2.VI.1975.
31. Проблемы использования природных и трудовых ресурсов развивающихся стран. М., 1974.
32. Растянников В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973.
33. Рейснер Л. И. Развивающиеся страны: очерк теорий экономического роста. М., 1976.
34. Тер-Акопян Н. Б. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину.— «Народы Азии и Африки». 1965, № 2.
35. Фальковский М. Проблема полной занятости и стратегия экономического роста в условиях развивающихся стран.— «Экономика и математические методы». 1967, т. 3, вып. 1.
36. Юго-Восточная Азия: проблемы региональной общности. М., 1977.
37. Боеке J. H. Dorp en desa. Leiden — Amsterdam, 1934.
38. Боеке J. H. The Evolution of the Netherlands Indies Economy. N. Y., 1946.
39. Боеке J. H. Objektive and Personal Elements in Colonial Welfare Policy.— Indonesian Economics. The Concept of Dualism in Theory and Policy (Selected Studies on Indonesia by Dutch Scholars. Vol. VI.). The Hague, 1961.
40. Breman J. Java: Bevolkingsgroei en Demografische Structuur.— Tijdschrift van het Koninklijk Nederlandsch Aardrijkskundig Genootschap. Leiden, 1963, Deel LXXX, № 3.
41. Coale A. J. and Hoover E. M. Population Growth and Economic Development in Low-Income Countries. A Case Study of India's Prospects. Princeton, 1958.
42. Collier W. L., Santoso G. W. Recent Changes in Rice Harvesting Methods.— «Bulletin of Indonesian Economic Studies». Canberra, 1973, vol. IX, № 2.
43. Dam H. ten. Cooperation and Social Structure in the Village of Chibodas.— Indonesian Economics. The Concept of Dualism in Theory and Policy (Selected Studies on Indonesia by Dutch Scholars. Vol. VI.). The Hague, 1961.
44. Dewey A. G. Peasant Marketing in Java. Glencoe, 1962.
45. Freedman M. A. Note on Social Organization in Rural Area of Greater Djakarta.— «Man». L., 1960, vol. 60, June.
46. Geertz H. The Javanese Family. A Study of Kinship and Socialization. Glencoe, 1961.
47. George P. Les problèmes l'urbanité dans l'Indonesie.— «Annales de géographie». P., 1960, mai — juin.
48. Glassburner B. [Ред. на:] W. Nitiasastro. On Population Trends in Indonesia. Ithaca — London, 1970.— «Indonesia». Ithaca, 1970, № 10.

49. Harts-Broekhuis A., Palte-Gooszen H. Demografische aspecten van armoede in een javaans dorp, Jambidan.—«Utrechts geografische studies». 4. Utrecht, 1977.
50. Hoover E. and Perlman M. Measuring the Effects of Population Control on Economic Development: a Case Study of Pakistan.—«Pakistan Review». Karachi, 1966, № 6.
51. Horstmann K. Die Bevölkerungsverteilung in Indonesien.—«Die Erde». B., 1964, № 3.
52. «International Labour Review». Geneva, 1962, October.
53. Keyfitz N. The Long-time Prospect for Indonesian Population.—«Bulletin of Indonesian Economic Studies». Canberra, 1973, vol. IX, № 1.
54. Koentjaraningrat R. M. Some Social-Anthropological Observations on Gotong-rojong Practices in two Villages of Central-Java. Ithaca — New York, 1961.
55. Kuznets S. Population and Economic Growth.—«Proceedings of the American Philosophical Society». 1967, vol. III.
56. Kroef J. M. van der. Indonesia New Development Plan.—«Eastern World». L., 1961, № 2.
57. Landbouw in den Indischen Archipel. Onder redactie van Dr. J. J. van Hall en C. van de Coppel. Deel 1, 's.-Gravenhage, 1946.
58. Leeman A. Veränderte Methoden der Reiseernte Ländlicher Wander in Java.—«Geographica Helvetica». Bern, 1978, № 4.
59. McDonald P. Fewer Indonesians?—«Bulletin of Indonesian Economic Studies». Canberra, 1972, vol. VIII, № 1.
60. McGee T. G. The Urbanization Process in the Third World. Explorations in Search of a Theory. L., 1971.
61. Nitiasastro W. On Populations Trends in Indonesia. Ithaca — London, 1970.
62. Penduduk Indonesia, I, Jawa en Madura, Biro Pusat Statistik. Djakarta, 1959.
63. Population of Indonesia.—«Ekonomi dan Keuangan Indonesia». Djakarta, 1956, № 2.
64. Purcell V. The Chinese in Southeast Asia. L., 1951.
65. Raulet H. M. Family Planning and Population Control in Developing Countries.—«Demography». Chicago, 1970, vol. 7, № 2.
66. Reese T. H. Soedarmadi, Suyono H. The Indonesian National Family Planning Program.—«Bulletin of Indonesian Economic Studies». Canberra, 1975, vol. XI, № 3.
67. Ronner I. Interne migratie in Ceylon als bevolkingspolitiek. Amsterdam, 1967.
68. Santoso D., Wardhana A. Some Aspects of Spontaneous Transmigration in Indonesia.—«Ekonomi dan keuangan Indonesia». Djakarta, 1957, vol. 10, № 6.
69. Sensus penduduk 1962. Republik Indonesia. Djakarta, 1964.
70. Statistical Pocket Book of Indonesia, Biro Pusat Statistik. Djakarta, 1956, 1957, 1960, 1967.
71. Statistik Konjunktur. Biro Pusat Statistik. Djakarta, 1959, 1962.
72. Statistisch Jaaroverzicht van Nederlandsch-Indie. Weltevreden, 1928—1939.
73. Titus M. J. Differential Fertility and Mortality in Djakarta Raya, Indonesia. A Socio-spatial Analysis of the 1961 Census Based on the Demographic Transition Model.—«Bulletin, Sociale Geografie Ontwikkelingslanden». Geografisch Instituut Rijksuniversiteit Utrecht, Serie II. Utrecht, 1972, № 2.
74. Tripathi C. B. Some Notes on a Central Javanese Village.—«The Eastern Anthropologist». Lucknow, 1957, vol. 10, № 3—4.
75. Wanda H. Die Beziehungen zwischen Bevölkerungs- und Wirtschaftsentwicklung dargestellt an Beispiel Indonesiens. Kieler Studien. Forschungsberichte des Institutes für Weltwirtschaft an der Universität Kiel. Tübingen, 1965.
76. Wertheim W. F. East-West Parallels. Sociological Approaches to Modern Asia. The Hague, 1964.

П. М. Мовчанюк

**КИТАЙЦЫ В ИНДОНЕЗИИ В ГОДЫ
«НАПРАВЛЯЕМОЙ ДЕМОКРАТИИ»
(1957—1965)**

Положение китайского национального меньшинства в Индонезии в 1957—1965 гг., равно как и политика индонезийских властей по отношению к китайскому населению, может быть понято лишь с учетом комплекса внутри- и внешнеполитических факторов, составлявших суть исторического процесса Индонезии в период «направляемой демократии».

Предпосылки возникновения «направляемой демократии» (иногда называемой также «руководимой демократией»), анализ и критика ее, особенности и характер классовой и политической борьбы в Индонезии тех лет подробно и основательно рассмотрены советскими учеными А. Ю. Друговым и А. Б. Резниковым [9]. Проблемам национального строительства, формирования и развития национально-этнических процессов, складывания национального рынка в условиях современной Индонезии посвящены работы Ю. В. Маретина [12; 13; 14]. Некоторые аспекты внешней политики Индонезии в указанный период изложены в монографии Н. П. Малетина [11]. Экономика и экономическая политика отражены в работах В. Я. Архипова [8], Л. Ф. Пахомовой [23], М. А. Андреева [6; 7] и др.

Специальные работы советских ученых, посвященные изучению различных аспектов положения китайского меньшинства в Индонезии в 1957—1965 гг., отсутствуют, хотя научная и политическая значимость проблемы очевидна¹. Исследования индонезийских авторов представляют определенный интерес с точки зрения содержащегося в них фактического материала и различной трактовки «китайской проблемы»². В западной буржуазной

---

¹ Некоторые вопросы положения китайцев в Индонезии послевоенных лет затронуты в исследованиях Н. А. Симонии [24], М. А. Андреева [3; 4], Ю. В. Маретина [14]. О положении китайцев в Индонезии в 70-х годах писали Ю. А. Алешин [2], М. А. Андреев [3; 4].

² Об индонезийской историографии см. [21].

историографии, главным образом американской, этой проблеме уделяется большое внимание³.

Индонезийский национализм против китайского национализма

В значительной степени политика индонезийских властей в отношении китайского меньшинства — это проблема индонезийского национализма. В силу этого она глубоко противоречива и крайне сложна для изучения. Во второй половине 40-х годов, когда стояла общенациональная задача по защите суверенитета страны, индонезийскому национализму были присущи положительные, прогрессивные черты: развитие почти всех классов и слоев общества шло в русле антиимпериалистической борьбы. В первой же половине 50-х годов индонезийский национализм проявляет свою двойственность. С одной стороны, нерешенные задачи национального этапа индонезийской революции (кабальные соглашения с Нидерландами, экономическая зависимость от бывшей метрополии и др.) диктовали индонезийскому национализму революционно-демократическое содержание, с другой — необходимость проведения социальных преобразований (и как следствие этого раскол единства национальных сил и усиление классовой борьбы) вела к тому, что у индонезийского национализма обнаружились реакционные черты.

К 1957 г. общенациональная задача укрепления внешнеполитической независимости в основном была решена. Индонезийская революция подошла к этапу социальных преобразований. С целью укрепления центральной и личной власти, а также для предотвращения обострения классовой борьбы Сукарно ввел в 1957—1960 гг. систему «направляемой демократии», краеугольным камнем которой являлась утопическая концепция о национальном, идейном и социальном единстве индонезийского народа. В индонезийском национализме под ширмой «социализма» и революционной фразеологии постепенно все четче стали проявляться реакционные черты.

Хотя проблема китайского меньшинства в политике правящих кругов Индонезии обострилась, как уже говорилось, в значительной степени в связи с ростом индонезийского национализма со всеми его противоречиями, следует иметь в виду, что на всех этапах эволюции индонезийского национализма буржуазия китайского меньшинства почти всегда преследовала и боролась за свои узкоклассовые и узкоэтнические интересы, что создавало и поддерживало реальные противоречия между индонезийским национализмом и национализмом китайского меньшинства. Поскольку политически и идеологически национализм

---

³ Об исследовании индонезийских китайцев учеными Запада и США см. [19; 20].

китайского меньшинства в значительной степени был обращен в сторону родины предков и почти всегда находил там поддержку, постольку эти противоречия затрагивали и сферу межгосударственных отношений.

С одной стороны, протест трудящихся против эксплуатации, с другой — борьба индонезийской буржуазии за право монопольно, без помех эксплуатировать свой народ. С одной стороны, обоснованная ненависть к китайской буржуазии как разновидности эксплуататорского слоя, с другой — стремление направить чувство социального протеста индонезийских эксплуатируемых слоев по каналам расовых выступлений, чтобы отвести удар от собственно индонезийской буржуазии. С одной стороны, законное возмущение стремлением китайцев к исключительности, кастовой замкнутости, чувством их расового превосходства и т. д., с другой — бесплодные попытки решить эту проблему путем принудительной ассимиляции, лишить китайское меньшинство возможности сохранить элементы национальной культуры. Таковы основные противоречия проблемы китайского меньшинства в Индонезии.

В данной статье основное внимание уделено политике ассимиляции, проводимой индонезийскими властями в отношении китайского населения.

Экономические позиции китайцев в Индонезии

В Индонезии издавна проживало большое число китайцев. В свое время колониальные власти поощряли иммиграцию китайцев в Нидерландскую Индию. Если в 1860 г. китайцев в стране было 221 тыс., в 1930 г. — 1233 тыс. [71, с. 86], то в начале 1960 г. их стало 2,45 млн., по одним источникам [58, с. 98], и около 3 млн. — по другим [58, с. 99]⁴. Они пустили в Индонезии глубокие корни, в необходимой мере освоили язык страны, нравы и обычаи, обзавелись имуществом, преуспевая в различных деловых начинаниях, особенно в торговле [16].

После достижения Индонезией независимости ведущие позиции китайского капитала в экономике страны сохранялись. Слабость индонезийской национальной буржуазии, неподготовленная национализация собственности голландских компаний при неспособности государственного сектора занять ведущие позиции в индонезийской экономике, а впоследствии и его банкротство, широкие связи китайского капитала с международным — все это создавало благоприятные условия для функционирования китайского предпринимательства.

В начале 50-х годов позиции китайского капитала в про-

---

⁴ По индонезийским данным, общее число китайцев в Индонезии к началу 1980-х годов превышало 5 млн. [36а, с. 7].

мышленности были прочнее индонезийского. Так, например, из 574 предприятий, в основном обрабатывающей промышленности Восточной Явы, свыше 400 принадлежали китайцам [54, с. 244]. В Большой Джакарте китайская буржуазия владела 96 типографиями из 152, а индонезийская — 36 [52, с. 345]. В провинции Северная Суматра в районе Аче китайскому капиталу принадлежало 64,5% всех имеющихся предприятий, на Восточной Суматре (так же как и Аче, административно входившей в первой половине 50-х годов в состав Северной Суматры) — 72%, в то время как индонезийскому — 25%, иностранному — 3% предприятий [55, с. 643]. Аналогичное положение наблюдалось и в других провинциях Индонезии, равно как и в остальных отраслях промышленности. Например, данные по Палембангу о занятости различных этнических групп в производстве каучука также убедительно подтверждают вывод о сильных позициях китайского капитала в экономике Индонезии [67, с. 161].

Год	Индонезийцы, %	Китайцы — граждане Индонезии, %	Китайцы- иностранцы, %	Общее производство, тыс. т
1954	5	28	67	40,5
1955	3	37	60	82,2
1956	5	35	60	75,8
1957	5	34	61	85,9
1958	5	32	63	94,1
1959	6	33	61	94,1
1960	7	30	63	76,3
1961	11	37	52	71,4
1962	10	38	52	82,5
1963	11	39	50	69,6
1964	12	48	40	68,3
1965	7	66	27	71,5

Таким образом, позиции китайского капитала в обрабатывающей промышленности отдельных районов Индонезии и в целом по стране были довольно прочными и глубокими. Как правило, предприятия китайского капитала превосходили индонезийские своими мощностями, энергетической вооруженностью, занятостью наемных рабочих, объемом выпускаемой продукции.

В условиях островного характера государства и неразвитости железнодорожного транспорта внутри отдельных островов автомобильный и судоходный транспорт приобретает особую важную роль [12, с. 63—64]. Капиталовложения китайцев в транспорт, преимущественно в автомобильный, в начале 50-х годов были сравнительно высокими. Так, например, в провинции Западная Ява на долю китайского капитала приходилось 1030, индонезийского — 401, иностранного — 172 автотранспортных предприятия [53, с. 321]. И в судоходстве позиции китайской буржуазии были сильнее, чем у национальных предпринимателей [53, с. 277].

Традиционно прочны позиции китайского капитала во внут-

ренной и внешней торговле. В конце 50-х годов, согласно подсчетам индонезийских ученых, в крупной торговле действовало 1364, в посреднической — 28 743 и в мелкой и розничной — 91 212 китайцев — граждан КНР [59]. С учетом же китайцев — граждан Индонезии удельный вес китайского капитала, функционировавшего в сфере торговли и финансово-кредитной системе, значительно возрастает. В середине 60-х годов функционировало свыше 420 тыс. торговых и складских компаний [64]. По признаку гражданской принадлежности соотношение численности крупных, посреднических и мелких торговых компаний, согласно принятому у индонезийских экономистов делению, выглядело следующим образом [64]:

Вид торговли	Общая численность компаний	В том числе компаний китайцев-иностранцев
Крупная	12 029	1 365
Посредническая	90 611	28 696
Мелкая	317 568	92 128
Итого . . .	420 208	122 189

В конце 60-х годов китайцы контролировали около 30% оборотного капитала и до 70% всех финансовых вложений в экономику Индонезии [12, с. 59].

Как видно из приведенных данных, наибольшая часть китайских торговцев сосредоточена в посреднической и мелкой торговле. Значение этой категории торговцев исключительно велико в механизме воспроизводства национального продукта. В силу сложившихся исторических и экономических условий они, с одной стороны, выполняют заготовительно-сбытовые функции, а с другой — ссужают мелких производителей необходимыми суммами⁵.

В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал: «...скупая изделия (или сырье) в массовых размерах, скупщики таким образом удешевляли расходы сбыта, превращали сбыт из мелкого, случайного и неправильного в крупный и регулярный, — и это чисто экономическое преимущество крупного сбыта неизбежно повело к тому, что мелкий производитель оказался отрезанным от рынка и беззащитным перед властью торгового капитала. Таким образом, в обстановке товарного хозяйства мелкий производитель неизбежно попадает в зависимость от торгового капитала в силу чисто экономического превосходства крупного, массового сбыта над разрозненным мелким сбытом» [1, с. 359—360].

⁵ Советский ученый Н. А. Симония впервые показал эволюцию торговоростовщического капитала в странах Азии и его место в системе капиталистических отношений в странах Востока [25; 26]. На некоторые сходные особенности китайского ростовщического капитала в Индонезии указывали Сумитро, американские исследователи Гиртц и Дьюи [63; 37; 34].

Объективная реальность индонезийской экономики полностью совпадает в этом аспекте с ленинскими положениями. Осознание индонезийскими властями этой реальности имеет огромное значение не только для выработки общей стратегии экономического развития, но и для проведения соответствующей практической политики в отношении торгового капитала вообще, а китайского капитала в особенности.

О социальной структуре китайского меньшинства дают представленные результаты обследования Сукабуми — одного из городов Западной Явы, проведенного в середине 50-х — начале 60-х годов [39, с. 38]. В 1956 г. в городе проживало 67 тыс. жителей, в том числе свыше 10 тыс. китайцев [39, с. 33]. К 1963 г. население возросло до 88 тыс. человек, число китайцев увеличилось до 12 тыс. [38, с. 156]. 77,2% китайской общины города составляло самостоятельное население. Наибольшая часть его — 69,6% — была занята в торговле [39, с. 36]; подавляющее большинство этой категории владело небольшими магазинами, киосками и прочими мелкими торговыми заведениями [39, с. 33]. Вторую большую социальную категорию составляли лица наемного труда — 30%. Удельный вес рабочего класса был невелик — 10,4% [39, с. 36].

О динамике занятости китайского населения свидетельствуют следующие данные. В 1930 г. в сфере производства сырьевой продукции было занято 1,2% китайского населения города, а в 1956 г. не было зарегистрировано ни одного человека, в промышленности — соответственно 21,4 и 10,5%, в транспорте — 4,5 и 3,5%, в торговле — 55,5 и 69,6%; доля рабочего класса упала с 15,7 до 10,4% [39, с. 36]. Нестабильность политического и экономического положения в стране, дискриминационная политика индонезийских властей побуждали китайцев сворачивать или сокращать производственные мощности в промышленности или сельском хозяйстве и разворачивать предпринимательство в непроизводительных отраслях.

Однако даже в городском секторе промышленности, несмотря на неблагоприятную, казалось бы, обстановку, позиции китайского капитала были сильнее. По состоянию на 1956 г., в Сукабуми было зарегистрировано 385 предприятий различных отраслей промышленности, 185 из которых принадлежали китайцам и 183 — индонезийцам [39, с. 35].

В 1963 г., когда проводилось второе обследование, позиции китайского капитала в промышленности города по-прежнему оставались прочными. В монопольном владении китайской буржуазии находились текстильные предприятия, рисоушки, фабрики по производству арахисового масла и т. п. [38, с. 164]. Усилились позиции китайцев к 1963 г. в плантационном хозяйстве. В ходе национализации голландской собственности многие принадлежавшие голландскому капиталу плантации перешли в руки китайской буржуазии. Из 111 расположенных около Су-

кабуми плантаций в собственности китайского капитала находились 85 [38, с. 169]. 75% грузового и легкового автопарка Сукабуми являлись собственностью китайцев [38, с. 169]; городской таксомоторный парк наполовину принадлежал китайцам. Транспортные средства, которые находились во владении индонезийцев, были в плохом техническом состоянии и не выдерживали конкуренции. В 1963 г. в городе насчитывалось 284 магазина, 241 из них владели китайцы [38, с. 170]. Большое количество китайцев занималось розничной торговлей как в пределах города, так и вне его, обслуживая крестьян близлежащих деревень.

Данные двух обследований убедительно показывают прочность позиций китайского капитала во всех отраслях городской экономики. В монопольном владении китайцев находились жизненно важные промышленные предприятия, китайская буржуазия контролировала транспорт и доминировала в торговле. Другими словами, китайский капитал активно и органически участвовал в расширенном производстве, являясь необходимым и важным элементом механизма расширенного воспроизводства в Индонезии.

Правовое положение

Как отмечалось выше, по оценкам зарубежных буржуазных ученых, в начале 60-х годов в Индонезии проживало не менее 2,45 млн. китайцев. Изучение проблемы гражданства китайского населения в Индонезии имеет ряд сложностей. Статистические данные, приводимые учеными и государственными деятелями, являются весьма приблизительными и подчас служили и продолжают служить определенным политическим целям. Нередко руководители Индонезии, а вслед за ними и буржуазные исследователи Запада и Индонезии рассматривают национальный статус китайского населения в качестве критерия его политической лояльности. Подобный критерий очень зыбок и далеко не отражает реальное положение вещей хотя бы потому, что в основе политических симпатий прежде всего лежит классовая принадлежность населения. Вместе с тем, вероятно, нельзя недооценивать и некоторые другие факторы, в том числе и особенности государственной политики в отношении китайского меньшинства.

Национальный статус китайского населения в Индонезии был различен. В начале 60-х годов, по подсчетам американского исследователя Скиннера, он выглядел таким образом: китайцев — граждан КНР — 1,25 млн., лиц с двойным гражданством — 1 млн. и китайцев — граждан Индонезии — 200 тыс. человек [58, с. 111—112]. В соответствии с Соглашением о двойном гражданстве, подписанным руководителями Индонезии и КНР

в 1955 г., но ратифицированным только в 1960 г., из 1 млн. китайцев с двойным гражданством индонезийское подданство приняли 600 тыс. китайцев (по индонезийским официальным источникам). Китайское руководство определяет численность китийцев, принявших индонезийское гражданство, в 700—900 тыс. человек [60, с. 34].

Для понимания правового положения китайцев — граждан КНР в рассматриваемый период необходим небольшой исторический экскурс. Как известно, конституция КНР, одобренная в 1954 г. Временным народным политическим консультативным советом, приравнивала китайцев, постоянно проживающих за пределами КНР, к гражданам КНР [4, с. 72]. При Совете народных представителей и правительстве КНР функционировали комитеты по делам зарубежных китайцев. Во Всекитайском собрании народных представителей зарубежным китайцам было предоставлено 30 мест [10, с. 95]. За индонезийскими китайцами было зарезервировано 4 места [35].

Еще в 1955 г. в ходе афро-азиатской конференции в Бандунге между правительствами двух стран было заключено Соглашение о двойном гражданстве. В Соглашении подчеркивалось, что лица с двойным гражданством должны в двухлетний срок отдать предпочтение какому-нибудь одному гражданству. Если такое лицо отдавало предпочтение индонезийскому гражданству, то оно должно было подать на рассмотрение суда первой инстанции заявление, в котором бы указывалось о желании отказаться от китайского гражданства. Если же в течение указанного времени лицо с двойным гражданством не проявило никакой активности к изменению своего статуса, то его рассматривали как отдавшего предпочтение гражданству КНР. Свою принадлежность к индонезийскому гражданству он терял. Итак, устранялось и исключалось в будущем появление двойного гражданства.

Большое значение имела статья XI Соглашения, гласившая: «С целью улучшения условий, в которых граждане одной страны проживают в другой, высокие договаривающиеся стороны согласны побуждать своих собственных граждан, проживающих в другой стране, уважать законы и обычаи той страны, в которой они живут, не принимать участия в политической деятельности этой страны. Каждая из высоких договаривающихся сторон подтверждает свою готовность защищать в соответствии с ее законодательством права собственности и интересы граждан другой стороны, проживающей на ее территории» [68]. Таким образом, если иметь в виду китайцев в Индонезии, то индонезийские власти гарантировали им, в том числе китайцам — гражданам КНР, «права собственности и интересов», т. е. возможность заниматься различными видами предпринимательской деятельности.

Соглашением 1955 г. оговаривалось, что оно вступит в силу

после обмена ратификационными грамотами, который должен был иметь место в Пекине. Этот акт последовал только лишь в начале 1960 г.

И руководство КНР во второй половине 50-х годов призвало китайских эмигрантов активно содействовать экономическому развитию Индонезии, поддерживать хорошие отношения с местным населением. Так, в официальном документе китайского правительства говорилось: «Защита справедливых прав и законных интересов китайских эмигрантов предусмотрена Конституцией Китайской Народной Республики. Однако китайское правительство наряду с этим указывает китайским эмигрантам: горячая любовь китайских эмигрантов к своей родине и дружественное отношение к народу страны проживания — исторические традиции, являющиеся исключительно ценными. Поэтому ни в коем случае нельзя пренебрежительно относиться к стране проживания или проявлять тенденции великодержавного шовинизма в связи с тем, что у китайских эмигрантов есть теперь могущественная и великая родина... В целях осуществления мирной внешней политики и пяти принципов мирного сосуществования китайская политика в отношении эмигрантов предусматривает, что китайские эмигранты не принимают участия в местной политической борьбе, строго соблюдают правительственные законоположения страны проживания и уважают права и обычаи местного населения» [4, с. 75]. На практике это далеко не всегда соблюдалось.

Согласно действовавшему в Индонезии законодательству китайцы — граждане КНР, как, впрочем, и иностранцы других национальностей, не обладали политическими правами. Они не могли принимать участия в политической жизни страны, не имели права избирать и быть избранными.

В 1953 г. индонезийские власти издали специальное постановление о «контроле над иностранцами». Поскольку эта проблема, по замыслу индонезийских правящих кругов, должна решаться в максимально короткий срок, постановление было возведено в форму чрезвычайного закона [70]. Положения документа были направлены на то, чтобы воспрепятствовать нелегальному въезду китайцев в Индонезию. Закон предусматривал усиление контроля над всеми иностранцами, проживавшими в стране. Контроль над иностранцами возлагался на Бюро по надзору за иностранцами. Этот орган подчинялся министру юстиции, но организационно входил в министерство полиции. Бюро помогал постоянно действующий исполнительный комитет. В нем принимали участие представители государственных учреждений, которые имели непосредственное отношение к контролю над иностранцами, в том числе и представители органов государственной безопасности. Бюро было наделено всеми полномочиями в отношении проживавших в Индонезии китайцев-иностранцев. Этот контролирующий орган мог ограни-

чить свободу передвижения иностранцев, принять крайние меры в отношении тех иностранцев, которые «рассматривались опасными для безопасности, порядка и морали общества». В арсенале карающих мер были интернирование, запрещение поселения и посещения определенных районов, выселение из страны.

С возвращением Индонезии в 1959 г. к Конституции 1945 г. политические права иностранцев были еще более урезаны. Так, чтобы стать депутатом парламента или членом Народного консультативного конгресса, членом Национального планового совета, необходимо было иметь индонезийское гражданство. В конституции прямо указывалось, что президентом Республики Индонезии может стать только гражданин Индонезии и только индонезиец по происхождению [42]. Правительство в законодательном порядке закрепляло, что только граждане Индонезии могут быть членами политических партий страны. Иностранцам также запрещалось входить в руководящие органы политических организаций [42]. Иностранцам не разрешалось участвовать в руководящих органах Комитета по делам паломников — Маджелис пимпинан хаджи [41]. Для китайцев — граждан КНР были закрыты руководящие должности в системе образования, просвещения и воспитания [44]. После 1957 г., в период военного положения в стране, военные власти приняли ряд дополнительных мер по усилению контроля над иностранцами и улучшению координации действий ведомств, занимавшихся осуществлением надзора над китайцами [43]. С конца 1960 г. контроль над китайцами-иностранцами сосредоточился в руках военного министра [43].

Вопрос об ассимиляции китайцев и деятельность местных китайских организаций

Китайцы — граждане Индонезии, так же как и их соплеменники — граждане КНР, неоднородные по своему классовому составу, объединенные лишь общим гражданством, в целом имели неодинаковый подход ко многим аспектам индонезийской политики, которая прямо или косвенно касалась их. Одним из болезненных для китайского меньшинства был вопрос ассимиляции китайцев с коренным населением. Среди китайского населения, принявшего индонезийское гражданство или собиравшегося это сделать, отсутствовало единое мнение в отношении этой проблемы. Значительная часть китайцев, проявлявшая лояльность по отношению к индонезийским властям, в государственном и гражданском аспектах отождествлявшая себя с коренным населением, выступала за сохранение и развитие китайской культуры, обычаев, традиций, языка и т. п. В противоположность им другая, меньшая часть китайского населения была

сторонницей полной ассимиляции китайцев с коренным населением, настаивала на отказе от своей культуры, родного языка и т. п.

Истоки возникновения таких течений уходят в колониальное прошлое [16]. В независимой Индонезии, особенно в годы «направляемой демократии», борьба этих групп, несомненно отразившая противоборство основных политических сил Индонезии тех лет, приобрела весьма ожесточенный характер.

Выразителем идей и организатором практической деятельности китайского населения, выступавшего за сохранение за ним статуса национального меньшинства, боровшегося против расовой дискриминации и за равноправие, являлся «Консультативный орган по вопросам индонезийского гражданства» — Ба-дан Пермушаваратан кеварганегараан Индонесиа (Баперки). Образованная в 1954 г., накануне проведения первых всеобщих выборов в Индонезии, эта организация включила в себя локальные китайские общественные и политические организации [22]. В социальном отношении Баперки на первых порах его существования представлял собой конгломерат различных классов, слоев, групп китайского населения, придерживавшихся самых различных политических взглядов: от левых до крайне правых. Однако уже перед самыми выборами ряды организации покинули наиболее реакционные элементы. Через год число членов Баперки достигло 40 тыс., а число филиалов — 142 [31].

На выборах 1955 г. председатель Баперки Сяо Гиок Чан⁶ и другие видные деятели этого органа были избраны в парламент и учредительное собрание [40]. На выборах в местные органы власти в 1957 г. Баперки выставил общих с Коммунистической партией Индонезии кандидатов и добился внушительных успехов, особенно в районах Восточной и Центральной Явы [60, с. 152]. Баперки все больше приобретал черты политической организации китайского населения, решившего связать свою жизнь с Индонезией. Сяо Гиок Чан в своих работах, речах и выступлениях в печати в конце 50-х годов неоднократно приводил в качестве примера решение национального вопроса в Советском Союзе. Он считал, что расовую дискриминацию можно устранить только в условиях социалистической Индонезии [33, с. 56].

Руководство Баперки вело активную деятельность против расовой дискриминации, в защиту прав китайских предпринимателей, в том числе и граждан КНР [49, с. 3; 73, с. 89], последовательно боролось за равноправие китайцев с местным населением, осуществило ряд серьезных мероприятий в области

---

⁶ В 30-е годы Сяо Гиок Чан был членом Китайской партии Индонезии, принимал участие в издании газеты «Мата Хари» («Солнце»). В годы японской оккупации Индонезии принимал участие в движении сопротивления на стороне индонезийских патриотов. В 1947 г. министр правительства Амира Шарифуддина.

просвещения⁷ и высшего образования. Все это существенно расширило социальную базу организации как среди китайцев — граждан Индонезии, так и среди граждан КНР, значительно укрепило источники финансирования мероприятий Баперки. Мелкобуржуазная по своему классовому составу организация китайского меньшинства к 1965 г. насчитывала 284 799 человек и имела 409 отделений [33, с. 60].

Выразителями идей «полной» ассимиляции в китайской общине выступали небольшая группа представителей крупного китайского бизнеса, буржуазная интеллигенция, а также некоторые слои студенческой молодежи из состоятельных китайских семей. Часть представителей крупного бизнеса и технократов были связаны с правыми кругами индонезийских властей.

Нужно отметить, что еще с первых лет независимости Индонезии созданное при индонезийском министерстве внутренних дел «Бюро по делам перанаканов и иностранцев» — Урусан перанакан дас бангса асинг (УПБА) — стремилось проводить политику ассимиляции всех меньшинств [66, с. 40]. Видные государственные деятели неоднократно призывали китайцев — граждан Индонезии к активному и быстрому устранению их обособленности от местного населения. Так, в 1958 г. с подобным заявлением выступил тогдашний начальник штаба сухопутных сил Индонезии генерал Насутион [33, с. 51].

В 1959 г. развернулась антикитайская кампания. Началась она с запрета китайцам-иностранцам (гражданам КНР) торговать в сельской местности. Фактически же эта кампания была направлена не только против китайцев — граждан КНР или лиц с двойным гражданством, но и, по существу, также против китайцев — индонезийских подданных. События 1959 г. способствовали значительному росту сторонников ассимиляции, которые видели в ней единственную возможность оградить себя от подобных выступлений. К ассимиляционистам перешли такие довольно влиятельные в китайской общине лица, как, например, Яп Тхиам Хиен — видный адвокат, до 1960 г. бессменный вице-председатель Баперки, покинувший организацию за ее «коммунистический курс» [61], Аувьонг Пенг Кун, издатель газеты «Стар Уикли», и др. К ним примкнули также китайцы-католики во главе с видным политическим деятелем Католической партии Инью Бенг Гоат, директором издательства «Кенг По». Таким образом, к концу 50-х — началу 60-х годов в лагере ассимиляционистов все большее влияние приобретали антикоммунистические элементы, что послужило объективной предпосылкой для установления позже тесных связей отдельных руководителей этого направления в китайской общине с правыми

---

⁷ Например, с 1957 по 1963 г. руководство Баперки открыло около 100 школ, в которых обучались дети китайцев — граждан Индонезии и КНР. В Джакарте на средства этой организации был открыт университет, имевший отделение в Сурабае.

силами в армии, которые, в свою очередь, всемерно пытались углубить и расширить антикоммунистический характер этой группы.

Официальные круги Индонезии, включая президента Сукарно, при проведении своей политики в отношении китайского меньшинства стремились опереться на эту часть китайского населения, всячески развивая позитивные, с их точки зрения, взгляды и поддерживая некоторые мероприятия ассимиляционистов.

На рубеже 50—60-х годов, когда Сукарно стал переводить страну на рельсы «направляемой демократии», «китайская проблема» оказалась в центре внимания индонезийских властей. Это было обусловлено усилившимся недовольством индонезийских трудящихся эксплуатацией буржуазии, ростом и углублением антикапиталистических настроений в индонезийском обществе, с одной стороны, и попытками национальной буржуазии направить чувство социального протеста против эксплуатации и антикапиталистические настроения народных масс против китайского капитала — с другой. Антикитайские настроения подогревались также обособленностью китайцев, подчеркиванием ими своей исключительности. На решение этой проблемы большое влияние оказывали особенности экономического положения страны, внутренняя и внешняя политика президента Сукарно.

Экономика страны неуклонно разваливалась. Кампания за возвращение Западного Ириана и «противостояние Малайзии» сокращали и без того мизерные бюджетные средства на развитие и социальные нужды народных масс. Механизм расширенного воспроизводства, унаследованный от голландской колониальной администрации, в результате непродуманных новшеств и опытов в области производства и сферы распределения полностью был расстроен. Поступления от экспорта сокращались. Государственные расходы росли. Правительство широко прибегало к эмиссии необеспеченных банкнотов. Росла дороговизна, увеличивалась безработица. Нехватка средств ощущалась очень остро. Внешние займы не покрывали государственные расходы. Правительство, будучи не в силах наладить работу государственного сектора, изыскивало возможности получать дополнительные источники финансирования за счет частного капитала, в том числе и китайского, удельный вес которого в общем объеме был сравнительно высок.

Экономическая обстановка в период «направляемой демократии» не могла не отразиться на национальном частном капитале. Неблагоприятный, порой даже дискриминационный курс правительства в отношении национального частного предпринимательства и нескрываемое намерение правительства в конечном счете его полностью ликвидировать привели к тому, что местные бизнесмены не испытывали интереса к капиталов-

вложениям в сферу производства. Они стремились к максимальному извлечению прибылей из своих предприятий при минимальных инвестициях.

Официальная дискриминация частного сектора сильнее всего задела китайских предпринимателей, в особенности тех из них, которые не имели индонезийского гражданства. Власти пошли на то, чтобы существенно урезать масштабы деятельности китайского капитала, когда в ноябре 1959 г. издали декрет о запрете китайцам-иностранцам вести торговлю в сельской местности [50]. Осуществление декрета сопровождалось широкой антикитайской кампанией, развернутой правыми кругами. Отношения с КНР резко ухудшились. Около 200 тыс. китайцев высказали желание покинуть Индонезию [57]. Только в 1960 г. за пределы Индонезии выехало 102 297 китайцев [36, с. 253], в том числе в КНР — около 96 тыс. [58, с. 115].

Позиция Баперки в отношении этого декрета была недвусмысленной. Она основывалась на том, что в условиях современного состояния индонезийской экономики необходимо использовать весь «домашний» капитал, понимая под словом «домашний» и капитал китайцев — граждан КНР, поскольку он в отличие от иностранного реинвестируется в экономику Индонезии. Подобный подход к иностранному китайскому капиталу, считали деятели Баперки, соответствует высказанному в Политическом манифесте президентом Сукарно положению о том, что «все прогрессивные по своему характеру силы и материальные ресурсы должны использоваться для развития национального хозяйства» [48], которое предполагает включение материальных средств и знаний проживающих в Индонезии и желающих участвовать в развитии ее экономики китайцев-иностранцев [49, с. 10].

Становление «направляемой демократии»

В области внутренней политики на рубеже 50—60-х годов проходило окончательное политическое и административное оформление системы «направляемой демократии». Назначаемый Временный народный консультативный конгресс и парламент Сукарно представлял как органы национального единства. Военное положение в стране отменено не было. Проведение всеобщих выборов отсрочили. Деятельность легальных партий и общественных организаций направлялась правительством. Не избежал этой участи и Баперки. Баперки должен был вступить в «Национальный фронт» и пересмотреть свою программу с учетом изменившейся ситуации [33, с. 47], а центральное руководство провозгласило, что его политический курс конвергентен политике КПИ, которая, по существу, делает то же, что и сам президент [62, с. 62].

Для начала 60-х годов, как справедливо отмечали советские ученые А. Ю. Другов и А. Б. Резников, было характерно то, что во всех аспектах «направляемой демократии» постепенно усиливались негативные тенденции, не всегда различимые — даже если они уже были сильны — под традиционной прогрессивной оболочкой. Эти тенденции указывали на стремление правящих кругов ограничить деятельность левых организаций и права трудящихся, используя призыв к национальному единству [9, с. 19].

Во внешней политике тоже стали проступать негативные тенденции. На Белградской конференции неприсоединившихся стран в сентябре 1961 г. была впервые изложена концепция «новых нарождающихся сил». Противоборство между национально-освободительным движением и империализмом и колониализмом выдвигалось на первый план. Социалистическим странам в мировом революционном процессе отводилась второстепенная роль. Эта позиция стала идеологической основой для сближения руководства КНР и Индонезии.

Гегемонистские тенденции правящих кругов Индонезии особенно усилились и проявились во время китайско-индийского пограничного конфликта. Индонезийское руководство считало Индию соперником на пути к лидерству среди развивающихся стран. Китай обратился к Индонезии с просьбой о посредничестве в урегулировании конфликта с Индией. Последовавшие затем встречи государственных деятелей немало способствовали сближению двух государств. В начале января 1963 г. состоялась поездка индонезийского министра иностранных дел Субандрио в Пекин; в апреле того же года Индонезию посетил Лю Шаоци, которому устроили пышную встречу. В совместном заявлении, подписанном 20 апреля, указывалось на общность взглядов двух стран по основным вопросам внешней политики. Китайской дипломатии удалось добиться от индонезийской стороны одобрения позиции КНР в «мирном решении китайско-индийского пограничного конфликта» [9, с. 104]. Китайская сторона выразила поддержку политики Индонезии в противостоянии Малайзии.

Правительственная установка на ассимиляцию

Именно в такой обстановке индонезийское правительство в начале 60-х годов проводило свою политику в отношении китайского меньшинства. Выше уже отмечалось, что национальной политике, т. е. политике правительства в отношении населявших страну народностей и меньшинств, как таковой, внимания не уделялось, а если и уделялось, то очень мало [13]. Признавая и неоднократно подчеркивая роль государства и государ-

ственных институтов в формировании «индонезийской нации», власти мало что делали в практическом плане.

Китайское население, которое индонезийцы в отличие от себя называли некоренным («тидак асли»), жило своей обособленной жизнью, сохраняя экономическую, культурную, религиозную самостоятельность и национальные особенности. Китайское меньшинство, несмотря на свое индонезийское подданство, не ощущало и не проявляло своей принадлежности к индонезийской нации и государству. Эти и другие причины порождали у индонезийского населения антикитайские настроения. Но главной причиной антикитайских настроений являлось то, что эксплуататорская по своему характеру китайская буржуазия (в этом плане ничем не отличаясь от индонезийской буржуазии, она была несравненно могущественнее экономически) отождествлялась со всеми китайцами, проживавшими в Индонезии. Общая отсталость классового сознания широких масс индонезийского народа, противоречивая сущность индонезийского национализма и его противостояние китайской обособленности постоянно служили для индонезийской буржуазии тем каналом, по которому она искусно направляла и отводила от себя недовольство народных масс. Впоследствии и для индонезийского правительства, бесспорно выражавшего интересы определенных кругов национальной буржуазии, было легче сваливать экономические неудачи и трудности на китайцев и делать их козлом отпущения. Несомненно и то, что отмеченные выше этнографические особенности китайцев, в первую очередь их обособленность, не способствовали или мало способствовали установлению взаимопонимания и контактов с коренным населением.

Китайское население, принявшее индонезийское гражданство, ощущало свою принадлежность к Индонезии чисто номинально. Об этом убедительно свидетельствуют слова бывшего министра иностранных дел Индонезии Сунарио, который в 1955 г. в Бандунге от имени своего правительства подписал с Чжоу Энъяем Соглашение о двойном гражданстве. Он говорил: «Чувство принадлежности, т. е. сознательное и добровольное рассмотрение себя в качестве органической части нации, особенно в таком государстве, как Индонезия, формировалось в результате совместной борьбы; чувство принадлежности прямо касается вопроса гражданства, который на первый взгляд может показаться чисто юридическим. На самом же деле гражданство имеет более глубокое значение, так как права и обязанности, вытекающие из статуса гражданства, тесно друг с другом связаны» [30, с. 56]. Однако китайцы — граждане Индонезии, широко пользуясь правами своего гражданства, неохотно выполняли обязанности, вытекающие из статуса гражданина Индонезии. «Мы считаем своим долгом обратить внимание на это,— говорил Сунарио,— потому что статус гражд-

данина рассматривают (китайцы.— П. М.) исключительно формально, не связывая его с процессом формирования нации и государства» [30, с. 49].

В высказывании Сунарио подчеркнута и другая важная мысль. Национальная идея есть не только фактор политического и экономического развития. Национальная идея, тождественная в конкретном случае идее формирования государства, должна служить «укреплению единства нации с учетом общественно-исторической реальности существования различных народностей с присущими им особенностями» [30, с. 53].

В период независимого развития Индонезии процесс формирования осознанных национальных и государственных связей между членами индонезийского общества и его классами, а также проживавших в стране различных этнических групп, не был одинаков и формировался стихийно. Коренному населению, для которого этот процесс проходил в период антиколониальной борьбы, идея национального и государственного единства, естественно, была близка, осязаема и реальна. Для китайского же населения, особенно его имущих слоев, пользовавшихся определенными привилегиями при голландцах и сохранявшими немалую долю этих привилегий в последующие годы, несмотря на явно дискриминационный курс правительства, этот процесс был чужд, более того — в известной степени тормозился антикитайскими мероприятиями экономического и внутрисполитического характера правящих кругов страны.

В результате того, что в течение 17-летнего периода «существования нации некоторые ее члены, имея статус граждан Индонезии, сохраняют свою обособленность, мы (индонезийское правительство.— П. М.) вынуждены предлагать единственный путь для национального объединения — это ассимиляцию китайского меньшинства с коренным населением» [30, с. 46]. Как же предполагалось учитывать национальные особенности в таком случае? На этот счет существовала четкая установка. В плане национального и государственного единства необходимо стремиться к объединению того, что можно объединить, признавая и уважая особенности (главным образом культурные) до тех пор, пока они не препятствуют процессу объединения [30, с. 48].

В начале 60-х годов «направляемая» политика Сукарно в отношении китайского меньшинства от «теоретических постулатов» начинает переходить к практическим мероприятиям. Чем же объяснить «порыв» индонезийских властей заняться вплотную решением этого вопроса в начале 60-х годов и особенно в начале 1963 г.? Причин несколько. Это и объективная необходимость национального и государственного единства, без которого невозможно добиться ликвидации зависимости от империалистических государств. Это и экономические трудности, переживаемые государством. Так, Сунарио прямо говорил, что

китайцы, как граждане Индонезии, должны внести свой вклад в развитие экономики, а если потребуется, то и пожертвовать (!) своим имуществом. Любопытно, что, по замыслам индонезийских властей, главные усилия китайцы должны были направить в сферу экономики и торговли, а другие народности, в зависимости от их традиционной общественно-хозяйственной деятельности, «на стимулирование национального энтузиазма», на развитие национальной культуры и т. п. [30, с. 48].

Заинтересованность индонезийских властей в китайском капитале выразили заместитель первого министра правительства, один из руководителей Национального фронта, Хайрул Салех: «У каждого из вас в отдельности (индонезийских граждан китайского происхождения.— П. М.) больше возможностей, чем у других. У вас есть деньги, опыт, знания. В условиях индонезийского социализма и „направляемой экономики“ частный капитал должен быть использован для раскрытия национальных богатств, во имя процветания всего общества. Китайский капитал может и должен сыграть большую роль в создании процветающего и справедливого общества» [30, с. 25]. В настоящее время, отмечал Х. Салех, «использование капитала и знаний не соответствует планам развития производства. Капитал направлен на финансирование торговцев-посредников, используется для спекуляций в сфере экономики. Китайский капитал играет чрезвычайно большую роль в росте обособленности, что вызывает подозрение и недоверие» [30, с. 28].

Интересно отметить, что под национальной идеей как фактором и принципом консолидации некоторыми индонезийскими государственными деятелями подразумевалась и идеология самутверждения индонезийской буржуазии, но под оболочкой защиты интересов народа! Сунарио заявлял: «Наибольшую тяжесть экономического положения испытывают простые люди. Голодными глазами они наблюдают за богатством и процветанием других, в том числе и тех, чье происхождение китайское. Это служит источником напряженности и должно быть немедленно устранено во имя целостности нации» [30, с. 50].

Не могло индонезийское правительство не считаться и с тем обстоятельством, что китайская буржуазия в Индонезии переводила солидные суммы за границу. При общей нехватке валютных средств это было весьма ощутимо. Так, в 1953—1963 гг. только в один Гонконг ежегодно переводилось до 15 млн. амер. долл. [6, с. 30].

У индонезийских властей вызвали беспокойство частые антикитайские выступления в различных частях Индонезии, которые не только наносили экономический ущерб, приводили к человеческим жертвам, осложняли индонезийско-китайские связи, но и свидетельствовали о живучести и «горючести» китайской проблемы. Так, в конце 50-х и начале 60-х годов XX в. мощные антикитайские выступления на Яве и других островах архипелага

лага сопровождалась поджогами, грабежами собственности китайского населения. Они оказывали отрицательное воздействие на процесс формирования национального единства, осложняли внутривластные отношения. В качестве одной из причин антикитайских выступлений в указанное время министр общественных работ и автономных областей Индонезии Ипик Гандамана назвал «отсутствие тесного общения между индонезийскими гражданами китайского происхождения и коренным населением» [30, с. 31]. По его словам, китайская община живет «обособленно». Общение с местным населением носит вынужденный характер. В основе взаимоотношений лежит экономический принцип — желание получить максимальную прибыль. «Общаются, но вне общества», «сосуществуют, а не являются органической частью единого целого» [30, с. 33]. Можно оспаривать справедливость высказываний И. Гандаманы, но несомненно, что, во-первых, его утверждения выражают официальную точку зрения на существо проблемы и, во-вторых, они показывают, что определяющей формой осознанной связи китайской общины с коренным населением является лишь экономическая.

Индонезийские правящие круги не могла не волновать китайская проблема и в плане внешнеполитическом. Внутри страны и на международной арене проводилась активная подготовка к противостоянию Малайзии. А в Малайзии проживало большое число китайцев, которые не только экономически, но порой и родственными узами были связаны с индонезийскими китайцами. Индонезийские власти опасались, и не без основания, что конфронтация с Малайзией может вызвать негативное отношение со стороны китайской общины в Индонезии. Думается, что и дальнейшее сближение руководства Индонезии и КНР также оказало немалое влияние на форсирование темпов решения китайской проблемы. Вопрос китайской общины в Индонезии всегда был в центре внимания руководства КНР. Индонезийско-китайские отношения не могли развиваться нормально без тех или иных акций со стороны правительств двух стран в отношении китайского населения в Индонезии.

В начале 1963 г., когда особенно возросло внимание индонезийских властей к проблеме индонезийских граждан китайского происхождения, индонезийско-китайские отношения значительно активизировались. Прямым результатом январской поездки Субандрио в КНР и явилась кампания, за ассимиляцию индонезийских граждан китайского происхождения, активное проведение которой пришлось на период, предшествующий приезду в Индонезию Лю Шаоци в апреле того же года.

По утверждению индонезийских руководителей, в условиях Индонезии ассимиляция — это единственно возможный путь слияния представителей китайской общины с коренным населением. Единственный потому, что, во-первых, после образова-

ния индонезийского независимого государства и «упрочения индонезийской нации» у индонезийских граждан китайского происхождения не происходило «естественного» или органического, осознанного формирования «чувства принадлежности» к этой нации и к индонезийскому государству, а если оно и имело место, то значительно отставало от подобного процесса у других народов, населявших Индонезию. Во-вторых, в условиях существования единой индонезийской нации, согласно установке президента Сукарно, не должно быть места национальным меньшинствам, так как существование меньшинства предполагает существование большинства, которое, по мнению Сукарно, должно обязательно эксплуатировать меньшинство [30, с. 70].

Реакция китайской общины на политику правительства

Тем временем движение ассимиляционистов набрало свою силу. В марте 1960 г. десять видных деятелей из числа сторонников ассимиляции опубликовали в «Стар Уикли» заявление, ставшее известным как «заявление десяти», в котором указывали, что есть только один путь решения проблемы китайского меньшинства — добровольная ассимиляция во всех сферах жизни [61]. В январе 1961 г. сторонники ассимиляции провели в г. Бандунгане на Центральной Яве семинар по формированию национального самосознания и приняли Хартию об ассимиляции. В Хартии провозглашалось, что «ассимиляция есть процесс слияния имеющих различные психическое поведение, обычаи и проявления культуры групп в гармоничное и полезное социологическое единство — индонезийскую нацию» [30, с. 8]. Ассимиляция в отношении китайцев — граждан Индонезии означала «вхождение и принятие единой индонезийской нацией лиц китайского происхождения и растворение их в ней» [30, с. 8]. Во-первых, в отличие от прошлых лет китайцы должны *активно* влиться в единую индонезийскую нацию. Во-вторых, коренное население страны должно их «принять», т. е. не относиться к этому враждебно или даже равнодушно, а принять их таким образом, чтобы китайцы почувствовали себя равноправными членами индонезийской нации. В-третьих, полная утрата китайцами этнических особенностей является необходимым условием процесса ассимиляции. В Хартии акцентировалось, что *формальной* стороной процесса ассимиляции является принятие китайцами индонезийского гражданства. Причем, с точки зрения составителей документа, формальная сторона имеет важное значение как для получающих, так и для предоставляющих гражданство.

Семинар по формированию национального самосознания в Бандунгане был организован представителями ассимиляционистов в тот период, когда прошел год после утверждения Согла-

шения о двойном гражданстве. Китайцы неохотно принимали индонезийское подданство. Появление Хартии имело определенное значение как для китайского населения, так и для индонезийских властей. Китайское меньшинство впервые получило более или менее четкое представление о перспективах их бытия в новом качестве — качестве индонезийских граждан. Индонезийские же власти отныне располагали исходящим от представителей китайского меньшинства «законным» основанием для проведения в отношении китайцев политики ассимиляции. От вновь принятых граждан требовалось беззаветное служение нации и государству, избавление от «узконациональных предрассудков», осуждение «китайской обособленности». Документ призывал индонезийские власти положительно отнестись к ассимиляции и всемерно способствовать ее осуществлению. От индонезийского народа Хартия требовала проявления понимания и доброжелательности в отношении китайцев, ставших индонезийскими гражданами.

Хартию подписали видные представители китайской буржуазии и интеллигенции из разных городов Индонезии (13 — из Семаранга, 9 — из Сурабайи, 3 — из Бандунга, 3 — из Джакарты) [30, с. 9]. В ходе семинара была создана инициативная группа, которая поставила перед собой цель бороться за проведение ассимиляции на основе принципов, изложенных в Хартии. В инициативной группе наибольшую активность проявляли Онг Хок Хам и Вигнье Сумарсоно⁸. Впоследствии инициативная группа трансформировалась в Движение молодежи, выступающей в поддержку ассимиляции.

Уже первые мероприятия сторонников ассимиляции содержали в себе опасные признаки того, что они стараются придать движению ассимиляционистов националистический характер в духе сукарновской «единой индонезийской нации». Так, «заявление десяти» содержало в себе выпад против высказывания Сяо Гиок Чана в газете «Республик», органе Баперки, о том, что решение проблемы меньшинства посредством смены фамилий, биологической ассимиляции есть решение недемократическое, является нарушением основных прав человека [33, с. 55]. В развернувшейся после опубликования «заявления десяти» дискуссии бывший вице-президент Баперки Яп Тхиам Хиен обвинил руководство организации в «коммунистическом подходе» к решению проблемы меньшинства, на что председатель Баперки ответил, что его точка зрения основывается на Политическом манифесте, который, являясь ныне государственной идеологией, объединил всех лояльных граждан — коммунистов и некоммунистов [33, с. 55].

⁸ Позже они были включены в состав руководства Организации содействующих национальному единству, сокращенно ОСНЕ, о чем речь пойдет дальше [30, с. 57]. В 70-х годах Вигньо Сумарсоно входил в состав центрального руководства Демократической партии Индонезии [62].

Образованный в Джакарте после проведения бандунганского семинара постоянный комитет обратился к генералу Насутиону с просьбой об учреждении под покровительством армии специального органа по содействию национальному единству. В июне 1962 г. просьба была выполнена. При армейском Отделе развития потенциальных возможностей функциональных групп было создано Бюро по делам формирования национального единства — Урусан пембинаан кесатуан бангса (УПКБ), что, как отмечает австралийский исследователь Ч. Коппел, стало «началом сотрудничества между ассимиляционистами и секцией высшего командования армии» [33, с. 55]. Таким образом, лидеры движения за ассимиляцию примкнули к правым силам, которые в лице высших армейских кругов стали координировать и направлять деятельность отдельных руководителей ассимиляционистов, а через них и всего движения.

В феврале 1963 г., накануне открытия конференции по ассимиляции, президент Сукарно принял некоторых представителей «молодежи, выступающей в поддержку ассимиляции». В ходе встречи с делегацией молодежи президент не только «высоко оценил их деятельность по формированию национального единства, но и одобрил их действия по разрешению проблемы меньшинства путем ассимиляции и устранению обособленности в индонезийской нации». Сукарно высказал установочного характера «теоретическое» положение, что «нация с меньшинствами — это не нация» [30, с. 5]. Факт приема президентом делегации свидетельствовал о большом значении проблемы ассимиляции в планах индонезийских властей.

Конференция по ассимиляции и создание ОСНЕ и ОФНЕ

10—12 марта 1963 г. в Джакарте состоялась Конференция по ассимиляции. Ее участниками были представители выступающей за ассимиляцию молодежи, которые приехали в столицу из разных городов страны. В работе конференции приняли активное участие члены правительства: заместители первого министра генерал Насутион, Х. Салех, Р. Абдулгани, министры И. Гандамана и Сунарио. На конференции выступили начальник джакартского гарнизона бригадный генерал Вирадикусумах, начальник штаба военного администратора вооруженных сил Индонезии полковник Сучипто и др. Сановные докладчики и ораторы задали определенный тон работе конференции, которой, по словам Х. Салеха, надлежало выработать «радикальные и революционные меры по достижению результатов ассимиляции на националистической основе» [30, с. 27].

Трехдневная работа конференции завершилась принятием некоторых документов и выборами руководства Организации содействующих национальному единству (ОСНЕ), которая со-

здавалась в соответствии с постановлением конференции. Из принятых документов заслуживают особого внимания два: «Основные вехи ассимиляции» и «Декларация». В «Основных вехах» ретроспективно прослеживались исторические этапы появления в стране некоренного населения, в том числе и прежде всего китайского, меньшинств, давался анализ его современного положения и намечались перспективы ликвидации меньшинств путем прежде всего ассимиляции. Фундаментом для выработки некоторых положений «Основных вех» послужили высказывания Сукарно об «индонезийском социализме». Особенно это наглядно проявилось в той части документа, где утверждалось, что меньшинства возникли по причине «распределения продукта по расовому признаку в колониальный период». Между привилегированными национальными группами — китайцами, арабами, индийцами — и основной массой индонезийского народа отсутствовало единство, они всячески противопоставляли себя друг другу в экономической, политической и культурной жизни. «Так возник мир большинства и мир меньшинства», — говорится в документе [30, с. 45].

Таким образом, по представлению авторов документа, в возникновении китайского меньшинства повинно колониальное правительство, создавшее ему более благоприятные условия жизни и деятельности, чем коренному населению. Совершенно справедливо указывая на политику колонизаторов «разделяй и властвуй» в качестве одной из причин противопоставления многочисленных народностей Индонезии друг другу, притвения им чувства взаимного недоверия и ненависти, авторы «Основных вех» в духе сукарновской теории «надклассовости индонезийского общества» отвергают классовый анализ структуры китайского меньшинства и индонезийского большинства. Здесь, как в целом и для всей концепции «направляемой демократии», характерно игнорирование классовой структуры индонезийского общества. Налицо попытка обелить эксплуататорский характер собственной буржуазии. Авторы документа утверждали, что это меньшинство возникло как следствие присвоения прибавочного продукта «на основе расовой принадлежности», что развилось «нечто подобное кастовой системе» [30, с. 42, 44].

С достижением политической независимости положение китайского меньшинства не изменилось, как подчеркивалось в документе, хотя китайцам «была предоставлена возможность устранить обособленность» [30, с. 46]. По мнению составителей, главная причина такого положения кроется в отсутствии у китайцев «осознанного чувства принадлежности к индонезийской нации», а также чувства ответственности за дела и жизнь индонезийского общества. Обособленность китайцев, полагают авторы документа, должна быть устранена путем ассимиляции. «Цель ассимиляции заключается в формировании у китайского меньшинства и особенно у подрастающего поколения осознан-

ных национальных связей, которые должны затрагивать экономику, политику, культуру, повседневное общение и семью» [30, с. 46]. В целях быстрее достижения результатов ассимиляции предлагалось ликвидировать все китайские учреждения, организации, школы и т. п., которые способствуют сохранению национальных особенностей, склонить китайскую молодежь к участию в общенациональных индонезийских организациях. В Декларации обращалось внимание индонезийских властей на функционирование различного рода китайских учреждений, организаций и т. п., которые, по мнению составителей, способствуют сохранению обособленности меньшинства и отрицательно воздействуют на формирование национального единства.

Декларация призывала руководителей и членов политических и общественных организаций к глубокому и смелому пересмотру позиций и политики возглавляемых ими организаций в отношении ассимиляции. Декларация подчеркнула решимость участников конференции «продолжать под руководством Сукарно прогрессивно-революционную борьбу за ломку унаследованной от колониального господства общественной структуры и образа мышления с расовыми и племенными предрассудками и перегородками» [30, с. 47]. Конференция приняла постановление, содержащие рекомендации правительству в области экономики, права и воспитания подрастающего поколения.

В области экономики. «Производственные отношения колониального периода,— отмечалось в Декларации,— обусловили возникновение в индонезийском обществе обособленных и различных по социально-экономическому положению народностей» [30, с. 49]. В современном обществе Индонезии, говорилось в документе, различие по социально-экономическому положению совпадает с его разделением на индонезийское «большинство» и «расовые меньшинства» иностранцев (имеются в виду меньшинства китайцев, индийцев и арабов). Задача, которую выдвинули участники конференции в плане ассимиляции в области экономики,— это необходимость ломки старых производственных отношений и создания новых, позволяющих построить «справедливое и процветающее общество» без социальных групп, раздираемых социально-экономическими противоречиями. Для создания этого общества нужно, чтобы капиталы, знания, опыт и умение китайцев полностью были направлены на его строительство, а не использовались в интересах «узкой национальной группы».

В области права. Правительству необходимо в короткий срок выработать новые гражданские постановления вместо оставшихся от колониального периода, согласно которым индонезийское население подразделялось на три группы: европейцев, иностранцев-азиатов и коренное население. Правительству рекомендовалось определить основные принципы формирования национального единства. В частности, предлагалось внести поправ-

ки в соответствующие правительственные указы о процедуре замены китайских фамилий на индонезийские.

В области образования. Воспитание подрастающего поколения, подчеркивалось в постановлении, должно происходить в духе формирования единства «гомогенной, сплоченной и без меньшинств нации», которая имеет общую национальную культуру [30, с. 55], большую роль в этом должны сыграть школы, которые, несмотря на их формально национальный характер, фактически прививают подрастающему поколению чувство «расовой обособленности». Этому же способствует и организационно-административная структура просвещения. Указывалось на необходимость пересмотра школьных программ и усиление школьной и внешкольной работы по пропаганде ассимиляции.

Таким образом, за революционной фразеологией предлагалось националистическое решение проблемы китайского меньшинства. В то же время принятые участниками конференции постановления и имеющиеся в них рекомендации носили весьма абстрактный, расплывчатый характер.

Конференция приняла решение об учреждении Лембага пембина жесатуан бангса, или Организации содействующих национальному единству (ОСНЕ) [15]. Перед ОСНЕ стояла задача — содействовать правительственным учреждениям в деле формирования национального единства в рамках всего государства и, исходя из конкретных социально-экономических и политических условий Индонезии и особенностью положения китайского меньшинства, изучать и вырабатывать пути решения китайской проблемы на основе ассимиляции, вносить необходимые рекомендации и т. п. ОСНЕ создавалась как общественная организация, членами которой могли стать только служащие — граждане Индонезии, поддерживающие ассимиляцию и участвующие в ее деятельности. Финансирование ОСНЕ предполагалось за счет взносов постоянных членов, субсидий благотворительных обществ, помощи государства и средств, полученных в результате деятельности ОСНЕ [30, с. 56]. Исследователь из Австралии Ч. Коппел считает, что финансирование ОСНЕ, как и ранее постоянного комитета ассимиляционистов в Джакарте, осуществлялось военными [33, с. 56]. Были избраны руководящие органы, утверждены устав и программа ОСНЕ.

Значение конференции состояло в том, что она как бы подвела итоги положению китайского меньшинства в Индонезии в независимый период ее истории. Оказалось, что степень интегрированности китайской общины и даже ее индонезийской части, т. е. китайцев с индонезийским гражданством, минимальная. Конференция официально закрепила курс на ассимиляцию и создала ОСНЕ по ее претворению. Это был новый этап китайского аспекта политики «национального единства».

Руководство ОСНЕ, избранное конференцией, состояло из 23 человек, и в него вошли как представители коренного насе-

ления, известные своими правыми взглядами, так и лидеры китайских ассимиляционистов. Позже, в апреле 1963 г., Центральный совет ОСНЕ был расширен до 41 члена. В числе введенных в руководство ОСНЕ находился Радиус Правиро (ныне министр в правительстве Сухарто), уже тогда возглавлявший «Банк Индонесиа» — государственный банк страны. Консультантами ОСНЕ были назначены проф. Сунарио, полковник Джухартоно и подполковник Харсоно [30, с. 37].

В июле 1963 г. президентским декретом ОСНЕ была преобразована в государственное учреждение — Лембага пембинаан кесатуан бангса — Организацию по формированию национального единства (ОФНЕ). Формирование национального единства провозглашалось в качестве одной из основных задач завершающего этапа индонезийской революции, а отсюда и необходимость «вмешательства, руководства и прямого воздействия со стороны правительства» на этот процесс через ОФНЕ. Согласно президентскому декрету глава ОФНЕ назначался и смещался президентом и находился в подчинении министра по особым вопросам (тогда им был Р. Абдулгани). Последний утверждал структуру и порядок деятельности ОФНЕ. Финансировалась организация государством. Президентским декретом № 141 от 15 июля 1963 г. исполняющим обязанности главы ОФНЕ был назначен лейтенант ВМС китаец Синдуната [30, с. 125—127].

Таким образом, став государственной организацией, сторонники ассимиляции не только организационно оформились, но и получили поддержку государств. С одной стороны, это было определенным успехом лидеров ассимиляционистов, добившихся того, чтобы их политика стала официальным государственным курсом. С другой стороны, трансформация ОСНЕ в ОФНЕ свидетельствовала о ее крайне узкой социальной базе в китайской общине, об ограниченности ее материальных и политических возможностей. Довольно многочисленные правые элементы в руководстве ОФНЕ, прикрываясь лозунгом ассимиляции, все больше вовлекали ОФНЕ в русло антикоммунистической борьбы. И если во время организационного оформления движения сторонников ассимиляции президент Сукарно, верный своей тактике поддержания равновесия основных противоборствующих политических сил, стремился к сохранению равенства между Баперки и ОФНЕ, то по мере поправления последней из уст президента все чаще раздавались в адрес ОФНЕ критические замечания и даже угрозы.

Противоборство Баперки и ОФНЕ и «события 30-го сентября»

Сразу же после образования ОСНЕ, 14 марта 1963 года, открылся VIII съезд Баперки. Президент Сукарно, выступая на съезде, с похвалой отозвался о деятельности Баперки и в оче-

редной раз повторил, что «идеалом индонезийской революции является абсолютное единство индонезийской нации», что «индонезийская революция не признает существования меньшинств, а сам он отвергает деление общества на „коренное“ и „некоренное“» [56, с. 4]. По его словам, населяющие Индонезию народности, в том числе и китайцы-перанаканы, представляют собой многочисленные *суку* — «народности» («группы»). Он заявил, что носить ту или иную фамилию, исповедовать религию — это личное дело каждого; он также отметил, что не видит необходимости в замене фамилий, так как смена фамилии не является гарантией преданности своей стране [56, с. 8]. В речи 17 августа 1963 г. Сукарно критиковал руководство ОФНЕ за «насакомофобию»⁹, имея в виду все отчетливо проявляющиеся антикоммунистические тенденции в высказываниях и деятельности отдельных руководителей ОФНЕ. Тут же Сукарно поручил первому министру по особым вопросам разъяснить руководству ОФНЕ опасные последствия подобной политики [33, с. 60].

Год спустя, выступая по случаю 19-й годовщины индонезийской независимости, президент подверг резкой критике деятельность ОФНЕ и пригрозил пересмотреть ее структуру путем «насакомизации» ее руководства. Он подчеркнул, что все *суку*, включая перанаканов и лиц иностранного происхождения, должны быть объединены в единую нацию посредством как интеграции, так и ассимиляции [33, с. 60]. Признание Сукарно интеграции в качестве одного из путей решения национального вопроса было явной уступкой противникам ассимиляции и определенно свидетельствовало об усилении позиций Баперки и левых сил в целом. Руководство ОФНЕ, в свою очередь, сразу же признало, что интеграция является одной из трех ступеней ассимиляции (адаптация, интеграция и идентификация) [33, с. 59].

Весной 1963 г. в самый разгар «китайской» кампании (приезд Лю Шаоци, конференция ассимиляционистов и создание ОСНЕ, съезд Баперки и т. п.) на Западной Яве прокатилась волна антикитайских выступлений, получившая название «Движение 10 мая». Только лишь в западнояванском городе Сукабуми в результате антикитайских действий было убито 4 человека и ранено 8, сожжено 75 магазинов и домов, 24 рыночных киоска, разрушено 42 фабрики, разграблено свыше 700 домов. Ущерб, по данным официальных источников, составил 2,5 млрд. рупий (около 7—8 млн. амер. долл.) [33, с. 14]. По мнению Ч. Коппела, антикитайские выступления были связаны с пропагандистской деятельностью групп ОСНЕ в пользу

---

⁹ Насак ом — от «насоналис», «агама» (религия), «комунис» — лозунг единства трех основных политических сил Индонезии, выдвинутый Сукарно [62].

ассимиляции в городах Западной Явы [33, с. 57]. Авторы доклада правительству о причинах «Движения 10 мая» называют в числе основных причин политические и психологические [38, с. 21]. Австралийский исследователь Макки, в целом разделяя точку зрения о том, что «Движение» было инспирировано правыми силами, указывает, что организаторами антикитайских выступлений могли быть запрещенные законом политические партии — мусульманская Машуми или ПСИ (Социалистическая партия Индонезии), антисукарновские и антикоммунистические силы, включая армейских офицеров, мусульманская буржуазия, стремившаяся устранить китайских конкурентов [46, с. 106].

Баперки в союзе с левыми силами организовал Комитет по оказанию помощи жертвам контрреволюции с целью сбора средств для пострадавших и наказания виновных. Левая печать обвинила активистов ОСНЕ в ответственности за антикитайские выступления, указав, что, пропагандируя ассимиляцию, работники ОСНЕ тем самым подготовили почву для расистов, использовавших «экономическую ассимиляцию» в качестве оправдания своих акций [33, с. 57].

В связи с провозглашением ассимиляции государственной политикой и образованием ОФНЕ в качестве инструмента проведения этой политики руководство Баперки вынуждено было изменить свою тактическую линию. Показывая лояльность политике формирования национального единства, Сяо Гиок Чан в июле 1963 г. возглавил церемонию, на которой шесть тысяч учащихся и студентов из Баперки «интегрировались» в левую молодежную и студенческую организацию Икатан Пемуда Пеладжар Индонезия — ИППИ [32]. Наряду с этим лидеры Баперки последовательно критиковали ОФНЕ за антинасакомовскую политику. В свою очередь, Синдуната и другие ключевые фигуры ОФНЕ обвиняли Баперки в проведении политики «обособленности». Так, в ноябре 1963 г. исполняющий обязанности главы ОФНЕ направил некоторым министрам правительства письмо с просьбой рассмотреть самым тщательным образом деятельность Баперки. Он обращал внимание членов правительства на то, что Баперки действует исключительно в интересах индонезийских граждан китайского происхождения и по существу является организацией «обособленной», что, не являясь политической партией, Баперки проводит политику, адекватную политике некоторых политических партий, что Баперки в принципе против ассимиляции и таким образом противодействует национальному единству. В ответ на этот демарш Синдунаты президент Сукарно в декабре 1963 г. вводит в состав правительства вице-председателя Баперки Уй Чжу Тата [33, с. 59].

На состоявшемся в августе 1964 г. IX конгрессе Баперки делегаты приветствовали критику Сукарно в адрес ОФНЕ (в речи 17 августа 1964 г.), говорили о необходимости насакомиза-

ции руководства ОФНЕ, призывали президента взять под личный контроль деятельность ОФНЕ, а повседневное руководство этой организацией поручить президиуму кабинета [33, с. 60]. Конгресс продемонстрировал прочность позиций Баперки внутри китайского меньшинства, сплоченность китайцев вокруг руководства Баперки. Конгресс показал также тесную связь лидеров Баперки с ближайшим окружением президента. Поддержка Баперки состоятельными кругами китайской общины делала его финансово независимым и сильным по сравнению с другими индонезийскими политическими партиями и общественными организациями. Сотрудничество с левыми силами Индонезии повышало авторитет Баперки среди индонезийских китайцев и прогрессивных политических кругов страны. Упрочению положения Баперки и усилению его влияния на ближайших помощников Сукарно содействовали дальнейшее сближение Индонезии и КНР и та роль, которую играло руководство Баперки в этом процессе.

Таким образом, в силу ряда объективных и субъективных причин к сентябрю 1965 г. позиции Баперки внутри китайского национального меньшинства значительно упрочились. Возросло его влияние и на политическую жизнь страны, особенно в связи с дальнейшим сближением руководства Индонезии и КНР.

Лидеры ОФНЕ, уступив в противоборстве с Баперки, сосредоточили свои основные усилия на организации отделений ОФНЕ на местах. В 1964—1965 гг. почти во всех провинциях и крупных городах Индонезии были созданы филиалы ОФНЕ. «События 30 сентября», круто изменившие политическое развитие страны и положившие конец «направляемой демократии», привели к разгрому Баперки и временному возвышению ОФНЕ — Организации по формированию национального единства, за спиной которой стояли правые круги индонезийской армии и крупной китайской буржуазии, стремившиеся через «политику ассимиляции» не только сохранить, но и усилить свои позиции.

Литература

1. Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полное собрание сочинений. Т. 3.
2. Алешин Ю. А. Происки Пекина в Индонезии.— «Проблемы Дальнего Востока». 1974, № 3.
3. Андреев М. А. Дипломатические маневры маоистов в Юго-Восточной Азии.— «Проблемы Дальнего Востока». 1974, № 3.
4. Андреев М. А. Зарубежная китайская буржуазия — орудие Пекина в Юго-Восточной Азии. М., 1973.
5. Андреев А. Г. Индонезийское государство: проблема единства и автономии (1945—1965). М., 1974.
6. Андреев М. А. Китайский капитал в Юго-Восточной Азии.— «Народы Азии и Африки». 1968, № 2.

7. Андреев М. А. Ликвидация экономических позиций голландского империализма в Индонезии. М., 1962.
8. Архипов В. Я. Экономика и экономическая политика Индонезии (1945—1968). М., 1971.
9. Другов А. Ю., Резников А. Б. Индонезия в период «направляемой демократии». М., 1969.
10. Игнатенко Г. В. Система представительных органов Китайской Народной Республики. М., 1959.
11. Малетин Н. П. Внешняя политика Индонезии (1945—1974). М., 1975.
12. Маретин Ю. В. Значение внутреннего рынка для Индонезии и трудности его формирования.— «Третий мир»: стратегия развития и управление экономикой. М., 1971.
13. Маретин Ю. В. Основные тенденции национального и этнического развития современной Индонезии.— Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии. Сборник статей памяти академика А. А. Губера. М., 1972.
14. Маретин Ю. В. Индонезия.— Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974.
15. Мовчанюк П. М. Кампания за ассимиляцию китайского населения в Индонезии и образование Организации по формированию национального единства (начало 1960-х годов).— Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы докладов. Л., 1972.
16. Мовчанюк П. М. К характеристике положения китайского населения в колониальной Индонезии (20-е—30-е годы XX в.).— Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1975.
17. Мовчанюк П. М. Национальное единство Индонезии и трудности его формирования (на примере Сукабуми).— Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы докладов. Л., 1972.
18. Мовчанюк П. М. Некоторые особенности положения китайского населения на Сулавеси в первые годы независимости Индонезии (1946—1953).— Ученые записки ЛГУ. Л., 1977.
19. Мовчанюк П. М. Проблема китайского национального меньшинства в Индонезии в освещении современной западной буржуазной историографии.— Зарубежная историография проблем классовой борьбы и международных отношений (XIX—XX вв.). Сборник научных статей. Л., 1976.
20. Мовчанюк П. М. Современная американская буржуазная историография о китайцах в Индонезии.— Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы докладов. Л., 1974.
21. Мовчанюк П. М. Современные индонезийские авторы о китайском меньшинстве в Индонезии.— Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. IV. Л., 1975.
22. Мовчанюк П. М. «Союз индонезийских китайцев (1946—1953)».— Пятая научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии. Л., 1974.
23. Пахомова Л. Ф. Национальный капитал в экономике Индонезии. М., 1962.
24. Симония Н. А. Население китайской национальности в странах Юго-Восточной Азии. М., 1959.
25. Симония Н. А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
26. Симония Н. А. Торгово-ростовщический капитал в Азии. М., 1973.
27. «Abadi», 26.XI.1959.
28. Amanat Presiden Sukarno pada Pembukaan Kongres Nasional ke-VIII BAPERKI. Djakarta, 1963.
29. Assimilasi dalam rangka Pembinaan Kesatuan Bangsa, Departamen Penerangan Republik Indonesia, Penerbitan Khusus № 259. Djakarta, 1963.
30. Assimilasi dalam rangka Pembinaan Kesatuan Bangsa (Tjetakan kedua disempurnakan), Departamen Penerangan Republik Indonesia, Penerbitan Khusus, № 326. Djakarta, 1964.
31. Berita Baperki Nomor Kongres Se-Indonesia ke-VIII. Djakarta, 1963.

32. «Bintang Timur», 23.VII.1963.
33. Coppel Ch. Patterns of Chinese Political Activity in Indonesia.— The Chinese in Indonesia. Ed. by J. A. C. Mackie. Hong Kong, 1976.
34. Dewey A. Peasant Marketing in Java. N. Y., 1962.
35. Far Eastern Economic Review. Hongkong, October 1955.
36. Feith H. Indonesia.— G. M. T. Kahin (ed.). Governments and Politics of Southeast Asia (2nd ed.). N. Y., 1965.
- 36a. «Forta». Jakarta, 1981, № 1.
37. Geertz C. The Social History of an Indonesian Town. Cambridge, 1965.
38. Gerakan 10 Mei 1963 di Sukabumi. Bandung, 1963.
39. Giok Lan Tan. The Chinese of Sukabumi. N. Y., 1963.
40. Hasil Pemilihan Umum 1955. Djakarta, 1955.
41. Ketetapan Menteri Agama № 1. 1959.— «Berita Negara». 1961, № 57.
42. Ketetapan Presiden № 149, 1959.— «Tambahan Lembaran Negara». 1959, № 1916.
43. Ketetapan Presiden № 184, 1960.— «Lembaran Negara». 1960, № 85.
44. Ketetapan Presiden № 238, 1961.— «Berita Negara». 1961, № 85.
45. Lahirnja Konsepsi Assimilasi. Djakarta, 1962.
46. Mackie J. A. C. Anti-Chinese Outbreaks in Indonesia.— The Chinese in Indonesia. Hong Kong, 1976.
47. Mackie J. A. C., Coppel Ch. A Preliminary Survey.— The Chinese in Indonesia. Hong Kong, 1976.
48. Manifesto Politik Republik Indonesia, Departamen Penerangan Republik Indonesia. Djakarta, 1959.
49. Membangun Ekonomi Nasional.— Nomor Istimewa Berita Baperki. Desember 1954.
50. Penetapan Pemerintah № 10, 1959.— «Lembaran Negara». 1959, № 20.
51. Penetapan Perdana Menteri № 012, 1957.— «Berita Negara». 1957, № 60.
52. Republik Indonesia. Daerah Istimewa Jogjakarta. Kementerian Penerangan. [B. m., 6. r.]
53. Republik Indonesia. Propinsi Djawa Barat. Kementerian Penerangan. [B. m., 6. r.]
54. Republik Indonesia. Propinsi. Djawa Timur. Kementerian Penerangan. [B. m., 6. r.]
55. Republik Indonesia. Propinsi Sumatera Utara. Kementerian Penerangan. [B. m., 6. r.]
56. Siauw Giok Tjan. Baperki supaya menjadi sumbangan besar terhadap revolusi Indonesia. Djakarta, 1962.
57. «Sinar Harapan», 10 July 1976.
58. Skinner G. W. The Chinese Minority.— Indonesia. Ed. by McVey. New Haven, 1963.
59. Soal orang-orang Tionghoa warganegara RRT.— «Abadi», 26.XI.1959.
60. Somers M. F. Interim Report on «Peranakan Chinese Politics in Indonesia». Ithaca, 1964.
61. «Star Weekly», 16, 30.IV; 21.V.1960.
62. Sukarno. Gotong Rojong Nasakom untuk melaksanakan Ampera. Deppen, Penerbitan Khusus № 255. Djakarta, 1963.
63. Sumitro Djojohadikusumo. Persoalan Ekonomi di Indonesia. Djakarta, 1953.
64. Surat Keputusan Bersama Menteri Perindustrian dan Menteri Perdagangan (№ 2077/M Perindustrian, № 2340/M. Perdagangan), 3 September 1957.— «Abadi». 26.XI.1959.
65. Surat Menteri Perdagangan kepada Menteri Utama Bidang Eku, № 353, M/XI/1966/Perihal PP/10/1959, 28 November 1966, Departamen Perdagangan.
66. Tabrani M. Soal Minoritet dalam Indonesia Merdeka. Djakarta, 1950.
67. Thomas K. D., Panglaikim J. The Chinese in the South Sumatran Rubber Industry: a Case Study in Economic Nationalism.— The Chinese in Indonesia. Ed. by J. A. C. Mackie. Hong Kong, 1976.

68. Tur P. A. Hoa Kiau di Indonesia. Djakarta, 1960.
69. Undang-undang № 2. 1958.— «Lembaran Negara». 1958, № 135.
70. Undang-undang Darurat № 9. 1953.— «Lembaran Negara». 1953, № 64.
71. Volkstelling 1930. Batavia, 1933, deel VIII.
72. Willmott D. The Chinese of Semarang: A Changing Minority Community in Indonesia. Ithaca, 1960.
73. Willmott O. The National Status of the Chinese in Indonesia 1900—1958. Ithaca, 1961.

О. Г. Барышникова, И. Ф. Жулев

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ ОБЩИНЫ НА ФИЛИППИНАХ

Китайская иммиграция на Филиппинские острова до испанской колонизации

Вопрос о времени появления первых китайских поселенцев на Филиппинском архипелаге до сих пор остается неясным. Согласно Терену де Лакупери, китайцы знали о Филиппинских островах еще во II в. В китайских хрониках 628 и 636 гг. есть упоминания об архипелаге; в более поздних, относящихся к VIII в., рассказывается, как группа китайских мореходов отправилась на Филиппины (о сказочном богатстве которых китайцы не раз слышали) с целью отыскать золото. В хрониках Гуанчжоу¹ сообщается о посещении этого города в 982 г. филиппинскими торговцами; к этому же времени относят установление торговых отношений между Китаем и жителями Филиппинских островов [23, с. 185].

По данным Чэна (Ta Cheng), китайская иммиграция в Малайзию и на Филиппинские острова началась в VII в. (см. [44, с. 38—40]). Китайские торговые джонки посещали многие острова архипелага: Ма-и (совр. Миндоро), Сан-си, или Три острова (Висайские о-ва), Лю-сун (Лусон), Па-лао-ю (Палаван), Пу-ли-лу (Полильо) [16, с. 6]. Они доставляли не только товары, но иногда и иммигрантов².

Китайцы обычно обосновывались в Маниле и других хорошо им известных по торговым поездкам портовых поселениях. В XII—XIII вв. архипелаг Сулу стал основным центром торговли Филиппин с Китаем, Камбоджей, Индией и другими странами. Отсюда заморские купцы вывозили главное богатство архипелага — жемчуг. Китайский летописец в 1349 г. описывает жемчуг, привезенный китайскими купцами с архипелага Сулу, как один из лучших [10, с. 30—31]. В различных китайских хрониках появляются описания о-вов Миндоро, Висайских, По-

---

¹ В 976—983 гг. торговля в Гуанчжоу была государственной монополией, и потому о ней сохранились официальные отчеты [16, с. 6].

² О социально-экономических причинах широкой эмиграции населения из Китая см. [6], а также [34].

лильо, а также Восточного Лусона. Обширное описание Лусона содержалось в летописях Минской династии (1368—1644), в которых упоминается о прибытии в Китай в 1372 и 1408 гг. послов с о-ва Лусон. Согласно хроникам, Китай на короткий период даже установил своего рода суверенитет над Филиппинскими островами (см. [44, с. 38—40]). Степень этого суверенитета, по-видимому, ограничивалась подношениями китайским правителям прибывающими в Китай филиппинскими купцами. Китайские купцы, в свою очередь, одаривали правителей Манилы и других поселений, с которыми вели торговлю [16, с. XIV].

Все это говорит о том, что начиная с X в. между Китаем и многими из Филиппинских островов велась оживленная торговля. Установление регулярных торговых связей создавало условия для эмиграции из Китая на Филиппины, принявшей значительный размах еще до открытия островов испанцами.

Китайская община в период испанского господства (конец XVI—XIX в.)

В истории китайской общины на Филиппинах в испанское время можно выделить три периода.

Первый период продолжался почти два века (с конца XVI до середины XVIII в.), во время которого китайцы стали ведущей силой хозяйственной жизни колонии. Главным стимулом расширения китайской иммиграции на Филиппины в это время была так называемая галионная торговля — основной источник обогащения манильских испанцев. Китайский шелк, привозимый в Манилу из Китая, был важнейшим грузом испанских галионов, отправлявшихся из Манилы в Мексику. Галионная торговля привлекала китайских купцов в Манилу, и, несмотря на существенные разногласия между испанской администрацией и китайскими купцами, она служила их общим интересам. «Спрос в Мексике на китайский шелк, по существу, был безграничным, а аппетит китайских купцов на мексиканское серебро ненасытным», — отмечает американский историк Джон Фелан в работе «Испанизация Филиппин» [30, с. 11].

Колонизация Филиппин Испанией способствовала расширению китайской иммиграции на острова [29, с. 152]. Сразу же после завоевания Манилы в 1571 г. испанскими конкистадорами во главе с Мануэлем Легаспи китайское население стало быстро расти. В первые годы испанцы разрешали китайским купцам и ремесленникам селиться в любом месте города, но уже губернатор Гонсало Ронкильо (1580—1583) издал указ, по которому для китайского населения был отведен район вокруг так называемой алькасерии — «шелкового рынка» (жит. «париан») по берегам р. Пасиг. Здесь обосновывались на жительство купцы, открывая магазины с китайскими товарами, ремесленники,

портные, сапожники, пекари, серебряных дел мастера, аптекари и т. п. [37, с. 220]. По данным доминиканских монахов, в Париане (китайский квартал) в те годы проживало до 6—7 тыс. китайцев, из них 3—4 тыс. постоянно и свыше 2 тыс. ежегодно прибывали на время и уезжали обратно на китайских торговых судах [36]. Рабочий же люд, доставляемый китайскими купцами, — рыбаки, садовники, каменщики, обжигальщики кирпичей, плотники, жестянщики — жил выше по р. Пасиг, уже вне города. В письме губернатора Сантьяго де Вера (1584—1590) от 13 июля 1589 г. Филиппу II сообщается: «Торговля с Китаем продолжает расти. Около 4 тыс. человек прибывают на Филиппины ежегодно, включая купцов и ремесленников. Они селятся в алькасерии (Париане) и окрестных деревнях» [27, с. 89]. Китайские рабочие-иммигранты построили каменную Манилу [17, с. 228]; постепенно китайские переселенцы сосредотачивают в своих руках торговлю и ремесленные службы.

Испанская колониальная администрация, считая китайцев политически неблагонадежными, неприязненно относилась к религии, исповедуемой ими, мирилась с ними, так как китайцы выполняли важные экономические функции в основном для испанского населения Филиппин.

В начале 80-х годов XVI в. китайцы монополизировали всю оптовую торговлю. Значительная часть китайского населения занималась помимо торговли и ремесла (в них была занята основная масса китайских иммигрантов) сельским хозяйством. Иезуиты, широко эксплуатируя китайцев, вели на своих землях высокопродуктивные хозяйства [11, т. XII, с. 109; т. XIII, с. 36—38]. Быстрое экономическое возвышение китайцев и рост численности иммигрантов (их было в несколько раз больше, чем испанцев) не на шутку пугали испанские власти. Как контрмеры помимо дискриминационных налогов и запрещения заниматься определенными видами деятельности, а также ограничений передвижения по территории архипелага³, испанские губернаторы предпринимали временами «чистку Париана», основного центра торговой жизни: издавали указы о высылке «лишнего населения», оставляя только тех, которые выполняли наиболее важные для испанцев экономические функции. Так, уже через 25 лет после захвата Манилы, в 1597 г., губернатор Тельо (1596—1602) сообщает Филиппу II, что он приказал изгнать китайцев, за исключением 3—4 тыс. человек, необходимых для выполнения ряда хозяйственных функций. Париан сожжен, огромное количество имущества китайцев уничтожено [26, с. 42—43].

Указы о высылке китайцев с территории Филиппин неред-

---

³ В 1589 г. китайцам было запрещено заниматься розничной торговлей, в 1709 г. ограничивалось время пребывания приезжающих на Филиппины китайцев и т. п. [41, с. 32].

ко сопровождалась погромами. Наиболее жестокими были погромы 1603, 1639, 1662, 1686, 1744, 1755 и 1762 гг. [8, с. 342]. Притеснения, чинимые испанцами, часто вызывали восстания китайского населения. Так, восстание 9 октября 1603 г., начавшееся в Париане, быстро охватило все китайское население Манилы, а затем и других районов Филиппинских островов. Испанцы жестоко его подавили: китайский квартал был предан огню, 25 тыс. китайцев насильственно вывезено в горы в провинции Пампанга и там большинство из них уничтожены. Во время погрома 1639 г. за пять месяцев были убиты 22 тыс. китайцев [11, т. XII. Preface]. Самым кровавым в истории испанского правления на Филиппинах явился погром 1662 г. Ожидая нападения формозского правителя Коксинги на Манилу в 1662 г. [7], испанские власти сожгли Париан дотла, а многих его жителей убили.

Однако указы об изгнании китайцев из колонии строго не соблюдались, поскольку экономические интересы испанской колониальной администрации и китайских иммигрантов переплелись. Испанцы и китайцы, по выражению Дж. Фелана, «не могли существовать друг без друга» [30, с. 12]. В хозяйственном организме колонии китайцы были не только ремесленниками и торговцами, но, что наиболее существенно, обеспечивали Манилу продовольствием (в то время при натуральном хозяйстве с его чрезвычайно низкой производительностью значительный приток населения ложился тяжелым бременем на продовольственный баланс архипелага). Если китайские ремесленники в основном обслуживали испанцев и немногочисленное местное население Манилы и некоторых других городов (т. е. это был типичный городской тип ремесла), то торговцы постепенно проникали в провинции, устанавливая, правда, еще весьма непрочные рыночные связи, главным образом действующие в направлении Манила — хинтерланд и обратно (радиальное направление). Торговый капитал Париана быстро разрастался [17, с. 207]. Широкое использование труда китайских ремесленников и купеческого капитала испанскими колониальными властями отмечал американский историк Д. Бэрроуз [9, с. 155].

Численность китайцев в колонии регламентировалась прежде всего интересами испанских властей. В первой половине XVII в. проживало всего около 42 тыс. человек, из них в черте Интрамураса (испанская часть города) — 7350 человек, в Париане — 15 тыс. и в остальных районах — свыше 20 тыс. человек (местные жители)⁴. В 1635 г. в Париане было 20 тыс. китайцев и на других островах — еще 10 тыс. Испанские чинов-

---

⁴ Все население Филиппинских островов, находившееся под контролем испанцев, в этот период насчитывало, по приблизительным данным, 0,5 млн. человек и вне испанского влияния — около 1 млн. человек [11, т. XXIV, с. 309; т. XXVII, с. 82; т. XXIX, с. 69, 305; 30, с. 100, 106].

ники старались оправдать свои связи с китайцами, нежелательные в глазах церкви и короля. На это указывают их донесения в Мадрид (см., например, [28, т. XXV, с. 59])⁵.

С постепенным угасанием галионной торговли к середине XVIII в. меняется основа экономических отношений между испанскими колониальными властями и китайским купечеством: распадается звено, связывающее их интересы. Поэтому во втором периоде истории китайской общины на Филиппинах (середина XVIII — середина XIX в.) другие аспекты начинают преобладать и регулировать положение общины и ее взаимоотношения с испанцами. Расширяется негативная сторона политики испанской администрации в отношении китайского населения на архипелаге. Китайская община все более стала подвергаться дискриминации не только экономического, но и правового и религиозного характера. К середине XVIII в. сказались результаты неоднократных погромов и многочисленных высылки китайцев с Филиппин — началось постепенное свертывание хозяйственной деятельности китайцев. Вместо них начинают укреплять экономические позиции китайские метисы (так на Филиппинах называли потомков людей, родившихся от смешанных браков китайцев и местных жителей). К ним перешли снабжение населения Манилы продовольствием и скупка сельскохозяйственной продукции для отправки ее через Манилу на внешние рынки. Китайские метисы приобретали земли, занимались ростовщичеством, в их руках накапливалось значительное богатство. Их активизации на экономическом поприще также способствовала дискриминационная политика испанской администрации не только в отношении китайской общины, но и в отношении местного населения⁶.

Губернатор Педро Арандиа (1754—1759) после очередного погрома в Париане в 1755 г. и изгнания китайцев с Филиппин разрешил остаться в колонии только китайцам-христианам. Для них был отведен район Сан-Фернандо в Бинондо, на месте бывшего Париана [9, с. 203].

К 1766 г. большинство китайцев были изгнаны с архипелага. Для торговли и ремесла, связанных с обслуживанием испанского населения, оставили 5 тыс. человек китайской национальности [19, с. 438—439]. Поскольку испанское население было сконцентрировано в Маниле, китайцев переселили из провинций в районы, примыкающие к столице.

Естественно, что розничной торговлей в Маниле стали заниматься сами испанцы (до этого в Париане было до 15 тыс.

---

⁵ В 1606 г. в официальном отчете Королевской аудиенции чиновник таможни сообщал о прибытии 6533 китайцев на пяти судах [11, т. XIV, с. 1].

⁶ На экономической деятельности местного населения в этот период мы здесь не останавливаемся. Читатель найдет интересующий его материал в книге О. Г. Барышниковой «Сельское хозяйство Филиппин (генезис и развитие капитализма)» (М., 1972).

китайских торговцев), но они не смогли полностью заменить китайских торговцев: образовавшийся вакуум стали заполнять на периферии китайские метисы [17, с. 208].

Резко враждебную позицию по отношению к китайцам занимал губернатор Симон Анда-и-Саласар (1770—1776); в результате его рестрикционной политики китайская община в Маниле едва насчитывала 1,5 тыс. человек, из которых 1,2 тыс. были христианами.

Во второй период истории китайской общины на Филиппинах (середина XVIII — середина XIX в.) местные жители имели немногочисленные непосредственные контакты с китайцами, поскольку последние селились лишь вокруг тех нескольких городов, где имелось испанское население, в основном в Маниле, а также в городах на северо-западе и юго-востоке Лусона и на о-вах Себу и Панай. По данным Томаса де Комина, в 1810 г. на Филиппинах осталось всего 7 тыс. китайцев, а численность китайских метисов составляла 119 719 человек (а два десятилетия назад, в 1791 г., их насчитывалось 66 917 человек) [15, с. 351]. Это говорит о том, что дискриминация со стороны колониальных властей по отношению к китайскому населению способствовала ассимиляции китайцев в филиппинском обществе. Экономические интересы даже тех филиппинцев, которые обитали вблизи испанских поселений, не сталкивались с интересами китайцев, поскольку последние были заняты в новых для местного населения хозяйственных отраслях. Проблемы, связанные непосредственно с взаимоотношением коренного населения и китайцев, возникли лишь со второй половины XIX в., в период генезиса капитализма.

Таким образом, во второй период хозяйственная деятельность китайской общины на Филиппинах в значительной степени прекратилась, а сама община сократилась до минимума, границы ее расселения на архипелаге были сужены в основном пределами Манилы. Небывалое развитие получает деловая активность китайских метисов, которые в последующем выступают основными конкурентами китайской буржуазии на Филиппинах.

Третий период истории деятельности китайского населения на Филиппинах начался с середины 50-х годов XIX в. и продолжался до конца испанского господства на островах, прекратившегося в результате антиколониальной революции филиппинского народа 1896—1898 гг. Последний период был наиболее важным как с точки зрения возрождения китайской общины на новой экономической основе, так и влияния ее деятельности на развитие внутреннего рынка и капиталистических отношений.

Формирование китайского капитала на Филиппинах с середины XIX в. связано с экономической деятельностью китайских иммигрантов. Особенностью китайского капитала являлось то,

что процесс его накопления проходил непосредственно на Филиппинах. Развитие деятельности китайской буржуазии было тесно связано с экспансией в страну европейского и американского капитала. Огромное влияние на формирование китайского капитала и изменение его функций стала оказывать система монопольных откупов, введенная испанскими колониальными властями. Основной новой функцией хозяйственной деятельности китайского торгового капитала стало посредничество. Возникновение и преобладание этой функции связано с расширением экспансии иностранного торгового капитала на Филиппины. Отсутствие условий для накопления капиталов местной буржуазией и невысокая конкурентоспособность нарождающейся «метисной» буржуазии создали в этой сфере экономической деятельности вакуум, который быстро заполнялся китайским торговым капиталом. Таким образом было положено начало для становления крупного торгового капитала, принадлежавшего лицам китайской национальности. Отныне посредничество стало главной функцией китайского крупного торгового капитала. Экспансия иностранного капитала на Филиппины способствовала усилению товаризации земледелия, а она, в свою очередь, вела к росту посредничества. Здесь, однако, важно отметить, что развитии торгового земледелия на Филиппинах в этот период не привело к сколько-нибудь значительной концентрации производства (за исключением разве производства сахара: во второй половине XIX в. появились крупные хозяйства, основанные как крупными землевладельцами — метисами, так и иностранными фирмами).

Новые стимулы внедрения китайского капитала в экономику Филиппин и расширения иммиграции китайцев на архипелаге дало начавшееся с середины XIX в. быстрое развитие торгового земледелия — производство сельскохозяйственной продукции для внешнего рынка, которое заставило испанскую администрацию коренным образом изменить иммиграционную политику в отношении китайцев, отменив ограничения на их въезд в колонию и передвижение на ее территории. Поощрение испанскими властями китайской иммиграции и благоприятная экономическая обстановка привели к увеличению китайского населения на Филиппинах за 50—80-е годы XIX в. с 8 тыс. до 100 тыс. человек. В канун антииспанского восстания китайское население исчислялось, по данным командира броненосца «Император Николай I» Фолькердама, в 175 тыс. человек, китайских метисов было 360 тыс. человек⁷. Если в середине века более 9/10 китайцев были сосредоточены в Маниле, то к концу сто-

---

⁷ Записка командира броненосца «Император Николай I» капитана 1-го ранга Фолькердама (?) начальнику эскадры на Тихом океане о положении на Филиппинах осенью 1896 г. Не позднее 15 (27) ноября 1896 г. [6а, ф. 311, оп. 1, д. 11, л. 1].

летия 1/5 уже обосновалась в провинции, в местах сосредоточения производства сельскохозяйственной экспортной продукции: абаки (Юго-Восточный Лусон и Восточно-Висайские острова), сахара (Западно-Висайские острова), табака (Северо-Восточный Лусон)⁸.

Главным занятием китайцев становится посредничество между местными производителями сельскохозяйственных продуктов и экспортерами — европейскими и американскими фирмами, а также оптовая и розничная торговля импортными товарами в провинциях и частично в городских центрах. Стали они проникать и в каботажную торговлю, а иногда заниматься производством сельскохозяйственной продукции на экспорт, успешно конкурируя здесь с китайскими метисами, и создавать экспортно-импортные фирмы в Маниле. Обращение китайцев к земледелию имело своим результатом распространение на Филиппинах китайского плуга, китайцы же ввели в колонии и первые примитивные установки для переработки сахарного тростника.

Укреплению позиций китайского капитала в сфере внутренней торговли способствовали покупка у колониальной администрации государственных монополий. Система монопольных откупов оказалась чрезвычайно прибыльным делом (наиболее выгодной была на продажу опиума). Не менее прибыльным было и брокерство при поставках китайских рабочих — кули [42, с. 279—285]. Китайские рабочие составляли в конце XIX в. около 10% всего китайского населения и были сосредоточены в трех портовых городах — Маниле (здесь было 8—10 тыс. кули), Себу, Илоило. Они работали портовыми грузчиками и складскими рабочими на предприятиях крупных иностранных фирм [42, с. 284]. В частности, их использовали на строительстве Манильско-Дагупанской железной дороги, которое вела английская компания. Китайцы в этот период выступают и как наемные рабочие, занятые постоянно [20, с. 119]. В связи с тем что во второй половине XIX в. в колонии начал активизироваться иностранный (не испанский) капитал, а рынок рабочей силы еще не сложился, проблема осуществления разного рода строительства и обеспечения работы капиталистических пред-

---

⁸ В «Дневнике» Натаниэля Баудича, американского купца, побывавшего на Филиппинах с торговыми целями в 1796 и 1800 гг., раскрывается роль китайцев в развитии торговли сахаром на Филиппинах в этот ранний период возникновения торгового земледелия. Из заметок Баудича становится очевидным, что манильские китайцы с самого начала стали проникать в экспортную торговлю как посредники между местными производителями и иностранными экспортерами. Почти вся торговля сахаром велась через их посредничество [18]. В значительной степени китайские метисы продолжали играть посредническую роль в экспортной торговле сахаром на Висайских островах [18, с. 20—21, 32]. Однако вопрос о том, участвовали ли китайские предприниматели в производстве сахара в значительных масштабах, остается до сих пор не выясненным.

приятый была острой. Поэтому иностранные торговые дома, в частности четыре таких дома в порту Илоило, а также отдельные брокеры занимались полулегальной перевозкой на архипелаг китайских кули. В 1886—1900 гг. из порта Амой отплывало на Филиппины в среднем по 8—10 тыс. человек в год [20, с. 401; 38, с. 15].

Китайский капитал внедряется не только в оптовую и розничную торговлю, но также в экспорт и ремесло. Он успешно конкурирует с испанским капиталом и капиталом метисной буржуазии, значительно потеснив позиции последних [21, с. 148]. Китайскому торговому капиталу удалось сломить английскую монополию во внешней торговле Филиппин; испанцы в те времена говорили: «В торговом отношении Филиппины стали англо-китайской колонией с испанским флагом» [35, с. 110; 42, с. 280].

Именно в этот период утверждались новые организационные формы хозяйственной деятельности китайского капитала: крупные китайские экспортно-импортные оптовые фирмы, расположенные в Маниле или других портовых городах, налаживают в провинциях широкую сеть агентов-посредников, которые выступали, с одной стороны, как розничные торговцы товарами, присылаемыми оптовиком (обычно в кредит), а с другой — как скупщики сельскохозяйственной продукции в районе для головной фирмы. Создание сети агентов-скупщиков диктовалось мелким распыленным производством сельскохозяйственной продукции, предназначенной на экспорт. Но для Филиппин эта система имела глубокие и далеко идущие последствия. Она отстранила от рынка непосредственного производителя — мелкого крестьянина, полностью подчинив его агенту-скупщику. Более того, обретая функции розничных торговцев, агенты-посредники рвали и обратную связь крестьян с рынком, на котором крестьянин выступал как покупатель готовых изделий. Скупщики контролировали ремесло, способствуя превращению его в работу на дому.

Весьма разветвленная система, связывающая крупных оптовиков и мелких производителей через агентов-посредников, выступающих и в роли ростовщика, охватила постепенно весь архипелаг. Она оказалась настолько жизнеспособной, что продолжала с успехом действовать, несмотря на смену трех политических режимов: начав развиваться при испанцах, она сохранилась при американском колониальном режиме и после достижения независимости. Интересно отметить, что в настоящее время эту систему широко использует не только китайский, но и местный капитал.

Китайский торговый капитал помимо своей основной посреднической деятельности участвовал в торговле местной продукцией, частично своего собственного производства, на местном рынке. Так, очистка и продажа риса постепенно стали моно-

полей китайской буржуазии. Китайцы — владельцы рисовых мельниц одновременно занимались ростовщичеством, как и лавочники — владельцы «сари-сари» [42, с. 283]. По данным Г. Коллиса, в первой четверти XX в. доля китайского капитала в очистке риса уже составляла 75% [12, с. 30; 42, с. 282]. Китайский капитал стал господствовать в импорте риса (с 1870 г. Филиппины импортировали рис).

Проникновение китайского капитала во все экономические поры испанской колонии вызывало недовольство метисской и отчасти коренной филиппинской буржуазии, так как затрагивало их интересы. Экономические факторы, оттеснив религиозное и культурное предубеждение, распространенное в отношении китайского населения, становятся господствующими для сохранения в определенных заинтересованных кругах филиппинского общества антикитаизма. Отметим, что впоследствии именно эти факторы по мере расширения сферы экономической деятельности китайского капитала как вглубь, так и вширь станут преобладающими мотивами антикитайских настроений у группы коренной буржуазии.

Китайская буржуазия, к концу XIX в. уже сосредоточившая в своих руках значительные капиталы, пыталась защитить свои интересы с помощью Китая. Однако испанская администрация решительно отвергла ее просьбу, поддержанную Китаем, об установлении на архипелаге китайских консульств [42, с. 285].

Экономическая депрессия 80-х годов усилила антикитайские настроения филиппинской коренной и метисской буржуазии. Испанская администрация в целях ограничения активности китайских иммигрантов, обосновавшихся на Филиппинах, использовала налоговую систему. Так, с 1614 по 1790 г. они должны были выкупать довольно высокой стоимости лицензию на право проживания в испанской колонии (*radicación*), которую устанавливал сам губернатор. С 1790 г. был введен подушный налог (6 дуэро или 6 песо фуэртес в год)⁹. В 1828 г. его ставки были значительно повышены. Трудоспособное китайское население было разделено на три класса: крупные купцы, платившие подушный налог в 10 песо фуэртес в месяц, мелкие купцы — по 4 и ремесленники — по 2 песо фуэртес. Не уплативших налог в течение трех месяцев посылали поденщиками в асьенды, хозяева которых вносили за них налог, а им выплачивали заработную плату (2 серебряных реалей, или 1/4 песо) и давали порцию риса в день. Большое число китайских иммигрантов-бедняков были не в состоянии платить даже 2 песо, поэтому властям пришлось установить дополнительно четвертый класс для некоторых категорий ремесленников и поденщиков (по 1 песо в месяц). К 1831 г. был составлен список налогоплательщиков-ки-

---

⁹ 1 дуэро или 1 песо фуэрте был равен 8 реалем фуэртес (серебряных).

тайцев; по нему числилось 5708 налогоплательщиков, из них 7 были причислены к первому классу, 166 — к второму, 4509 — к третьему и 830 — к четвертому классу. Вскоре из списка 196 человек были исключены по старости. Многие иммигранты были не в состоянии платить налоги; 800 человек решили вернуться на родину, 1083 — бежали в горы, а 453, не имея средств, чтобы вернуться домой, были посланы на общественные работы для отработки налога. В связи с этим испанская колониальная администрация была вынуждена в 1834 г. снизить подушный налог до прежнего уровня.

С 1828 г. для китайцев вводился специальный налог: они обязаны были приобретать лицензии на право быть занятыми в промышленном производстве. Чтобы поощрить китайцев заниматься сельским хозяйством, испанская администрация ввела новые, более низкие ставки подушного налога пятого и шестого классов: по 1,5 песо (или 12 реалей) с одного человека для китайцев, работавших на плантациях сахарного тростника, индиги, абакки на о-вах Лусон и Висай, и по 5 реалей для занятых в удаленных районах. В 1862 г. ставки пятого и шестого классов были снижены соответственно до 3 и 2 реалей. Китайские иммигранты, выращивавшие табак для государственной табачной монополии, специальным указом освобождались от налога на пять лет, затем этот указ был распространен на занятых в рыболовстве, на лесорубках, в горном деле, судостроении и ряде других отраслей хозяйства.

Несмотря на привилегии, предоставляемые китайцам, занятым в промышленности и сельском хозяйстве, большинство их предпочитало участвовать в чрезвычайно прибыльной торговле, поэтому китайское население на Филиппинах до 1890 г. в основном платило налог в 6 песо в год, введенный в 1790 г.

В 1890 г. был обнародован королевский декрет, по которому каждый китаец независимо от возраста, пола или рода занятий получал шедулу, или удостоверение личности (*cedula de capitacion personal*)¹⁰. Устанавливалось восемь классов шедулы в зависимости от размера прямых налогов, уплачиваемых ее владельцем. Общая сумма налогообложения на основании шедулы (включая дополнительные подоходные налоги) составляла: для первого класса — 48,9 песо в год, для второго — 40,75, для третьего — 32,60, для четвертого — 24,45 песо и т. д. От уплаты налогов освобождались дети до 14 лет и неспособные физически работать.

В 1878 г. специальным декретом был введен «промышленный» налог на доходы всех жителей. Если начиная с 1828 г. китайские купцы и промышленники должны были приобретать или ежегодно продлевать лицензии на промышленно-торговую

¹⁰ Для местных жителей и метисов шедулярная система налогообложения была установлена с 1884 г. До этого их облагали трибуто (подушным налогом).

деятельность по ставкам 100, 60, 30 и 12 песо (в зависимости от характера предприятия), то в соответствии с «промышленным» налогом (который, по существу, заменил практику ежегодного продления лицензий) были введены две новые крупные ставки в 300 и 200 песо. Структура подоходного налогообложения быстро усложнялась, и к 1890 г. действовало уже около 400 ставок [32, с. 80—116].

Социально-экономическое положение китайского населения в американский колониальный период

Если при испанском режиме феодальный строй препятствовал всестороннему развитию экономической деятельности китайцев (запрещение селиться вне Манилы, установление ограничений на передвижения, высокие налоги, гонения и высылка из страны), то усиленная эксплуатация природных и людских ресурсов колонии американским империализмом и создание им на Филиппинах экономики колониального типа стимулировали хозяйственную деятельность китайской общины. К началу XX в., когда произошла смена колонизаторов на Филиппинах (в 1898 г. по Парижскому мирному договору Филиппинские острова перешли от Испании к США), китайский капитал традиционно либо реинвестировался в торговлю в самой колонии, либо переводился в Китай, либо, наконец, временно накапливался на случай непредвиденного возвращения в Китай [13, с. 30].

Американские колонизаторы превратили Филиппины в поставщика сельскохозяйственного и минерального сырья, а также в рынок сбыта своих товаров и сферу приложения капитала. Развивалась только первичная переработка экспортного сырья. Американские монополии, действующие на Филиппинах, сохранили всю сложную структуру посредничества, установленную в испанские времена, используя китайские фирмы как младших партнеров. Однако антииспанская борьба филиппинского народа в конце столетия и события, связанные с колонизацией архипелага Соединенными Штатами Америки, вызвали массовый отъезд китайцев с островов.

Как только американцы захватили Манилу (начало августа 1898 г.), военная администрация под давлением определенных кругов местного населения применила в отношении китайцев американский закон, направленный против иммиграции китайцев в США и ее колонии [21, с. 157]. В 1902 г. американский конгресс принял закон, одобряющий политику генерала Отиса¹¹

¹¹ Генерал Отис назначен 25 августа 1898 г. главнокомандующим сухопутными силами американцев на Филиппинах. 26 сентября того же года он издал приказ, согласно которому «законы Соединенных Штатов, запрещающие въезд китайцев, распространяются на Филиппины» [33, с. 67].

по отношению к китайскому населению на Филиппинах. Данные переписи 1903 г. показывают, что в это время на Филиппинах осталось всего 41 тыс. иностранцев китайского происхождения (0,59% всего населения страны), или в 2 раза меньше, чем в 1885—1895 гг. [1, с. 28; 34, с. 569—581], причем на 40 518 мужчин приходилось всего 517 женщин [22, с. 25].

Удельный вес наемных рабочих среди китайцев продолжал оставаться сравнительно невысоким — на уровне 10—12%; они трудились в механических мастерских, на судоверфях, лесопильных и погрузо-разгрузочных работах [38, с. 105—106]. Характерной особенностью состава лиц наемного труда стало преобладание квалифицированных рабочих.

Несмотря на иммиграционные ограничения, китайская община на Филиппинах после окончания военных действий стала вновь расти. В 1909 г. на архипелаге уже было 120 тыс. китайцев, прибывших главным образом нелегально через южные районы страны — Сулу и Минданао — или крайний север Лусона [34, с. 625].

Численность китайских иммигрантов до 20-х годов нынешнего века практически оставалась на прежнем уровне (менее 1% всего населения Филиппин), причинами чего были как усиление оппозиции к ним со стороны колониальной администрации, так и завершение формирования национального рынка рабочей силы. Естественный прирост был ничтожно малым, поскольку, как и прежде, 90—95% иммигрантов составляли мужчины [1, с. 28]. Это, с одной стороны, вынуждало китайцев к ассимиляции в филиппинском обществе, с другой — говорило о кратковременности иммиграции. Последнее подтверждается статистикой 20-х годов, когда усилившаяся иммиграция составила ежегодно до 14—17 тыс. человек, но реиммиграция достигала 13—14 тыс. [1, с. 28]. Тем не менее за счет превышения первой численность китайцев неуклонно росла: за 1914—1928 гг. из 195,25 тыс. приехавших на Филиппины покинули страну 163,95 тыс., т. е. чистый прирост составил 31,3 тыс. человек [1, с. 26; 25, с. 236]. Китайских же метисов к концу этого периода насчитывалось уже до 500 тыс. [25, с. 236].

Расширение экономической деятельности китайской буржуазии поощрялось американскими колониальными властями, которые умело использовали противоречия внутри различных групп местной буржуазии из коренной национальности, метисов и хуацяо (китайцев), по существу не ограждая китайскую буржуазию от ударов растущего в колонии национализма и тем самым отводя его от американского монополистического капитала, приступившего к хищнической эксплуатации Филиппин. Колониальным властям объективно было выгодно, когда национализм направлялся в антикитайское русло. В этот период традиционная неприязнь к китайцам со стороны имущих слоев филиппинского общества начала раздуваться его обуржуазивши-

мися представителями в связи с новым явлением — перенасыщением рынка рабочей силы. Для Филиппин уже стала характерной хроническая безработица из-за уродливого однобокого развития колониальной экономики.

Перед второй мировой войной американский капитал прочно внедрился в филиппинскую экономику, контролируя основные отрасли промышленного производства — горнодобывающую промышленность, энергетику, лесопильную, ряд отраслей обрабатывающей промышленности и т. д. (все активы предприятий составляли 315,1 млн. песо). Китайский капитал, как и прежде, преобладал в торговле и в некоторых отраслях обрабатывающей промышленности: из 179,9 млн. песо, составлявших активы всех китайских предприятий (исключая сельское хозяйство) в 1938 г., 149,5 млн. были вложены в торговлю и 26,4 млн. — в обрабатывающую промышленность [22, с. 31].

Экономическая деятельность китайской буржуазии стала объектом проявления «экономического национализма» со стороны определенной группы филиппинского общества, представителей так называемого среднего класса¹². Китайские предприниматели (хотя нередко они были частью местной буржуазии) для этих слоев были серьезными конкурентами, с которыми они имели возможность как-то бороться. Естественно, что права американского капитала надежно охранялись колониальным аппаратом и против него все выступления нарождающейся местной буржуазии были бессильны.

В связи с проявлением буржуазного национализма со стороны представителей одной угнетенной нации к представителям другой можно напомнить, что в это же самое время филиппинское рабочее движение шло по пути классовой межнациональной солидарности. В 1929 г. впервые на Филиппинах был проведен «вечер классового единства» с участием крупнейшей прогрессивной профсоюзной организации — Рабочего конгресса Филиппин, а также Крестьянской конфедерации и Ассоциации китайских рабочих. Эти объединения имели тесные контакты между собой [2, с. 126; 5, с. 23]. В том же году состоялась забастовка китайских обувщиков, которая была поддержана филиппинскими рабочими. Она охватила 27 фабрик и продолжалась четыре месяца. Международный журнал «Красный интернационал профсоюзов» уже в то время отмечал как характерное явление для Филиппин отсутствие национальной розни между филиппинскими и китайскими рабочими, их единство в борьбе против эксплуататоров [4, с. 269]. Это единство сохранялось и в 30-х годах, когда государство создало соглашатель-

---

¹² Например, выборочный опрос в 1931—1932 гг. молодого поколения из «среднего класса» (2286 студентов и преподавателей) показал, что при ответе на вопрос, кого из иностранцев они хотят видеть изгнанными из страны, на первое место были поставлены китайцы и японцы [39, с. 198—207].

ское профсоюзное объединение, начавшее проповедовать «национализацию рабочей силы» или изгнание с предприятий рабочих-нефилиппинцев.

Филиппинские китайцы поддерживали и национально-освободительную борьбу китайского народа [40, с. 160—183]. В конце 30-х годов они вместе с китайцами Гонконга и Аннама сформировали вспомогательный корпус и предложили его в распоряжение китайского правительства. Филиппинские китайцы провели кампанию по сбору средств на приобретение для Китая эскадрильи самолетов; китайскому правительству были переданы 50 самолетов. Кроме того, каждый филиппинский китаец внес в среднем по 130 долл. в фонд обороны и помощи Китаю в 1937—1938 гг. [3, с. 82].

В 1932 г. американские власти закрывали для иммиграции все порты страны, кроме Манилы, но вскоре генерал-губернатор Филиппин Т. Рузвельт вынужден был отменить этот запрет [31, с. 175]. В 1930—1940 гг. на Филиппины прибыло 54,1 тыс. иммигрантов [43, с. 17, 231—233]. По переписи 1939 г., на Филиппинах было зарегистрировано 117,5 тыс. иностранцев — граждан Китая, в том числе 46,2 тыс. проживало в Маниле, 6,1 тыс. — в провинции Себу, 5,4 тыс. — в Рисале, 4,2 тыс. — в Самбоанге и 4,1 тыс. — в провинции Кесон, более мелкие общины — в других провинциях [43, с. 17]. Численность нелегально прибывших неизвестна, но, по-видимому, была незначительной.

К этому времени большую роль начал играть естественный прирост лиц китайской национальности, половой состав которых существенно изменился. Они прочно оседали на архипелаге со своими семьями и вращались в экономическую жизнь страны. «Филиппинцы, — писал американский ученый Б. Ласкер, — вступают в эру, требующую создания среднего класса. Эту функцию, как и в других частях Малайзии (здесь — Малайской Азии. — Авт.), превосходно выполняют китайцы» [25, с. 235]. В 1940 г. автономное правительство Филиппин рассмотрело законопроект об ограничении на въезд в страну до 1 тыс. человек каждой национальности в год. Но Национальная ассамблея в том же году сократила квоту до 500 человек [31, с. 184—186; 14, с. 54] (закон об иммиграции № 613 был принят в мае 1940 г.). Квотную систему поддержал и президент «автономных» Филиппин М. Кесон, годом раньше выступавший против всяких иммиграционных барьеров.

Литература

1. «Вестник Маньчжурии». Харбин, 1929, № 6.
2. Губер А. Филиппины. М., 1937.
3. «Коммунистический интернационал». [М.], 1940, № 1.

4. Красный интернационал профсоюзов. Мировой кризис. Положение и стихечная борьба. М., 1930.
5. «Международное рабочее движение». М., 1930, № 8.
6. Симония Н. А. Население китайской национальности в странах Юго-Восточной Азии. М., 1959.
- 6а. Центральный государственный архив военно-морского флота.
7. Abella D. Koxinga Nearly Ended Spanish Rule in the Philippines in 1662, 4-th International Conference on Asian History. Kuala Lumpur, 1968.
8. Araneta S. The Jus Soli. The Solution to the Chinese Problem.—Fookien Times Yearbook, 1970. Manila, 1970.
9. Barrows D. P. History of the Philippines. N. Y., 1924.
10. Beyer H. O., Vera J. C. de. Philippine Saga. Manila, 1952.
11. Blair E. and Robertson J. The Philippine Islands (1493—1898). Vol. I—LV. Cleveland (Ohio), 1903—1907.
12. Callis H. G. Capital Investment in South-Eastern Asian and the Philippines.—«American Academy of Political and Social Sciences Annals». CCXXVI (March 1943).
13. Carrol J. J. The Filipino Manufacturing Entrepreneur. Ithaca, 1965.
14. Castillo A. Philippine Economics. Manila, 1957.
15. Comyn T. de. Estado de las Islas Filipinas en 1810. Manila, 1820 [E. Blair and J. Robertson. The Philippine Islands (1493—1898). Vol. XXVIII].
16. Craig A. Thousand Years of Philippine History Before the Coming of the Spaniards. Manila, 1914.
17. Diaz-Trechuelo M. L. The Economic Development of the Philippine in the Second Half of the Eighteenth Century.—«Philippine Studies». 1963, vol. XI, № 2.
18. Early American-Philippine Trade. The Journal of Nathaniel Bouditch in Manila, 1796. Edited and with an Introduction by T. R. McHale and M. C. McHale. New Haven, 1962.
19. Elliot C. B. The Philippines. To the End of the Military Regime. Indianapolis, 1916.
20. Foreman I. The Philippine Islands. N. Y., 1899.
21. Ginsburg P. The Chinese in the Philippine Revolution.—«Asian Studies». Manila, 1970, vol. 8, № 1.
22. Golay F., Anspach R., Pfanner M., Ayala E. Underdevelopment and Economic Nationalism in Southeast Asia. Ithaca—London, 1969.
23. Hirth F., Rockhill W. Chau Ju Kua. SPb., 1911.
24. Kungs S. W. Chinese in American Life. Wash., 1962.
25. Lasker B. Filipino Immigration to the Continental United States and the Hawaii. Chicago, 1941.
26. Letter from Francisco Tello to Felipe II. Manila, 1597, June 19 [E. Blair and J. Robertson. The Philippine Islands (1493—1898). Vol. VIII].
27. Letter from Santiago de Vera to Felipe II [E. Blair and J. Robertson. The Philippine Islands (1493—1898). Vol. VII].
28. Memorial to the King by Juan Grao y Monfalcon in the Year 1635 [E. Blair and J. Robertson. The Philippine Islands (1493—1898). Vol. XXV].
29. Mendoza J. G. de. History of the Great Kingdom of China. Madrid, 1586 [E. Blair and J. Robertson. The Philippine Islands (1493—1898). Vol. VI].
30. Phelan L. J. The Hispanization of the Philippines. Spanish Aims and Filipino Responses. 1665—1700. Madison, 1959.
31. «Philippine Historical Review». Manila, 1965, vol. I, № 1.
32. Plehn C. C. Taxation in the Philippines. USA, 1867 (перепечатка в «The Philippines Social Science Review». 1941, vol. 13, № 1).
33. Pomeroy W. J. American Neo-Colonialism. The Emergence in the Philippines and Asia. N. Y., 1971.
34. Purcell V. The Chinese in Southeast Asia. London—New York—Toronto, 1951.
35. Recur C. Filipinas, Estudios Administrativos y Comerciales. Madrid, 1879.
36. Salazar [D. de]. Bishop of Manila. Relations of the Philippine Islands

- [E. Blair and J. Robertson. The Philippine Islands (1493—1898). vol. VII].
37. Salazar D. de. The Chinese and the Parian at Manila, 1590 [E. Blair and J. Robertson. The Philippine Islands (1493—1898). Vol. VII].
  38. Ta Chen. Chinese Migration with Special Reference to Labor Conditions. Wash., 1923.
  39. Tan A. L. A Survey of Studies on Anti-Sinoism in the Philippines.— «Asian Studies». Manila, 1968, vol. 6, № 2.
  40. Tan A. S. The Chinese in the Philippines and the Chinese Revolution of 1911.— «Asian Studies». Manila, 1970, vol. 8, № 1.
  41. Taylor J. M. The Philippine Insurrection Against the United States. Vol. I. Pasay City. Philippines, 1971.
  42. Wickberg E. The Early Chinese Economic Influence in the Philippines 1850—1898. Lawrence (Cans.), 1962.
  43. Yearbook of the Philippine Statistics, 1946. Manila, 1947.
  44. Zaide G. Philippine Political and Cultural History. Vol. I. Manila, 1950.

Ю. И. Воробьев

НАСЕЛЕНИЕ МАЛАЙИ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (этнодемографические материалы)

31 августа 1957 г. Англия предоставила Малайе независимость. Малайская Федерация¹ была провозглашена конституционной монархией. Прежние султанаты и селтльменты стали равноправными штатами нового государства. Уступив место в политической области, английский империализм сохранил свое господствующее положение в сфере экономики Малайи.

В 1963 г. была образована Федерация Малайзия, куда вошли Малайя, Сингапур, который еще в 1946 г. англичане выделили в отдельную колонию, Сабах и Саравак. Все соглашения о военных базах, а также договор о взаимной помощи, заключенный в 1957 г. между Англией и Малайей, остались в силе, но они были распространены уже на всю территорию Федерации.

В сентябре 1965 г. обострение противоречий между правящими кругами Малайи и Сингапура привели к тому, что Сингапур официально объявил о своем выходе из Малайзии и стал независимым государством. Сабах и Саравак продолжают оставаться частью Федерации.

Современное население Малайзии, по данным 1980 г., составляет 13,5 млн. человек. По национальному признаку 55% населения — малайцы, 34% — китайцы и 9% — индийцы, 2% приходится на малые этнические группы. Прародиной китайцев являются главным образом три южные провинции Китая — Гуандун, Фуцзянь и Гуанси. К индийцам относятся выходцы с п-ова Индостан, с территорий нынешнего Пакистана, Индии и Шри Ланки. В Сараваке большой этнической группой являются даяки, составляющие 3,7% общего населения Малайзии [18]. В Малайзии живут и другие народы, говорящие на родственных языках индонезийской ветви и часто объединяемые при переписях вместе с малайцами в одну группу «малайзийцев». В ос-

---

¹ В 1948 г. девять малайских султанатов (Перлис, Кедах, Перак, Селангор, Негри-Сембилан, Келантан, Тренгану, Паханг, Джохор) и два селтльмента (Пинанг и Малакка) были объединены в Малайскую Федерацию.

новном это выходцы из Индонезии — яванцы, банджары, минангкабау, буги, аче, сунды и некоторые другие.

Как показывают археологические исследования, Малаккский полуостров был населен в глубокой древности. Наиболее ранними жителями этих мест считают семангов и сеноев, относящихся к негро-австралоидной расе. Вслед за ними во II—I тысячелетиях до н. э., здесь появились южномонголоидные племена, потомками которых считают современных джакунов (см. [6]). Семанги (негритосы по расовому типу) занимают главным образом северо-восток Малаккского полуострова (штаты Кедах, Перак, Келантан, Тренгану), сенои (часто называемые сакаями) живут в центральных районах (штаты Перак, Келантан, Паханг), джакуны обосновались на юге полуострова (штаты Джохор, Паханг, Негри-Сембилан, Селангор). Всех аборигенов малайцы называют «орангутанами», т. е. «лесными людьми».

Согласно переписи населения 1966 г., численность этих трех народностей составила 45 тыс. человек (по переписи 1952 г. — 82 тыс.), из которых в Джохоре проживало 2400, в Кедахе — 149, в Келантане — 10 тыс., в Малакке — 200, в Негри-Сембилане — 1400, в Паханге — 5 тыс., в Селангоре — 3 тыс., в Тренгану — 161, в Сингапуре (без учета Пинанга и Перлиса) — 1000 человек [15].

Каждая этническая группа говорит на своем языке, не имеющем сходства с современным малайским языком. Если язык джакунов близок к древнемалайскому, то языки и наречия сеноев и семангов не принадлежат к малайской семье языков.

Традиционным жилищем сеноев и семангов является шалаш, представляющий собой навес из пальмовых листьев: один край его упирается в землю, другой поддерживается двумя-тремя опорными палками. Джакуны живут в домах (обычно свайные постройки малайского типа). Основные занятия аборигенов — охота и собирательство, иногда земледелие. Племена, живущие на морском побережье («люди моря»), занимаются главным образом рыболовством.

Миграции на Малаккский полуостров начались еще до нашей эры, около 2 тыс. лет назад, когда стал осваиваться важный морской торговый путь между Китаем и Индией. Китайские и индийские купцы по пути останавливались в гаванях Малайи, некоторые из них оставались на постоянное жительство — открывали там свои лавки, мастерские. Вместе с индийцами и китайцами на полуостров проникали их культура, религия, язык и литература [11, с. 6].

На рубеже II—III вв. на территории Малайи возникали первые индо-малайские государства. Как упоминается в китайских летописях, в одном из них, государстве Ланкасука, расположенном на севере полуострова, появились выходцы из Китая [10].

Как уже отмечалось, на Малаккский полуостров прибывали

главным образом китайцы из Гуандуна, Фуцзяни и Гуанси. Они селились на восточном побережье полуострова, но чаще на юге. Выходцы с Индостана и Цейлона заселяли северо-западные районы [21].

С VII по XIII в. большая часть Малайи входила в состав индонезийского государства Шривиджая. В этот период основным компонентом формировавшегося малайского этноса стали этнические группы, интенсивно переселявшиеся на Малаккский полуостров с Восточной и Центральной Суматры. Представители этих этнических групп селились преимущественно на западном побережье и на юге Малаккского полуострова, главным образом в устьях рек. В XIV в. усилился процесс переселения восточносуматранских малайцев и минангкабау с Суматры на Малакку. В это же время миграционные потоки направились с Суматры и Малаккского полуострова на Северный Калимантан. В начале XV в. малайцы создали Малаккский султанат, названный по р. Малакке, в устье которой была расположена его столица [6, с. 374].

С начала XVI в. начался новый период формирования населения Малайи — период европейских влияний.

В 1511 г. под предводительством Альбукерка португальские конкистадоры захватили г. Малакку. Португальцы стремились, овладев Малаккой и другими важнейшими портами, монополизировать торговлю с Востоком. В Малакке стали селиться португальцы. К тому времени Малакка насчитывала 20 тыс. жителей. Кроме того, португальцы захватили две деревни, расположенные недалеко от города, Нанинг и Ринги, население которых соответственно составляло 1 тыс. и 400 человек. Здесь крестьяне занимались главным образом рисосеянием, выращиванием фруктов и разведением крупного рогатого скота. В 5 км от Малакки на обоих берегах большой реки раскинулись еще две деревни с населением 1500 и 1800 человек, которое занималось преимущественно рыболовством. Кроме названных в Малаккском султанате было еще несколько селений, снабжавших португальцев продовольствием [17, с. 89].

В первой половине XVII в. Малайский архипелаг превратился в объект эксплуатации со стороны голландского торгового капитала. В Малайе голландцы преследовали две цели: во-первых, они стремились захватить торговый путь через Малаккский пролив, во-вторых, поставить под свой контроль западное побережье Малайи, где находились богатые залежи олова. Они использовали ненависть малайского населения к португальцам и в 1637 г. заключили договор с правителем Джохора о совместной борьбе против португальских завоевателей. В июле 1640 г. союзники начали осаду Малакки, и 14 января 1641 г. «ворота города распахнулись» (см. [9]).

Во второй половине XVIII в. голландская колониальная и торговая гегемония стала стремительно слабеть. Торговая мо-

нополия голландской Ост-Индской компании была подорвана вследствие английской конкуренции. В 1799 г. компания была ликвидирована. Ослаблением позиций Голландии воспользовалась Англия, начавшая в конце XVIII в. завоевание Малайи.

Европейское завоевание сильно повлияло на процесс формирования населения. Так, установление связей с Японией в 1543 г. и с Китаем в 1557 г. усилило приток на территорию Малаккского полуострова и в Сингапур китайцев, которые в своем большинстве жили временно, но все же некоторые их представители оставались здесь на постоянное жительство; появились также первые японцы [19, с. 11]. (В 1750 г. из 9630 жителей Малайи 2160 были китайцами [21, с. 107].)

После разрыва отношений с Индией (см. [11]) в Малайю прекратился въезд индийцев. Был также запрещен и выезд их на родину. Индийцы жили в своих поселениях, сохраняя свой язык, религию, традиции, культуру. Главным центром индийцев стал Кампонг-Кинг. Здесь преимущественно селились мелкая буржуазия, различные торговцы и ремесленники. Некоторое число индийцев жили в малайских деревнях.

Англичанам нужен был порт, который господствовал бы над южным входом в Малаккский пролив и находился бы на торговом пути в Китай и архипелаг. Таким портом стал Сингапур — мощное орудие влияния Англии не только в Малайе, но и на всем Малайском архипелаге. Захват Сингапура помог англичанам окончательно вытеснить из Малайи голландцев.

В 20-х годах XIX в. Англия и Голландия пошли на урегулирование своих давних противоречий в Юго-Восточной Азии и на раздел сфер влияния. 17 марта 1824 г. в Лондоне был подписан договор, по которому Голландия отказывалась от притязаний на Сингапур, отдавала Англии город и форт Малакку и все зависимые от Малакки территории. Таким образом, Малайя превратилась в сферу влияния Англии. Заключением этого договора закончился первый этап английской экспансии в Малайе, начавшейся в последней четверти XVIII в. Наступил второй этап — этап безраздельного господства Англии.

По методам эксплуатации новой колонии английский колониализм значительно отличался от португальского и голландского. Португальцы и голландцы, эксплуатируя естественные природные ресурсы и население, не изменяли структуры экономики Малайи. Англичане, утвердившись в Малайе, перестраивали экономику на капиталистической основе (в частности, широко внедряли плантации, открывали предприятия по предварительной обработке плантационного сырья, а также расширяли горнодобывающие предприятия). Это привело к большим изменениям в демографической ситуации. Например, на работу на кофейных плантациях начиная с 1874 г. пришлось привлекать рабочих из числа иммигрантов, так как местных рабочих рук не хватало; более того, когда основной плантационной культу-

Динамика роста основных этнических групп Малайи *

Провинция	Год	Малайцы	Европейцы	Индийцы	Китайцы	Общая численность населения **
Сингапур	1819	?	?	?	3 000	5 000
	1830	5 173	92	1 913	6 555	16 634
	1840	9 032	167	3 159	17 179	39 681
	1850	12 206	360	6 261	27 988	59 043
	1860	10 888	2445	12 971	50 043	80 792
Пинанг	1818	12 190	?	8 197	7 853	35 000
	1830	11 943	1877	8 858	8 963	33 959
	1842	18 442	1180	9 681	9 715	40 499
	1850	16 570	347	7 840	15 457	43 143
	1860	18 887	1995	10 618	28 018	59 956
Уэлсли	1820	5 399	?	338	325	6 185
	1833	41 702	?	1 087	2 259	45 953
	1844	44 271	107	1 815	4 107	51 509
	1851	53 010	?	1 913	8 731	64 801
	1860	52 836	76	3 514	8 204	64 816
Малакка	1817	13 988	1667	2 986	1 006	19 627
	1829	19 765	265	2 830	4 797	30 164
	1842	32 622	2544	3 258	6 882	46 097
	1852	48 226	2283	1 191	10 608	62 514
	1860	53 554	2648	1 026	10 039	67 267

* [19, с. 250].

** Включая малые этнические группы.

рой стал каучук (начало XX в.) и начали создаваться предприятия обрабатывающей промышленности, где требовалось много квалифицированных рабочих, широкую практику получила вербовка рабочих за пределами Малайи — в основном индийских и китайских.

Процесс складывания рынка наемной рабочей силы и формирования пролетариата колонии начался во второй половине XIX в. Тогда же стала формироваться и местная национальная буржуазия, состоявшая в преобладающей части из китайцев, проживавших главным образом в городах. Они вкладывали свои капиталы преимущественно в оловодобывающую промышленность и плантационное хозяйство.

Малайское крестьянство (к концу XVIII в. оно составляло 250 тыс. человек) вело натуральное хозяйство и было привязано к своим деревням экономическими узами, традиционным образом жизни [2, с. 102].

В связи с этим формирование рабочего класса колонии шло своеобразным путем: основным источником рабочей силы стали эмигранты из Южного Китая, Индии и отчасти Индонезии.

Сразу после захвата территории английские колонизаторы начали ввозить для работы в порту и на плантациях индийцев и китайцев. В Малайе большинство индийцев [под индийцами здесь подразумеваются выходцы из Центрального Индостана (Республика Индия), Западного Пакистана и Восточной Бенгалии (Республика Бангладеш)] селились в штатах Перак и Джохор. Индийское население в 1820—1860 гг. имело более или менее одинаковую численность в городских и сельских районах, при этом происходила миграция из деревни в город.

Несмотря на общий рост населения колонии в 1817—1860 гг., в некоторые периоды наблюдалось уменьшение численности отдельных этнических групп (см. таблицу).

Так, индийское население Малакки уменьшилось с 2986 человек в 1817 г. до 1026 в 1860 г., что было связано с запрещением миграции из Индии, с высокой смертностью среди рабочих на плантациях и с переселением некоторых индийцев в города, главным образом в Сингапур и Пинанг, в то время как число индийцев в Сингапуре с 1830 по 1860 г. выросло с 1913 до 12 971 (запрещение иммиграции из Индии на Сингапур не распространялось), а на о-ве Пинанг — с 8197 (1818 г.) до 10 618 (1860 г.). Малайское население преобладало главным образом в сельских районах: в Малакке — 53 554 человека в провинции Уэллсли — 52 836 человек.

Массовое переселение китайцев в Малайю началось после «опиумной» войны 1840 г. Много китайцев селились на о-ве Пинанг и в Сингапуре. Так, например, Френсис Лайт пишет, что в 1794 г. общая численность китайцев составляла 3 тыс. человек. По данным Джоржа Лейса, в 1804 г. их было от 5 тыс. до 6 тыс. Примерно в 30—40-х годах XIX в. ежегодно в Малайю переселялось от 2 тыс. до 3 тыс. китайских рабочих, так что в 1850 г. в Сингапуре их насчитывалось 27 988 из общего населения 59 043 (в 1819 г. китайцев было 3 тыс. из 5 тыс. жителей). Общая численность китайцев в 1851 г. на Пинанге составила около 15 тыс. человек, в 1860 г. — 28 018 [15, с. 53]. В 1871 г. численность индийцев и китайцев на Пинанге составляла соответственно 1861 (около 14%) и 36 561 человек (около 28%) [21, с. 108].

Китайское население особенно быстро росло в городах, где оно находило себе место в торговле и на предприятиях обрабатывающей промышленности. В сельскохозяйственных районах этот рост был незначительным. Так, за 40 лет (1820—1860) китайское население в Сингапуре увеличилось с 3 тыс. до 50 тыс. человек, в Пинанге — с 7853 до 28 018, в Малакке — с 1006 до 10 035 и в провинции Уэллсли — с 325 до 8204 человек.

С конца XIX — начала XX в. Британская Малайя стала главным местом сосредоточения китайской рабочей силы. В 1925 г. китайцы составляли треть населения (плантационные рабочие, торговцы, служащие и пр.). Как и прежде, большинство китай-

цев были выходцами главным образом из южных провинций — Гуандун, Фуцзянь и Гуанси, причем большинство из них эмигрировало из первых двух провинций. Кроме того, небольшая часть китайцев пришла сюда из северных областей Китая, главным образом из Шаньдуна. Иммигранты делились на шесть языковых групп: сямэнь (названа по диалекту провинции Фуцзянь), кантонцы (провинция Гуандун), хакка, или кэцзя (имеет свое происхождение и в Фуцзяни, и в Гуандуне), чаочжоу (юг провинции Гуандун), хайнаньцы (происхождение — о-в Хайнань), гуанси (представители из центральной и западной частей провинции Гуанси) [15, с. 54—56].

Первые три-четыре десятилетия миграции из Индии были периодическими или сезонными, но с 40-х годов XIX столетия они стали приобретать постоянный характер. В это время большинство иностранных рабочих ввозилось в колонию профессиональными вербовщиками на основе письменного контракта. Труд законтрактованных носил принудительный характер.

Индийские рабочие, составлявшие преобладающую часть рабочей силы (около 60%) на крупных плантациях, принадлежавших англичанам, с начала XX в. вербовались «кангани» — частными агентами, а с 1907 г. — Индийским иммиграционным комитетом, который был учрежден колониальными властями.

С 1900 г., в связи с развитием плантационного хозяйства, потребность в рабочей силе возросла. Это повлекло за собой усиленный поток индийских иммигрантов. Если в 1900 г. их число достигло 421 038 человек, то в 1920 г. индийских иммигрантов насчитывалось 908 100 человек [21, с. 116]. Но нельзя забывать, однако, что многие иммигранты жили в Малайе временно и по истечении контракта возвращались на родину. С 1901 по 1910 г. покинуло Малайю 245 298 индийцев (осталось 175 740 человек), с 1911 по 1920 г. выехало 561 913 человек (осталось 346 187) [21, с. 116]. В дальнейшем, с 1920 по 1940 г., когда страна пережила три экономических кризиса, положительный миграционный баланс резко снизился: если с 1911 по 1920 г. он составил +346 187, то с 1931 по 1940 г. снизился до +44 075 человек. Это сказалось на характере прироста местного индийского населения. В начале XX в. индийское население быстро росло за счет иммигрантов (в 1921 г. индийцы, родившиеся в Малайе, составляли 12% всего индийского населения). В последующие годы, когда увеличился выезд из страны, население стало расти главным образом за счет естественного прироста (в 1931 г. естественный прирост составил 21%) [3, с. 53]. Самая многочисленная часть индийского населения Малайи — тамилы (в 1921 г. — 387 509 человек). Вторая по величине группа — малайяли и телугу (соответственно 17 190 и 39 986 человек), третью группу составляют выходцы из Северной Индии, которые живут главным образом в городах, где работают служащими в коммерческих и финансовых предпряти-

ях. К ним относятся панджабцы и синдхи, общая численность которых составляла 25 495 человек в 1921 г. и уже 84 934 в 1957 г. (см. [11]).

Китайцы постоянно поддерживали самые тесные связи со своей родиной. С 1921 по 1930 г. в Малайе побывали 2 317 941 китаец, за этот же период выехали из Малайи 1 937 941 китаец. Таким образом, постоянно осело в стране 380 тыс. человек. К тому времени численность китайцев в Малайе составляла 117 551 [21, с. 112]. К ним причисляют тех, кто вступал в брак с представителями коренного населения и оседал на постоянное жительство, или тех, кто сразу переселялся всей семьей и уже не возвращался на родину. Потомков таких китайцев относят к категории «китайцев, родившихся за границей», причем мужчин называют «баба́», а женщин — «нянже».

По данным переписи 1947 г., из 2 614 667 китайцев, проживавших в Малайе, 1 633 332 (свыше 62%) составляли лица, родившиеся в этой стране [5, с. 22]. Многочисленность малайских китайцев, а также продолжительность проживания их в стране привели к тому, что они фактически образовали самостоятельную общину.

Со второй половины 30-х годов выросла свободная иммиграция из Индии и Индонезии. Ежегодник 1947 г. показывает, что в это время прибыло около 300 тыс. человек из Азии, в том числе около 63 тыс. с Явы. Индонезийские рабочие селились главным образом на восточном побережье и на северо-западе Малаккского полуострова, преимущественно в сельских районах. Их доля в городском населении была очень незначительна (как и собственно малайцев — всего 15%).

Рынок наемной рабочей силы Малайи до середины 30-х годов постепенно обновлялся: на место возвращавшихся на родину иностранных рабочих приезжали новые. С 1900 по 1940 г. в Малайе работало 12 млн. китайцев и около 3 млн. индийцев.

Кризис 1937—1938 гг. привел к прекращению иммиграции в Малайю. После второй мировой войны в характере формирования рынка наемного труда произошли значительные изменения. По переписи 1947 г., в сельском хозяйстве было занято 53% всего самодельного населения страны. Из них малайское крестьянство насчитывало 1312 тыс. человек [14, с. 54].

Процессы парцелляризации крестьянской земли и обезземеливания крестьян проходили довольно интенсивно в 1954 г., когда в деревне наиболее сильно упрочились капиталистические отношения. В это время в рисоводческом районе Кран султаната Перак 80% крестьянства не имело собственной земли. В Кедахе у 60% крестьянских хозяйств не было собственной земли (рис выращивали на арендованных участках). В мукиме Дуланг того же султаната собственной земли не имело 52% крестьянских хозяйств и 54% ее арендовало.

Среди малайских крестьян появилась категория отходников, которые не могли существовать только за счет собственного хозяйства и вынуждены были прибегать к отхожим промыслам, к найму на плантации и т. д. Но наличие экономических связей с деревней, низкие заработки и другие причины мешали этой категории рабочих окончательно порвать с деревней, которая в послевоенные годы все больше превращалась в резервуар избыточной рабочей силы.

Другим внутренним источником рабочей силы в Малайе были новые «скваттерские», главным образом китайские, деревни. В них селились городские трудящиеся и лица, потерявшие работу на плантациях и рудниках. К 1955 г. таких деревень было 550 с общим населением 600 тыс. человек (см. [3]).

Рынок наемного труда в Малайе увеличивался не только за счет выходцев из деревни.

Глубокий кризис экспортного производства страны во время японской оккупации (1941—1945) и бедственное положение трудящихся масс колонии в послевоенный период способствовали усилению расслоения и пролетаризации значительной части мелкой городской буржуазии. Так, в 1947 г. в стране уже было 446 тыс. рабочих, т. е. лишь немногим меньше, чем до войны [20, с. 26]. В торгово-финансовой сфере было занято 11% самостоятельного населения, во всех отраслях обрабатывающей промышленности — 9,8, на транспорте — 5, в добывающей промышленности — 2,2%.

Наиболее характерное явление послевоенных лет — рост числа рабочих-малайцев. Если в 1940 г. их насчитывалось 74 тыс. (включая и выходцев из Индонезии), то уже в 1947 г. — 100 тыс. В 1937 г. соотношение китайских, индийских и малайских рабочих выражалось соответственно 82, 15 и 3%, а в 1955 г. — 74, 14 и 12% (см. [3]).

Что касается индийских плантационных рабочих, то в 1939 г. их было 280 тыс., а в 1947 г. — 163 тыс. Это объяснялось массовой гибелью индийских плантационных рабочих, угнанных оккупантами на строительство тайландо-бирманской железной дороги. В то же время среди плантационных рабочих заметно увеличилось число китайцев: в 1939 г. их было 76 тыс., в 1947 г. — 94 тыс. Значительно возросло и число малайцев, работавших на плантациях, — с 40 тыс. в 1939 г. до 68 тыс. в 1947 г. (всего на плантациях было занято 330 тыс. человек).

К 1947 г. несколько сократилось число китайских рабочих добывающей и обрабатывающей промышленности; например, в 1939 г. в добывающей промышленности было занято 39 тыс. китайцев, 7,5 тыс. индийцев и 7,5 тыс. малайцев, в 1947 г. — соответственно 25 тыс., 4,7 тыс., 5,5 тыс. В промышленности по первичной обработке сырья в 1939 г. было занято 53 тыс. рабочих. Поскольку продукты производства этой отрасли промышленности (олово, кокосовое и пальмовое масло и др.) были

главными экспортными продуктами наравне с каучуком, то эта промышленность быстро росла, и в 1956 г. здесь было занято уже 93 тыс. рабочих (в 1947 г. в обрабатывающей промышленности китайцы составляли 77% [14, с. 370]), но квалифицированных рабочих здесь было только 30%.

Несмотря на рост рынка наемного труда Малайи, с чем до некоторой степени связано увеличение населения городов страны (с 10,6% по переписи 1931 г. до 14,1% по переписи 1947 г.), в составе городских рабочих прослойка фабрично-заводского пролетариата оставалась слабой.

К концу 1957 г. население Малайи составило 6 278 763 человека, причем малайцев — 3 126 706, китайцев — 2 332 936, индийцев — 695 985 и прочих — 123 136 человек. По сравнению с 1947 г. население увеличилось на 1 370 677 человек, в том числе малайское население возросло на 699 872, китайское — на 448 402 и индийское — на 165 347 человек. Рост населения шел главным образом за счет естественного прироста. Иммиграция в послевоенный период стала незначительной и утратила свою прежнюю роль как источника рабочей силы.

В городах в 1957 г. проживало 1 977 180 человек (31%), из них китайцы составляли 57%, индийцы — 26, малайцы — 12% (см. [21]). Рабочий класс Малайи составлял уже 32% всего самостоятельного населения и по численности равен 70% крестьянства и мелкой городской буржуазии.

Несколько выросло значение малайской буржуазии, но все же преобладающее влияние по-прежнему сохраняла китайская буржуазия. В ее руках находилось около 1/4 всех площадей, занятых под каучуковыми плантациями; 35% оловянной руды давали шахты, принадлежавшие китайской буржуазии [13, с. 253].

Значительный вес имела крупная индийская буржуазия, владевшая большими каучуковыми плантациями, торговыми фирмами и промышленными предприятиями.

Конечно, наблюдался и рост малайской мелкой буржуазии, владевшей небольшими каучуковыми плантациями и кустарными мастерскими, но все же более многочисленной в Малайе оставалась китайская и индийская мелкая буржуазия: около половины всей площади мелких земельных владений находилось в руках китайских и индийских собственников, имевших участки примерно в 20—25 акров, что в 7—8 раз превышало обычные крестьянские наделы [16, с. 452].

Важной особенностью структуры рабочего класса и буржуазии, преимущественно мелкой, Малайи был их национальный состав. Специфика экономического развития и формирование населения Малайи сказались на распределении китайцев, малайцев и индийцев в основных отраслях хозяйства.

В 1956 г. на плантациях работало 280 тыс. человек, из них 41% составляли индийцы. В горнодобывающей промышленности в это же время было занято 39 тыс. рабочих (в оловодобы-

вающей промышленности — 36,4 тыс. человек, в каменноугольной — 1 тыс., в добыче золота — 0,8 тыс., в добыче железной руды — 0,4 тыс. и в добыче других минералов — 0,4 тыс. человек), из них 69% рабочих-горняков были китайцами; в обрабатывающей промышленности китайские рабочие составляли 77%.

После второй мировой войны в стране происходил значительный рост числа малайских рабочих: если в 1938 г. их было 26 тыс., то в 1955 г. — уже 153 тыс. (см. [3]).

В последние годы колониальной зависимости (1954—1957) укрепляются позиции малайской буржуазии. К 1957 г. она занимала уже значительное место в ряде отраслей экономики страны, ею было открыто несколько банков, созданы каучуковые и оловянные компании. Особенно заметную роль малайская буржуазия играла в различных транспортных компаниях, в частности она владела рядом автобусных компаний (см. [7]).

Рост национальной буржуазии и становление пролетариата привели к усилению политической активности этих классов. Первые буржуазно-демократические организации Малайи возникли в среде китайской буржуазии Сингапура и Пинанга, группировавшейся вокруг первых демократических органов печати. В 1912 г. в Малайе было создано объединение руководимой Сунь Ятсеном организации «Тунмэнхой», которая в 1914 г. была запрещена английскими колонизаторами.

В 1927 г. на основе малайского гоминьдана, включавшего значительное число рабочих и революционных интеллигентов, была создана боевая антиимпериалистическая организация Рабоче-крестьянское движение в Малайе, которая развернула широкую пропагандистскую работу среди рабочих и крестьян. В 30-х годах возникли организации местной буржуазии. Индийской буржуазией Малайи была создана Центральная индийская ассоциация, которая была тесно связана с Индийским конгрессом Малайи (см. [16]).

Политические организации молодой малайской буржуазии впервые возникли в мае 1938 г. Появилась организация националистической малайской молодежи «Кесатуан Малайю Муда» (Союз молодой Малайи) (см. [13, с. 175]).

В июле 1931 г. на основе марксистских групп в Малайе была создана Коммунистическая партия (КПМ). К 1939 г. она объединяла не менее 100 тыс. человек. Народные массы Малайи видели в КПМ своего верного защитника и руководителя.

В 30—40-х годах создавалось очень много молодежных, женских, крестьянских организаций (Союз сознательной молодежи, Союз сознательных женщин и др.).

В 1945 г. в Сингапуре возник Малайский демократический союз, который стал влиятельной антиимпериалистической организацией. Он объединял главным образом китайскую и индийскую мелкую буржуазию. Союз требовал представления Малайе самоуправления и расширения прав населения.

В 1946 г. была создана Объединенная малайская национальная организация (ОМНО). В этом же году образовалась Все-малайская федерация профсоюзов на съезде представителей всеобщих рабочих союзов Малайи. Все-малайская федерация профсоюзов не ограничилась только экономическими требованиями, а в своем заявлении отвергла английскую конституционную реформу и потребовала от колониальных властей прекращения политики разжигания межнациональной розни. (В самой федерации принимали деятельное участие рабочие всех трех основных национальных групп Малайи.)

В 1948 г. была организована Рабочая партия Сингапура. В 1949 г. Профсоюзный совет Малайи и представители крупной китайской буржуазии создали политическую партию Китайская ассоциация Малайи.

В 50-х годах местная буржуазия создала единый политический блок, выражением которого стал в 1952—1953 гг. Союз трех партий — Объединенной малайской национальной организации, Китайской ассоциации Малайи и Индийского конгресса Малайи (см. [7]).

В конце 1953 г. КПМ выработала программу освободительного движения, предусматривающую создание независимой народной республики Малайи, власть в которой должна осуществляться объединенным народным фронтом.

Будучи не в силах задушить освободительное движение, английские империалисты были вынуждены пойти на большие уступки местной буржуазии и феодалам с целью опереться на них.

Но, несмотря ни на что, освободительное движение продолжалось. Создавались новые политические и профессиональные союзы. Так, в Сингапуре в начале 1953 г. был 171 легальный профсоюз (69 тыс. человек). В Малайе в это же время было 222 профсоюза, насчитывавших 128 тыс. членов. В 1955 г. в Сингапуре состоялась 291 забастовка, в которых участвовало 57 тыс. рабочих. Это в 6 раз больше, чем в 1954 г. В июне 1956 г. произошла забастовка 320 тыс. рабочих каучуковых плантаций. В июле началась всеобщая забастовка рабочих оловянных рудников. В ней приняло участие 18 тыс. человек.

Английское правительство вынуждено было уступить. В начале 1956 г. в Лондоне проходили переговоры между представителями правительства Малайской Федерации во главе с Абдул Рахманом и представителями английского министерства колоний. В ходе этих переговоров английское правительство было вынуждено дать обещание, что «полное самоуправление и независимость в рамках Содружества будут предоставлены, если возможно, к августу 1957 г.» (см. [3; 4; 7]).

И в конце августа (31-го числа) 1957 г. была провозглашена независимость Малайской Федерации.

Таким образом, в колониальный период до получения независимости наблюдался быстрый рост населения Малайи, о чем свидетельствуют следующие данные (см. [21]):

	1921 г.	1931 г.	1947 г.	1957 г.
Малайцы	1 508 588	1 863 872	2 477 834	3 126 706
Китайцы	1 170 551	1 703 528	1 884 534	2 332 936
Индийцы	471 536	621 774	530 638	695 985

Как видно из данных, быстрый рост населения особенно характерен для малайцев (к ним относятся и выходцы из Индонезии) и китайцев. Их численность за 1921—1957 гг. возросла почти в 2 раза. Если прирост малайского населения оставался стабильным в течение всего рассматриваемого периода, то темпы роста китайского и индийского населения с 1938 по 1947 г. снизились. Это было связано с мировым экономическим кризисом 1937—1938 гг., отголоски которого проявились в Малайе. После кризиса был запрещен въезд в страну иностранцев. Кроме того, многие китайские и индийские рабочие возвратились к себе на родину. В 1947 г. около 163 тыс. индийцев были угнаны на строительство таиландо-бирманской железной дороги, что повлекло за собой резкое уменьшение индийского населения. (К 1957 г. численность индийского населения ненамного превышала уровень 1931 г.)

Ко времени получения независимости население Малайи было представлено главным образом тремя этническими группами, из которых первое место по своей численности занимали малайцы (49,8%), второе — китайцы (37%) и третье — индийцы (11%).

В послевоенный период среднегодовой прирост населения составил 2,8% (малайцы — 2,9%, китайцы — 2,4 и индийцы — 3,1%). Это говорит о дальнейшем быстром росте основных национальных групп Малайи, особенно индийцев, связанных с экономикой страны, которая в последние годы стала развиваться ускоренными темпами.

Литература

1. Демин Л. М. Аборигены Малаккского полуострова и политика правительства Малайзии. — Расы и народы. М., 1972.
2. Дობби Э. Юго-Восточная Азия. М., 1952.
3. Жеребилов В. А. Рабочий класс Малайи. М., 1962.
4. Латышева И. С. Малайзия. М., 1972.
5. Линь Фан-Шэн. Малайя. М., 1956.
6. Народы Юго-Восточной Азии. М., 1966.
7. Руднев В. С. Очерки новейшей истории Малайи. 1918—1957. М., 1959.
8. Руднев В. С. Малайя (1945—1963). М., 1963.
9. Тюрин В. А. Завоевание Малайи Англией. М., 1962.
10. Холл Д. Дж. Е. История Юго-Восточной Азии. М., 1958.
11. A r a s a g a t n a m S. Indians in Malaysia and Singapore. L., 1969.

12. Drabble I. H. The Plantation Rubber Industry in Malaya up to 1922.—
«Journal of the Royal Asiatic Society. Malayan Branch». 1949, vol. XII.
13. «Far Eastern Economic Review». 1950, vol. VIII, № 8.
14. Ginsburg N., Roberts Ch. F. Malaya. Chicago, 1955.
15. Hughes D. R. The Peoples of Malaya. Singapore, 1965.
16. «India Rubber World». 1949, vol. XII, № 4.
17. Leupe R. A. The Siege and Capture of Malacca from the Portuguese in
1640—1641.—«Journal of the Royal Asiatic Society. Malayan Branch». 1936,
vol. XIV.
18. Malaysia's Population Census.—Economic Bulletin. Singapore International
Chamber Commercial. 1972.
19. Mill L. A. British Malaya, 1824—1862. Singapore, 1960.
20. Nanjundan S. Indians in Malayan Economy. New Delhi, 1950.
21. Ooi Jin-Bee. Land, People and Economy in Malaya. L., 1963.
22. Robequain C. Malaya, Indonesia, Borneo and the Philippines. London—
New York — Toronto, 1958.

---

*Светлой памяти дорогого
Владимира Германовича Богораза
посвящая*

Е. А. Крейнович

О КУЛЬТЕ МЕДВЕДЯ У НИВХОВ **(Публикация и анализ текстов)**

Культ медведя, существующий у различных охотничьих народов, дошел до современности из глубин палеолита, храня в себе следы мироощущения и миропредставления наших древнейших предков, по-видимому еще неандертальцев. Найдены пещеры, в которых обнаружены черепа и кости пещерного медведя. Эти хранилища были созданы неандертальцами.

Череп и челюсти пещерных медведей, найденные в окрестностях Одессы, имели «какое-то нарочитое расположение... причем один такой череп был обложен камнями» [1, с. 232].

В Петерсгёле, в одном из боковых помещений пещеры, обнаруженные кости пещерного медведя были прикрыты камнями, а «рядом с ними в небольших углублениях в скале были размещены черепа этих животных» [1, с. 235].

В пещере же Драхенлох был обнаружен «сложенный из камней кубический „ларь“ с гранями, равными примерно метру. Сверху он был закрыт большим плоским камнем. Внутри лежало семь медвежьих черепов, повернутых мордами ко входу в пещеру» [4, с. 108]. Подальше в нишах по стенам было обнаружено еще шесть черепов [4, с. 108]. При черепах же «часто находились по два первых позвонка» [1, с. 237].

Невольно возникает вопрос: с какой целью неандертальцы сохраняли черепа пещерного медведя, их нижние челюсти, два первых шейных позвонка и другие их кости? Если бы они не связывали с этими останками каких-то представлений, то зачем неандертальцы стали бы их хранить? Такие действия, несомненно, не могли совершаться бесцельно.

Неандертальцы жили в пещерах, и пещерные медведи обитали в пещерах. При анимистическом миропредставлении одного этого факта было достаточно, чтобы отождествить пещерного медведя с человеком. Под Одессой, как указывалось выше, был обнаружен череп пещерного медведя, обложенный камнями, а в Италии в пещере Монте-Чирчео был обнаружен череп неандертальца в кольце из камней [4, с. 105].

«...Приходится признать,— пишет А. П. Окладников,— что на самых ранних ступенях погребальный ритуал имел общие идеологические корни и одинаковые внешние черты как по отношению к человеку, так и по отношению к зверю» [9, с. 78].

Из одинаковых черт захоронения человека и пещерного медведя следует вывод, что человек отождествлял с собой медведя и считал его человеком. Не случайно в фольклоре народов Севера встречаются выражения: медвежий народ, лисий народ и т. п. Поэтому же в религиозных представлениях и в фольклоре народов Севера до сих пор еще бытуют представления, что медведь — это человек, чем и объясняется тот сложный ритуал в отношении его, о котором речь еще будет впереди.

Однажды возникнув, религиозные представления и религиозные обряды могут утратить свой первоначальный смысл, но тем не менее они переживают десятки тысячелетий, сохраняясь у нынешних народов по традиции.

В связи с этим крайне важно отметить, что у нивхов, культ медведя которых мы изучали, имеются черты, типологически сближающие его с культом медведя у неандертальцев¹. Эти черты таковы:

1. Нивхи живут родами. Каждый род нивхов хранил (а единичные роды хранят еще и сейчас) в специальных амбарах черепа всех медведей, когда-либо убитых членами их рода на охоте, а также черепа медведей, выкормленных ими для устройства так называемого медвежьего праздника, во время которого медведь убивает приглашенный чужеродец.

2. Сахалинские нивхи особо выделяли два верхних шейных позвонка медведя (атлант и эпистрофей), которые называют махт². Их считали табуированными и их мясо запрещали есть женщинам.

3. Сахалинские нивхи сохраняли в целости все кости медведя, которые складывали в отдельный сруб, имевшийся у каждого рода в отдельности. Там хранили кости всех медведей, убитых членами данного рода.

Эти сопоставления дают нам возможность представить себе, почему неандертальцы хранили черепа пещерных медведей.

О захоронении останков пещерного медведя А. П. Окладников пишет следующее: «Гораздо вероятнее видеть в отмеченных находках отражение тех же, в общем, идей, которые вызвали впоследствии в Сибири и Северной Америке развитие сложной обрядности „медвежьих праздников“ и обычай заботливо погребать останки убитых животных, в особенности же их головы, наблюдающийся у многих отсталых охотничьих племен земного шара» [9, с. 77].

Неандертальцы хоронили своих соплеменников, обкладывая

¹ На эти сходства обратил также внимание В. В. Иванов [2, с. 7].

² Объяснение транскрипции см. [8, с. 296—297].

их даже цветами [4, с. 148]. Столь заботливое захоронение человека неоспоримо свидетельствует о том, что у них существовало представление о загробном существовании и, возможно, о воскрешении. Лишь после того как такое представление возникло в отношении людей, оно с неизбежностью было перенесено и на животных.

Нам в споре с Н. Я. Марром, который отстаивал идею изначальности дологического мышления у древнейших людей, пришлось доказывать обратное — что человек с самого момента своего возникновения мыслил логически. Самое убедительное свидетельство этому мы находили в том, что он мог из числа бесконечного количества камней избрать для своих орудий камень и овладеть техникой его обработки, для чего требовалось логическое мышление [7, с. 462—463]. «Неандертальцы [же] изобрели новый способ изготовления орудий ... многие неандертальцы теперь оббивали каменный желвак, превращая его в дисковидный нуклеус, а затем били отбойником по краю, направляя удар к центру, и откалывали отщеп за отщепом, пока от нуклеуса почти ничего не оставалось. В заключение рабочие края отщепов подправлялись так, чтобы можно было обрабатывать дерево, разделявать туши и разрезать шкуры» [4, с. 53].

Процесс изготовления орудий, захоронение людей и медведей, так же как и охота на них, не могли обходиться без взаимного общения и обсуждения столь сложных явлений жизни. Неандертальцы не только обладали развитым логическим мышлением, но и владели языком. Не владея им, они не смогли бы обмениваться опытом и выжить в тех суровых условиях, которые их окружали (см. [10, с. 44—65]).

Исходя из тех следов культуры, которые неандертальцы оставили, можно утверждать, что у них существовал большой круг понятий. Так, они знали, что такое твердое и мягкое, острое и тупое, раскалывающееся и нераскалывающееся, колющее и неколющее, скоблящее и нескоблящее, режущее и нережущее, огонь полыхающий и огонь угасающий, сырое и жареное, горячее и холодное, живое и неживое, покой и движение и тому подобный круг понятий, который можно установить из знания их быта.

Мы, конечно, не собираемся отождествлять культ медведя у неандертальцев с культом медведя у современных охотничьих народов. Тем не менее нельзя не указать на ту эпоху, когда он впервые возник. Сквозь десятки тысячелетий со значительными изменениями он дошел до наших дней.

Современный охотник, убивающий медведя из самого совершенного ружья, а потом разделяющий его ножом из лучших сталей, не представляет себе ритуала, связанного с медведем, убитым на охоте, либо на медвежьем празднике у некоторых современных охотничьих племен Севера. Отдаленное представление об этом ритуале (так как в действительности он сложнее

излагаемого ниже) дают два следующих сообщения, записанные нами от нивхов.

Старик Пэск из селения Куль на материке рассказывал нам о ритуале материковых нивхов, совершаемом над медведем, убитым на охоте, следующее.

В первый день, называемый наскруд', медвежью голову кладут на табуированный (священный) помост (лэз). Приглашенных в этот день чужеродцев угощают внутренним жиром медведя, печенью и почками. Во второй день, называемый т'онр-ызд' 'кормление головы', все сородичи охотников, убивших медведя, а также семьи всех чужих родов, проживающих в данном селении, приносят жертвоприношения и ставят их перед головой медведя, угощая его таким образом лучшими яствами, которые они имеют. В третий день, называемый уилыд'-зоскт' — букв. 'ломать табуированное', старики чужеродцы режут на мелкие части табуированные части медвежьего мяса и жира, которые разрешается есть мужчинам и запрещается женщинам. В четвертый день, называемый нашк-упыд' 'усаживание нархов'³, чужеродцам-нархам передают часть медвежьего мяса и жира. В пятый день, называемый уилыд'-розд' 'деление табуированного', продолжается передача чужеродцам-нархам остальных частей медведя. Шестой день называется т'онр-кот'т' 'опускание головы (медведя)'. В этот день ее снимают с помоста, куда в первый день она была водружена.

Старик Очи из селения Чир-унвд на Сахалине рассказал мне о ритуале сахалинских нивхов над медведем, убитым на медвежьем празднике. В нем выделяются следующие моменты:

1. Нашкхун п'шыңгу. День прибытия нархов-чужеродцев, которые приглашаются специально для того, чтобы убить выкормленного медведя. Им же отдается почти целиком его мясо и жир.

2. На-үусиң-ғаврдата. Пока еще зверя (медведя) не извлекли из клетки. Медведя извлекают из нее, опутывая его самого и его лапы веревками [7, с. 201—202].

3. На-үусиң-гу. День извлечения медведя (из клетки). Очи рассказывал, что в старину после первого извлечения медведя из клетки вечером того же дня его водворяли в нее обратно.

4. На-үусир твиң-гу. День окончательного извлечения медведя из клетки. В этот день его уже убивают из лука [7, с. 208].

5. Нашк-һупд. Усаживание нархов. К этому моменту закончено уже поджаривание табуированных частей медведя и варка нетабуированных частей. Приготовленное мясо и жир отдают нархам.

---

³ Словом «нашк» (в дальнейшем по-русски «нарх») называется чужеродец, которого приглашают для того, чтобы он убил медведя. Потом ему отдают мясо и жир этого медведя.

6. Нашкхун эхт виң-гу. День, когда нархи возвращаются к себе обратно, увозя медвежье мясо и жир.

7. Ызгун п'анкшкун наң-гу. День, когда хозяева идут за берестяной посудой, в которой нархи увозят мясо и жир.

8. Ызгун навр-мың-гу. День, когда хозяева убирают навр — подстилки из еловых веток, на которых лежало медвежье мясо и которыми вытирали что-либо относящееся к медведю, в том числе обтирали руки, запачканные кровью, жиром и мясом медведя.

9. Шаңкхун т'ут'уң-гу. День, когда женщины моют посуду (очевидно, ту, которую им дозволяется мыть).

10. Ч'ох-к'ит'ит пал ваўваң-гу. День, когда для жертвоприношения духам гор убивают собак. Слово -к'ит'ид ~ -хит'ид, употребленное здесь, говорит, по-видимому, о том, что убиение собак представляло собой обряд примирения нивхов с горными духами-медведями за то, что они убили медведя. Словосочетание ч'ох-к'ит'ид означает 'поднять кровь' (имеется, вероятно, в виду пролитая кровь, как в обряде кровной мести). Буквально это название можно перевести так: День поднятия крови и налаживания отношений с духами гор — медведями.

11. Раңфт'иң п'иұрыұрыт твиң-гу. День, когда окончательно убирают все остатки и следы от медвежьего праздника.

Знакомясь с этим сложным распорядком медвежьего праздника, поневоле задаешь себе вопрос: зачем нужна такая потрясающая сложность в уходе за убитым медведем, когда современный охотник пулей и ножом разделяется с ним в несколько часов?

Все дело, очевидно, состоит в том, что, по представлениям нивхов, медведь — человек, не простой, а горный человек-дух, который находится в добрых и даже родственных отношениях с ними. Он охраняет их от злых духов и помогает им в добыче лесных зверей, а также медведей. По представлениям нивхов, горный человек-дух надевает на себя медвежью шкуру, спускается в гости к нивхам и позволяет себя убить, что для него не составляет несчастья, так как душа его вместе с подарками, которыми его снабдят нивхи, возвратится обратно к горным людям-духам и обретет там свою прежнюю плоть. Между горными (лесными) людьми-медведями и нивхами могут существовать и брачные отношения, в результате чего у нивхинок рождаются двойни [7, с. 426—440]. Такова философия анимиста-нивха.

Представление о медведе как о человеке отчетливо вскрывается в обряде его свежевания. Обратимся к языку.

Освеживание животного называется по-нивхски из'нт (с.д.) изд'(а.д.)⁴, но свежевание медведя — лазнт (с.д.), лырд' (а.д.)

⁴ Слова сахалинского диалекта нивхского языка обозначаются сокращенно — с. д., амурского диалекта — а. д.

Значение этих слов в нивхском языке утрачено. Между тем в языках хантэ и манси оно сохранилось.

В хантыйском языке (казымский диалект) имеется глагол 'хорти', 'свежевать', обозначающий свежевание любого зверя. Кроме того, в нем имеется еще глагол э:нхэсти, которым обозначают свежевание медведя. Буквальное значение этого глагола — 'раздевать'⁵. В мансийском языке (сосвинский и сыгвинский говоры) глагол нујаланквэ 'свежевать' употребляется для обозначения свежевания любого животного. Для обозначения же свежевания медведя употребляется глагол а:хвсалаңквэ. Его буквальное значение — 'раздевать'.

Таким образом, в языке двух народов процесс свежевания медведя отождествляется с раздеванием, поскольку за шкурой медведя, являющейся его верхней одеждой, таится якобы человек.

Шкура любого животного называется в нивхском языке наүр, а шкура медведя — наүр. Но не эту разрезанную шкуру надевает на себя, по представлениям нивхов, человек-медведь. В одной из легенд она называется нашкң (с.д.) 'цельная шкура животного, снятая с него без разрезов, «чулком»': һын-т'хыф п'ашкнх ч'ыура, мэшн-нафк рон'р ин'ра. 'Этот медведь из своей шкуры выбрался, с нашим товарищем [т. е. с нивхом] вместе ел'. В другой легенде нивх, оказавшийся якобы среди медведей, говорит: Т'хыват н'и:вң һаңт к'ымлиң-ғаврңы, т'хыван-н 'иүвды (с.д.) 'О том, что медведь есть человек, (я) не думал медведь — тоже человек'.

Переходим теперь к описанию процесса свежевания медведя. Приводим его на нивхском языке с переводом на русский.

О свежевании медведя у нивхов Сахалина

(1) һун-т'хыв-амүдүн. (2) јамүна, уүр-т'акр валз-н'акр һаңт ивңт. (3) һу-уүркудо виңа, л'эл'э т'ақохис' вал'ингэрд. (4) Там-кхис' ишлыт ах вахунд. (5) Вал'сагр тамкхис' ишлыт вахунд. (6) һатот лазт твиңа, иврыут⁶. (7) ја-наүркис' т'шак ја-ғарр-т'анд. (8) Т'хыв-ау-иүрд. (9) ја-наүркис' хэми ја-зоңкр-тмыңк пас'нд.

(1) Этого медведя свежают (производя надрез по нижней стороне шкуры от края нижней губы, в данном случае от горла, до края прямой кишки). (2) Когда разрезают, то делают

⁵ Приношу благодарность научным сотрудникам Института языкознания Н. И. Терешкину и Б. И. Ромбандеевой, сообщившим мне эти сведения.

⁶ Словом «иврыут» (иврыут) (с. д.) обозначается особая поза, которую придают убитому медведю, а также собаке, принесенной в жертву после медвежьего праздника. При этой позе медведя укладывают на живот, вытягивают его задние лапы, а на передние, вытянутые вперед, укладывают его голову, словно он отдыхает и наблюдает за окружающим.

так, чтобы он три пуговицы и один пояс имел (на шкуре остаются неразрезанные полоски, символизирующие пуговицы). (3) Когда до этих пуговиц доходят, то ножом запрещают резать. (4) Руками тянут, рвут. (5) Пояс также руками тянут, рвут. (6) Потом, когда свежевать закончат, на брюхо укладывают. (7) Его шкурой три раза по его спине ударяют. (8) По медвежьим рычатам. (9) Его шкуру вверх через его голову кидают.

Записано от старика Очи в селении Чир-унвд в июле 1957 г.

В другом тексте, разъясняющем записанное, старик говорил, что на поясе у медведя и медведицы имеется млы — специальная сумочка из кожи, в которой нивхи до ознакомления со спичками носили кремь, трут и кресало: Арна вал'з-н'акр, млы-н'акр ивра, шаңк вал'з-н'акр ивра, млы ивра 'Зверь-самец, [т. е. медведь-самец], пояс один, сумочку с кресалом имеет, женщина, [т. е. медведица-самка], пояс один имеет, сумочку с кресалом имеет'. Примечательно, что в приведенном предложении Очи назвал медведицу словом шаңк 'женщина'. В этом же тексте несколько выше нами записано от него следующее: һиутот, из'инына, арна уур-т'акр ивнта, тош, ах азмт'-н'и'вн, һат итнт; шаңк-н'и'вн, һат итнт, уур-ныкр ивнд 'После того, как убьют медведя, когда свежевать собираются, зверь-самец три пуговицы должен иметь, [таков] закон (обычай), вот [потому-что] мужчина-человек, [поэтому] так говорят', женщина-человек, так говорят, четыре пуговицы должна иметь' (глагол 'иметь' дан в форме каузативного залога, дать его точный перевод на русский язык мы затрудняемся). Разговаривая между собой (а не с исследователем), старики нивхи говорят о горных медведях как о людях — пал-н'и'вн 'горный человек'.

Из сообщений Очи осталось неясным, откуда нивхи вырезывали у медведей пояс. Неожиданно это выяснилось из записей, сделанных у амурских нивхов.

О свежевании медведя у амурских нивхов

(1) П'ор палух лыңнан, пилаң, јыгыр и-д'онр-т'икрот, һо:р озиво оурјут к'оһад'. (2) Арна т'шакһара, ан'ғна ншыкһара — һогут оурјуд'. (3) Вылнут кох химигут јынгт'. (4) Јынгнан уҫ лытт јынгт'ад'. (5) Арна һанан уҫ-т'акр лытта, ан'ғна һанан уҫ-ныкр лытта — һат јынгт'ад'. (6) Уҫ-тыруиныңан, һутыфидун' ут'ит, шавгут, мәшк ирлыт, т'шак һанывујн иҫмыт ирлыт, выут, тымх-хит'ит п'ңырүр-т'ат'ад'. (7) Ан'ғна һанан т'шак ирлыт ншык һанывујн иҫмыт ирлыт нутут, тымх-хит'ит п'ңырүр-т'ат'ад'. (8) Изүйтнан һагр т'онр-томск татагута. (9) Н'ин н'ивх т'онрэрк-п'ира, н'ин н'ивх аннэрк-п'ира — һогут һагркир лывлывут'ад'. (10) Аннэркп'ид' нуғи, ар-т'хыф һанан, т'шак лывлывура, ан'х-т'хыф һанан — ншык лывлывура.

(11) Һарот т'онрэкп'ид'рох п'ыүзнан, т'онрэкп'ид'ан выүдр эвр. (12) Һыд'анвара һогур лывлывурот п'нафкрох пыүзр'ад'. (13) Ар-т'хыф һаңан т'раксрак п'ыүста, ан'х-т'хыф һаңан ншы-кншык п'ыүста — һат'ад'.

(14) П'ор зоскиныңан, Һырүр-атт'-нох лэлэ к'озух рокут, вэрс тун'-т'эх — тағало һагут рокут, қат, лилэ кэлрох шақ-т'ад' — һогут тақлмурк рокут'ад'. (15) Һотнан фун'кут кыдр-мурк рокут'ад'. (16) Һыд'ан вара тун'-т'эх-тағагут рокут лилэ оґзағух рокут шақт, мат'ныки-озух рыкрыкут'ад'. (17) Һот шәнүт вивүыс нуи рокут'ад'... (18) Вивүыс-тоқунан, һон'ағух ар һаңан тун'-т'эх-тағагута, ан'х һаңан тун'-ных-тағагута — һогут вивүыс-токут'ад'.

(1) Сперва, как в лесу убьют медведя, старейший ложится [падает] навстречу к медведю, его голову обхватывает, потом, поднимаясь, [он] издает клич. (2) [Если] зверь самец, [то он] три раза, [если] зверь самка — четыре — вот так клич издает. (3) [Потом медведя] поворачивают вверх брюхом и делают продольный надрез [от горла до прямой кишки]. (4) Когда производят продольный надрез, то, образуя пуговицы, [оставляют неразрезанными полоски шкуры], надрезают. (5) Когда самец окажется, три пуговицы делают, когда самка окажется — четыре пуговицы делают — вот так надрезают. (6) Когда пуговицу собираются разорвать, средний палец подсовывают (под полоску кожи), захватывают, два раза тянут, а на третий раз, с усилием потянув, разрывают, [потом], руку подняв, в свою грудь ударяют. (7) Если [медведь] самка — три раза тянут, [а] в четвертый раз, с усилием потянув, разрывают, [потом], руку подняв, в свою грудь ударяют. (8) Когда свежую, шкуру вместе с головой целиком оставляют. (9) Один человек за головой располагается, один человек за задом располагается, [потом] так по медведю шкурой бьют. (10) Находящийся сзади первым, когда медведь самец, три раза по медведю ударяет, когда медведь самка — четыре раза ударяет. (11) После этого, когда находящемуся возле головы [шкуру] бросает, находящийся возле головы на лету [ее] схватывает. (12) Он также таким образом ударяет, своему товарищу [шкуру] перебрасывает. (13) Когда медведь самец — три раза перебрасывают [шкуру], когда медведь самка — четыре раза перебрасывают — вот так делают.

(14) Сперва, когда разделявать [букв. ломать] собираются, [то] жир, вырезаемый с груди, прямо от шеи отделяют, примерно в три пальца толщиной — вот так отделяют; [затем], спускаясь прямо до внутренней стороны задних ног, режут, вот так брюшные пласты жира (тақлмурк) отделяют. (15) После этого на брюхо поворачивают, длинные пласты со спины (кыдр-мурк) отделяют. (16) Эти тоже в три пальца шириной отделяют, прямо от самого затылочного отверстия отделяя, режут, [затем] с основания хвоста отделяют. (17) Потом брюхом вверх

поворачивают, пояс сперва отделяют. (18) Когда пояс отделяют, то боковые стороны (над тазовыми костями) в три пальца ширины, если [медведь] самец, или в четыре пальца ширины, если [медведь] самка,— вот так пояс отделяют.

Записано от сказителя нивха Кыйдыка в селении Вайда на Амуре в ноябре 1957 г.

Старик Хидин из селения Вайды рассказывал мне о свеживании медведя то же самое.

Современный охотник, убив медведя, без всяких церемоний снимет с него шкуру. Нивх же осложняет этот процесс ложными представлениями, что медведь — человек. Поэтому он отождествляет процесс его свеживания с раздеванием, со снятием с гостя его одежды.

Однако это, если так можно выразиться, первый этап анимистического решения проблемы того, что такое медведь. Анимистическое воображение древнего человека развивалось дальше. Оно должно было еще ответить на вопросы, где и как живет человек-медведь, и оно на них ответило.

По-видимому, следующим объектом, вызвавшим деятельность воображения древних людей, была пещера, в которой обитал пещерный медведь, а затем и берлога, где зимует современный медведь.

Для нас берлога — это одно, а в воображении людей каменного века — это нечто иное. Вот как в легенде нивхов представлена берлога.

Это было, конечно, давным-давно. Один нивх пошел на охоту и заблудился. Блуждая, он набрел на след медведя, который привел его к берлоге. Когда он всунул в нее копые, то оно оказывалось в пустом пространстве. Тогда он свалил молодую ель, воткнул ее в берлогу, но и она не достигла дна. С отчаяния он решил сам войти туда и оказался в пространстве, которое вывело его в какое-то селение (см. подробнее [7, с. 170—175]).

Обитатели жилища, среди которых он очутился, приняли его приветливо. Однажды он увидел, что к этим людям из мест, оставленных им, поступают дарственные угощения. Позднее ему объяснили, что он находится в селении пал-н'и:внч 'горных людей', у которых существуют не только добрососедские отношения с нивхами (к'омифт'ив-н'и:внч 'с людьми, живущими в низовской земле'), но даже и родственные отношения: «Н'ин пал-н'и:внч н'андорч-к'алч нау, ч'ин к'омив-ни:внч н'андорч к'алч нау, һаңы н'ин ч'ин к'алнда Нас, горных людей, девять полных родов, вас людей низовской земли [т. е. нивхов] девять полных родов, вот мы вашего рода». Так он узнал, что у каждого рода нивхов есть свой род горных людей-медведей, что он неожиданно для самого себя оказался среди своих горных сородичей. Среди них оказались не только его старшие братья, но и жена, о существовании которых ранее

он не подозревал. Между тем эти родичи покровительствовали ему. В личинах медведей они приходят к нивхам в гости. Нивхи их убивают, забирают их мясо, но их души, сопровождаемые дарами нивхов, снова возвращаются к своим родичам. Так люди узнали, что медведь — это горный человек. *Һаңт туктох н'и:вн: җаймнт: т'хыф — пал-н'и:вн:.* 'Так до сих пор люди знают, что медведь — это горный человек'.

Эта легенда, записанная со слов сказителя Шызыуна, имеет следующие дополнения, записанные мною с его же слов. Медведи имеют свои *к'алң* [роды], и если нивх убивает медведя, то он убивает лишь своего сородича. Медведь же чужого рода просто убежит от нивха, если тот захочет его убить. «Только свой *к'алң* свой *к'алң* кормит», — сказал мне убежденно Шызыун (т. е. сородич-медведь помогает только своему сородичу-нивху).

Понять и почувствовать эту анимистическую философию братства людей и животных нелегко, но только она способна объяснить многое в поведении нивхов в отношении медведя.

Прежде всего она объясняет роль энхарг — чужеродцев во время охоты на медведя, а также на так называемых медвежьих праздниках.

Когда нивхи обнаруживают берлогу, то медведя, находящегося в ней, они считают как бы своим родичем. Тогда они приглашают с собой на охоту своего зятя, который не имеет права отказаться от этого приглашения. Напротив входа в берлогу становится зять, а тести — по его сторонам⁷. Один из тестей тревожит зверя длинным тонким стволom, очищенным от ветвей. Когда медведь показывается из берлоги, первым нападает на него зять и колет его копьем. Медведицу бьют справа, медведя — слева. Если зять его не убил, тести приходят ему на помощь [7, с. 173]. Мясо и жир медведя отдаются почти целиком зятю или другому чужеродцу, поскольку медведь, найденный тестями, считается как бы их родичем.

По сообщению Очи, когда к берлоге идет старик, то он держит с собой посох из молодой ели (*пшуң-ханд*). Как только медведь высовывает из берлоги морду, *һуң-ыт'х п'эвшун-ханд-һис' җа-н'этф* *форуфоруңд* 'этот старик своим еловым посохом его лицо (*н'этф*) гладит, [ласкает]'. Когда же медведь полностью выходит, его убивают.

Убиение медведя современным охотником является его личным делом. Он поступает с ним как ему угодно. Не то у нивхов. Добыча медведя не индивидуальное дело охотника, но большое общественное событие, приводящее в движение не только членов рода, к которым принадлежит охотник, но и членов других родов, живущих с данным родом по соседству.

⁷ Общественное устройство нивхов родовое. Внутри рода браки запрещены. Женщины уходят в жены в другой род. Род, из которого берут жен, — это род тестя, а род, в который уходят женщины, — это род зятя.

С точки зрения воображения нивхов прибытие охотников вместе с медведем в селение означает, что к ним в лице медведя в гости прибыл горный человек. Общественная сторона этого события весьма выпукло выступает в рассказе об охоте на медведя, записанном мною на нивхском языке от старика Пэска из селения Куль, самого северного селения на материке, расположенного на берегу Охотского моря.

Трое охотников: старик Пэск, Псомрун и Озгун, о которых говорится в рассказе, принадлежали к роду Қавјун. Четвертый, Тынвин, был чужеродец. Установить его родовую принадлежность, а также его отношение к членам рода Қавјун по имеющимся у меня записям не удалось.

Осенью 1930 г. четверо этих охотников отправились вверх по р. Куль охотиться на медведя. У нас сохранился даже схематический набросок местности, по которой они проходили, с указанием пункта, где был убит медведь. Сопоставление названий географических точек, по которым они шли, с названием их рыболовных промысловых угодий убедило нас в том, что они охотились на медведя только в пределах своей родовой промысловой территории, не выходя за ее границы. На этой же родовой территории находились и ритуальные кучи деревьев их рода, связанные с культом медведя (см. ниже). Сахалинский нивх Очи говорил мне, что каждый род нивхов имеет свою территорию, где члены данного рода охотятся на медведя. Вероятно, это сообщение надо понимать еще так. Медведь-сородич приходит к сородичам на их территорию.

Ниже приводим перевод рассказа Пэска.

Об охоте на медведя у нивхов материка (селение Куль)

«Когда наступила осень, мы, четыре человека, вместе пошли. Я одно, ружье, одно копьё нес. Тыңвин одно ружье нес. Псомрун одно ружье нес. Озгун одно ружье нес. Так шли. В Ч'ах-паглы — Красной воде⁸ переночевали. Утром пошли. К Вазиле поднявшись, переночевали. Утром встав, рыбу рыбным багром ловили. Сто рыб убили. Потом к своему месту возвратились, чай согрел, пили. После этого каждый сам себе заплечные носилки сделал. Я впереди шел. Так шли-шли, когда к ма́ри спустились, здесь отдыхали. Каждый, табак свернув, закурил. Отсюда, встав, пошли. К Тымырымы⁹ поднялись. Здесь отдыхали. Отдохнув, встали, пошли. Шли-шли, к Ильмилъм поднялись. Поднявшись, много медвежьих следов увидели. Нерестилище

⁸ Географическое название — топоним.

⁹ Вторая определяемая основа Тымы (-рымы, -дымы), встречающаяся в топонимических названиях, означает нерестилище, которыми богата р. Куль. Они распределены между членами родов, живущих в селении того же названия.

обходя, их следы осматривали¹⁰. Их следы осмотрев, к месту отдыха пошли. Там сели, табак курили. Табак покурив, встали, пошли. Потом к Минырымы поднялись. Поднявшись, медвежьих следов много увидели. Потом по возвышенности шли. До края нерестилища дошли. По краю нерестилища идя, на другую сторону его переправились. Здесь заплечные носилки сняли, пошли, сучьев наломали, притащили, костер разожгли, чай грели. Когда чай согрели, я сказал: „К нерестилищу Ысклыдымы поднявшись, посмотрим. Если ничего там нет, к К'эдымы, [нерестилищам, находящимся в верховьях реки], давайте поднимемся“. Дождавшись, когда закипел чай, сняли его. Каждый чай пил. Когда чай пить окончили, табак свернув, курили. Когда курить окончили, каждый, взяв свои заплечные носилки, поместил их за спину, пошли. Шли-шли, когда к Ысклыдымы поднялись, по месту, где люди переходили, по мостику переправились. Все вместе по нерестилищу вверх поднимались. Поднимались-поднимались, медведем отведенная рыба разбросана была, детеныш вместе [с ним] был. [Медведь] ночью спускался, всего лишь прошлой ночью спустился, схватил рыбу зубами, вытаскивал, рыбу отведенную разбросал. Я сказал: „Здесь сядем. Если [медведь] спустится, то спустится“.

Тогда носилки сняли, поставили их. Поставив, место, на котором собирались остановиться, осмотрели. В одном месте углубление было. В него сели. Псомрун ближе ко мне находился. Я на верхнем краю [углубления]¹¹ находился. Тыцвин за Псомруном находился. Озгун сзади всех расположился.

Сидели-сидели, каждый себе табак свернул, в зубах сигарки [самокрутки] держал. Самокрутки еще не успели прогореть, как в лесу раздался треск сучков. Дождавшись треска сучков, я наблюдал — человек, одетый в белую шапку, [померещился]. Я присматривался: между кустарником [что-то] чуть белело. Тогда я хорошо стал присматриваться. Присматривался-присматривался — медвежье ухо торчит. Теперь Псомруну сказал: „Медведь спускается. Пусть каждый приготовится. Когда каждому удобно будет, стреляйте. Если мне удобно будет, я выстрелю“. Так наблюдая, сидели-сидели, [а он] спускался. По краю нерестилища ступая, спускался. Спускаясь, вдруг остановился. Остановившись, голову поднял. Осторожно стал спускаться. Когда к нам приблизился, заторопился, длинными шагами подходил. Вблизи нас Вын'варатымы — нерестилище, подобное котлу, находилось. В том направлении спускался. Напрямик туда спустившись, остановился. Каждый из нас притаился. Допускали его спускаться. Когда он, сюда спустившись,

¹⁰ Когда нивхи, живущие в бассейне р. Тыми на Сахалине, находят след медведя, то называть его прямо словом «т'иф» 'след' запрещается. Следует говорить о нем иносказательно — «кытх» 'стебель'.

¹¹ Расположение углубления, по-видимому, ориентировано по направлению течения реки.

остановился, я ружье приготовил, а потом встал. Когда я встал, он, уши к голове пригнув, меня разглядывал. Так я в него прицелился, на мушку его взял, а потом [курок] потянул. Когда потянул, два ружья выстрелило. Тогда там голова [букв. 'сверху'] вниз упала. После этого [он] встал, назад прыгнул. Тогда спросил: „Как стреляли?“ Когда я так сказал, Озгун встал, из-за наших спин побежал его преследовать. Тогда наши товарищи встали, вместе с ним втроем друг за другом побежали. Я, сидя на месте, сказал: „Не надо“. Тогда, не обращая на меня внимания, побежали. Опасаясь, что он откуда-либо появится, запретил [им идти]. Ничего не добившись, встал, копьё бросил, на ходу патрон в ружье вложив, побежал. Когда бежал, ружье одно выстрелило. Я к месту выстрела побежал. Смотрю, он бежит, вдруг [его] голова вперед упала, ткнулась в землю. Прямо к нему подбежал. Тыңвин опять стрелять собрался, но я запретил. Смотрю, глазами моргает. Псомруна за копьём послал, ружье наготове держу. Псомрун принес копьё. Я копьё взял, подошел, колот. Не доколот. Тогда на медведя прыгнул¹², своей силой его обнял. Когда я обнял, он зашевелился. Шевелился-шевелился.

Тогда я встал, посмотрел. „Бйшк п'шыд'ра 'уже пришел“¹³, — сказал я. „Ну, молодежь, давайте оттащим его целиком немного подальше“. Гляжу на него: „большой старик“ (пилэ һэмар) — так думаю. Молодежь тоже — „большой старик“ — так думала.

Потом ремнем его шею обвязали. Вчетвером вместе волокли его. Когда оттащили, на брюхо положили его, лапы вытянули. Я поправил его, чтобы ровно лежал, ремнем шею обвязал, копьём шерсть спины почистил. Почистив, копьё опустил, с левой стороны к медведю прислонил. Конец шейной привязи поднял, к копыю привязал¹⁴.

Лишь теперь я понял: „Медведь — самка. Давеча думали, что самец“. Я опустил, хвост рукой обхватил, не обхватывается (?). Я подумал: „Э, теперь-то жирный оказывается“.

Потом я пошел, дров для костра нарубил, принес, елок на-

---

¹² На медвежьем празднике у Паркызина (происходившем у сахалинских нивхов на р. Тыми) в феврале 1927 г. я видел, как нивх Пимка прыгнул на спину издыхавшего зверя, схватил его за уши и ткнул мордой в снег, чтобы он быстрее задохнулся.

¹³ Это выражение с исключительной четкостью говорит о том, что медведь, по представлениям нивхов, — человек. Он в данном случае не умирает, но только приходит к своим сородичам в гости. Дальнейший ритуал подтверждает этот вывод.

¹⁴ У сахалинских нивхов на шею убитого медведя также надевают подвижную ремennую петлю. Она называется «ларх». Ее свободный конец привязывают к деревцу. Вероятно, это должно обозначать, что медведь принят нивхами. Когда его начинают свежевать, конец ремня отвязывают от дерева и ремень аккуратно складывают в несколько раз до затылка. Сложенный ремень перевязывают поперек и оставляют лежать на затылке. В таком виде он символизирует перевязанную косу — поп (ларх-тнохкис' ин-боп-ајнт). Пэск привязал медведя к копыю, возможно, потому, что вблизи не было дерева.

рубил, табуированный огонь¹⁵ [костер] разжег. Разжег, а потом еловых ветвей на огонь положил, много [еловых ветвей] сжег.

Я молодежи сказал: „Дрова нарубите, чай согрейте“. Тогда один пошел, дрова для согревания чая нарубил, принес, костер разжег, чай согрел¹⁶.

Потом чай пить не стали, к медведю пошли. Брюхом вверх его повернули, шкуру снимать стали. Я надрезал шкуру¹⁷. Надрезав, молодежи позволил его освежать. Когда освежать его закончили, на брюхо его повернув, положили, лапы вытянули.

После этого я молодежи сказал: „Один у головы пусть станет, один у зада [хвоста] пусть станет. По четыре раза шкурой по медведю ударьте, шкуру перекиньте, на лету поймите“¹⁸.

После того как так сделали, брюхом вверх его повернули. Я жир разрезал. Потом каждый жир отделял. Потом еловые ветви постелили, поверх них жир положили. Потом лапы отделили. Я вешалки сделал¹⁹. Потом понрох 'жир со спины между передними лопатками' вырезал, понес, на вешалку повесил, потом кэлнох — жир с внутренней стороны задних лап вырезал, на другую вешалку повесил. Потом козныспи — шейные позвонки перерезал²⁰. Перерезав, голову вместе с целой шкурой [не отделенной от головы] понес к табуированному огню. Подушку

¹⁵ Слово «уиүд» означает 'табу', 'грех', 'запрет'. В связи с этим переводим сложное слово уиүт'уүр (и другие сложные слова с компонентом уиү-) как табуированный огонь, а не священный огонь. Одним словом т'уүр в нивхском языке обозначаются и огонь и костер. В дальнейшем оно будет переводиться нами словом «костер».

¹⁶ Эта часть рассказа отчетливо показывает, что на табуированном огне, предназначенном для медведя, варить пищу для людей нельзя. Для этого надо разложить другой костер.

¹⁷ Снятие шкуры с медведя производится в два этапа. Сперва шкура снимается с туловища медведя до головы. Голова вместе с не отделенной от нее шкурой должна видеть все почести, оказываемые нивхами гостю-медведю. На втором этапе снимается остальная часть шкуры с головы и медведя готовится к окончательнымпроводам — палрох — к своим сородичам — горным духам. Таким образом, на первом этапе разрез по брюху производился не от нижней губы, но қоркквыјуүэ 'из-под горла', как объяснял мне Хидин.

¹⁸ В данном случае ритуал, связанный со свежением медведя, как о нем, рассказывали Қыйдык и Хидин (см. выше), был произведен не полностью, либо Пэсқ не обо всем рассказал. Так, он ничего не говорит о выделении уиылд — табуированных частей мяса и жира, но потом в рассказе эти доли постоянно упоминаются.

¹⁹ Та қи — 'вешалка'. Она изготавливается из молодого деревца, на котором ветви обрубают не полностью (не меньше чем на расстояние одной ручной четверти от ствола). На оставшиеся сучки вешают вещи. Основание деревца заостряют и втыкают в землю либо пристраивают во время медвежьего праздника на почетных нарах.

²⁰ У сахалинских нивхов, насколько мне известно, разрез производится между вторым и третьим позвонками, так как два первых шейных позвонка (махт) считаются табуированными и остаются при черепе до освежения головы.

²¹ 'Подушкой' для головы медведя служит какая-либо деревянная перекладка, через которую перевешивают голову медведя, чтобы она мордой была обращена к людям. Укладывание головы в такой позе называется гот-

сделав²¹, вблизи огня положил. Голову на подушку положил, мордой [вниз] по направлению к огню. Потом пошел, кишки раскроил, [т. е. распорол брюхо]. Раскрыв, ребра с левой стороны перерезал. „У самки вот так делают, у самца с правой стороны перерезают“, — молодежи сказал. Потом все перенесли, на еловые ветви положили.

Потом чужеродца [т. е. Тыцвина] попросили уилыд' — табуированное пожарить. Если чужеродца нет, то ыз'хху — хозяева, [т. е. охотники, убившие медведя], все равно понемножку жарят, едят.

С рассветом встали. „Давайте чай согреем, пить будем“. Чай согрели, пили-пили, в это время я сказал: „Если мы сегодня вниз спустимся, давайте утром спустимся. Все ли мы возьмем? Э, нам трудно будет“. Потом, когда пить окончили, (я сказал): „Пусть каждый себе заплечные носилки с выступами (ва-амр-т'иунс) сделает“.

Каждый сделал для себя заплечные носилки²². Озгуну велел голову в носилки увязать. Тыцвин две лапы и два куска сала [увязал]. Озгун вместе с головой задние части еще увязал. Я кишки, кишечный жир, кусок жира с туловища [увязал]. Псомрун одну лапу и два куска сала [увязал]. Вот так увязали²³, на спины взвалили, пошли.

Так спускаясь, к нерестилищу Минырымы спустившись, отдыхали. Потом встали, к Ильмилым спустившись, отдыхали. Отсюда к нерестилищу Тымырымы спустившись, носилки сняли. Потом дрова нарубили, принесли, костер разожгли: „По-быстро му чай согрейте!“ Вскипятили, пили, о новостях разговаривали.

Когда чай пить закончили, каждый свои носилки взял, на спину взвалил, пошли. Во время хождения медвежья голова лишь впереди шла²⁴, я же позади шел. „Озгуна, медвежью голову подними²⁵, клич прокричи“ — так я сказал. Тогда голову несущий первым клич прокричал, находящийся за ним клич прокричал, еще находящийся за ним клич прокричал. Только тогда я, последний, клич прокричал. Я сказал: „[Когда] самка медведица — четыре раза клич кричат“. Тогда четыре раза клич прокричали.

Потом к Вазилэты — Вазильской мари вышли. Недалеко отошли, ноги до середины голени погружаться стали. Я сказал: „Отдохнем!“ Тогда передний, медвежью голову несущий, спу-

руд'. Ниже Пэск рассказывает о том, что он сделал 'подушку' для головы из ольхи.

²² Тымовские нивхи на Сахалине, по сообщению Очи, увязывают в заплечные носилки медвежью голову вместе с колчаном.

²³ Кто нес четвертую лапу, в тексте не сказано.

²⁴ У тымовских нивхов на Сахалине несущий голову также идет впереди, а остальные охотники за ним.

²⁵ Понять смысл этого приказа трудно, так как в рассказе нигде не говорится о том, чтобы охотники для издания клича снимали носилки, поднимали медвежью голову и кричали.

стился, здесь сесть собрался, [но] медвежья голова его назад повалила. Тогда засмеялись, зашумели. Ох, и смешно было. Потом табак курили. Табак покурив, тут встали, клич прокричали²⁶, спускаться стали. Недалеко отошли, в направлении к опушке леса Вазиле спускались. Там отдохнули. Оттуда встав, спускались, в направлении к нерестилищу Вазиле спустились. От верхнего конца горки по медвежьей тропе, по твердому чистому месту спустились к нерестилищу Вазиле, к своему месту спустились. Свои носилки сняли, поставили, табак покурили. Потом, когда встали, каждый свою острогу [в виде багра] взял, понес, рыбу багрил [ч'о-шавд']. Свежую когда добыли, хорошую выбрали, донесли на свое место. Озгуна попросили рыбу порезать. Каждый себе голову отрезал, ел.

После этого я на горку поднялся, к своей [родовой] куче деревьев [јутуд'] поднялся. Посмотрел ее, а потом пошел. Топор нес, дерево срубил, понес, к своей куче прислонил²⁷.

Возвратившись, медвежью голову на нос лодки опустив, уложили²⁸. Возле последней поперечной перекладины у кормы еловые ветки постелили, на них табуированное (т. е. табуированные части медвежьей туши) погрузили. Когда грузить окончили, я в лодку спустился, рулевое весло взял. Озгун в лодку спустился, за медвежьей головой поместился, [голова на носу], Тыцвин за ним поместился; Псомрун за ним поместился. Тогда я сказал: „Голову своего медведя поднимите“. Тогда, клич прокричав, вниз по реке спустились.

Спускались-спускались, к развилке реки когда спустились,

²⁶ У нивхов Сахалина издание клича именуется глаголом *ojont* (о — основа, *jo* — суффикс со значением длительности действия). У нивхов Куль на материке он называется *y'd*. Сказитель Кыйдык же из селения Вайда называл его *oujūd* (в произношении других *ogjūd*) 'кричать по-особому, особым голосом (вероятно, кричать с торжеством)'. Нивхи Лунского залива на Сахалине говорили мне, что кричат «о!» изо всех сил до последнего дыхания. Сущность этого клича они объясняли так: пал эсмугуинныт *ojod* 'Клич «о!» издают, чтобы пал — горных людей-духов обрадовать'. Лунские нивхи говорили, что если их сородич убил медведя днем и прокричал клич, то другой сородич, находящийся вдалеке, может услышать этот клич ночью. Некоторые женщины якобы могут слышать его еще за два-три дня до того, как их муж, брат или отец убьют медведя. Такое состояние у них именуется глаголом *tagrud*.

²⁷ Когда сахалинские нивхи убивают медведя, то они делают по три надтеса на трех деревьях, если медведь самец, и по четыре надтеса на четырех деревьях, если медведь самка (по другому сообщению, эти деревья будто бы срубают). Обряд этот носит название *vuunt*. Теперь уже трудно понять, какое отношение к культу медведя имеют деревья.

²⁸ Откуда взялась у охотников лодка, неясно. Возможно, она заранее была составлена ими. Сахалинские нивхи сначала опускают на нос лодки голову медведя, затем передние лапы, а потом задние, стремясь, как и амурские нивхи, сохранить медведя целиком. До помещения медведя они украшают лодку. На нос втыкают три свежизготовленных инау (тонкие стволы кустарника, заструженные на одном конце) и столько же в корму. В берег же, откуда отплывает лодка, втыкают *hajuš* — специальное инау, на корневой стороне которого вырезают схематичное изображение зверя-самца.

две лодки с нивхами там находились. Мимо них спустились. К Тоне Березовой мари (Нивсты|хырф) спустились. Там поели. Поев, оттуда спустились. Клич прокричав, спустились.

Спускались-спускались, когда к Қавјунмусифтох 'месту складывания лодок рода Қавјун' спустились, я на берег поднялся, топор неся, поднялся, к куче деревьев своего рода поднялся. „Издавна (давным-давно) нашего рода Қавјун древняя куча деревьев (ы|рыкон н'ың Қавјун јутуд'ра)", — сказал я. На горку поднялся, молодую лиственницу, самца-лиственницу (арпшун) искал²⁹. Искал-искал, нашел, срубил, [шалашик сделал]. Спустился ольху искал. Ольху увидел, срубил, подушку-[перекладину] сделал, ножки сделал. Это срубив, к куче пошел, опустил, [очевидно, остатки от срубленной лиственницы и ольхи]. Потом пошел, дерево потолще срубил, понес, к куче прислонил. Потом шалашик и подушку взял, под мышкой понес, к своим товарищам спустился.

Носом лодка стояла на берегу. „Здесь [на носу] только [над головой медведя] шалашик ставят", — сказал я. Потом медвежьей голову подняли, подушку положили, на подушку голову опустили [мордой вниз]³⁰, шалаш поставили. Когда шалаш поставили, вниз поехали. Тогда я сказал: „Почаше, почаше клич кричите". Тогда клич прокричали.

Спускались-спускались вниз по реке. После полудня к селению спустились. Когда к Мат'во (Маленькому селению) подъехали, его жители, чтобы поглядеть на нас, к берегу побежали. Когда [к своему селению] подъехали, Плысук³¹ сверху спустился, ударное бревно (заст'ас)³² повесил. Когда все так происходило, я вперед к табуированному берегу пристал³³.

Тогда женщины к ударному [музыкальному] бревну спустились. Моя жена спустилась, ритмы выстукивала (т'угу-д'ад'), горные ритмы (пал-шугу — ритмы горных людей-духов) выстукивала³⁴.

²⁹ Рубка дерева называется хывд' (а. д.); но о рубке молодой лиственницы или ели говорят јайд' (а. д.). Несомненно, в основе различного употребления глаголов лежит какое-то древнее представление, которое сейчас выяснить трудно. Вероятно, с елью и лиственницей связывались особые представления, и говорить о них прямо хывд' 'рубить' нельзя было. Надо было выражаться инноксказательно.

³⁰ Лодка с возвышающейся на ее носу головой медведя, несомненно, должна была представлять для нивхов величественное зрелище.

³¹ Старик Плысук — член рода Қавјун, к которому принадлежала группа охотников во главе со стариком Пэсқом.

³² Единственный коллективный музыкальный инструмент у нивхов, на котором женщины музицируют в честь медведя, исполняя ряд ритмических песенок, предназначенных только для этого праздника.

³³ Каждый род в селении Куль (и, очевидно, в других селениях) имеет свой табуированный участок берега (уи| ч'ры), к которому пристают лодки данного рода только с убитыми медведями.

³⁴ Когда у тымовских нивхов лодка с медведем приближается к селению, охотники останавливаются на небольшой отдых. В это время они издают клич. Услышав его, жители селения узнают, что их охотники добыли медве-

Тогда Плысук к нам спустился, шалашик взял, [с головы медведя] снял³⁵. Озгун голову медведя поднял, на плечо положил. Один [них к нам] спустился, медвежью шкуру подерживал. Мы впереди [всех] несли. Так прямо к лэзн — табуированному помосту поднялись³⁶.

Люди (пришедшие встретить медведя) толпой шли, радовались. Так позволили им на медведя посмотреть.

Я сказал: „Радующихся угости“. Тогда Плысук внутренний жир на доли делил, почки на доли делил, людей угощал³⁷.

После этого я на табуированный помост поднялся, осмотрел, поправил его. Поправив, медвежью голову поднял, на табуированный помост положил.

Закончив, спустился, чай пил, о своих хождениях рассказывал.

Потом рис сварил. Сварив, понес, на табуированный помост поднялся, медвежью голову кормил, накормив, спустился.

Из-за того что стемнело, лег спать.

* * *

На следующий день утром, как встал, в жилища своих сородичей пошел. Старейшинам [букв. большим людям — пил'а-

---

дя. Этот кллик мне довелось слышать один только раз ночью, когда я поселился в летнике Пимки в июне 1926 г., в первый день моего приезда в Чириво. Могучий кллик, разносившийся ночью над тайгой, разбудил меня и испугал. Пимка сказал, что это нивхи убили медведя. Утром все селение Чириво встречало охотников. Мужчины были радостно возбуждены, и, когда лодка пристала к берегу, они встретили медведя сильными криками, а женщины уже выстукивали на бревне ритмы песенок, которые должны были показать медведю, с какой радостью его встречают нивхи.

³⁵ Шалашик над головой медведя ставит охотник, но снять его должен только старейший рода.

³⁶ Табуированный помост на четырех столбах — лэзн — имеется у каждого рода материковых нивхов. Он предназначен для культа медведя. На него можно класть только медведя и утварь, в которой хранят медвежье мясо, сало, котлы, в которых варят медвежье мясо, корыта для жертвоприношения духам гор и другую посуду, употребляемую на празднике. В медвежьем культе сахалинских нивхов главную роль играет нан'у — площадка, на которой убивают медведя, жарят табуированные части его туши. На каждом нан'у, по сообщению сахалинских нивхов, имеется толстое дерево. Возле него обычно и устраняется лэзн. Однако у тымовских нивхов вместо этого слова чаще употребляется сложное слово нан'у-галмыр 'доски нан'у', на которые укладывают табуированные части медведя. У каждого рода имеется свое нан'у. Медведя, убитого на охоте, сахалинские нивхи несут к своему родовому нан'у и укладывают на свой нан'у-галмыр. Сперва укладывают голову, за ней передние лапы, затем задние, правые лапы — с правой стороны, левые — с левой. Сердце, легкие, грудину, мясо сосков кладут по отдельности в чаши — н'хыр. Для сердца каждого вновь убитого медведя изготавливается новая чаша, а в старые кладут другие табуированные части. Остальные части медведя также помещают на этот помост.

³⁷ Выше Пэсқ говорил, что в первый день гостей угощают еще печенью медведя, но в рассказе этот момент опущен.

н'ивугу] сказал, попросил их подумать³⁸. Я сказал: „Мы как поступим, теперь съедем ли, мерзлую голову оставим ли?“³⁹. Я говорить кончил, но потом опять сказал: „У нас в этом году юколы нет, собак нет. Как поступим? Я-то думаю, что мороженую голову оставить мы не в состоянии. Вы подумайте“⁴⁰. Старейшие, подумав, говорили: „Беда! У нас юколы нет. Мы как будем делать? Если мы мерзлую голову оставим, знакомые из других селений приедут (а у нас нечем их угощать). Беда! Теперь-то не приедут. Сейчас побыстрее свежего целиком съедем“. Так все одинаково думая, согласились.

В этот день вечером другие роды [селение Куль] студень изготовляли. Каждый сам изготовлял студень, [т. е. каждая семья чужеродцев готовила его для медведя]. Когда закончили, [то сами] своими руками понесли. На табуированный помост поднялись, кормили его голову⁴¹. Из рыб ленка возле его головы положили. Покормив, на табуированном помосте оставили его, [т. е. медведя], ночевать.

На следующий день утром встал, к своим товарищам пошел: „Сегодня утром табуированные части поломаем, [разрежем]. Старейшин из других родов позовем, их попросим табуированные части разрезать“⁴².

Еду на табуированном помосте только готовят. Одна старуха поднялась [на него], котел взяла⁴³. По нашему обычаю (*тор*), молодежи брать котел [для варки медвежьего мяса] нельзя. Старейшие лишь могут брать котел.

После этого табуированные части разрежали, сварили⁴⁴. На

---

³⁸ Старейшины рода, члены которого добыли медведя, также именуются *пил'а нивугу* 'большими людьми'. Кроме того, их еще называют *ызг* 'хозяин', так как они являются хозяевами праздника, устраиваемого по случаю добычи медведя членами их рода.

³⁹ Если медведь убит на охоте поздней осенью и у нивхов, убивших медведя, недостаточно запасов для угощения гостей, то голову убитого медведя можно оставить на зиму, если у кого-либо из членов данного рода имеется медведь в клетке, подлежащий убиению в эту зиму. Тогда почести оказываются одновременно обоим медведям — убитому на охоте и на празднике. Голова медведя, оставляемая на зиму, именуется в рассказе *кың-д'енр* 'мерзлая [мороженная] голова'.

⁴⁰ Эта часть рассказа представляет собой исключительный интерес. Она показывает, что распределение добытого медведя представляет собой не частное дело, но дело всего рода.

⁴¹ Если члены одного рода убили медведя, то члены других родов приходят к нему *к'ыз-нынд* 'искать счастья' и приносят ему угощения.

⁴² По сообщению Пэска, табуированные части медвежьего мяса и жира готовить в пищу должен только старик-чужеродец. Этот процесс носит название *уйлыд-зоскт* 'ломать табуированное'. Старики, члены рода которого убили медведя, не могут разрезать табуированные части. Они должны только следить за тем, чтобы оно производилось правильно, в соответствии с обычаями.

⁴³ У сахалинских нивхов женщины не могут соприкоснуться с помостом, на котором находятся медведь и медвежья утварь.

⁴⁴ У сахалинских нивхов табуированные части только жарят на вертеле на табуированном огне, но не варят.

доске на доли делили. Плысук на доли делил. Разделив, чужеродцев криком звали, просили их прийти. В одно место их посадили, кормили. Еще женщин пригласили. Повыше огня их посадив, кормили. Плысук им доли делил.

После этого убрали. Большие корыта сняли, под табуированный помост положили. Оставшиеся табуированные части в них положили, оставшийся жир в корыта для изготовления студня положили. На табуированный помост подняв, внутрь помоста затолкали, оставили. Еловыми ветками прикрыли, сверху неводом хорошо закрыли. Еловые ветви подняв, лицо (наин) медведя укрыли, сверху неводом закрыли.

Из-за того что стемнело, все по своим жилищам разошлись, уснули.

* * *

На следующий день утром встал, к своим товарищам пошел. Моя жена к своим товарищам [подругам] ушла, им говорила, их звала⁴⁵. Я своей молодежи поручил всем чужеродцам дать знать, пригласить их. «У нас так еще будет ли, нет ли. Медведя, подобного этому, добудем ли? Сегодня малых нархов⁴⁶ посадим. Если успеем, голову снимем с помоста, если не успеем — завтра утром снимем»⁴⁷.

Мальчики, юноши к ударному бревну спустились, ударяли по нему, (а оно) гудело: куң кун.

Когда настал вечер, женщины на ударном бревне играли. Старая женщина одна с ними вместе была. Моя жена ритм танцев выстукивала. Старуха Эшка (Эшк һэман'х) танцевала. Я спустился к ним, шутил, смеялся, шумел.

Потом, когда закончили, все воротились в жилища. Легли спать.

* * *

На следующий день, выспавшись, рано утром встал. После того как поел, к своим товарищам пошел, сказал: «Всех людей, находящихся в селении, мужчин и женщин, всех-всех пригласите».

От них выйдя, в свой амбар пошел. Шкуру убитого мною медведя, самую большую взял, [видимо, в амбаре находилась

⁴⁵ Очевидно, для того, чтобы готовить студень для угощения гостей. Ниже рассказывается о студне, который старики сняли с крыши (туда его могут поставить, чтобы он застыл) и разрезали для гостей. Это, вероятно, и был студень, приготовленный женщинами.

⁴⁶ По сообщению Пэсқа, нархи делятся на пилэ-нашқ 'большой нарх' и мат'-нашқ 'маленький нашқ'. Первым отдают при делении медведя тазовые кости (пыјх), а вторым — лопатки (тывск) и кости предплечья (мэглашк). На Сахалине с таким делением нархов мы не встречались.

⁴⁷ В дальнейшем, к сожалению, о таком важном моменте, как снятие медвежьей головы с помоста, в рассказе ничего не сообщается.

не одна шкура], к табуированному помосту пошел, поднялся, там повесил, чтобы люди видели. Потом к нивху Кауру спустился, шкуру убитого им медведя взял, понес. Они весной, когда охотились, его товарища медведь убил (инафк жиндут')⁴⁸. Шкуру на табуированный помост втащил, на вешалку с сучками повесил.

После этого сказал: „Нархов позовите. Из рода Кэз'он, рода Тнаунуң, рода Т'и:ртармсп'иң, рода Чфынуң, рода Мэгафин'⁴⁹, рода Тивлип'иң — шесть человек позовите.

Потом нархов посадили. Род Т'и:ртармсп'иң — передний нарх, род Кэз'он — передний нарх, род Тивлип'иң посередине находился, род Тнаунуң посередине находился, род Чфынуң — задний нарх, род Мэгафин' — задний нарх.

Роду Т'и:ртармсп'иң переднюю лопатку медведя (тывск) подали, роду Кэз'он кости предплечья (мэглашк) подали. Этим табуированные части только подали. Раньше в чашки ель положили, поверх табуированные части положили. Так их кормили. Ягоду с горохом в чашки из бересты положили. Шесть [специальных] ложек для кормления нархов (нашкхун лувр) положили, затем собак притащили⁵⁰, еловые ветки взяли, собачьими ошейниками перевязали. Переднему нарху подали, еще следующему за ним нарху подали.

Сперва нархи кости (от мяса) очищали. Очистив, собачьими ошейниками перевязали, опустили (в 'яму')⁵¹.

Потом ягоды и горох в чашки положив, им подняли, [подали, т. е. подняли из 'ямы']. Шесть чашек им подняли, их кормили. Три раза ягоды и горох им принимали.

Потом черпаком воду зачерпнули, принесли. Попросив нархов на край нары подвинуться, их поили. Затем холодной водой их облили. Потом смеялись, шутили.

Потом нархи поднялись. Им позволили направиться к выходу. Юноши, взяв ветки ели, пошли за нархами. Когда они подошли к двери, их били по спине ветками ели. Дав им выйти наружу, юноши набрали деревянной лопатой снег. Каждый из юношей бежал вслед за ними, кидая в нархов снегом. Так сделав, вошли в жилище.

⁴⁸ Из текста рассказа выясняется, что речь идет о каком-то нивхе, задранном медведем.

⁴⁹ Из этого перечисления становится ясным, что нивхи рода Кавжуң пригласили к себе на праздник шесть представителей из шести перечисленных в рассказе родов. Первым древним основателем селения Куль считался род Т'и:ртармсп'иң. Кроме указанных в селении Куль во время моего пребывания находились еще отдельные представители семи родов: Н'эгафин, Лэзнран, Кэгнн, Нутэвих, Товның, Аргоң, Тфабин. Дальнейший текст рассказа представляет собой исключительный интерес, так как из него становится ясным, что угощают медвежьим мясом и салом не единичное лицо, но представителей родовых групп.

⁵⁰ В рассказе эти собаки называются ныфкс-қан. Значение первой части сложного слова ныфкс- нам неизвестно.

⁵¹ О «яме» в жилищах нивхов см. ниже.

Потом старейшины вышли наружу, с крыши студень спустили, порезали его на мелкие доли, на все селение доли нарезали, на всех гостей нарезали. Потом в жилище вошли, корыта [со студнем] внесли.

Потом женщины вышли, к ударному бревну пошли. Моя жена ритм мелодии нашко-торпас (торпас — орнаментированная обмотка конца руков) выстукивала. Другие, за ними находясь, на них глядели.

Теперь юноши возле корыт стали. Старейшины им сказали: «Доли взяв, чужеродцев призовите, им [отнесите], отдайте. По одному выйдите, на берег родового медвежьего жилища⁵² спуститесь». Потом их возвращения ждали.

Потом женщины маленький котел принесли, медвежий бульон зачерпнули, в него налили, понесли, в 'яму' поставили⁵³.

«Давайте спать!» — [сказал кто-то из стариков].

* * *

Выспались. Когда встали, я молодежь за корытами послал, [в которых нархи унесли угощение]. Когда принесли, на полку затолкав, их положили. Я молодежи сказал, чтобы они старейшин из чужих родов позвали, задние части медведя поломать, [порезать].

Старейшины пришли. Часть глубоких стариков зад свежевала, часть лапы свежевала⁵⁴.

Старуха с приведенных собак⁵⁵ шерсти надергала, вместе с крапивой ссучила в одну нитку. На нитку три бусины низала, старику подала, чтобы он на медведя серги надел (к'отр мэскрэвгуд'). Старик ими морду медведя украсил, чтобы он носил⁵⁵.

Потом жены хозяев медведя студень сделали, рис сварили. Потом их мужья рис, студень, рыбу взяли, понесли, медвежьей голову кормили. Потом на доску положили, на доли делили, чужеродцев и гостей кормили. Когда кормить окончили, молодежь все убрала, поставила в яму.

Потом взяли табуированные части, лежавшие в н'хыр (чащах, изготовляемых специально для сердца каждого вновь

---

⁵² О родовом жилище у материковых нивхов для устройства медвежьего праздника см. ниже.

⁵³ Вероятно, женщины только поднесли его к 'яме'. У сахалинских нивхов отвар от медвежьего мяса сливают в одно место на кан'у — площадке для убийства медведя. Мне пришлось видеть, как его сливали в дуплистый пенёк.

⁵⁴ Зад медведя (фур, также тэрц) материковые нивхи разрубают предназначенным для этого топором. При этом женщины и молодежь выгоняют из жилища. В рассказе Пэска об этом ничего не говорится. Разрубают его также топором члены рода Кшыусфин из селения Усть-Агнево на Сахалине.

⁵⁵ Речь в рассказе идет о тех же собаках ныфкс-қан (см. примеч. 50).

⁵⁶ Тымовские нивхи надевают на голову убитого медведя венки (наозр) из белых стружек, обмазанных в некоторых местах соком ягоды.

убитого медведя). Людям сказали, чтобы они вышли. Окошко, расположенное в сторону гор, открыли. Сквозь него наружу подали (чаши с табуированными частями), им передали, попросили их отнести к табуированному помосту. Один из хозяев вместе с ними поднялся (к помосту). Хозяина попросили костер-огонь разжечь⁵⁷. Каждый из чужеродцев от табуированных частей мяса отрезал, на вертел нанизал, возле костра воткнув, жарил, потом, сняв с огня, ел⁵⁸.

Потом, челюсть медведя обмотав, диафрагмой обмотав, жарили (ва нафтог вагскоскир нафтог, шата). Изжарив, понесли, сквозь окно, расположенное в сторону гор, просунули [в жилище]. Старейшины [говорят, что] табуированные части медведя молодежи есть нельзя. Потом жарить табуированные части закончили.

Когда солнце снизилось, старейшины собрались, разговаривали [о том, кому какую долю дать]. Окончив разговаривать, чужеродцы-старейшины и хозяева-старейшины в яму сели, доли делили. Большой тазовой костью (пы́х пил'э ңын'ф) род Тфабин(?) кормили, половиной тазовой кости (пак пы́х) род Тфабин кормили. Одной бедренной костью (тол'а нос') Он'кана (из рода Лээнран) кормили, другой бедренной костью Чайгина (из рода Кэгни) кормили.

Когда закончили дележ, позволили нархам свои доли взять. Юноши пришли, возле посуды встали, их поджидали. Старейшины велели им поднять [посудины], подать их чужеродцам. Друг за другом [по порядку расположения жилищ в селении] позволили им брать. По нартовой дороге позволили им пойти, на берег родового табуированного жилища спуститься, воротиться домой.

Женщины вышли, на ударном бревне играли, [выстукивали ритмы, изображающие], как медведь пешком [на задних лапах] ходит. Окончивши, воротились.

Хозяева, старейшины смеялись, шутили. Потом доли на свой род делили. Когда делить закончили, хозяева свои доли взяли, по своим жилищам унесли. Теперь хозяева свои доли ели. Когда окончили, чай попили, спать легли.

* * *

На следующий день утром, когда я встал, молодежи сказал, чтобы они пошли кости взяли, [которые вчера унесли нар-

---

⁵⁷ Табуированным огнем на медвежьем празднике распоряжаются только изг — хозяева праздника. Жарить и варить медвежье мясо можно только на огне рода тех охотников, которые убили медведя.

⁵⁸ Вероятно, в это же время с помоста сняли голову медведя и освежали ее, так как ниже рассказывается о том, что поджаривали нижнюю челюсть. О поджаривании головы медведя и нижней челюсти будет говориться ниже.

хи]⁵⁹, чтобы в селение Мат'во поднялись, чтобы к зимнему селению Вытым спустились. Когда они воротились, ремнем кости обвязали, трех собак, три ружья взяли, железный накопчик стрелы (к'увыт'х) изготовили, теперь ремнем вместе с костями завязав, принесли (вероятно, к табуированному помосту). Старейшины, ружья, стрелу, топоры взяв, внутрь табуированного помоста положили. Молодежь рис, ягоду, мороженую рыбу для строганины (талк), ягодный студень (муви), юколу, крошеную юколу перетаскали [с табуированного помоста], в жилище внесли, на почетную нару поставили.

Потом женщины, друг друга позвав, ответные дары, [которые послали нархи], делили⁶⁰.

Потом старуха кожу для изготовления специального студня (чан' лавс москар) содрала (с юколы из кеты), в воду положила, замочила, вынула, на доску положила, скоблила, [чтоб очистить от чешуи]. Потом специальный котел (чан' лавсвын') взяла, в него опустила, на палэрк т'уур — табуированном огне, расположенном в сторону гор, грела. Потом сняла, в специальное корыто (чан' лавсорн) положила, под табуированным помостом расположилась, теркой терла. Когда растирать окончила, под табуированным помостом оставила.

Теперь старейший вышел, в лес поднялся, рябину отрезал, принес. Под табуированным помостом сидя, стружки (кочо-зах?) настрогал. Череп медведя взял. Когда он его нес, женщин из жилища наружу выгнал. Потом зурк'ыфтухкир — топором для разрубания таза медведя [череп] прорубил, мозг продырявил⁶¹. Под табуированным помостом маленький табуированный помост сделал. Потом нижнюю челюсть с помоста снял. Стружки взял, в носовые отверстия медведя воткнул⁶², дареным ремнем крепко привязал [нижнюю челюсть к черепу медведя]. Когда окончил, на маленький табуированный помост положил.

Молодежи велел выйти, снять нарту, перед жилищем ее поставить. [Старейший] старинную нерпичью мужскую юбочку

---

⁵⁹ На трех медвежьих праздниках, которые мне довелось видеть на Сахалине, нархи не уносили с собой костей, но очищали их от мяса и тут же возвращали их хозяину праздника, обвязав предварительно ремнем, называемым в этом случае чмалар-тнох. Точно так же поступили и нархи, о которых речь шла выше. В данном случае, по-видимому, нархи унесли какие-то кости с собой.

⁶⁰ Об ответном дарении за угощение на медвежьем празднике говорится ниже.

⁶¹ Череп медведя, очищенный от мяса, был прорублен, по-видимому, для того, чтобы извлечь из него мозг. У сахалинских нивхов череп, как и все кости медведя, неприкосновенен.

⁶² В рассказе стружки, воткнутые в носовые отверстия медведя, называются иуруссп (а. д.). Так же называются стружки, втыкаемые в носовые отверстия черепов нерп. Мы видели черепа нерп, украшенные белоснежными стружками, слегка обмазанными соком ягоды перед погружением их в море.

(коски)⁶³ взял, череп медведя взяв, замотал, ремнем перевязал. «Ленок, если есть, принесите». Ленка, юколу вместе со студнем положил.

Старейший молодежи на табуированный помост велел подняться, еловые ветви, которыми были покрыты части медвежьей туши и его голова, велел принести. Принесли, на нарту положили. Молодежь потяг принесла, к нарте привязала⁶⁴. Котел взяв, погрузили, топор взяв, погрузили, ремни взяв, погрузили.

Собак взяв, притащили, когда их запрягли, старейшие сказали: «Дареных собак только убьете, что ли? Свою одну присоедините». Они когда собирались пойти, много ребят толпой шло. После того как собак запрягли, на табуированный берег спустились, вниз [по берегу реки] поехали.

К древней земле привезли. Череп ремнем привязали, подняли, [на дерево повесили]⁶⁵. Потом специальный холодец (чан'лавсмос) взяли, череп весь обмазали.

Потом одни [в лес] поднялись, дрова наготовили, принесли, костер зажгли. Другие ремни принесли, к дереву привязали, петли сделали. Собак взяв, притащили, из сухой пучки (аҕс) ошейники сделали. Потом ленка взяли, отрезали, юколу отрезали, их кормили, [петлю от ремня на шею надели]. Потом взяв, [собаку] подняли. Один голову держал, один передние лапы держал, один задние лапы держал. Тянули-тянули, когда издохла, из петли вынули, положили, надрезали [по брюху от пасти к хвосту]. Когда надрезали, свеживали. Когда свеживать закончили, котел подняли, повесили, [варили].

Часть людей мясо, [после того как оно сварилось], резали, на людей, оставшихся в селении, делили.

Женщины в жилище, в котле, в котором варили медвежье мясо (чан'вын'), мелкий рис варили. Сварив, в корыта, в чашки положили, к яме снесли, поставили.

Хозяева спустились [в яму], вокруг чашек сели, ели.

Когда они окончили, молодежь, увозившая голову медведя,

---

⁶³ На медвежьем празднике у Мизгуна, происходившем в селении Ванк-во в феврале 1928 г., голову медведя, когда она покоилась на почетной наре, накрыли мужской нерпичьей юбочкой. Когда свеживали голову, юбочку положили под нее, а когда голову передавали нарху Чегуйону, то на нару постелили эту же юбочку и на нее поставили деревянную чашу (н'хыр), в которую была положена голова.

⁶⁴ Потяг — нухт' (а. д.), нут' (с. д.) — представляет собой длинную веревку (а в старину длинный сплетенный ремень), к которому привязывают собак, тащащих нарту.

⁶⁵ У нивхов на Сахалине и, насколько мне известно, на Амуре имеются специальные амбары, куда складываются черепа медведей. Однако со слов самого Пэсқа мною записано, что голову медведя обмазывают студнем и вешают на дерево. Вопрос этот подлежит доисследованию у члена рода Ка-вјуң.

пришла. Потом дареных собак, топоры, копыя, ружья, ремни поделили. Хозяева⁶⁶ [дареное] взяли».

Записано от нивха — старика Пэска 22 июля 1931 г. в селении Куль.

* * *

Приведенный рассказ показывает, насколько сложен ритуал, связанный с медведем, убитым на охоте. Еще сложнее ритуал, связанный с медведем, который содержится в клетке и которого затем убивают зимой на празднике, устраиваемом в его честь.

Поскольку медведь, по древним представлениям нивхов, это горный человек, то таковым является и медведь, выращиваемый в клетке.

Анимистическое воображение нивха подсказывает ему, что если он три или четыре года (в зависимости от пола) будет содержать в гостях горного человека-медведя, то гость, уйдя от него с подарками к своим соплеменникам, не забудет его и тоже поможет ему в его жизни.

В основе этого несложного рассуждения лежит явление реальной взаимопомощи и обменного дарения, существующие у нивхов между приятелями или знакомыми людьми, называемыми ими хэр-н'иүвң (с.д.), наз-н'ивх (а.д.).

Однако кроме упований на помощь, с медведем, содержащимся в клетке, связывается еще представление, что он замещает собой умершего родственника. Возможно, что в основе этого представления лежит следующий ход рассуждений. Мой родной ребенок умер, так возьму же я ребенка моего сородича — горного человека-медведя, буду его растить, и горе мое не будет столь тяжелым.

Кыйдык рассказывал Гэмарку итт': н'ивх, п'ола муңан, вит к'отр-кэт, шыпрт, јјвут'ад'ра. Ноңан һы-к'отр-п'урт мун'ивх -ч'ло-озуд' — һат итт'. Һы-к'отркир п'ола морқар п'рыр п'оскр һумд' нарлагут јан'мајан'мат'ад'. Старики говорили: когда у нивха его ребенок умирает, [то он] идет, медведя берет, притаскивает, воспитывает. Тогда об этом медведе говорят, [что он] ч'ло⁶⁷ — мертвого человека поднял — так говорили. Этим медведем, будто его ребенок, живой придя, напротив него находится, любит (посматривает).

Медвежат содержат также и после смерти родителей и жены.

⁶⁶ О делении даров, полученных от чужеродцев за медвежье мясо и жир, рассказывается ниже.

⁶⁷ Значение этого слова мне не могли объяснить. От перевода его словом «душа» мы пока воздерживаемся.

Нивхи ловили медвежат в лесу [7, с. 177—178], реже — в берлогах, и в исключительно редких случаях женщины выкармливали сосунков грудью.

Об извлечении медведя из берлоги

«Медведя промышлять шли-шли, к берлоге пришли. Когда к берлоге пришли, там большой детеныш оказался. Его мать убили. После этого [берлогу] заперли, лесинами заперли. Потом в селение за товарищами пошли.

На следующий день утром за медведем (пал-нат — букв. 'за пал', 'за горой') пошли. Крышу берлоги продырявили. Сквозь отверстие посмотрели. „Ой-ой! Большущий медведь, оказывается. Как его возьмем?“ [Раздались слова старейшего]⁶⁸: „Давайте петлями запетляем, [опутаем] его“. Петли на него одели. „Ну-ка, порог⁶⁹ сделав, вытащим. Молодежь, деревья для порога приготовьте“. Молодежь пошла, наготовила, а потом, когда притащили, петлю сквозь переднюю часть берлоги просунули. Потом вытащили, пасть завязали, ноги завязали. „Молодежь, деревья для колыбели приготовьте“⁷⁰. К колыбели привязали медвежонка]. Нарту притащив, погрузили. [Возле его головы елочку поставили]. „Ну, обратно воротимся“.

Когда в селение привезли, старейший ударное бревно повесил, женщины на нем играли.

По табуированному берегу поднялись, к жилищу поднялись. Старейший елочку убрал⁷¹, [поставленную возле шеи медведя]. К жилищу подвезли. Сквозь оконное отверстие медвежонка в жилище втащили (п'ах-к'утих к'отр-т'ыкт'). „Ремни давайте искать, а ну как привяжем“.

Потом самке-медвежонка четыре вечера позволяют ночевать, самцу-медвежонку три вечера позволяют ночевать.

Потом студень изготавливают, кормят его, к клетке ведут, в нее помещают».

Записано 18 июля 1931 г. в селении Куль
от нивха Қауна из рода Қавјун.

---

⁶⁸ Почти во всех рассказах, записанных нами на нивхском языке об охоте, распоряжения старейших передаются без указания на то, что они их произнесли. Нивхам и без этого понятно, от кого они исходят.

⁶⁹ В рассказе употреблено слово «лымыс», что значит 'порог'.

⁷⁰ В рассказе употреблено слово «т'ақ» 'колыбель'. Очевидно, употребление данного слова объясняется тем, что из берлоги берут медвежонка, иногда сосунка.

⁷¹ После того как в лесу поймают или убьют медведя, сообщил мне Қаун, срубают маленькую елочку, называемую в данном случае «пры». Ее ставят у шеи медведя с правой стороны, а у медведицы — с левой. В лесу ее ставит охотник, но по прибытии в селение ее убирают. В данном случае ее убирает только старейший.

Кыйдык говорил, что если в берлоге находили сосунка медвежонка, то его давали кормить грудью женщине, родившей близнецов. Напа ин'д'ри-ыҕу-мат'к'отр-нонҕ, шот эхт мыҕ-нан, т'оңр-умгу-мот' рагут'ад' 'маленького медвежонка, еще не умеющего есть, когда с ним спускались обратно [в селение], грудь женщины, родившей двойню, позволяли [ему] сосать [пить].

Женщине, родившей двойню, сосунка-медвежонка давали кормить потому, что нивхи полагали, что к рождению близнецов причастен горный человек-медведь, и поэтому-то в старину близнецов у амурских нивхов отождествляли с на 'зверем'. Мроль-н'ивгу итт': т'оңр-о:лагу паднан, нуи панд' нуи-на хат итта, ыри панд' ыри-на хат итта 'Древние нивхи говорили: когда близнецы рождаются, то первый родившийся — передний зверь, так говорили [называли], сзади родившийся — задний зверь, 'так говорили'.

В отличие от сообщения Кыйдыка мы в 1931 г. на Амуре слышали от нивхов, что близнец, родившийся первым, называется задним зверем, а родившийся вторым — передним. Но не столь важно то, что Кыйдык в 1957 г. мог уже и не знать деталей всех анимистических представлений своего племени⁷², сколько то, что он уверенно еще именует близнецов на 'зверями'. Важно также и то, что в этом древнейшем представлении границы между человеком и зверем стерлись, вернее, они никогда в воображении людей каменного века и не существовали. Следует иметь в виду, что словом на 'зверь' обозначается также и медведь. Среди нивхов преобладает мнение, что близнецы происходят от пал — горных людей-медведей.

В одной из легенд о горных людях-медведях, записанных нами от Шызыуна, горная женщина-медведица говорит нивху, попавшему к ним в гости: «Ч'и к'ымлиндат н'ин т'хыф халах, пал-н'и:вн халах, энант хэиыңра, тынтхун ч'акихун, н'и ч'ан'ги 'Ты думаешь все же, хотя мы медведи, хотя мы горные люди, [то мы другие люди], другими, [чужими нас] не считай. Вот эти твои старшие братья, [а] я — твоя жена». Так как медведи, убитые на охоте и на праздниках, — это горные люди, тоже побывавшие, по представлениям нивхов, у них в гостях, то этому высказыванию медведицы можно придать зеркальное отражение, словно нивх говорит медведю: «Ты думаешь, что если мы нивхи, что если мы люди, то мы иные, иными нас не считай, мы тоже медведи. Вот это твои родители — братья, а это — твои жены. Они танцуют по-медвежьи и

⁷² В подобных случаях мы никогда не пытались влиять на содержание сообщения информатора, так как нам не дано еще знать, кто прав, кто нет. Надо слушать всех одинаково и обо всем, о чем рассказывают, а потом уже приходиться к каким-то выводам.

ходят, как ты, на задних лапах». Это зеркальное отражение слов медведицы весьма точно передало бы древние антропоморфные представления предков современных нивхов и их намерения в отношении того мира, с которым они, охотники, хотели бы породниться, который они именовали и именуют пал.

Словом пал у нивхов выражается миропредставление, связывающее их, нивхов-людей, с миром медведей самыми тесными и интимными узами. По их анимистическому и антропоморфическому воображению нивхинки могли якобы беременеть от людей-медведей и рожать двоен (подобно медведице, приносящей двух медвежат), а нивхи могли быть задираемы полюбившими их женщинами-медведицами, как об этом рассказывается в легенде о Мыкрфине [7, с. 197—199]. Люди-медведи могли излечивать людей от недугов и насылать их на нивхов, они могли посылать удачу в лесной охоте и лишать ее их, они могли заблудить, запутать охотника в лесу и вывести его на верную дорогу. При хорошем расположении они могли даже прийти к нивхам в гости и накормить их своим мясом, потому что им, могучим, ничего не стоит расстаться со своей физической оболочкой, поскольку они целыми и невредимыми возвращаются к своим соплеменникам с дарами от нивхов, которые в знак высшей благодарности навесят им на морду украшения и вымажут ее потом студнем и такой ценной едой, как рисовая каша. Ведь за рис они некогда отдавали маньчжурам соболей. Неудивительно, что нивхи искали союза со столь могущественным медвежьим народом, и поэтому-то во всех селениях рассеяны медвежьи клетки, в которых содержались медведи, и каждый род имел свои культовые места, где он скреплял с ними свои родственные и дружественные связи.

К сожалению, никому никогда не пришло в голову подсчитать, сколько медвежьих клеток имелось у нивхов материка и Сахалина и сколько медведей содержалось у них одновременно.

Медведя-самца содержали в клетке три года, а медведицу-самку — четыре. Периодически их выводили из клетки погулять. Это всегда было серьезным событием, так как медведя надо было уметь взять так, чтобы он никого не поранил, и надеть на него крепкий ошейник с прикрепленными к нему цепями, к концам которых были привязаны еще сплетенные ремни, а теперь крепкие веревки, которые являются поводками, за которые его водят по деревне. Важнейшим моментом в овладении медведем является, несомненно, обхват его головы руками, что мне не раз приходилось видеть. Как только медведя извлекали из клетки, специально выбранный для этого нивх стремительно падал как-то грудью на его голову и крепко обхватывал его шею руками.

Первый раз медведя вытаскивают из клетки перед началом состязания собак. До этого срубают тонкие тальничные стволы, примерно в 2 м длиной, приносят их в жилище и на яме на одном из концов стружат стружки, называемые наус. Вероятно, ими, как на Сахалине, украшают столбы, к которым затем привязывают медведя. По окончании бега собак его водворяют в клетку. При последующих бегах его из клетки уже не извлекают. Второй и окончательный вывод производится перед его убийством.

„Когда медведя окончательно вытаскивают [из клетки], в каждое селение, в близлежащие селения идут, сообщают. После этого, когда приходит пора, отовсюду нат'и мут п'шыngu 'приходящие быть нат'и приходят'⁷⁴. Лишь тогда, когда все люди придут, медведя начинают водить по жилищам“.

Различаются три вождения.

Первое называется пукс-тофт шот вид' 'к поводку привязав, водят'. Смысл этого названия объясняется, по-видимому, тем, что в первый раз медведю дают съесть кусочек от сушеного стебля растения агс. Оставшуюся часть привязывают к поводку и так с ним водят его по жилищам своих сородичей.

Пукс — это поводок, состоящий из цепи и сплетенного ремня (или толстой веревки), привязанного к одному ее концу. Другой конец цепи прикреплен к кожаному ошейнику. За два таких поводка медведя водят по селению, вводят в жилища, привязывают к столбам. Водить его могут только хозяева — ызг, люди рода, выкормившего медведя. Чужеродцы не имеют права братья за поводок — это уиуд' 'грех'.

Второе вождение называется ч'о јарт шагод 'рыбой кормить его водят'. В этот раз его также водят по жилищам сородичей, которые дают ему по кусочку свежей рыбы.

Третье вождение называется энгаргу јут шот вид' 'чужеродцы [чтобы] его кормили водят'. Само название говорит о том, что в этот раз его водят по жилищам чужеродцев.

Вождение медведя из жилища в жилище производится только ночью, до рассвета.

Кыйдык рассказывал, что его сородичи из селения Вайр (Вайда) возили медведя к своим сородичам в ближайшее селение Шавх (ныне Архангельское).

⁷³ В основе настоящего сообщения лежит небольшой текст и комментарии к нему, записанные от сказителя Кыйдыка. Так как комментарии освещают некоторые явления обстоятельнее, чем нивхский текст, мы совмещаем их в одном рассказе. Перевод текста Кыйдыка взят в кавычки. Наше изложение их не имеет.

⁷⁴ Нат'и муд' букв. статья нат'и — название временных гостей, приходящих на праздник, только на один день — день окончательного извлечения медведя из клетки.

После этого медведя приводят в наҥидыф — родовое жилище для устройства медвежьего праздника. Выкармливать медведя нивх может в принадлежащей ему клетке, но праздник по случаю проводов медведя устраивается только в специально предназначенном для этого родовом жилище⁷⁵.

Примечательно, что место, к которому привязывают медведя в жилище, называется тулкс 'яма', хотя теперь там никакой ямы нет. Кыйдык рассказывал, что в зимнем жилище маньчжурского типа (т'адрыф), в котором он в детстве жил, было восемь семейств: дед Кыйдыка и дед Кэвина, которые были родными братьями, прадед Кыйдыка, отец Кыйдыка, два брата отца Кыйдыка, отец Кевина и брат отца Кэвина. Так как пол в т'адрыфе был земляной, то 'яма' была покрыта настилом из тонких стволов деревьев, расколотых вдоль по длине. На настиле они лежали круглой стороной вверх. Назывался настил хувр, так же как пол в медвежьей клетке. Кыйдык вспоминает, что в 'яме' их жилища одновременно находились три медведя. Когда что-либо подают из 'ямы', то говорят хит'ид' 'поднять вверх', а когда надо поставить что-либо в нее, то говорят гот'т' 'опустить вниз'. Женщинам, и старым и молодым, по сообщению Кыйдыка, на хувр, т. е. на настил 'ямы', заходить запрещалось.

После того как медведя привязывали к столбам на 'яме' родового жилища, нивхи уходили в другое жилище играть. В названиях игр, записанных от Кыйдыка, упоминаются только различные прыжки.

Потом перед рассветом (по-видимому, еще в темноте) медведя выводят из родового жилища и поднимаются с ним к нагрыф⁷⁶ — двум столбикам, врытым в землю возле табуированного помоста. Там его привязывают к ним и оставляют.

После этого все спускаются в родовое жилище. Там гостей усаживают и угощают. Это угощение называется чмаус.

Гости сидят на наре в два ряда друг против друга попарно. Еда в деревянной посуде подается с п'онах — почетной нары и оттуда передается вниз от пары к паре. Требуется не меньше ста посуды, чтобы накормить гостей. Каждая пара гостей ест из одной посуды. Угощение начинается с утра (после того как оставят медведя привязанным к столбикам) и продолжается до полудня. Люди рода, выкормившего медведя, не садятся вместе с гостями. Даже маленького сына они не могут посадить вместе с ними. Дочь же имеет право сесть с гостями, так как она считается чужеродкой [7, с. 268].

⁷⁵ У сахалинских нивхов с подобным явлением нам встречаться не приходилось. Медвежий праздник у Паркызина в 1927 г. и у Мизгуна в 1928 г. происходил в их жилищах. После праздника Мизгун мне сказал, что теперь его жилище — большой уиҥынт 'большое табу', так как отныне оно принадлежит пал, горным людям-духам, и повредить в нем ничего нельзя.

⁷⁶ Слово нагрыф состоит из двух частей: наг и рыф. Значение первого нам неизвестно, второй образован от тыф 'жилище'.

В то время, когда происходит кормление, два человека из рода выкормившего медведя идут к нему. Один из них берет ложку, из которой его кормят⁷⁷, а другой берет вертел. В ложку кладут студень, а на вертел нанизывают кусок свежей рыбы. Придя к медведю, они кормят его. Это кормление именуется *йџнзд'*.

Когда угощение заканчивается и гости должны выйти из жилища, старик (очевидно, из рода выкормившего медведя) выходит из него, упирается в дверь спиной и не выпускает их. Тогда гости начинают петь кылы-нэмарэ кэкло: 'большой старик кэкло.'⁷⁸ или кылы-нэман'үэ кэкло: 'большая старуха кэкло:' в зависимости от пола медведя. Затем они ударяют в дверь: если медведь самец — три раза, если самка — четыре, после чего их выпускают. Выйдя из родового жилища, они продолжают петь эти слова, пока не дойдут до медведя.

Тогда «хозяева во что бы то ни стало должны обхватить его голову (ызгу жагор-нагин и-д'онр-т'икныд')⁷⁹. Когда его голову обнимать кончат (и-д'онр-т'иктот тфинан), с ним к реке напрямик спускаются, вокруг проруби водят. Потом поднимаются, вокруг родового жилища обводят (медведя обводят три раза, медведицу — четыре). Потом его подводят к открытой двери, допускают заглянуть в жилище. После того как ему позволяют заглянуть в жилище, старейший поручает старику [что-то] сказать медведю (пицын нахэзн'ивүах⁸⁰ хэзгута). Отсюда его ведут к клетке, дают ему посмотреть в клетку, [в которой он жил]. Потом его напрямик ведут к нагрыф — паре столбов, к которым он был привязан. Здесь, не привязывая [его к столбам], но только за поводки его держа⁸¹, человеку, который должен в него стрелять, дозволяют стрелять (нур-товдилыгыт пукс-погытат ханы-н'ивүах хагут'ад'). Когда зверя свалят⁸², все уходят⁸³.

⁷⁷ Эта ложка называется *н'хыр* и имеет около двух метров длины. Посудина же, которая вырезывается для сердца каждого вновь убитого медведя, называется, по сообщению Кыйдыка, не просто *н'хыр*, но *н'хырнир*.

⁷⁸ Значение слова *кэкло*: неизвестно. В районе лимана обращение к медведю заканчивается словами *кэгло лэксо*, значение которых также непонятно.

⁷⁹ Обхватывание головы медведя, о котором сообщает Кыйдык, несомненно, представляет собой древний игровой обычай, в котором нивхам, принимавшим в нем участие, требовалось доказать свою смелость, ловкость, находчивость, быстроту действий.

⁸⁰ *Нахэзн'ивүах* букв. означает 'человек говорящий (или обращающийся) к зверю'.

⁸¹ С обеих сторон за поводки его держат 20—30 человек.

⁸² В рассказе употреблено выражение *на-волутот* 'зверя свалив' (на 'зверь', волуд' 'валить что-либо') вместо ожидаемого *к'отр-к'утот* медведя убив'. Говорить так о нем, конечно, нельзя. В отношении медведя употребляется много условных выражений.

⁸³ С этого момента все временные гости, попросту пришедшие из соседних селений посмотреть на медведя и его убийство (*пај нат'и мут п'шынгү*), возвращаются к себе. Лишь приглашенные (*хэжир н'ивү-ан'мајныт п'шынгү*) остаются до окончания праздника. Значение слова *хэжир* нам неясно.

Только старейшины и еще несколько человек, оставшись, ломают его, [т. е. свежую медведя и разрезают его на части]. Ломать, [разделявать] окончив, медвежью голову поднимают, на табуированный помост кладут мордой вниз, чтобы она смотрела на людей.

Когда медведя ломают, [режут], сразу же табуированные части отделяют и кладут отдельно (уиѳуиѳку вэуѳытта). Потом уносят, в жилище котел для варки медвежьего мяса (нан'вын') вешают, варят. Каждый род в отдельности, возле табуированного помоста котел для варки медвежьего мяса повесив, табуированное варит (к'ал-н'акрн'акр лэзцлагајн нан'-вын'-ч'имтот уилыд'-хэт'ад').

Когда стемнеет, ложатся спать.

Только на следующий день после того, как все сварят, сваренные табуированные части кладут в специальные корыта (нан'орн). Потом в яму помещают, еловыми ветками закрывают.

Потом голову медведя вносят через окно и укладывают на почетную нару. В самом центре нары (к'илс), расположенном напротив ямы, устраивают табуированный помост, на который опускают голову медведя мордой вниз.

Потом ч'удвас 'повязку' сделав, на морду медведя надевают⁸⁴.

Потом три большие бусины на нитку нанизывают, за его уши зацепив, оставляют.

Еду готовят, маленькую берестяную посудину сшивают, в нее еду кладут, голову кормят, и рыбой и сушеными стеблями пучки (агс), так его голову кормят.

После того как все табуированное сварят, только старейшие спускаются, в яме находясь, совещаются: какое место кому поднять [подать] надо. Об этом только разговаривают. Совещаться кончив, еду в круглые посудины (мумк-цир) кладут, чужеродцев кормят. Молодых ребят гостинцы разносить посылают.

Тазовые кости (пыјх-цын'ф) и толстые бедренные кости (тола-нос) самым чрезвычайно уважаемым людям только подают. Эти люди, когда к себе посуду приносят, смотрят, какая кость окажется. Если тазовая кость, то собаками вознаграждают, иногда копьем вознаграждают. Если собак и копья нет, ружье вознаграждением считают. Кость тола-нос также одинаково [с тазовой костью] считается. [За] другое мясо и кости безразлично [что] подают. Если ремень есть, ремень привязывают либо рисовой каши немножко на дно посуды наливают. Такое вознаграждение [за эти части] дают».

У нивхов имеется прекрасный обычай, называемый аңстуд

⁸⁴ Морда медведя называется ч'уд. Основа «ва» означает 'перевязывать'. Следовательно, ч'удвас означает то, чем перевязывают морду медведя. Повязка состоит из трех петель: двух верхних — для ушей и нижней — для морды.

(с. д.), ымзмуд' (а. д.). Суть его состоит в том, что самому съесть добычу нельзя. Надо поделиться ею с соседями, выделив им хотя бы по небольшому кусочку. В ответ за гостинец получатель его дает ус'кыр, ус'кр (с. д.), ускис (а. д.) — ответный дар, которым может быть крошка любой еды либо палочка, если нет под рукой съедобного, так как пустой возвратить посуду нельзя.

В посуду с угощениями, которую гости уносят с собой с медвежьего праздника, также кладут немножечко растительной еды из корнеплода сараны, корнеплода т'ирх либо студень, чтобы только едва покрыть дно. Эти ответные дары и делили, по-видимому, между собой женщины устроителей праздника в приведенном выше рассказе Пэска.

Сахалинские нивхи, убившие на охоте медведя либо выкормленного у себя дома, также отдают почти все медвежье мясо и жир чужеродцам. Те же взамен отдают им медвежье мясо и жир, когда убьют на охоте медведя либо когда он будет убит на устроенном ими празднике. Таким образом, у сахалинских нивхов медвежье мясо и жир являются как бы предметом обменного дарения. В основе этого обмена лежит религиозный запрет употреблять в пищу мясо своего медведя. Тем не менее, когда ызг — хозяин медведя передает нарху медвежье мясо и жир, последний все же должен дать ему за это ответный дар.

У материковых нивхов же установилась как бы такса за которым нарх обвязывает кость, с которой он до этого срезал медвежье мясо. Этот обычай называется чмаларнд⁸⁵.

У сахалинских нивхов таким является, например, ремень, шие части медвежьей туши. За тазовые кости нарх должен дать хозяину медведя собак, либо дорогое копье, либо ружье.

Нам думается, что это явление на материке является уже нововведением, возникшим, по-видимому, в быту амурских нивхов под влиянием торгового капитала.

Освеживание головы

Освеживание головы представляет собой один из кульминационных моментов выражения уважительного отношения к медведю. И у сахалинских и у амурских нивхов готовится в этом случае специальный студень, которым потом будет совершен обряд обмазывания черепа, называемый у тымовских нивхов на Сахалине т'онкр-авнт (т'онкр голова).

В рассказе Пэска сообщается о студне, который старуха изготавляла, сидя под табурированным помостом. Это и был студень, предназначенный для обмазывания черепа медведя.

⁸⁵ Первый компонент этого слова — чма- сближается как-то с основной чма-нт (с. д.) 'ходить в гости' и чмаус (а. д.) 'еда, которой угощают гостей на медвежьем празднике'.

Процесс свежевания головы мы видели на медвежьем празднике у Мизгуна в селении Вацкво на Чайвинском заливе в феврале 1928 г. Оно производилось с такой тщательностью, что даже хрящевые прослойки, находившиеся между шкурою ушей, были полностью сохранены. В рассказе Очи, записанном на нивхском языке, об этом сообщается так:

«Для того чтобы голову [череп медведя] обмазать, женщины студень изготавливают. Женщины сушеные корнеплоды растения т'ирх ищут, сушеные корнеплоды сараны (карк) ищут, ягоды ищут, приносят. Из этого всего студень изготавливают. Когда студень окончат делать, в нан'лаврох [корыто для жертвоприношений горным людям] кладут. Потом к голове своего медведя несут, возле его головы ставят [букв. позволяют ему на подушку лечь]⁸⁶. И корнеплоды сараны, и корнеплоды т'ирх, и сушеные стебли растения пучки (агс), и ягоды, и ягодный студень (муви), каждое кушанье в отдельности в корыто для жертвоприношений кладут, к голове своего медведя несут, возле него ставят [букв. позволяют ему на подушку лечь]. Потом натр — связку из юколы, корнеплодов сараны и т'ирх, табака и сушеных стеблей пучки (агс) изготавливают, лямки к этой связке приделывают, возле его головы кладут [букв. позволяют ему на подушку лечь]. Древние нивхи говорили: когда падрох 'в горы' пойдет, *лумр* продукты на дорогу [чтобы у него были]».

После изготовления студня, по сообщению Очи, начинается приготовление табуированного огня для поджаривания головы. С этой целью из черемухи срубают две палки с рогулинами и палку, которая будет служить перекладиной. Все палки украшают затесами (гангаркангарунт). На стороне перекладины, обращенной к корню, вырезают изображение головы арца 'зверя самца'. Рогулины втыкают по сторонам табуированного огня, а поверх рогулин кладут перекладину, на которой будут поджариваться череп и нижняя челюсть⁸⁷.

Затем «старики голову своего медведя сняли [с табуированного помоста]. Венок из стружек (наозр) с головы сняли,

---

⁸⁶ О кормлении головы медведя нивхи материка говорят т'онкр-ызд', а сахалинские нивхи — јаңах мутнд 'дозволить ему на подушку лечь' («мут' подушка').

⁸⁷ По сообщению Шызнуна, в селении Агнево срубались шесть рогулин и три перекладины. Рогулины ставились попарно, а на них укладывались перекладины. Такая как бы рама называлась «эт'ан-т'уур» 'огонь' — костер для поджаривания табуированных частей медведя. Одна его крайняя перекладина называлась «т'ондрах» 'головной конец', а другая — «нат'уах» 'ножной конец'. На средней перекладине производилось поджаривание. Культ медведя в каждом нивхском роде имеет свои особенности. Так, в роде Кшыусфин, к которому принадлежал Шызнуун, таз и другие кости медведя перерубались специальным топором (зурфытурк'ы), который находился в амбаре, где хранились черепа медведей. Между тем у других сахалинских нивхов это запрещалось. Точнее было бы изучать и описывать культ медведя у каждого рода в отдельности.

на вешалку с сучками повесили. Шкуру на шее своего медведя надрезали (от нижней губы книзу). Свежевали. Когда до пуговицы дошли, руками потянув, разорвали (уушкудох вица тамкхис' ишлыт вахвахдүүн). Старики голову своего медведя полностью освежевали.

К женщинам обратясь, им велели усиленно на ударном бревне играть, чтобы горным людям доставить приятное (пал эсму-гуинныт), как сказали старики. Когда женщины усиленно на ударном бревне бьют, горные люди радуются, сказывают (шаңкхун ихмыт т'ат'аңа, пал эсмуфут, итнт).

Женщины танцевали, в игру п'итызант (букв. 'удары о свою челюсть') играли. Мужчины прыгали в длину, прыгали через веревку, которую двое вертели, подскакивали к ремню, который двое поднимали все выше и выше,— так играли.

Старики из головы своего медведя язык вынули, его глаза вынули. Потом [голову] к огню понесли, жарили. Когда жарить окончили, стружки настрогали, мозг стружками (сквозь затылочное отверстие) вынули, на огонь опустили, сожгли. Когда мозг сжигать кончили, свою голову (т. е. голову своего медведя) принесли, на ңан'у ғалмр — на табуированный настил из досок положили»⁸⁸.

Трудно себе представить, какую исключительную заботу и даже любовь проявлял Мизгун к голове своего медведя. Он заранее наготовил лыко из тальника (куиңи) и тщательно оплел им весь череп медведя и скуловые кости. Также были оплетены им каждый шейный позвонок в отдельности, атлант и эпистрофей, называемые одним словом махт. Была оплетена и грудина. Так как она не могла быть положена на перекладину, то Мизгун сплел из лыка специальное кольцо и подвесил при помощи него грудину на перекладину. Такие же кольца были сплетены для черепа, нижней челюсти и каждого позвонка в отдельности, чтобы они не подгорели на огне.

После того как нархи съедают по кусочку мяса от головы и челюсти, они возвращают их хозяевам.

На конечном этапе череп вместе с нижней челюстью, уложенный в деревянное ложе, отвозят в родовой медвежий амбар и помещают там вместе с другими черепами медведей [8, с. 233—234].

⁸⁸ С культом медведя у нивхов тесно связано какое-то неясное представление, выраженное основой ңан'. Она встречается в словах ңан'у (с. д.) 'площадка для убийства медведя', ңан' ғалмыр (с. д.) 'помост и доски (точнее, плахи) ңан', на который укладывают голову и части туши медведя'; ңан'лаврох (с. д.) ңан'лавсорң (а. д.) корыто, в котором подносятся угощения медведю и из которого приносятся жертвоприношения пал — горным людям-духам; ңан'лавсвың (а. д.) 'котел для варки медвежьего мяса', ңан'лавсмосқар (а. д.) 'рыбья кожа, из которой изготавливают студень для обмазывания черепа медведя'. Слово лавс (с. д.), лавр (а. д.) означает 'подстилка' (в сахалинском диалекте — подстилка из еловых ветвей у медведя в берлоге). Следовательно, ңан'лаврох букв. означает 'корыто для подстилания ңан'.

Мы заканчиваем описание культа медведя у нивхов свежением его головы и обрядом ее сохранения, так как новые археологические находки снова выдвигают в центр культа медведя его голову, его череп.

После исчезновения пещерных медведей культ медведя не прервался и перешел на бурого медведя.

В Пиренеях, в гроте де Монтеспан, Н. Кастере обнаружил глиняную статую безголового медведя. Вот как он ее описывает:

«Самая большая статуя — это безголовый медведь, присевший в позе Большого Сфинкса Гезеха, имеет длину 43 дюйма и высоту 23,5 дюйма... Статуя массивная, как и подобает изображаемому ею животному; его мощная задняя часть хорошо округлена, задние лапы скрыты под животом, передняя правая лапа вытянута, ее пять когтей отчетливо обозначены; отличающий медведя горб в плечах резко выражен. По-видимому, у статуи никогда не было головы, так как срез шеи покрыт таким же налетом, как и весь корпус... Медведь изрешечен круглыми дырками, как бы проделанными дротиком, с силой метавшимся в жизненные части тела... Череп молодого медведя, соответствующий размеру статуи, лежит между ее передними лапами. Череп был укреплен на фигуре деревянным колышком и упал, когда дерево разрушилось от времени и сырости. Следовательно, первоначально глиняная статуя была увенчана головой настоящего медведя» [3, с. 140].

Эта поразительная находка вместе с некоторыми настенными рисунками медведя [3, с. 182, 184] снова уводит проблему генезиса культа медведя в палеолит.

Кетский медвежий праздник содержит в себе неоспоримое доказательство того, что он пришел в их современность из глубин каменного века. Когда кеты впервые ознакомились с бронзой (медью, латунью), то естественно, что металл был самым ценным подарком, который они могли кому-либо подарить, в том числе и медведю. Поэтому они ему говорят: «Бабушка свои суставы медью пусть надставит» [6, с. 20], ибо что могло быть ценнее металла в каменном веке.

Охотничий период в жизни человечества длился сотни тысяч лет. Он выдвигает во главу угла этого периода проблему взаимоотношения людей с животными. Последние были центром, вокруг которого вращались все их помыслы. Об этом говорят настенная живопись людей палеолита, их скульптурные изображения и изображения животных на орудиях из кости. Люди того времени искали даже в животных союзников, и потому животные выступают в роли помощников шаманов и индивидуальных тотемов.

Изучение отношения к животным у нивхов свидетельствует о том, что с раннего детства детям запрещают убивать живое — птичку, бурундука, лягушку, мышку и как будто даже насекомых — гусениц, бабочек. Нельзя бесцельно убивать живое.

Нельзя издеваться на убитым животным, колоть его ножом, тыкать в глаза и т. п. В одной нивхской легенде хозяин моря учит якобы нивха: «Впредь рыбу не мучайте! Рыба тоже... боль понимает, смерть понимает» [7, с. 113]. Ударяя колотушкой щуку по голове, нивхи ей говорили: «О! пэсго [непереводимое слово] пожалей меня, опять и опять удачливым меня сделай» [7, с. 117]. Выезжая на залив со своей плавающей острогой для охоты на тюленей, чайвинский нивх бросает в воду залива табак и просит тюленя: «А! Подобно моему табаку всплыви! Пожалей меня! Глаз не имея, у кончика весла моего вынырни!» [7, с. 152]. Подобно тому как просят собаку приблизиться к себе, показывая ей кусочек мяса, охотник-нивх просит тюленя подплыть к его веслу за то, что он бросил ему в воду такой ценнейший подарок, как табак (листовой маньчжурский табак ценился у нивхов в прошлом очень дорого). Расставаясь с выкормленным в клетке медведем, старик нивх незадолго перед убийством говорит ему: «Дурных мыслей не имея, с gladкими мыслями иди» [7, с. 206]. Перед массовым забоем линных гусей старик юкагир обращается к ним с песней: «Небесный караван, крылья имеющие существа, не плачьте! Смерть все равно подобна сну. [Вы] опять возродитесь, среди ваших друзей возродитесь. Лучше все, распевая, покружимся!» [5, с. 81].

Эти обращения показывают, с каким заискиванием, просьбами и нежностью обращаются современные охотничьи народы к промысловым животным. Основной их мотив — не обижайтесь на нас, идите от нас с хорошими мыслями и возвращайтесь к нам обратно вместе с вашими родными. С точки зрения этих народов, в таких обращениях нет ничего предосудительного: ведь животные могут отомстить человеку, если он дурно станет с ними обращаться. К тому же животные — это тоже люди.

Когда на туловище медведя из грота де Монтеспан обнаруживаются следы ударов дротиками, мы глубоко убеждены в том, что палеолитические охотники не прибегали при этом к насилью и не грозили медведю: «Мы тебя убьем!» (у нивхов слово ихд 'убить' применительно к медведю запрещено употреблять, и вместо него говорят ниуд), но обращались к нему с лаской вроде: «Мы тебя причесываем, мы не причиняем тебе боли, ведь мы тебя не колем». Вспомним, как Пэсэ у медведя «копьем шерсть спины почистил». Когда кеты начинают есть голову медведицы, то говорят ей: «Виски бабушки, оказывается, очень обовшивели, гнидами покрылись. Мы их убиваем, даже хрустят. Бабушка, потом опять на берег хаживай. Мы вшей будем убивать. Бабушка очень, оказывается, обовшивела» [6, с. 19—20]⁸⁹.

⁸⁹ По сообщению Е. А. Алексеенко, присутствовавшей на медвежьем празднике у кетов в поселке Келлог в 1971 г., череп медведя кеты вешают на дерево на стороне восхода солнца, а кости медведя (кости его не ломаются) они прячут в дупло для полного его возрождения. Приношу ей свою благодарность за это сообщение.

Приводя подобные обращения к животным, мы пытаемся найти какие-то линии связи между поступками современных и древних охотников, у которых охота была единственным средством их существования. Не колдовство и магия, в которые мы не в состоянии вложить какой-либо реальной мысли, а попытки установления дружественных связей с окружающими их животными были основой всех поступков древних охотников.

Наконец, нелишне вспомнить воображаемый разговор медведицы с нивхом, встретившийся в одной легенде, которому мы дали зеркальное отображение. Из него становится ясным, что древние нивхи при встречах с медведями также не прочь были представить себя перед ними медведями. Подражают же нивхи в танцах движениям медведя. Значит, в различных уподоблениях себя животным, которые встречаются у некоторых охотничьих племен, в известном танце бизона, исполнявшемся североамериканскими индейцами, сквозит одна и та же мысль: мы тоже звери, мы тоже бизоны, мы тоже медведи. Так приходите же к нам, своим братьям и сестрам, в гости! Не опасайтесь нас! Мы вас прекрасно примем и проводим обратно с почестями и подарками.

Поэтому-то нивхи до сих пор украшают черепа медведей (и других животных) стружками и обмазывают их самой дорогой в прошлом едой — рисовой кашей. Обмазывая черепа мелких зверей, нивхи говорят им: «Своих отцов, своих матерей, своих братьев и сестер позовите, все вместе едите» [7, с. 146]. Охотники всеми средствами стремились сохранить дружественные связи со зверями.

Подобно тому как современные нивхи обучают своих детей бессмысленно не убивать ничего живого, наши предки-охотники, жившие в окружении огромного количества разнообразных животных, стремились жить с ними в дружбе, вступали с ними в своеобразные дипломатические отношения и никоим образом не оскорбляли их, тем более что были глубоко убеждены в том, что животные обладали свойствами людей.

Кеты рисуют на бересте изображение медведя и обращаются с ним как с живым существом. Вот так, вероятно, и наши древнейшие предки рисовали промысловых животных на скалах, в пещерах, сохраняли их кости и черепа, стремясь уверить их в своем дружественном расположении к ним и просили их о таком же ответном отношении. В палеолитической идеологии содружества и даже братства людей и животных (см. с. 252, 271) кроется происхождение палеолитической наскальной живописи животных, рассеянной по всей свету, и тотемизма.

Литература

1. Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев, 1953.
2. Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.
3. Кастере Н. Десять лет под землей. М., 1956.
4. Констэбл Дж. Неандертальцы. М., 1974.
5. Крейнович Е. А. Из жизни тундренных юкагиров на рубеже XIX и XX веков.— «Страны и народы Востока». Вып. XIII. М., 1972.
6. Крейнович Е. А. Медвежий праздник у кетов.— Кетский сборник. Мифология. Этнография. Тексты. М., 1969.
7. Крейнович Е. А. Нивхгу. М., 1973.
8. Крейнович Е. А. Нивхский язык.— «Языки Азии и Африки». Т. III. М., 1979.
9. Окладников А. П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш. Южный Узбекистан. М., 1949.
10. Панов Е. Н. Знаки. Символы. Языки. М., 1980.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

<u>Н. Н. Степанов.</u> Первые русские на Камчатке (Исторические предания в труде С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки»)	5
З. К. Виноградова. Исследования О. Е. Коцебу в Тихом океане во время плавания на бриге «Рюрик» в 1815—1818 гг.	24
З. К. Виноградова. Географические исследования Ф. П. Литке в Каролинском архипелаге (1826—1829)	38
Л. М. Дёмин. Новый документ Г. И. Невельского (продолжение архивной находки)	48
М. Ф. Чигринский. Российский офицер П. И. Ибис и его записки о путешествии по Тайваню в 1875 г.	56
Б. А. Вальская. Плавание Н. Н. Миклухо-Маклая на корвете «Скобелев» в 1883 г.	65
О.-М. Клаассен (Тарту). Эстонский писатель Андрес Сааль в Сурабае, Индонезия (1898—1902)	95
Е. И. Гневушева. Строитель Сурабайского порта	110

II. ЭТНОГРАФИЯ. ДЕМОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ

Т. А. Лукина. Г.-В. Стеллер о народной медицине Сибири (Неопубликованный трактат 40-х годов XVIII в.)	127
Ю. В. Маретин. Работы Н. И. Зибера по Индонезии и значение их для этнологии	149
Э. А. Лалаянц. Рост населения и процесс разложения яванской сельской общины	163
П. М. Мовчанюк. Китайцы в Индонезии в годы «направляемой демократии» (1957—1965)	181
О. Г. Барышникова, И. Ф. Жулев. Из истории китайской общины на Филиппинах	213
Ю. И. Воробьев. Население Малайи в колониальный период (этнодемографические материалы)	230
Е. А. Крейнович. О культе медведя у нивхов (Публикация и анализ текстов)	244

CONTENTS

I. THE HISTORY OF RUSSIAN GEOGRAPHICAL TRAVELS AND EXPLORATIONS

[N. N. Stepanov. The First Russians in Kamchatka (Historical Legends in S. P. Krashennnikov's Work)	5
Z. K. Vinogradova. O. E. Kotzebu's Investigations in the Pacific during the Voyage of the «Ryurik» Brig in 1815—1818.	24
Z. K. Vinogradova. Geographical Exploration by F. P. Lüthke in The Caroline Archipelago in 1826—1829	38
L. M. Dyomin. A New Record of G. I. Nevelskoy (the Continuation of an Archive finding)	48
M. F. Chigrinsky. The Russian Naval Officer P. I. Ibis and His Notes about the Travel over Taiwan in 1875	56
B. A. Valskaya. N. N. Miklukho-Maklay's Ocean Voyage on the «Skobelev» Corvette in 1883	65
O.-M. Klassen. The Estonian Writer Andreas Saal in Surabaya, Indonesia (1898—1902)	95
E. I. Gnevusheva. The Builder of the Surabaya Port	110

II. ETHNOGRAPHY, DEMOGRAPHY, HISTORY]

T. A. Lukina. G.-W. Steller about Volk Medicine of Siberia (an Unpublished Treatise of the 1740s)	127
Y. V. Maretin. N. I. Ziber's Works on Indonesia and their Significance for Ethnology	149
E. A. Lalayants. The Population Growth and the Process of Disintegration of the Java Village Community	163
P. M. Movchanyuk. The Chinese in Indonesia during the Years of «Guided Democracy» (1957—1965)	181
O. G. Baryshnikova, I. F. Zhoul'yov. On the History of the Chinese Community in the Philippines	213
Y. I. Vorobyov. The Population of Malaya in the Colonial Period (Ethnodemographic Materials)	230
E. A. Kreynovich. On the Bear Cult among the Nivkhs (Publication and Analysis of Texts)	244

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXIV

*Страны и народы
бассейна Тихого океана*

Книга 5

*Утверждено к печати
Восточной комиссией
Географического общества СССР
Академии наук СССР*

Редактор *М. Д. Панасьянц*
Младший редактор *Л. А. Добродеева*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *А. В. Шандер*

ИБ № 14506

Сдано в набор 27.04.82. Подписано к печати 03.11.82. А-11385. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 18. Усл. кр.-отт. 18. Уч.-изд. л. 19,83. Тираж 3000 экз. Изд. № 5094. Зак. № 301. Цена 2 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Выйдут:

Ромодин В. А. Очерки по истории и истории культуры Афганистана (Середина XIX — первая треть XX в.). 18 л.

В очерках освещается общественно-политическая эволюция афганского общества с середины XIX в. по 20-е годы XX в., анализируются предпосылки возникновения в стране во второй половине XIX в. прогрессивных идеологических течений, история их дальнейшего развития, а также процессы модернизации системы просвещения, возникновения современных форм культуры. Особое внимание уделено зарождению и развитию идеологии революционного движения, историческим преемником которого явилось освободительное движение в Афганистане на современном этапе, завершившееся победой Апрельской революции 1978 г.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192 Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Выйдут:

О с и п о в А. И. США и арабские страны (70—80-е годы). 17 л.

В монографии анализируется экспансионистская политика американского империализма в отношении арабских стран в 70—80-е годы. Автор показывает, что неоколониалистский курс США на Ближнем Востоке является основной причиной неурегулированности положения в этом регионе, создает угрозу всеобщему миру и безопасности народов. Большое внимание уделено рассмотрению основных направлений и результатов американской экономической экспансии на Ближнем Востоке и в Северной Африке, исследованию форм и методов идеологического воздействия США на арабские страны.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192 Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

